РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

КОНТРАСТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВ МИРА

Материалы чтений
памяти В.Н.Ярцевой

Выпуск III

Москва – 2009

ББК 88
К64

Утверждено к печати
Учреждением Российской академии наук
Институтом языкознания РАН

Р е ц е н з е н т ы:

д.ф.н. К.Г. Красухин
д.ф.н. И.И. Челышева

К64 Контрастивные исследования языков мира. Материалы Третьих лингвистических чтений памяти В.Н.Ярцевой. – М.: Институт языкознания РАН, 2009. – 328 с.
ISBN 978-5-902948-45-9

Тематика чтений связана с исследованиями В.Н.Ярцевой в области контрастивной грамматики. Чтения призваны отразить то новое, что было привнесено в контрастивные описания языков мира за последние десятилетия за счет развития контрастивного направления в лингвистике и появления новых моделей описания языка.

Отв. редактор: д.ф.н. Д.Б.Никуличева
Ред.коллегия: к.ф.н. Н.С.Бабенко
к.ф.н. В.И.Карпов
д.ф.н. Т.В.Топорова
к.ф.н. Е.В.Терехова
д.ф.н. Е.Б.Яковенко
Тех.реактор: А.Н.Комкова

© Институт языкознания РАН

Оглавление

Предисловие
Отечественная контрастивистика: истоки и перспективы……... 6

Контрастивная грамматика
Д.В. Сичинава. Иметь или быть? «Выбор» вспомогательного глагола в свете современных лингвистических теорий…… 22
Н.С. Бабенко. Грамматика «косвенной речи» в немецком и русском языках (контрастивный аспект)…….. 30
К.Х. Лунд. Темпоральная прогрессия, ретроспекция и пересказывательность в нарративном тексте (на материале датского и русского языков)……. 38
Е.М.Чекалина. Субъективное и объективное представление событий в скандинавских языках и вид русского глагола…….. 46
Д.Б. Никуличева. Метафора времени в художественном тексте как отражение грамматической категоризации времени в языке (датско-русские сопоставления). ……. 54
С.Ю. Богданова. Английские фразовые глаголы и их русские эквиваленты в представлении картины мира…… 63
К.В. Антонян. Ориентационная метафора в языках различных типов: глагольные модификаторы в китайском и английском языках 70
Н.В. Солнцева. Контрастивный подход к исследованию языков Восточной и Юго-Восточной Азии …….. 86
О.А. Шершукова. Структурно-семантические особенности «гиперболического множественного числа» в португальском и русском языках…… 94
Б.М. Атаев. Особенности проявления категории рода в русском языке и категории класса в аварском……. 103
Е.В. Шлык. Актуальность в русском, немецком и английском языках (на материале романа Л.Н.Толстого «Война и мир» и его немецко- и англоязычного переводов) …….. 108
О.А. Сулейманова. Вторичная предикативность в контрастивной перспективе (русский и английский язык)…… 115
В.А.Нуриев. Синтаксические преобразования при переводе русского художественного текста на французский язык (опыт контрастивного сопоставления)…… 126

Контрастивная лексикология и фразеология
А.М. Кузнецов. Tertium comparationis для контрастивной семасиологии…….. 133

Е.Г. Беляевская. Концептуальные основания семантики языковых единиц как основа сопоставительного лингвистического анализа. 140
А.Н. Ливанова. Параметрические прилагательные в норвежском и русском языках в контрастивном освещении…… 146
Н.В. Уфимцева. Культура как система сознания……... 152
А.А. Нистратов, Е.Ф. Тарасов. Контрастивное исследование лексем с социально сконструированным значением…… 161
К.Я. Сигал, П.П.Ветров. Внутренний и внешний синтаксис фразеологических единиц в контрастивном освещении (на материале русского и китайского языков)……... 171
Е.В. Терехова. Жанровая отнесенность временно-устойчивых словосочетаний в английском дискурсе и особенности их перевода на русский язык……. 184
Н.М.Нестерова. О лексических соответствиях в переводе (на материале романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» и его англоязычной версии)……... 195

Контрастивная текстология
Е.Б. Яковенко. О контрастировании библейских текстов – источников и переводов. ……... 206
В.И. Карпов. Конструкции с генитивным атрибутом в древнегерманских переводных текстах в контрастивном аспекте…….. 212
Т.В. Топорова. Контрастивный анализ обозначения флоры в эпосе: древнеисландская «Старшая Эдда» vs. русские былины……. 218
Н.Н.Трошина. Стилистическая эквивалентность перевода художественного текста в аспекте межкультурной коммуникации 228
А.Н. Комкова. Контрастивное исследование политического дискурса на материале близкородственных языков……. 241

Контрастивная просодика
Р.К.Потапова. Сопоставительная паравербалика и ее просодические корреляты…….. 252
В.В.Потапов. Структурно-типологические подходы к исследованию речевого ритма…….. 258
Т.Е. Янко. Текстообразующая функция просодии: некоторые результаты сопоставительного анализа русского, английского и немецкого языков……. 266
Э.Б. Крылова. Просодика и другие средства выражения прагматических значений в датском и русском языках…… 275

Внутриязыковые контрастивные исследования.
Э.Ф. Володарская. Инновационные процессы в современном английском языке……..…. 286
Л.М. Ковалева. Противопоставление инфинитивных и герундиальных оборотов при холистическом понимании предложения……. 309
Е.А. Парина. Средневаллийский vs. ранненововаллийский. Личные местоимения в двух валлийских версиях перевода трактата Вальтера из Хенли…… 317
Contents…….

Предисловие

Отечественная контрастивистика: истоки и перспективы

Имя Виктории Николаевны Ярцевой неразрывно связано с истоками отечественной контрастивной лингвистики. Книга В.Н. Ярцевой («Контрастивная грамматика», М., Наука, 1981) на десятилетия вперед определила направления научного поиска не только в сфере грамматической контрастивистики, но и в сопоставительных исследованиях на всех языковых уровнях.

Заслуга В.Н.Ярцевой состояла в том, что на примере грамматики ею была создана общетеоретическая база контрастивных исследований языков мира. Предваряя материалы нынешнего сборника, призванного отразить проблематику и методологию современной отечественной контрастивистики, уместно вспомнить те принципы контрастивной лингвистики, которые были сформулированы Викторией Николаевной в «Контрастивной грамматике».

- Контрастивная лингвистика как одна из частей языкознания должна обладать определенными теоретическими посылками и набором специальных методов исследования языкового материала [Ярцева 1981, с.5].
- Контрастивное исследование должно содержать систематическое сравнение форм и значений единиц структуры сопоставляемых языков, исходя из предположения о существовании некоего базового сходства при наличии различий, дифференцирующих данные языки [с.29].
- Контрастивная лингвистика обращает особое внимание на несходные, контрастные черты сопоставляемых языков [с. 3].
- Одной из центральных задач контрастивного анализа должно быть избрание исходной меры сопоставления, того, что могло бы быть названо точкой отсчета различий между языками или базой их контрастивного сравнения [с. 29-30].
- Грамматический уровень контрастивного описания ярче всего проявляет типологические черты сравниваемых языков [с. 3].
- Понятие «языкового типа» столь же актуально для контрастивной грамматики, как и для типологии, однако кардинальное различие между общей типологией и контрастивной грамматикой состоит в том, что, в то время как общая типология должна по идее оперировать максимальным количеством разнообразных языков для извлечения общих и раздельных типологических характеристик, контрастивная грамматика всегда имеет дело с двумя языками

(или возможно со многими языками, сравниваемыми попарно), с установкой на поиск на фоне сходства их различий [с. 31].

- Языковой тип представляет собой определенную форму организации понятийного содержания языка. Вследствие цельности языковой системы черты одного уровня должны коррелировать со строением других уровней. При сравнении языков следует искать те единые межуровневые параметры, которые объединяют данный языковой тип (с. 13-14).
- При контрастивном анализе важную роль играет включение рассматриваемого языкового факта в ряд явлений ему сопредельных, то есть в некоторую микросистему (с. 98).
- При сравнении языков, имеющих структурную и семантическую общность в области той или иной категории, внимание исследователя обращено на сопоставление функциональных оттенков, возникающих в разных контекстах и могущих привести к расхождениям в сравниваемых языках (с.22).
- В родственных, особенно близкородственных языках многие семантико-грамматические сферы накладываются одна на другую и различия идут главным образом в пределах внутреннего деления подсистем при некоторой вариативности их лексического наполнения (с. 107).
- Методика контрастивного анализа варьируется сообразно уровню языковой структуры (с. 3).
- Практическое приложение контрастивной лингвистики зависит от области ее применения: преподавания чужого языка, перевода и т.д. (с.5).
- Контрастивные исследования должны устанавливать связи с историко-генетическим изучением языков, с психолингвистикой, могущей помочь в понимании коммуникативно значимых различий между языками, с различными аспектами социолингвистики, определяющей зоны расхождений между языками.

Задача данного сборника заключается в том, чтобы нарисовать как можно более широкую картину контрастивных исследований в отечественной лингвистике начала XXI века. Поэтому здесь целенаправленно представлены статьи, иллюстрирующие самые разные ракурсы сопоставительного описания. К таковым относятся, в первую очередь, *внешние*, то есть межъязыковые, контрастивные исследования, направленные на сравнительное изучение как *отдельных языковых явлений*, так и *целостных языковых уровней*. При этом в качестве объекта исследования высту-

пают как *языки разной типологии*, так и *родственные* и *близкородственные языки*. С другой стороны, внимание уделяется и *внутреннему* контрастивному описанию в рамках одного языка. В этой области в сборнике представлены как *диахронические сопоставления*, свидетельствующие о тенденциях в историческом развитии языка и его отдельных явлений, так и *синхронные сопоставления* в рамках одного языка.

В традициях исследований В.Н.Ярцевой сборник открывается разделом, объединяющим исследования по ***контрастивной грамматике***.

Как отмечала Виктория Николаевна, контрастивные грамматические исследования во многом пересекается с типологическими исследованиями в тех случаях, если речь идет не о сравнении пары языков, а о грамматическом сопоставлении языков широкого спектра. Их отличие от собственно типологических исследований состоит в том, что сопоставлению подвергаются не системы языков в целом, а отдельные явления во множестве языков различного строя. Примером подобного подхода служит открывающая сборник статья **Д.В.Сичинавы** о конкуренции вспомогательных глаголов «*быть*» и «*иметь*» в глагольных формах современных европейских языков. К любопытным выводам статьи можно отнести наблюдения по поводу существования в языках Европы семантической иерархии выбора – от глагола «*быть*» на одном полюсе к глаголу «*иметь*» на другом: «изменение положения» > «изменение состояния» > «продолжение процесса» > «существование состояния» > «неконтролируемый процесс» > «контролируемый процесс» (глаголы движения) > «контролируемый процесс» (кроме глаголов движения). Важным при подобном сопоставлении представляется соотношение формальной эволюции с семантической, а также учет диалектного и исторического материала.

Крупный тематический блок раздела «Контрастивная грамматика» посвящен изучению различий в грамматическом представлении ситуации говорящим, проявляемых при сопоставлении глагольных категорий разных языков. Изучению особенностей грамматического представления чужой, несобственно-прямой и внутренней речи говорящим в германских языках по сравнению с русским языком посвящены статьи Н.С.Бабенко (немецко-русские сопоставления) и К.Х.Лунда (датско-русские сопоставления).

В статье **Н.С.Бабенко** сравниваются две контрастирующие друг с другом модификации грамматического оформления косвенной речи в немецком и русском языках. Если в русском языке доминируют синтаксические и лексические шаблоны, то в немецком языке косвенная речь маркируется морфологическими средствами финитного глагола. Контрастивный анализ косвенной речи в двух языках позволяет автору установить расхождения не только на грамматическом уровне, но и на тексто-

вом. Тексты с косвенной речью в русском языке проявляют тенденцию к варьированию сигналов косвенности через синтаксические вводы (внешние сигналы косвенности), тогда как в немецком языке морфологические сигналы косвенности отчетливо соединены с предикатами (внутренние сигналы косвенности), что позволяет неограниченно расширять объем косвенной речи в тексте. Автору удалось показать, что, различия в грамматическом оформлении косвенной речи в русском и немецком языках приводят к существенным различиям и в строении дискурсов, в большей степени (как в немецком языке) или в меньшей степени (как в русском языке) ориентированных на косвенную речь.

В статье **К.Х Лунда** сравниваются языковые средства, обеспечивающие темпоральную прогрессию повествования в русских и датских художественных текстах нарративного жанра. Внимание автора привлекли лексические переводческие компенсации, позволяющие передавать такие грамматические смыслы как ретроспекция и пересказывательность, эксплицированные в датском языке, но латентные для грамматической семантики русского глагола. С другой стороны, интерес представляет анализ тех контекстуально-синтаксических средств, которые использованы датскими авторами в эпизодах, где в русских переводах нюансы грамматической семантики выражены за счет употребления форм совершенного, либо несовершенного вида.

Статьи, посвященные грамматическому сопоставлению скандинавских языков с русским, составляют единый тематический цикл благодаря их общей установке – стремлению использовать контрастивный подход для того, чтобы сквозь призму одного языка обнаружить в другом языке важные аспекты языкового освоения мира человеком, а именно – особенности языковой категоризации темпоральных представлений.

Так, в статье **Е.М.Чекалиной** на примере сопоставления глагольных форм русского и шведского языков исследуется то, как в этих языках передаются прагматические различия между объективным и субъективным представлением ситуации говорящим. Автор показывает, что в скандинавских языках для указания на разобщенность события с настоящим используются формы претерита, а формы перфекта представляют событие как субъективно извлеченное из прошлого и актуализированное в настоящем. Тогда как в русском языке представление прошлых или будущих событий как субъективно соотнесенных с настоящим становится возможным благодаря использованию форм совершенного вида. Это происходит либо за счет включения прошлых событий в еще не завершенный временной отрезок, либо за счет контролируемости будущих событий говорящим. В этом плане им противопоставляются события, выраженные формами несовершенного вида, передающими отрешен-

ность говорящего от момента речи и описывающими объективное течение действия в плане прошедшего или в плане будущего.

Основной тезис статьи **Д.Б.Никуличевой** состоит в том, что различия темпоральных систем разных языков влияют как на особенности невербального представления времени их носителями, так и на специфику метафорического осмысления времени в художественной литературе соответствующих языков. Этот тезис доказывается на примере сопоставления ключевых метафор времени из романа современного датского классика Питера Хега с их переводами на русский язык. Утверждается, что семантические сдвиги, наблюдаемые в тексте перевода и оригинала, закономерны, поскольку являются производными от различий в пространственной организации представлений о времени, связанных, в свою очередь, с межъязыковыми различиями в категоризации темпоральных смыслов.

Контрастивному исследованию особенностей пространственной концептуализации времени и эмоций посвящена статья **С.Ю.Богдановой.** Сопоставляя английские оригиналы с их русскими переводами, автор делает любопытные наблюдения о том, что в русском языке в отличие от английского идея «движение вниз» обычно связывается с негативной оценкой эмоции, тогда как в английском языке такое пространственное представление скорее ассоциируется с идеей глубины состояния. Что касается культурно-языковых различий в концептуализации времени, то подчеркивается невозможность метафоризации движения времени в английском языке как вертикально направленного. Для английского языкового сознания принципиально важна «горизонтальная направленность» представления движения времени, что находит отражение в использовании соответствующих пространственных наречий.

Изучению когнитивных механизмов, лежащих в основе грамматикализации пространственных представлений в разных языках, посвящена статья **К.В.Антонян**. Исследование построено на сопоставлении китайских и английских глагольных модификаторов исходно пространственной семантики `вверх' и `вниз' (англ. *up* и *down* и кит. *shang* и *xia*) во всех их основных и производных значениях. Сопоставимость языкового материала обеспечивается за счет применения единой системы классификации, позволяющей описывать глагольные модификаторы, являющиеся единицами языков различных типов и имеющие разный грамматический статус, в единой методологической рамке. Каждая из единиц рассматривается как в собственно *направительном* значении, так и в переосмысленных грамматических значениях, подразделяемых автором на *результативные* (возможность/невозможность достижения действием резуль-

тата или осуществления действия) и *видовые* (вступление в состояние, переход из состояние движения в состояние покоя, продолжение действия и т.п.). Хотя предварительная гипотеза статьи заключалась в том, что производные значения в английском и китайском языках должны существенно различаться, проведенное сопоставление позволило автору прийти к выводу о значительном сходстве значений и употреблений китайских и английских глагольных модификаторов, причем не только в исходных (пространственных) значениях, но и в целом ряде производных значений, что объясняется сходством когнитивных механизмов – метафоры и метонимии, лежащих в основе грамматикализационных процессов.

Контрастивные исследования грамматики в рамках неродственных, родственных и близкородственных языков представлены статьей **Н.В.Солнцевой.** С одной стороны, в статье обсуждаются структурные и семантические особенности пассивного залога языков Восточной и Юго-Восточной Азии по сравнению с пассивным залогом европейских языков. С другой стороны, рассматриваются особенности пассивного залога языков Юго-Восточной Азии по сравнению с пассивным залогом в китайском языке. К общим особенностям всего ареала автор относит большое число различных показателей пассивных форм в зависимости от семантики глаголов, определенной структуры предложения, характера субъекта, категории одушевленности и источника воздействия, а так же отсутствие реляционных показателей у залоговых форм. К специфическим чертам пассива в языках Юго-Восточной Азии относятся: наличие двух видов пассива, различающихся коннотационно (благоприятный и неблагоприятный пассив), а также возможность образования пассива не только от переходных глаголов, но и от прочих за счет использования особых показателей каузации.

Сравнение употребления именных категорий представлено в статье **О.А.Шершуковой**. Автор анализирует структурно-семантические особенности проявления одного из семантических вариантов множественного числа существительных, а именно “множественного гиперболического” в русском и португальском языках. К числу универсальных признаков исследуемой формы автор относит: характеризацию единичного объекта формой множественного числа, ее использование в качестве стилистического средства текстовой экспрессии и ее преимущественную реализацию в ситуации диалога. В качестве особенностей ее проявления автор называет определенные ограничения, накладываемые в русском языке по сравнению с португальским на употребление этой формы у дефектных по числу существительных, в частности, у абстрактных, вещественных, собирательных, а также у имен, относящихся к существительным Pluralia tantum.

В.Н.Ярцева неоднократно подчеркивала, что контрастивная лингвистика как особое направление возникла из нужд практики преподавания иностранных языков и практики перевода. *Контрастивные исследования грамматики для практики преподавания* представлены в сборнике статьей Б.М.Атаева, а *для практики перевода* – статьями Е.В.Шлык, О.А.Сулеймановой и В.А.Нуриева.

В статье **Б.М.Атаева** рассматриваются практические *задачи преподавания* национального языка в ситуации русско-национального двуязычия. Автор предлагает контрастивную методику преподавания русского и родного языков в национальной школе, в основу которой кладется максимальный учет особенностей родного языка, способных позитивно повлиять на процесс изучения русского языка. Выступая против неправомерного перенесения свойств русской грамматики на материал национальных языков, автор отстаивает необходимость сопоставительного подхода – как в теоретических, так и в практических целях. В качестве иллюстрации в статье предлагается сопоставление категории рода в русском языке и категории грамматического класса существительного в аварском языке, существенные расхождения между которыми часто становятся источником ошибок, обусловленных языковой интерференцией.

Переводческое направление контрастивных исследований связано с ономасиологическим подходом к организации сопоставляемого материала, когда исследователь идет от инвариантных смыслов и анализирует то, какими способами эти смыслы передаются в параллельных текстах на разных языках. В рамках названного подхода проводится сопоставление текста «Войны и мира» на русском, английском и немецком языках в статье **Е.В.Шлык**. Задача автора состоит в том, чтобы сравнить, какими языковыми средствами в этих языках может передаваться семантика актуального настоящего и актуального прошедшего времени. Автор приходит к выводу, что в английском и немецком переводах чаще всего смягчаются или утрачиваются периферийные оттенки значений русского актуального настоящего и актуального прошлого. К таковым относятся: оттенок вынужденности с эмоциональной окраской недовольства, злости (*вот и стой!*), оттенок мгновенности, неожиданности (*возьми и навернись*); резкие, мгновенные, стремительные действия с ярко выраженной экспрессивной окраской (*раз, раз по морде… / хвать детей…*); интенсивность с высокой степенью эмоциональности (*ну его катать…*). В то же время в переводах регулярно сохраняются значения, формирующие ядро микрополей настоящего и прошедшего актуального, адекватно выражаемые глагольными формами английского и немецкого языков.

В статье **О.А.Сулеймановой** рассматриваются особенности вторичной предикативности, связанные с отглагольными русскими существи-

тельными в функции несогласованного определения, и их корреляция с соответствующими языковыми средствами в английском языке. Выявлен ряд отличий между языками, установлено также ономасиологическое основание сопоставления, связанное с передачей базовых категорий человеческого познания – времени, пространства и причинности, позволяющее установить отношения эквивалентности при переводе между языковыми средствами английского и русского языка.

В статье **В.А.Нуриева** предпринята попытка обобщить опыт ведущих французских переводчиков русской художественной литературы в плане преодоления тех типичных сложностей, которые возникают при переходе от русского к французскому художественному тексту. Внимание обращается на синтаксические трансформации, обусловленные разной степенью ригидности языковой нормы во французском и русском языках.

Во второй раздел сборника вошли статьи по ***контрастивной лексикологии***. Это та новая область контрастивных исследований, которая интенсивно развивалась в последние десятилетия. Контрастивные *исследования целостных лексических систем*, представлены в сборнике статьей **А.М.Кузнецова** о разработке единых критериев сопоставления в рамках контрастивной семасиологии. По мнению автора, для создания лексико-семантической типологии языков необходимо выделить те области объективной действительности, которые образуют словарное ядро, представляют общечеловеческую значимость и обязательно находят отражение в любом языке, например цветовые различия, части человеческого тела, отношения родства, отношения принадлежности, пространственно-временные отношения и т.п. На следующей ступени типологического анализа должен быть составлен общий список семантических признаков, характеризующих данное семантическое поле в разных языках. При этом следует учитывать три возможных способа представления этих признаков: 1) для всех языков требуется один и тот же набор признаков; 2) существует некоторый универсальный набор семантических компонентов, из которых каждый язык выбирает комплекс единиц меньшего объема; 3) описание всех языков строится на универсальном наборе семантических компонентов, в дополнение к которым для описания каждого конкретного языка требуется определенное количество своих особых семантических компонентов.

Для исследования лингвоспецифических семантических компонентов в статье **Е.Г.Беляевской** предлагается ввести в контрастивную лингвистику такого параметра как *сопоставление концептуальных оснований языковых сущностей*. Под концептуальными основаниями автор понимает идеи, помещаемые в данном языке в когнитивный фокус обозначения. Выявив различие в концептуальных представлениях, стоящих за фор-

мально тождественными единицами, например, русским глаголом «*сидеть*» (представление о пассивности субъекта) и английским «*to sit*» (представление о фиксированности позиции субъекта, обусловленной определенной целью), исследователь получает возможность не только указать на различия в сочетаемости сравниваемых единиц, но и объяснить их.

Обращаясь к одним и тем же проблемам когнитивной семасиологии, А.М.Кузнецов и Е.Г.Беляевская трактуют их различным образом. А.М.Кузнецов, в частности, утверждает, что расхождения между лексическими системами двух языков обусловлены национально-языковой спецификой средств выражения одних и универсальных когнитивных категорий. Тезис об универсальном (надъязыковом) характере понятийных категорий был широко распространен в отечественном и зарубежном языкознании докогнитивного периода, но он отнюдь не противоречит современным исследованиям. С точки зрения Е.Г.Беляевской, лексические различия между языками являются отражением более глубоких концепуальных различий. Подобный подход является продолжением гумбольдтианских и неогумбольдтианских взглядов на соотношение языка и мышления.

Появление в сборнике двух работ с противоположными взглядами на универсальность vs. национальную обусловленность понятийных категорий свидетельствует о нерешенном характере самой проблемы. Возвращаясь к тематике сборника, можно сказать, что и та, и другая точка зрения позволяет многоуровневое (семасиологическое и когнитивно-семантическое) контрастирование лексических единиц.

Выявлению лингвоспецифических различий, стоящих за представлениями о частях тела человека в разных языках, посвящена статья **А.Н.Ливановой.** Автор проводит сравнение лексической сочетаемости параметрических прилагательных с обозначением частей тела и обозначением одежды человека в русском, норвежском и японском языках. Исследование исходит из важного для когнитивистики антропоцентрического принципа о том, что человек реагирует на форму пространства, соотнося ее с размером и формой собственного тела. При том, что для всех человеческих существ координаты пространства и пропорции тела в целом одинаковы, в разных языках они, как показывает материал статьи, часто оказываются концептуализированными по-разному, что появляется в их сочетаемости с прилагательными разной семантики. Характеризуя размеры человеческого тела и детали одежды, языки используют определения, обнаруживающие межъязыковые различия в стратегиях измерения объекта: относительно центральной оси или по горизонтали, по вертикали, по внутренней вместимости и т.п.

К исследованиям по контрастивной лексикологии и семасиологии примыкают статьи психолингвистической тематики. Так, **Н.В. Уфимцева** демонстрирует возможности психолингвистического эксперимента как инструмента выявления структуры образа мира носителей той или иной культуры через построение ядра их языкового сознания. Обращаясь к диахроническому сопоставлению в рамках одного языка, а именно сравнивая три временных среза языкового сознания носителей русского языка с конца 60-х годов, автор отмечает значительную устойчивость ядра языкового сознания. Сопоставление в рамках близкородственных языков (белорусского, болгарского, русского, и украинского) позволяет автору сделать вывод о большом сходстве состава и структуры ядра языкового сознания у носителей указанных четырех языков. В то же время сопоставление ядра языкового сознания русских и англичан, демонстрирует достаточно существенные различия. В статье это показано на примере сравнения ассоциатов рус. *друг* и англ. *friend.* Различная значимость этих единиц для ядра национального языкового сознания проявляется как в заметном различии их ранга в ассоциативной сети, так и в различии их типичной ассоциативной сочетаемости.

В статье **А.А.Нистратова и Е.Ф.Тарасова** предпринята попытка сравнить групповое самосознание русских и сербов на основании психосемантического эксперимента, исследующего отношение русских и сербских респондентов к различным типам ценностей. Соотнесение полученных данных со стереотипными представлениями респондентов о том, насколько выявленные ценности характерны для представителей иных национальностей, позволяет представить национальные образы русских и сербов в едином аксиологическом семантическом пространстве, что обеспечивает сравнимость материала и объективность выводов.

Проблемам *контрастивного исследования фразеологии* языков мира посвящена статья **К.Я.Сигала и П.А.Ветрова**, основанная на материале русского и китайского языков. В качестве универсальной характеристики фразеологизмов любого языка авторы предлагают рассматривать сочетание внутреннего синтаксиса фразеологической единицы (ее синтактико-семантическую модель), так и ее внешнего синтаксиса (синтаксическую сочетаемость фразеологической единицы в коммуникативно-синтаксическом пространстве текста).

Важными параметрами внешнего синтаксиса при этом становятся: функционирование фразеологизма в составе предложения либо в качестве главного, либо в качестве зависимого компонента; взаимное расположение главного и зависимого компонентов; бо́льшая или меньшая допустимость комбинаторики фразеологизмов друг с другом; закрепленность фразеологизма за одной синтаксической позицией либо его способность

занимать разные синтаксические позиции.

В качестве значимого параметра внутреннего синтаксиса фразеологизмов называется их способность/неспособность к функциональному расчленению, когда компоненты фразеологизма занимают не одну синтаксическую позицию в рамках предложения, а преобразуются в разные члены предложения или же допускают вклинивание в свой состав синтаксических переменных. В статье показано, как применение указанных параметров позволяет вскрыть системные различия между фразеологизмами русского и китайского зыков.

Сравнение фразеологизмов типологически разных языков с точки зрения механизмов их внутреннего и внешнего синтаксического строения является новым материалом в контрастивной лингвистике и позволяет оперировать новыми данными при исследовании фразеологических единиц и возможностей их комбинаторики.

Проблемам фразеологии посвящена и статья **Е.В.Тереховой**, избравшей в качестве объекта исследования английские временно-устойчивые словосочетания. Под этим термином автор понимает клише, возникающие «на злобу дня» в текстах определенных жанров – выступлениях политиков, речах дипломатов, газетных статьях на актуальную тематику. Анализируя структурные особенности временно-устойчивых сочетаний в текстах каждого из названных жанров, автор ставит вопрос о способах их перевода на русский язык, где, национально-культурная компонента, послужившая основой возникновения временно-устойчивого сочетания, может отсутствовать.

Неразрывная связь контрастивной лексикологии с теорией перевода продемонстрирована в статье **Н.М.Нестеровой**. На материале сопоставления отрывка из «Евгения Онегина» и его английского перевода, выполненного В.Набоковым, автор показывает, что любой перевод, это, действительно, «искусство потерь», когда оказывается невозможным перенести в другой язык ту «многосмысленность» и все те эмоциональные оттенки и ассоциативные связи, которыми слово обладает в своем родном языке. «В этом – по меткому выражению автора – и заключается трагедия и нищета перевода, но в этом же и его блеск, поскольку он дает возможность увидеть иную (отличную от своей) систему значений».

Четвертый раздел сборника представлен статьями по ***контрастивной текстологии***, еще одному перспективному направлению современной контрастивистики.

В статье **Е.Б**. **Яковенко** исследуется совокупность контекстов употребления английской и немецкой единиц, обозначающих тело: *body* в переводе Библии короля Якова и *Leib* в переводе Библии Лютера. Следующим шагом является поиск древнееврейских (для Ветхого Завета) и

греческих (для Нового Завета) эквивалентов выявленных контекстов. После этого проводится обратная операция, когда анализируется то, как выявленные значения первоисточников выражены в английском и немецком переводе. Такая методика контрастивного исследования текста переводов и оригинала, названа автором методом аппликации и реаппликации. Ее применение позволяет автору утверждать, что понятие тела обнаруживает принципиально различный план выражения в первоисточниках и переводах. Если в первоисточниках идеи плоти и тела смешиваются, то в английском и немецком переводах развиваются различные обозначения для тела как «материала» и как «вместилища» души.

В статье **В.И.Карпова** рассматривается специфика употребления словосочетаний с приименным родительным падежом в древнегерманских языках. Основное внимание уделяется проблеме влияния синтаксических моделей церковного греческого и латыни на оформление структурно подобных конструкций в древнегерманских христианских текстах.

Статья **Т.В.Топоровой**, выполненная на материале сравнения древнеисландской Старшей Эдды и русских былин, предлагает целостную систему принципов и критериев сопоставимости материала в сфере контрастивной текстологии. Выбрав в качестве объекта исследования именования флоры в обеих эпических традициях, автор последовательно проводит все обнаруженные лексемы через единую систему признаков, таких как: частотность, встречаемость только в форме ед.ч., способы деривации, сочетаемость с определенными семантическими типами актантов, функционирование в определенных стилистических фигурах, мифологических сюжетах, бытовых ситуациях и т.п. Применение указанных параметров обеспечивает абсолютную сопоставимость текстового материала и достоверность выводов о сходствах и различиях сопоставляемых эпических текстов.

В статье **Н.Н.Трошиной** рассматриваются аспекты *контрастивонй стилистики* в рамках проблем перевода. Демонстрируется методика контрастивного анализа стилистических структур текста оригинала и перевода. Через построение стилистических цепочек выявляются точки стилистических расхождений и типы нарушения стилистической эквивалентности между текстом оригинала и перевода.

Статья **А.Н.Комковой** выполнена в русле *контрастивной дискурсики* и посвящена корпусному сопоставлению политического дискурса Норвегии и Дании на уровне концептуальных составляющих. В основе сопоставления – статистический метод, который позволяет выделить наиболее частотные концепты отдельно по риторике каждой партии и по всему национальному политическому дискурсу в целом. Применив этот метод для анализа риторики норвежских партий, соответствующих датским по

своему политической ориентации, автор получил возможность сделать обоснованные выводы о сходствах и различиях политической концептосферы в двух близкородственных языковых культурах, а также определить различия в ценностных приоритетах для каждой из сравниваемых партий.

Пятый раздел сборника носит название «***Контрастивная просодика».*** Среди перспективных направлений современных сопоставительных исследований отмечается складывание такой дисциплины как *контрастивная паравербалика.* О ее становлении как особой области контрастивистики заявлено в статье **Р.К.Потаповой**. Речь идет об исследовании поведенческих знаков, образуемых, сегментными средствами фонации и артикуляции, и супрасегментными средствами просодии. Паравербалика включает как голосовые, так и неголосовые элементы, выбор и значение которых зависит от особенностей той или иной этно- и социокультуры, физического и психического состояния партнеров по коммуникации. Для изучения функционирования паравербалики в разных языках и культурах автор предлагает целый ряд критериев описания, таких как: биофонетическая природа паравербальных признаков; типология паравербальных признаков, функционирующих в разных языках, культурах и этносах; прагматические эффекты, достигаемые с помощью определенных паравербальных средств; соотношение паравербальной и вербальной модели в коммуникации и др. Автор подчеркивает, что незнание специфики паравербальной иноязычной и инокультурной коммуникации может привести к коммуникативным сбоям, что в свою очередь влияет на результат коммуникации в целом.

Сопоставительному изучению ритмической организации языков посвящена статья **В.В.Потапова**. Для целей сравнительного описания автор предлагает различать три типа характеристик: универсальные ритмические тенденции, тенденции, характеризующие определенный языковой тип и тенденции ритмической организации речи, характерные для конкретного языка. В качестве примера приводится тенденция носителей немецкого языка членить текст на родном языке, используя синтаксическую информацию, включающую признак позиции глагола и наличия придаточных предложений, тогда как носители русского языка проводят членение текста, используя, в качестве показателей границ синтагм, прежде всего, местоимения, союзы, предлоги и сочетания служебных и знаменательных слов.

В статье **Т.Е.Янко** сравниваются просодические стратегии поддержания связности нарратива в русской, английской и немецкой речи. Отмечаются как значимые совпадения, так и нетривиальные отличия. Автор предлагает различать, с одной стороны, «аналитические стратегии указа-

ния на незавершенность», при которых рема и текстовая незавершенность имеют разные акцентоносители, и, с другой стороны, «синтетические стратегии указания на незавершенность» – при которых текстовая незавершенность не отличается от темы предложения и предложение имеет только один акцентоноситель. Аналитическая незавершенность оказывается чрезвычайно частотной в русской разговорной речи и возможной в немецкой речи. При этом во всех трех рассмотренных языках в качестве немаркированного показателя незавершенности используется подъем на ударном слоге акцентоносителя с последующим падением на заударных. Кроме того, в качестве немаркированного в английском и немецком языках используется нисходяще-восходящее движение частоты тона на словоформе-акцентоносителе. В русском же языке нисходяще-восходящая просодия получает особую семантику «рассказа по порядку», тогда как в немецком языке значение «рассказа по порядку» передается подъемом на ударном слоге акцентоносителя плюс дальнейшее повышение частоты на заударных слогах. Семантика указания на то, что текущий шаг повествования не последний, а следующий за ним определенно последний, во всех трех языках передается подъемом на ударном слоге акцентоносителя, который сопровождается ровными заударными слогами.

Сопоставление датского и русского языков в плане выражения некоторых иллокутивных значений предлагается в статье **Э.Б.Крыловой**. Автор обращает внимание на такие прагматические значения, которые в русском языке регулярно передаются за счет интонации, а в датском языке получают структурно-грамматические средства выражения.

Заключительный раздел сборника представлен статьями, в которых контрастивный подход применяется для ***внутренних сопоставлений в рамках системы одного языка*** как в синхронном, так и диахроническом плане.

Целостное описание изменений, происходящих в современном английском языке на всех языковых уровнях, представлено в статье **Э.Ф.Володарской**. В числе активных фонетических процессов называются, в частности: дифтонгизация гласных звуков [i:] и [u:], развитие звука [ju:] в звук [u:] в позициях после звуков [s], [l] и [θ]. выпадения звука [h], потеря звука [r] в безударных слогах, усиление явления r-интрузивности, вокализация звука [l]. В области акцентных изменений отмечается сохранение тенденции перемещения ударения со второго слога на первый в двусложных словах и тенденция к возврату к первоначальному произношению ранее заимствованных и ассимилированных иностранных слов. В качестве наиболее существенного факта в системе лексических изменений, называется переход английского языка из статуса языка-акцептора в статус языка-донора лингвистических заимствова-

ний. Отмечается значимость фактора политкорректности, определяющего целый ряд инновационных процессов. Регистрируется дальнейшее развитие аналитизма за счет перехода от синтетической формы сравнения с *-er* и *-est* к перифрастическому сравнению с использованием сравнительных маркеров *more* и *most*. Отмечается также ряд синтаксических инноваций. Особое внимание уделено роли Интернета в качестве источника языковых инноваций.

В статье **Л.М. Ковалевой** проводится синхронное контрастивное исследование английских вербоидных (инфинитивных и герундиалных) оборотов на основе семантики управляющего оборотом глагола и семантики самого вербоида. Внимание обращается на то, что в процессе своего исторического развития причастие, инфинитив и герундий вступают в системные отношения между собой, подключаясь к способам категоризации новых ситуаций. Анализируя чередование инфинитива и герундия в одной и той же синтаксической конструкции без заметного изменения ее содержания, автор приходит к выводу о том, что в большинстве случаев употребление разных неличных форм после одного и того же глагола семантически значимо. Автор доказывает, что, благодаря развитию в английском языке как инфинитивных, так и герундиальных оборотов, язык получил дополнительную возможность категоризировать разницу между такими близкими ситуациями как: 1) отношение к нелокализованному во времени/ локализованному во времени действию (с глаголами эмоциональной оценки) (did you like to drive / did you like driving?); 2) воспоминание о намерении / воспоминание о фактическом событии (с глаголами памяти) (I forgot to do it /I forgot doing it); 3) страх перед совершением гипотетического действия / страх каузировать своим гипотетическим действием некое другое событие (she feared to sleep in the room / she was afraid of going to sleep) 4) стыд перед гипотетическим действием / стыд за локализованное во времени действие.

В статье **Е.А.Париной** базой контрастивного исследования служат выполненные в разные периоды (XIV в. и XVI в.) переводы на валлийский язык одного и того же оригинала. Объектом исследования избраны исторические изменения в синтаксисе местоимений. Автор выдвигает гипотезу о том, что сопоставление двух версий одного текста позволяет судить об изменениях, которые произошли при переходе от средневаллийского к ранненововаллийскому языку. В результате автор приходит к выводу о том, что, помимо исторических изменений языка, результаты сопоставления могут также свидетельствовать об изменении переводческой традиции, и обсуждает, как отличить одно от другого.

Представленные в настоящем издании исследования наглядно демонстрируют, что помимо изначального круга интересов контрастивной лин-

гвистики, связанных с преподаванием языков и практикой перевода, современная контрастивистика разрабатывает широкий круг проблем, когнитивной и психолингвистической направленности. Многие современные контрастивные исследования носят лингво-культурологический характер и призваны ответить на вопрос о том, какие аспекты внеязыковой действительности оказываются по-разному вербализованными грамматическими и лексическими средствами разных языков. В этом же ракурсе активно разрабатываются вопросы сравнительной текстологии, в том числе межъязыковые сравнения социо-культурных дискурсов. Кроме того активно развивается сопоставительное изучение паравербальных характеристик коммуникации. Контрастивные методики используются и для внутриязыковых сопоставлений.

Д.Б.Никуличева

Контрастивная грамматика

Д. В. Сичинава

Иметь или быть? «Выбор» вспомогательного глагола в свете современных лингвистических теорий

The article studies the occurrence of auxiliary verbs *to be* and *to have* in verbal forms of modern European languages. The author establishes the hierarchy of semantic choices between the two auxiliaries. Special attention is given to the correlation between formal and semantic evolution as viewed through dialectal and historical material.

Формы с «выбором» вспомогательного глагола (auxiliary choice) или с «расщепленным вспомогательным глаголом» (split auxiliary) – это формы, образующиеся от части смысловых глаголов при помощи одного вспомогательного глагола (или, в некоторых языках, частицы-форманты), а от части — при помощи другого. Данное явление хорошо известно, например, во французском и немецком языках, где есть «глаголы, спрягающиеся с ‘иметь’» (avoir, haben) и «глаголы, спрягающиеся с ‘быть’» (être, sein), но представлено и во многих других языках Европы (романских, германских, баскском), а кроме того, имеет определённые параллели и за её пределами. В последние 30 лет феномен выбора вспомогательного глагола получил большую известность при осмыслении языковых фактов в рамках самых разных языковых теорий; существуют и конкурируют друг с другом немало синтаксических и семантических трактовок этого явления. Существует значительная по объёму специальная литература на эту тему. Большую роль в дискуссии вокруг выбора вспомогательного глагола сыграло то обстоятельство, что этот выбор происходит в различных языках (даже близкородственных) неодинаковым образом. Значительная часть работ на эту тему связана с сопоставлением того, как границы между «иметь» и «быть» проводятся в различных языках — тем самым данный сюжет является замечательным образцом того, как «мелкая» оптика контрастивной лингвистики (а не типологии «больших выборок») корректирует и дополняет далеко идущие теоретические суждения, первоначально сформулированные на материале одного-двух языков.

1. Гипотеза неаккузативности

В 1978 году Д. Перлмуттер [Perlmutter 1978], тогда работавший в рамках так называемой «реляционной грамматики» (где, как и в грамматике Хомского, различается поверхностное и глубинное синтаксическое представление), предложил считать, что различие в выборе вспомогательных глаголов ‘иметь’ и ‘быть’ имеет глубинную синтаксическую природу.

Согласно гипотезе Перлмуттера, непереходные полнозначные глаголы, выбирающие вспомогательный глагол ‘быть’ (например, итальянское *cadere* ‘падать’ — *è caduto* или *morire* ‘умирать’ — *è morto*) на глубинном уровне не имеют субъекта (подлежащего), но только объект (дополнение). В частности, глагол ‘быть’ выбирается при спряжении возвратных глаголов (например, во французском *il s’est lavé* ‘он умылся’; субъект является одновременно и глубинным объектом). Разумеется, для того, чтобы такая гипотеза имела смысл, необходим ряд других независимых тестов, доказывающих, что эти предложения синтаксически устроены именно так; и действительно, ряд таких диагностик был предложен и самим Перлмуттером, и его последователями. Такие предикативные группы (клаузы), не имеющие субъекта, и их вершинные глаголы Перлмуттер назвал неаккузативными (unaccusative). Соответственно, данная гипотеза получила название «гипотезы неаккузативности» (Unacussative Hypothesis, или UAH). «Неаккузативность» стала (и до сих пор остаётся) популярным термином (хотя разные авторы вкладывают в него заметно разное содержание), понятие развивалось в таких работах, как [Burzio 1986] (в рамках генеративной теории управления и связывания, посвящена итальянскому языку) и особенно [Levin, Rappaport Hovav 1995].

Ныне о неаккузативности на русском языке имеются две работы-обзора — раздел статьи [Аркадьев 2008] и небольшое, но содержательное «замечание» в книге [Плунгян, в печати], критичное по отношению к этому понятию. К этим работам мы и отсылаем читателя, излагая в дальнейшем лишь то, что связано с проблемой выбора вспомогательного глагола[1]. Здесь же скажем, что наиболее обоснованная критика, с которой столкнулась гипотеза неаккузативности как таковая — рассогласованность различных синтаксических диагностик (см. также [Aranovich 2007, 9—10]). Фактически выделить пучок синтаксических критериев, дающих один и тот же результат на множестве всех глаголов одного языка (не говоря уже о том, чтобы нескольких), так и не удалось; кроме того, нередко один и тот же глагол ведёт себя по-разному в зависимости от семантического контекста. Поэтому современные исследователи, использующие понятие «неаккузативности», апеллируют к тому или иному семантическому механизму, модифицирующему и/или определяющему действие механизма синтаксического; это заметно, впрочем, уже и в работах Перлмуттера и особенно Левин и Раппапорт. «Нигилистическая»

---

[1] Значительный материал на эту тему собран также в очень содержательном сборнике [Aranovich (ed. 2007)] и нашей статье [Сичинава 2008], где мы, к сожалению, ещё не могли учесть этот сборник.

гипотеза, согласно которой «неаккузативная» синтаксическая структура носит совершенно произвольный характер и лишена семантической основы [Rosen 1984], сейчас уже не поддерживается, а факты, вызвавшие её (разное поведение синонимичных глаголов в разных языках), теперь объясняются при помощи механизма семантических шкал (см. ниже).

2. Семантические подходы

Как реакция на гипотезу Перлмуттера в работах 1990-х годов развитие получила также тенденция поиска *семантических* критериев выбора вспомогательного глагола. Так, Даути [Dowty 1991] предложил анализировать выбор не в синтаксических — «субъект» и «объект» — а в семантических — «агенс» и «пациенс» — терминах. Иными словами, глагол ‘падать’ не потому выбирает вспомогательный глагол ‘иметь’, что на глубинном уровне не имеет подлежащего, а потому, что единственный его актант семантически ближе к пациенсу, чем к агенсу. Даути же принадлежит идея о том, что у разных глаголов субъект может быть в разной степени ближе к «прототипическому агенсу» (когда выбирается глагол ‘иметь’) и к «прототипическому пациенсу» (когда предпочитается глагол ‘быть’).

К семантическому анализу не актантов, а *предиката* обращается целый ряд других исследователей, включая Либер и Баайена [Lieber, Baayen 1997] на материале нидерландского языка. С их точки зрения, ключевым признаком, определяющим выбор глагола *zijn* ‘быть’, является выводимость позиции или состояния (inferable eventual position or state), например, этот признак имеется у таких глаголов, как *komen* ‘приходить’ и *groeien* ‘расти’. Чрезвычайно важно, что эти семантические параметры не задаются просто глагольной лексемой как таковой (как часто предполагается в «немодифицированных» синтаксических версиях гипотезы неаккузативности). Роль играет наличие в предложении обстоятельств, придающих предикату ту или иную семантическую интерпретацию. Например, было показано, что в том же нидерландском языке глагол ‘бежать’ (*Hij heeft gelopen* ‘он побежал’) сам по себе выбирает глагол ‘иметь’, но с соответствующим наречием становится глаголом предсказуемо направленного действия (предельным глаголом) и сочетается со вспомогательным ‘быть’ (*Hij is naar huis gelopen* ‘он побежал домой’) [Zaenen 1993].

3. Контрастивное сопоставление разных языков и методика шкал

Наиболее интересная область при анализе выбора вспомогательных глаголов — это разное поведение синонимичных глаголов в разных языках. При этом обнаруживается ряд явлений, труднообъяснимых в рамках представлений о неком общем синтаксическом механизме, не модифици-

руемом семантикой и особенностями конкретных языков. Так, возвратные глаголы в немецком языке не выбирают глагола ‘быть’, несмотря на явно пассивный смысл: *Dieser Wagen hat sich gut verkauft* букв. ‘Эта машина хорошо продалась’, а в датском и том же немецком глагол ‘быть’ выбирают некоторые переходные глаголы, что гипотезе Перлмуттера не отвечает вообще (неаккузативные глаголы, по крайней мере, в первоначальной версии данной терминологии — подкласс непереходных). Но, как ни парадоксально, контрастивный анализ подобных систем ставит трудные вопросы и перед сторонником семантического, а не синтаксического подхода к выбору вспомогательных глаголов. Ведь только немногие семантические классы предикатов ведут себя во всех европейских языках одинаково — это глаголы деятельности (например, ‘работать’), при которых всегда используется вспомогательный глагол ‘иметь’, и глаголы направленного изменения местонахождения (например, ‘приходить’), всегда требующие глагола ‘быть’. Что касается остальных семантических классов, то даже если взять четыре крупных литературных европейских языка с таким разграничением, обнаруживается следующее неоднозначное распределение (таблица из [Aranovich 2007, 14]):

	Итальянский	Немецкий	Нидерландский	Французский
Направленное изменение положения	БЫТЬ	БЫТЬ	БЫТЬ	БЫТЬ
Направленное изменение состояния	БЫТЬ	БЫТЬ	БЫТЬ	ИМЕТЬ/ (БЫТЬ)
Неопределенное изменение положения	ИМЕТЬ/ БЫТЬ	БЫТЬ	ИМЕТЬ/ БЫТЬ	ИМЕТЬ
Неопределенное изменение состояния	БЫТЬ	БЫТЬ	ИМЕТЬ/ БЫТЬ	ИМЕТЬ
Продолжение состояния	БЫТЬ	ИМЕТЬ/ (БЫТЬ)	ИМЕТЬ/ (БЫТЬ)	ИМЕТЬ/ (БЫТЬ)
Существование и появление	БЫТЬ	ИМЕТЬ/ (БЫТЬ)	ИМЕТЬ/ (БЫТЬ)	ИМЕТЬ/ (БЫТЬ)
Деятельность	ИМЕТЬ	ИМЕТЬ	ИМЕТЬ	ИМЕТЬ

Помимо того, что в разных языках выбор делается по-разному, можно также заметить, что в ряде языков феномен выбора вспомогательного глагола представлен вообще шире, чем в других. Так, в литературном итальянском языке, на материале которого Перлмуттер и Бурцио прежде всего и строили свои синтаксические гипотезы, круг глаголов, допускающий вспомогательное ‘быть’, очень широк, в то время как в современном французском языке имеется всего 21 такой непроизводный глагол [Abeillé, Godard 2002].

Надо отметить, что подобный контрастивный анализ поставил в тупик многих исследователей, выступавших за синтаксическую гипотезу неаккузативности. Так, уже упоминалось, что предполагалось считать границы между неаккузативными и прочими глаголами в каждом языке совершенно произвольными и никак не связанными с семантикой [Rosen 1984]. Выдвигалась и прямо противоположная точка зрения, согласно которой языковое явление с такой пёстрой картиной в разных языках вообще не связано с универсальной неаккузативностью, по крайней мере, в таком языке со «скупым» выбором вспомогательного глагола, как французский [Legendre 1989].

С нашей точки зрения, весьма эффективен обобщающий семантический подход, в последнее десятилетие активно реализуемый А. Сораче и её сотрудниками. Представить данную информацию можно при помощи так называемой *семантической иерархии*, а именно, выстроив семантические классы в такой последовательности, чтобы через любую её точку могла проходить «граница» между преимущественным выбором ‘иметь’ и ‘быть’. Иными словами, если некоторый семантический класс глаголов в некотором языке допускает выбор глагола ‘быть’, то его должны допускать в этом языке и все семантические классы, находящиеся между данным классом и соответствующим глаголу ‘быть’ краем шкалы. На краях шкалы должны, таким образом, находиться уже названные классы, которые выбирают, соответственно, ‘быть’ и ‘иметь’ во всех языках.

В обобщающей работе по выбору вспомогательного глагола в европейских языках [Sorace 2000, 863] предложена следующая семантическая иерархия выбора вспомогательного глагола в языках Европы:

Изменение положения	‘БЫТЬ’
Изменение состояния	↑
Продолжение процесса	
Существование состояния	
Неконтролируемый процесс	
Контролируемый процесс (глаголы движения)	↓
Контролируемый процесс (кроме глаголов движения)	‘ИМЕТЬ’

В основу данной иерархии положены различные критерии, собственно семантические (глаголы движения, контролируемость) и аспектуальные (процесс, состояние). Предлагалась также иерархия правил, определяющая выбор вспомогательного глагола, в духе популярной в 1990-2000-е годы «теории оптимальности» [Legendre 2007].

4. Привлечение диалектного и исторического материала

Всё более частая тенденция в современных исследованиях выбора вспомогательного глагола — привлечение материала за пределами современных литературных языков. Тем самым задействуется, говоря языком контрастивной лингвистики, контрастивная диалектология и диахроническая контрастивность. Оказывается, что для изучения нашей проблематики не очень осмысленно говорить, например, об «итальянском языке» вообще, как это делалось, например, во многих работах 1970-х-1980-х годов. Многочисленные итальянские диалекты, например, демонстрируют столь же разные модели разграничения между *essere* и *avere*, что и различные литературные языки; кроме того, во многих диалектах разграничения нет, поскольку формы этих глаголов смешиваются фонетически [Tuttle 1986]. М. Ченнамо и А. Сораче провели целенаправленное исследование падуанского диалекта итальянского [Cennamo, Sorace 2007]; выяснилось, что распространение ‘быть’ как вспомогательного глагола в нём устроено совершенно иначе по сравнению с литературным языком, но при этом соблюдается семантическая иерархия. Кроме того, в падуанском диалекте не наблюдается соответствия между выбором вспомогательного глагола и другими предполагаемыми синтаксическими характеристиками неаккузативности [там же]. А южнонемецкие диалекты существенно отличаются в этом отношении от литературного немецкого [Diedrichsen 2002].

С диахронической точки зрения языки «дрейфуют» по шкале выбора вспомогательного глагола. В частности, современные языки, где такого выбора нет, и представлен только глагол ‘иметь’ (английский, испанский, норвежский), в прошлом использовали также и глагол ‘быть’, употребимость которого сужалась в соответствии со шкалой Сораче, пока не была пройдена конечная её точка. Относительно староиспанского языка это хорошо показано в работе [Aranovich 2003], о корреляции формы с семантикой в английском см. [Lipson 1999]. Этот процесс вызывает, в частности, интерес и в связи с тем, каковы причины изменений, приводящих язык к утрате выбора вспомогательного глагола, и наоборот, почему ряд языков Европы решил этот выбор сохранить.

5. Соотношение формальной и семантической эволюции

В нашей работе [Сичинава 2008] (положения её входили в нашу диссертацию, защищённую в 2005 г.) выдвинута гипотеза, согласно которой сохранение двух различных форм перфекта (не обязательно с выбором вспомогательного глагола, но такой класс случаев самый большой) типологически обусловлено семантической утратой перфектной специфики. Так, и во французском, и в немецком, и в северных диалектах итальянского, и в нидерландском, и в датском перфект утрачивает значение достигнутого состояния или актуального результата и начинает употребляться в нарративе, как форма простого прошедшего. Обратно, в случае сохранения перфектом своей специфики происходит унификация формы — ровно это и случилось в языках севера и юга Европы (испанский, центр и юг Италии, английский, скандинавские, кроме датского; в исландском произошло несколько особое развитие с обособлением эксперинциального значения). В нашей работе мы предложили объяснение данного факта, связанное с семантической неустойчивостью перфекта и с потребностью его в формальном закреплении (в духе статьи [Lindstedt 2000]). Данный вывод подкреплён параллелями за пределами европейского ареала — в семитских, древних и новых индоевропейских, старояпонском языке.

Несколько раньше нашей статьи из печати вышла работа [Smith 2007] (она завершает упомянутую коллективную монографию под редакцией Р. Арановича), где та же проблематика ставится на материале контрастивного анализа английского и немецкого языков. К. Смит предполагает, что закрепление выбора вспомогательного глагола связано с тем, что аналитический перфект, приобретая функции общего прошедшего времени, становится более частотным в речи, тем самым более редкая конструкция с глаголом ‘быть’ конкурирует не с двумя временными формами (одна из которых — похожая на неё с глаголом ‘иметь’, а другая — непохожее общее прошедшее), а только с одной. Нам представляется, что это объяснение дополняет наше, и что оба этих фактора поддерживают друг друга. Вместе с тем отметим, что в системах с сохраняющимся перфектным значением формальное упрощение сопровождается системным усложнением и выработкой нового результатива (как это происходит в норвежском или итальянском), так что проблема исторического перераспределения вспомогательных глаголов ещё ждёт решения в общем виде.

Литература

Аркадьев, П. М. Структура события и семантико-синтаксический интерфейс. Обзор новейших работ. *Вопросы языкознания.* 2008. № 2, С. 107-136.

Плунгян, В. А. Грамматическая семантика. Справочное пособие (в печати).
Сичинава, Д. В. Связь между формой и семантикой перфекта: Одна неизученная закономерность // Динамические модели: Сборник статей в честь Е. В. Падучевой. М.: ЯСК, 2008. С. 711-749.
Abeillé, A., Godard, D. The syntactic structure of French auxiliaries// Language, 78, 3. 2002. P. 404-452.
Aranovich, R. The semantics of auxiliary selection in Old Spanish // Studies in Language, 27. 2003. P. 1-37.
Aranovich, R. (ed.). Split Auxiliary Systems. Amsterdam: Benjamins (Typological studies in language, 69). 2007.
Arandovich R. Split auxiliary selection from a cross-linguistic perspective. Aranovich (ed.). 2007. P. 1-24.
Burzio, L. Italian Syntax: A government-bindung approach. Dordrecht: Reidel. 1986.
Cennamo, M., Sorace, A. Auxiliary selection and split intransitivity in Paduan: Variation and lexical-aspectual constraints. Aranovich (ed.). 2007. P. 65-100.
Diedrichsen, E. Zu einer semantischen Klassifikation der intransitiven haben- und sein-Verben im Deutschen // *Graham Katz, Sabine Reinhard, and Philip Reuter, eds. (2002),* Sinn & Bedeutung VI, Proceedings of the Sixth Annual Meeting of the Gesellschaft für Semantik, University of Osnabrück, 2002. P. 37-52. (http://www.phil-fak.uni-duesseldorf.de/asw/gfs/common/procSuB6/pdf/articles/DiedrichsenSuB6.pdf).
Dowty, D. Thematic proto-roles and argument selection. Language, 67, 1991. P. 547–619.
Legendre, G. Unaccusativity in French. Lingua, 79. 1989. P. 95 -164.
Legendre, G. Optimizing auxiliary selection in Romance. (Aranovich (ed.)). 2007.P. 145-180
Levin, B., Rappaport-Hovav M. Unaccusativity: At the syntax-lexical semantics interface. Cambridge, MA: the MIT press. 1995.
Lieber, R., Baayen H. A semantic principle of auxiliary selection in Dutch // Natural Language and Linguistic Theory, 15. 1997. P. 789-945.
Lindstedt, J. The perfect – aspectual, temporal and evidential // Tense and Aspect in the Languages of Europe. B., N.Y.: Mouton de Gruyter. 2000. P. 365-384.
Lipson, M. Co-variation of of Form and Meaning in the Loss of Auxiliary Selection in English. // *Eckardt R., von Heusinger, K. (eds.)* Meaning Change – Meaning Variation. Workshop held at Konstanz, Feb. 1999, Vol. I. P.111-122.
Perlmutter D. Impersonal passives and the unaccusative hypothesis // Proceedings of the Fourth Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society.

Berkeley, CA: Berkeley Linguistic Society. 1978. P. 157-189.
Rosen, C. The interface between semantic roles and initial grammatical relations. // *D. Perlmutter & C. Rosen (Eds.)*, Studies in Relational Grammar 2. Chicago: UChP. 1984. P. 38-77.
Smith, K. Aaron. Language use and auxiliary selection in the perfect. (Aranovich (ed.)). 2007. P. 255-270.
Sorace, A. Gradients in auxiliary selection with intransitive verbs // Language, 76. 2000. P. 859-890.
Tuttle, E. F. The spread of ESSE as universal auxiliary in Central Italo-Romance // Medioevo Romanzo, 11. 1986. P. 229-287.
Zaenen A. Unacussativity in Dutch: Integrating syntax and lexical semantics // *J. Pustejovsky (Ed.)* Semantics and the Lexicon. Dordrecht: Kluwer. 1993. P. 129-161.

Н.С. Бабенко

Грамматика «косвенной речи» в немецком и русском языках (контрастивный аспект)

Im Artikel werden die Mittel der grammatischen Markierung der Redewiedergabe in zwei Sprachen behandelt – im Deutschen und im Russischen,- die grundsätzlich unterschiedliche Tendenzen im Bereich der indirekten Rede realisieren. Diese Unterschiede haben wichtige Folgen für die Textgestaltung in beiden Sprachen.

Косвенная речь как одна из разновидностей «шаблонов» (по терминологии М.М.Бахтина) «чужой речи», представляет собой достаточно регулярное явление, которое характерно для любого языка и для разных видов коммуникации. Грамматические и лексические ресурсы передачи косвенной речи довольно универсальны, языки отличаются главным образом отдельными модификациями этих ресурсов и направлением стандартизации, опирающейся на грамматические или лексические единицы.

Вместе с тем в каждом данном языке «косвенная речь» обнаруживает своеобразные черты, которые делают ее привлекательным объектом для контрастивного описания по целому ряду параметров. Как особая синтаксическая категория, проявляющаяся в тексте, косвенная речь концентрирует в себе комплекс грамматических и стилистических, риторических и дискурсивных явлений, связанных с использованием языка, с социально и индивидуально отмеченными факторами его функционирования.

Проблематика косвенной речи первоначально лежала в сфере интересов литературоведов. Как лингвистическая проблема косвенная речь находится в поле зрения прежде всего таких дисциплин, как культура речи

и обучение иностранным языкам, где особо выделяется нормативный аспект употребления и грамматического оформления косвенной речи [Geyer 2008]. Ненормативные случаи грамматического оформления косвенной речи характерны как для немецкого языка, так и для русского: в немецком языке происходит немотивированное смешение форм конъюнктива I и II (*Sie erzählte, sie* ***habe*** *dazu keine Lust* ***gehabt****, und* ***wäre*** *daraufhin ins Kino* ***gegangen***), а в русском – сбой местоименных форм по типу известной фразы из «Ревизора»: «*Трактирщик сказал,* ***что*** *не* ***дам вам*** *есть, пока не заплатите за старое».*

В стандартных грамматиках описание явлений косвенной речи включается в разные разделы: в немецких грамматиках косвенная речь освещается в разделе морфологии как явление, связанное с функционированием форм сослагательного наклонения. В академической грамматике русского языка описание косвенной речи завершает синтаксический раздел, посвященный сложному предложению [Грамматика 1954].

Одним из первых опытов контрастивного описания феномена «чужой речи» (в ее широком понимании как «речи в речи, как высказывания в высказывании…, как речи о речи, высказывания о высказывании») можно считать исследование М.М.Бахтина, в котором содержится сравнение французской, немецкой и русской систем «подключения» чужой речи в ткань художественного повествования [Бахтин 2004, 331].[1]

Для целей данной статьи важными являются обобщения, сделанные Бахтиным относительно расхождений между «шаблонами» русской и немецкой косвенной речи.

«Синтаксические шаблоны» передачи чужой речи в русском языке чрезвычайно слабо развиты. Между прямой и косвенной речью нет резких различий, которые свойственны другим языкам. Признаки косвенной речи очень слабы. В немецком языке (как и во многих других языках, кроме русского) косвенная речь синтаксически резко отличается от прямой – что выражается в специальном употреблении времен, наклонений, союзов, местоимений. По отношению к русскому языку М.М. Бахтин говорил о безусловном примате прямой речи и благоприятных условиях для такого способа передачи чужой речи, при котором авторская и чужая речь взаимодействуют в свободных формах, «без ощущения преодолеваемых границ и сопротивления (как в других языках) [Бахтин 2004, 342]. Хорошо известны и суждения М.М. Бахтина относительно роли акцентуации и интонации в передаче косвенности в русском языке.

---

[1] Об авторстве труда «Марксизм и вопросы языкознания» см. [Алпатов 2005, 94-118].

Наблюдения и выводы Бахтина относительно функционирования форм косвенной речи в разных языках касались прежде всего художественных текстов, в которых чужая речь несет особую эстетическую нагрузку[1]. В современной лингвистике проблематика косвенной речи осознается намного шире; она представлена и более разнообразными подходами к ее толкованию как явления языка и к принципам ее описания, среди которых контрастивный аспект представляется также весьма значимым и перспективным.

Изучение косвенной речи немецкого и русского языков позволяет утверждать, что данные языки демонстрируют довольно значительные расхождения, которые в современных условиях функционирования языков только усиливаются. Вместе с тем внешне несхожие (контрастирующие) системы выражения косвенности в русском и немецком языках обнаруживают и черты скрытого типологического сходства.

Далее будут рассмотрены лишь отдельные аспекты маркирования косвенной речи в немецком языке, демонстрирующие ее наиболее характерные черты, отличные от возможностей реализации косвенности в русском языке.

Косвенная речь обладает в немецком языке довольно специфическим по сравнению с другими языками формально выраженным свойством: она последовательно маркируется формами конъюнктива, использование которых делает избыточным участие других языковых средств оформления косвенной речи (союза, вводных оборотов речи, модальных слов и выражений и др.). По этому признаку конструкция с косвенной речью довольно сильно контрастирует с другими языками, в частности, с русским.

Применительно к немецкому языку косвенную речь можно считать активно развивающейся конструкцией (синтаксическим шаблоном), которая расширяет сферу своего использования в разных дискурсах и отражает динамику освоения языком все более разнообразных форм проявления чужого слова в современных коммуникативных средах[2].

В самом общем смысле в немецком языке на базе системы форм со-

---

[1] Здесь же были выделены лингвистические аспекты изучения форм обращения с «чужим словом» в разных сферах коммуникации – художественной, риторической, деловой, публицистической.
В публицистике использование косвенной речи поддерживается сознательным отказом от «собственности на слово» [Бахтин 2004, 339].

[2] М.М.Бахтин относил феномен чужой речи к продуктивным узловым явлениям социологии языка (в широком понимании) [Бахтин 2004, 330].

слагательного[1] наклонения произошла формализация отношения, которое выделил Бахтин «Я – НЕ МОЯ РЕЧЬ». Благодаря устойчивому использованию в косвенной речи презентной формы конъюнктива это отношение получило грамматический статус. Исторически презентный ряд форм конъюнктива оказался в германских языках наиболее разрушенным в результате редукции флексий и обусловленной этим омонимизацией [Сравнительная грамматика 1966, 259; Гулыга 1971, 53].

Немецкий язык сохранил синтетические формы презенса конъюнктива[2], которые в значительной степени утратили свои модальные значения и функции, но прочно закрепились избирательно, не во всей парадигме, а преимущественно в 3-м лице единственного числа как маркер косвенной речи. В грамматической системе современного немецкого языка именно эта форма отмечена четкой маркированностью: ни в одной морфологической группе глаголов нет форм, омонимичных индикативным образованиям – ***habe****/hat,* ***sei****/ist,* ***werde****/wird,* ***könne****/kann,* ***wolle****/will,* ***sage****/sagt,* ***gebe****/gibt* и т.д.

Vor einigen Jahren fand ich in einem Strafgesetzbuch das Gesetz über das Standrecht. Darin wurde in einer Form von Paragraphen festgesetzt, unter welchen Vorausetzungen das Standrecht über ein Gebiet zu verhängen ***sei****, wie das Gericht sich zusammenzusetzen* ***habe****, wie es vorzugehen* ***habe****, welche*

---

[1] В отличие от русского языка, обладающего очень незначительны составом форм сослагательного наклонения, сфера конъюнктива в немецком языке представлена довольно разветвленной системой форм, включающей восемь грамматических разрядов. По прогнозам германистов начала 20 века, конъюнктив должен был бы к настоящему времени значительно сократить свои функции и частично выйти из употребления. Однако немецкий язык не только сохранил систему форм конъюнктива, но и расширил зону своего присутствия как в устной, так и в письменной коммуникации.

[2] В отличие от других германских языков, формы презенса конъюнктива не относятся к «морфологическим архаизмам» [Гулыга 1971, 54], хотя вне сферы косвенной речи их использования очень ограничено и стилистически маркировано. Это случаи самостоятельного употребления в предложениях с императивно-оптативной функцией *Es werde Licht!* ‘Да будет свет!’; *Man nehme 2 Löffel Essig* ‘Возьмите две ложки уксуса’; *Es sei erwähnt* ‘Следует упомянуть’ и т.д.

Rechtsmittel dem Angeklagten ***zustünden***[1]*, welche Strafe im Standrecht verhängt* ***werde*** *(der Tod), was nach der Urteilsverkundung zu geschehen* ***habe*** *(zwei Stunden nach Urteilsverkündung ist das Urteil zu vollstrecken, auf besonderes Bitten des Verurteilten ist diesem noch eine dritte Stunde zu seiner Vorbereitung auf denTod zu gewähren), wie das Urteil vollzogen* ***werde****, was nach eingetretenem Tod zu geschehen* ***habe****"* (Peter Handke).

Особенно благоприятной для функционирования форм конъюнктива в современном немецком языке оказалась сфера СМИ, где косвенная речь широко представлена как способ передачи информации в режиме реферирования «чужой речи». Вторичный характер информации[2], передаваемой с помощью косвенной речи в сфере СМИ, находится в согласии с основными функциями современных СМИ, через которые транслируются высказывания, суждения, мнения, принадлежащие разным личностям, государственным и общественным деятелям, социальным группам, политическим партиям и т.д.

Последовательность, с которой косвенная речь маркируется в современном немецком языке СМИ, чрезвычайно показательна для утверждения о том, что основным носителем косвенности стали формы конъюнктива презенса 3-го лица единственного числа, которые составляют значительную долю в общей массе форм конъюнктива, используемых в косвенной речи – до 90% [Braun 1993, 145].

Der Minister erklärte, er ***habe*** *aus den ihm vorliegenden Informationen die einzig mögliche gezogen. Die Sicherheit der Streitkräfte* ***müsse*** *den Interessen des Einzelnen übergeordnet werden. Mehr* ***könne*** *er heute dazu noch nicht sagen* (Frankfurter Allgemeine, 2008).

Столь очевидное преобладание форм единственного числа конъюнктива над немаркированными формами множественного числа приводит к выводу, что в немецком языке имеет место «выстраивание» текста под отчетливо маркированные формы презентного ряда конъюнктива 3-го лица единственного числа. Данные формы являются достаточными для

---

[1] Перевод в претеритальный конъюктив происходит при отсутствии маркированности у формы презентного конъюнктива, что имеет место при употреблении в косвенной речи 3-го лица множественного числа.

[2] По мнению культурологов и лингвистов, вторичность текстов является характерной особенностью современных дискурсов СМИ [Нестерова 2005, 61-87]. В косвенной речи вторичность находит свое самое непосредственное выражение как проявление общей характерной для нашей эпохи тенденции, демонстрируя при этом большую степень последовательности и устойчивости.

выделения в тексте отрезков с косвенной речью, объем которой может быть неограниченно большим. При этом формы коньюнктива маркируют границы косвенной речи в тексте и ее расположение относительно других категорий текста (прямой речи, авторской речи и т.д.): *Der Cousin schilderte, wie dieTat abgelaufen ist: Der damalige Portier* ***habe*** *ihn per Telefon zum Hotel* ***beordnet****. Dort* ***sei*** *er ins Hinterzimmer der Rezeption* ***vorgedrungen****, wo der Portier bereits wartete. Dann taten die beiden so, als schiebe ein vermeintlicher Räuber den Hotelangestellten in den Tresorraum, wo Letzterer sich mit Klebeband fesseln ließ. Auf Anweisung des Portiers nahm der Cousin auf dem Weg nach draußen Geld aus der Wechselkasse der Rezeption. Mit rund 371 Euro* ***sei*** *er zur Wohnung seines Verwandten* ***gefahren****,* ***habe*** *das Geld auf den Tisch und sich schlafen* ***gelegt*** *(Welt am Sonntag 2009)*.

В языке СМИ категория косвенной речи приобретает дополнительный смысл и функцию. По отношению к этим явлениям предлагается говорить о таком смысловом признаке косвенной речи, как не-фактивность, не-актуальность, которые характеризуют речь второго плана, «прошлую речь», имевшую место до момента данного коммуникативного события [Geyer 2008].

Русский массмедийный дискурс в значительной степени опирается на синтаксическое сопровождение косвенной речи с помощью оборотов, многие из которых имеют формульный характер. Ср. типичные для русской косвенности речевые отсылки к чужому слову: *«Отношения России и Украины,* ***пользуясь словами президента РФ,*** *зашкалили до той отметки, за которой только полный разрыв.* ***На взгляд рядовых граждан обеих стран****, ситуация поставлена на грань абсурда. И,* ***по мнению многих экспертов****, напрямую связана с предстоящими в январе в Украине президентскими выборами»* (Независимая газета 2009). В русском массмедийном дискурсе используются сугубо синтаксические ресурсы, репертуар которых довольно широк и имеет тенденцию к расширению средств, в том числе и за счет возможностей разговорного языка.

В русском языке большая нагрузка в косвенной речи лежит на вводящих союзах *что, чтоб(ы), будто (бы).* Частица *бы(б),* неизменяемая, подвижная, образующая с формой прошедшего времени глагола аналитическую форму, оказывается в русской косвенной речи факультативным элементом, а не обязательным знаком косвенности, как в немецком языке, сохраняя прямую связь с условным значением сослагательной формы глагола: *Говорила, что смогла бы еще.*

Наблюдения показали, что в русском языке при передаче чужой речи в формах косвенной в литератрно-художественной речи часто используются модальные частицы *мол, де, дескать,* которые также встречаются в

текстах современной массмедийной коммуникации: *«Отсюда естественным образом возникают протесты со стороны ОПК.* ***Как же,*** *огромные средства пойдут не отечественному производителю, а иностранному»* (Независимая газета 2009); *«Правда лжеклеветники тут же устроили истерику.* ***Дескать,*** *в России, оказывается, есть четыре туристические зоны»* (Независимая газета 2009).

При переводе высказывания в косвенную речь осуществляется особая аналитическая работа, о которой писал М.М.Бахтин, полемизируя с А.М. Пешковским. Особенности этой процедуры можно наблюдать не только при переводе прямой речи в косвенную средствами одного языка, но и при передаче текстов с косвенной речью одного языка средствами другого. Для верификации степени расхождения немецкого и русского языков по части маркирования косвенных высказываний был проведен эксперимент с русскими информантами, которым предлагалось перевести на русский язык немецкий массмедийный текст, выполненный в формате косвенной речи и маркированный формами конъюнктива. Эксперимент показал возможность применения разных тактик перевода немецкой косвенности на русский язык:

1) косвенная речь частично или целиком переводится в прямую речь;

2) косвенная речь нейтрализуется путем ее включения в авторский текст;

3) в высказывание вводятся дополнительные ссылки с указанием источника информации – либо в виде ссылки на референтное лицо, (‘*он подчеркнул’*), либо через обобщенную референцию (‘*считается’*);

4) текст переструктурируется относительно источника информации, который помещается вперед;

5) замена форм конъюнктива сослагательным наклонением русского языка, что оказывается самой проигрышной стратегией, которая делает текст перевода наименее адекватным тексту оригинала.

Формы конъюнктива как отличительный сигнал немецкой косвенной речи – чрезвычайно динамичное явление в функциональном развитии современного немецкого языка. Оно характерно для письменной сферы и связано с выражением целого комплекса смыслов, которые нерасчлененно присутствуют в высказываниях с косвенной речью. Коньюнктив в косвенной речи сигнализирует о дистанцировании от источника информации, ее недостоверности, указывает на мнение третьего лица, смягчает остроту информации, характеризует информацию как попутную, фоновую, которой можно пренебречь или которая не обладает надежностью и достоверностью. Все эти смыслы можно свести к глобальной стратегии некатегоричности высказывания, столь характерной для современного

немецкого дискурса.

Как нерасчлененная смысловая единица коньюнктив презенса 3-го лица единственного числа прочно закрепился в письменной форме массмедийного дискурса. Эта тесная связь присутствует в языковом сознании носителей немецкого языка, для которых данная форма конъюнктива является скорее признаком публичного языка журналистов, чем живой речевой практикой говорящих на немецком языке, стремящихся избегать употребление любых форм конъюнктива. Этот разрыв между письменной и устной сферами использования презентных форм конъюнктива в косвенной речи получил особое художественное осмысление в романе Д. Кельмана «Измерение мира» (Die Vermessung der Welt). Вопреки грамматическим нормативам и стандартам автор романа переводит прямую речь в косвенную, маркером которой является презентный конъюнктив, сохраняя при этом характерные для прямой речи вводящие обороты:

Er selbst ***wolle*** *auch reisen, sagte Humboldt.*

Forster nickte. Mancher ***wolle*** *das. Und jeder* ***bereue*** *es später.*

Warum?

Weil man nie zurückkommen ***könne*** (Daniel Kehlmann).

Тем самым создается симбиоз прямой и косвенной речи в рамках одного высказывания. Подобный способ повествования, когда происходит слияние прямой и косвенной речи и конъюнктив «прошивает» текст, как это характерно для текстов массмедийной сферы, представляет собой креативное переосмысление функций презентного конъюнктива, сформировавшихся в информационном письменном дискурсе современного немецкого языка, для целей литературно-художественной коммуникации.

Таким образом, развитие косвенной речи в немецком языке представляет собой особый случай «универсализации» (термин В.Г.Адмони [Адмони 1965]) флективной формы конъюнктива. В русском языке маркирование косвенной речи в глагольном комплексе с помощью частицы *бы* не получило достаточно последовательного развития, и русский язык опирается на другие, более свободные и вариативные синтаксические средства выражения косвенности.

Литература

Адмони В.Г. Дополнительные функции аналитических форм // Аналитические конструкции в языках различных типов. М.-Л., 1965.

Алпатов В.М. Экскурс 2 «Проблема авторства “спорных текстов”» // Алпатов В.М. Волошин, Бахтин и лингвистика. М., 2005.

Грамматика русского языка. Том II. Синтаксис. Часть вторая. М., 1954.

Бахтин М.М. К истории форм высказывания в конструкциях языка

[Опыт применения социологического метода к проблемам синтаксиса] // Волошинов В. Философия и социология гуманитарных наук (Круг Бахтина). М., 2004.

Гулыга Е.В. Статус грамматических архаизмов в системе языка и их миграция в процессе исторического развития // Филологические науки. 1971. № 2.

Нестерова Н.М. Текст и перевод в зеркале современных философских проблем. Пермь, 2005.

Сравнительная грамматика германских языков. Т. IV. М., 1966.

Строева Т.В. Модальность косвенной речи в немецком языке. Автореф.докт.дисс. Л., 1950.

Современный русский язык. Морфология. (Курс лекций. Под ред. акад. В.В. Виноградова). Из-во МГУ, 1952.

Braun, P. Tendenzen in der deutschen Gegenwartssprache. Sprachvarietäten. 3. Aufl. Stuttgart, 1993.

Geyer, K. Modus in der deutschen Redewiedergabe aus typologischer Perspektive: eine Skizze // Modalität und Grammatikalisierung / Modality and Grammaticalization. Trier, 2008.

Handke,Peter. Ich bin ein Bewohner des Elfenbeinturms. Berlin, 1999.

Kehlmann, Daniel. Die Vermessung der Welt. Berlin, 2008.

К.-Х. Лунд

Темпоральное продвижение, ретроспекция и пересказывательность в нарративном тексте (на материале датского и русского языков)

Event progression, retrospection and evidentiality (on the basis of Danish and Russian narrative texts). The paper examines the time relations in fragments of two Danish short stories and their Russian translations. It is shown that Danish, which doesn't have aspect as a grammatical category, unlike Russian needs lexical markers such as time adverbs and conjunctions in order to advance the narration, while on the other hand Russian with its only three tenses to a higher degree than Danish has to make use of lexical markers to indicate relative time and to signal retrospection. Special emphasis is given to the widely ignored fact that the Danish absolute-relative tense Past Perfect under certain contextual conditions expresses not simple retrospection but reportedness.

К числу самых заметных структурных различий между русским языком и таким языком, как датский, который входит в скандинавскую подгруппу германских языков, относятся различия в их аспектуально-

временной системе. Подобно другим германским языкам, например, английскому языку, датский язык обладает разветвленной системой времен, включающей и абсолютные грамматические времена (настоящее, простое прошедшее, простое будущее), и абсолютно-относительные времена (прежде всего перфект и плюсквамперфект). Что же касается видовых или аспектуальных противопоставлений, то вряд ли имеет смысл говорить о грамматикализованной видовой оппозиции в датском языке (в т. ч. нет аналога английскому прогрессиву), но есть аспектуальные значения, которые выражаются различными лексическими и контекстуально-синтаксическими средствами.

Цель предлагаемого вниманию сообщения – изучение взаимодействия элементов аспектуально-временной системы каждого из двух языков в обеспечении сюжетного продвижения в нарративном тексте. Методом служит анализ параллельных текстовых отрывков. Языком-источником служит датский, а сопоставляемый русский перевод берется из опубликованной переводной литературы. Собственный перевод используется, если в художественном тексте перевод конкретного предложения отсутствует.

Под нарративным текстом мы понимаем текст, дейктические переменные которого должны интерпретироваться в нарративном режиме в понимании Е.В. Падучевой [1986]. Если в обычном диалогическом режиме для интерпретации грамматического глагольного времени важны и момент речи, и точка отсчета, понимаемая как момент наблюдения, то в нарративном режиме момент речи не релевантен для интерпретации текста. Следовательно, в нарративном режиме дейктические показатели, в т.ч. грамматическое время, связаны только с точкой отсчета.

В условиях нарративного режима прошедшее время выполняет функцию «отстранения» (выражение Е.В. Падучевой [1986, 416]) времени персонажей (событийного времени) от реального времени автора. Что же касается точки отсчета, то в русском языке прошедшее время само по себе не выражает определенной отнесенности к ней: оно в зависимости от контекста может обозначать как синхронность события моменту наблюдения, так и предшествование. В датском же языке простое прошедшее (претерит) устанавливает синхронность точке отсчета, а плюсквамперфект – по крайней мере, в стандартном случае – выражает предшествование точке отсчета и тем самым своего рода «ретроспекцию». Однако, как мы увидим ниже при разборе конкретного материала, в специальных случаях датский плюсквамперфект может замещать претерит, создавая особый эффект пересказывательности.

Что касается самого поступательного продвижения по событийной линии, то оно, по нашим наблюдениям, почти всегда обеспечивается те-

ми или иными показателями границы (в широком смысле) во фразах. В русском языке – при однократных действиях – эти показатели присутствуют в виде «внутреннего предела» в предельных глаголах совершенного вида или в виде «внешнего предела» (ср. [Маслов 1978, 19]) в глаголах делимитативного, пердуративного, однократного, начинательного способов действия и т.д.[1] Конечно, используются также лексические средства, как, например, разного рода наречия, но они чаще всего не обязательны для обеспечения сюжетной динамики. Несколько иначе обстоит дело в датском языке. Здесь лексические средства нужны в гораздо большей степени. Помимо наречий и словосочетаний, выражающих временные отношения, для продвижения по событийной временной оси в датском языке используются союзы, в т.ч. и соединительные. Есть и в датском языке показатели границы у части глаголов, а именно у глаголов *действия* (ср. [Дурст-Андерсен 1997]), которые соответствуют русским предельным глаголам. Нет, однако, показателей границы у тех датских глаголов, которые выражают не действие, а *деятельность* или *состояние*, и которые частично соотносятся с русскими глаголами различных способов действия, например, вышеназванных. Поэтому, когда мы имеем дело с датскими глаголами деятельности или состояния, которые можно отличить от глаголов действия по их синтаксической сочетаемости[2], то в отсутствие лексических показателей границы бывает не всегда ясно, указывают данные глагольные формы на продвижение по событийной оси или нет. В этом еще одно отличие датской аспектуально-временной системы

---

[1] В концепции Г.А. Золотовой речь здесь в основном идет об аористивной функции совершенного вида в репродуктивно-повествовательном и информативно-повествовательном регистрах речи [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998, 27 и сл.]. А М.А. Шелякин в аналогичных случаях говорит о соотносительном употреблении форм совершенного вида прошедшего времени в аористическом значении, приведя почти «хрестоматийный» пример: *Он вошел в спальню, медленно разделся и лег* [Шелякин 2008, 188].

[2] Как продемонстрировали П.В. Дурст-Андерсен и М. Херслунд, только глаголы действия могут сочетаться с обстоятельствами времени с предлогом *på* (например, *Han skrev brevet* ***på en time*** ’Он написал письмо за час’) – в противоположность глаголам не-действия (деятельности или состояния), которые сочетаются с предлогом *i* (например, *Han skrev* ***i en time*** ’Он писал час’). Как подчеркивают авторы, данное различие между глаголами действия и глаголами не-действия также связано с наличием или отсутствием прямого дополнения [Durst-Andersen, Herslund 1996].

от русской с ее обязательной видовой информацией.

Обратимся теперь к параллельным текстовым отрывкам. Два из них для удобства сопоставления разбиты на пронумерованные параллельные фрагменты, каждый из которых соответствует предикативной единице в понимании Г.А. Золотовой [1998, 218]. Жирным шрифтом обозначены датские глагольные предикаты и их соответствия в русском переводе, в скобках некурсивным шрифтом приводится информация о временных формах датских глаголов и их лексико-семантической классификации, в скобках курсивом в правой колонке нами восстанавливаются отрывки, пропущенные в русском художественном переводе.

Первый отрывок показывает роль различных показателей границы (предела) в двух языках в обеспечении нарративного продвижения:

1	Han **nikkede** (деятельность, претерит).	Он понимающе **кивнул** головой.
2	Så (*тогда*) **hørte** (состояние, претерит) de	В тот же момент они **услышали**
3	den sorthårede **råbe** (деятельность, инф) i baggrunden.	отчаянный **крик** брюнетки.
4	De **standsede** (действие, претерит)	*(Они **остановились,***
5	og **vendte sig om** (действие, претерит)	***обернулись***
6	og (*и*) **stirrede** hen mod udgangen (деятельность, претерит)	*и **уставились** в сторону выхода)*
7	hvor (*где*) hun **stod** (состояние, претерит)	Та **стояла** [у открытой входной двери]
8	og **fægtede** (деятельность, претерит) med armene	и беспорядочно **махала** руками.

(Rifbjerg 1974; Рифбьерг 1984)

Во фрагментах 1-3 и в русском, и в датском выражается одновременность предикативных признаков. Все три датских предиката сами по себе лишены пределов (и «внутренних», и «внешних» в терминологии Ю.С. Маслова), но есть один лексический показатель границы, а именно обстоятельство времени *så* ’тогда’. В русских соответствиях и глагол однократного способа действия *кивнул*, и глагол начинательного способа действия *услышали* характеризуются внешними пределами, при этом обстоятельство времени *в тот же момент* не является лишним, поскольку событие *они услышали* само по себе не отнесено к определенному моменту наблюдения: событие *они услышали* могло бы, например, предшествовать событию в первом фрагменте. Фрагменты 4-6, которые в ущерб дина-

мичности рассказа пропущены в русском переводе, включают два глагола действия (*standsede, vendte sig om*) и следующий за ними глагол деятельности (*stirrede*). Здесь представлена последовательность событий, которая обеспечивается внутренними пределами в двух глаголах действия и контекстуально-синтаксическим показателем начала деятельности у глагола *stirrede*. Этот последний показатель, по нашим наблюдениям, возникает, когда датский глагол деятельности сопряжен в одной последовательности с одним или несколькими предшествующими глаголами действия (союз *og* 'и' здесь факультативен). Соответствующие русские предикаты составляют соотносительный ряд в аористивной функции (ср. наш перевод в скобках в 4-6). Наконец, фрагменты 7-8 демонстрируют одновременность предикативных признаков, выраженных одинаковыми средствами в двух языках.

Перейдем к примерам употребления датского плюсквамперфекта. Как видно из следующего отрывка, он может использоваться не только для выражения «ретроспекции», но и для создания особого пересказывательного значения:

9	Så snart de **nåede frem** (действие, претерит),	*(Как только они **подоспели** туда,)*
10	**vendte** den sorthårede **sig** appellerende imod dem (действие, претерит)	(*брюнетка умоляюще **обратилась** к ним*)
11	og **fortalte** (действие, претерит) – stadig med stemmen i falset –	Срываясь на крик, брюнетка **объяснила**:
12	at der **havde stået** en mand **på lur** (состояние, плюсквамперфект) i mellemgangen til toilettet (som lå udendørs),	у дамского туалета, снаружи, ее **подстерегал** мужчина,
13	og han **havde taget fat** (действие, плюсквамперфект) i hende,	он **схватил** ее,
14	og (*и*) selv om hun **havde skreget** (деятельность, плюсквамперфект),	хотя она **кричала**,
15	**havde** han **trukket** hende **ind** (действие, плюсквамперфект) i mørket,	**затащил** в темноту,

(Rifbjerg 1974; Рифбьерг 1984)

Датские фрагменты 9-11, в которые входят три глагола действия (*nåede frem, vendte sig, fortalte*), подобно предыдущим фрагментам 4-6, выражают последовательность событий. Соответствующие русские фрагменты, которые пропущены переводчиком, выразили бы аналогич-

ную последовательность с помощью предельных глаголов совершенного вида в прошедшем времени, употребляемых в аористивной функции (ср. наш перевод в скобках). В 12-м фрагменте датский предикат в плюсквамперфекте *havde stået på lur* выражает состояние, которое предшествует времени глагола речи в 11-м фрагменте – это стандартный случай согласования времен в косвенной речи. В русском языке, как известно, согласования времен в косвенной речи нет: здесь «ретроспекция», аналогичная датской, достигается использованием простого прошедшего времени *подстерегал*, как видно в русском переводе. Дальше, во фрагментах 13-15, идет последовательность событий в несобственно-прямой речи. Поступательное продвижение по событийной оси здесь обеспечивается внутренними пределами в датских глагольных предикатах действия *havde taget fat* и *havde trukket ind* и контекстуально-синтаксическим показателем начала деятельности у глагольного предиката *havde skreget*. В русском переводе только два предельных глагола совершенного вида *схватил* и *затащил* обеспечивают продвижение, а непредельный глагол *кричала* выражает деятельность, происходящую в течение интервала времени, который включает момент совершения действия *схватил*.

Во всех предыдущих датских фрагментах с «ретроспекцией» были использованы глагольные формы в плюсквамперфекте. Это может показаться закономерным, но при более близком рассмотрении оказывается, что это не так. Дело в том, что употребление плюсквамперфекта для указания на то, что данное событие предшествует времени глагола речи, было необходимым только в придаточном дополнительном предложении *at der havde stået en mand på lur*... 'что ее подстерегал мужчина…', т.е. в 12-м фрагменте. В следующем, 13-м, фрагменте с главным предложением *og han havde taget fat i hende* 'и он схватил ее', а также в последующих фрагментах уже не действует правило согласования времен, и ретроспекция обеспечивалась бы простым прошедшим (претеритом). Для чего тогда используется плюсквамперфект в датских фрагментах 13-15? Оказывается, что этой временной формой указывается на то, что это слова действующего лица, в данном случае брюнетки, а не «объективное» повествование автора. Речь, таким образом, идет о маркированном опосредованном рассказе через действующее лицо.

Конечно, датский плюсквамперфект может использоваться также в «классической», чисто ретроспективной функции, как мы видим в следующем отрывке, где два глагольных предиката в плюсквамперфекте *var begyndt* и *havde serveret* выражают действия, которые на событийной оси предшествуют действию, выражаемому глаголом в претерите *nærmede sig*. При этом все три временные формы относятся к одному моменту наблюдения (точке отсчета), который синхронен со временем глагола в

претерите. В имеющемся русском переводе, правда, не отражается ретроспекция, выражаемая глагольной формой *var begyndt*. Для дистанцирования события, выражаемого первым предложением, на задний план в качестве своего рода фоновой информации требовался бы соответствующий лексический показатель, например, наречие *уже*, т.е. ‘Оркестр уже начал новую мелодию’: *Orkestret var begyndt på en ny melodi, og den tjener, som havde serveret ved bordet, nærmede sig*’. (Rifbjerg 1974) ‘Оркестр начал новую мелодию, и официант, который их обслуживал, подвинулся поближе к их столикам.’ (Рифбьерг 1984)

Упомянутое выше маркированное употребление датского плюсквамперфекта для выражения пересказывательности, которое, насколько нам известно, до сих пор оставался без внимания в грамматических описаниях датского языка, встречается не так уж редко у хороших авторов. Ниже приводится один пример. Это начало рассказа современной датской писательницы Хелле Хелле *Venlige fremmede* ’Доброжелательные незнакомцы’. Поскольку произведения Хелле Хелле еще не переведены на русский, даем собственный перевод. Глагольные формы в плюсквамперфекте в датском тексте и их соответствия в русском переводе выделены жирным подчеркнутым шрифтом, а датские глагольные формы в претерите и их русские соответствия обозначены жирным шрифтом без подчеркивания: ‘*Hun* ***var kørt*** *hjemmefra i raseri lige over middag. Allan* ***havde stået*** *under bruseren, da hun* ***trampede*** *ud til bilen i sine gamle træsko. Hun* ***havde haft*** *tolv badehåndklæder i favnen, rene og næsten tørre, og hun* ***havde smidt*** *dem ind på bagsædet og* ***tænkt****: Så let skal han ikke få det.*

Det var altid om lørdagen, hun ***blev vred****. Ugen igennem* ***bøjede*** *hun* ***af*** *eller* ***tændte*** *en cigaret, hvis noget irriterede hende*’ (Helle 2000).

‘Разозлившись, она **уехала** из дома сразу после обеда. Аллан **стоял** под душем, когда она, тяжело ступая, **прошагала** к машине в своих старых деревянных сабо. В руках у нее **было** двенадцать банных полотенец, только что выстиранных и слегка влажных, она **закинула** их на заднее сидение и **подумала**: так просто ему не отделаться.

Она всегда **злилась** по субботам. В течение недели она **старалась уйти** от конфликтов, а раздражаясь, з**акуривала**.’

В вышеприведенном датском отрывке ни одна из форм плюсквамперфекта не употребляется для выражения предшествования точке отсчета. Особенно наглядно это видно во втором предложении, где было бы странным сообщение о том, что Алан ***уже простоял*** под душем, когда героиня прошагала к машине. Все без исключения формы плюсквамперфекта в этом отрезке можно было бы заменить формами претерита без ущерба для правильности датского языка. Было бы утрачено «только» дополнительное значение опосредованности повествования через дейст-

вующее лицо, т.е. в данном случае через воспоминания героини рассказа. Такое употребление плюсквамперфекта похоже, но не идентично употреблению т.н. пересказывательного наклонения в болгарском языке, хотя в рассматриваемых датских примерах так же, как и при пересказывательном наклонении, указывается на то, что передаваемая информация исходит не от говорящего (автора), ср. [Стоянов 1964, 379 и сл.; Hauge 1999, 117 ff.]. Речь здесь, конечно, не идет о каком-нибудь особом наклонении в датском языке. То, что мы наблюдаем, это проявление системного употребления временных форм в датском языке в модальной функции. Такая особенность датской глагольной системы, на которую указывает П.В. Дурст-Андерсен[1], является важным и, очевидно, еще не до конца изученным фактором грамматического строя датского языка, которую тоже необходимо учесть при сопоставлении текстов на датском и русском языках.

Литература

Дурст-Андерсен П.В. Совершенный и несовершенный виды русского глагола с позиции ментальной грамматики. Семантика. Прагматика // М.Ю. Черткова (ред.), Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Т. 1. М., 1997. С. 71-90.

Дурст-Андерсен П.В. Общие и специфические свойства грамматических систем. К построению новой теории языка. М., 2005.

Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.

Маслов Ю.С. К основаниям сопоставительной аспектологии // Ю.С. Маслов (ред.), Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1978. С. 4-44.

Падучева Е.В. Семантика вида и точка отсчета // Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка. Т. 45. № 5. 1986. С. 413-424.

---

[1] По поводу грамматического строя датского языка П.В. Дурст-Андерсен, в частности, пишет: «Вся глагольная система состоит исключительно из временных форм, и только посредством систематической дифференциации внутри каждой временной формы в датском языке передается что-то еще помимо времени, а именно аспектуальные и модальные значения» [Дурст-Андерсен 2005, 30]. Любопытно, что в датском языке зафиксирован еще и т.н. «модальный перфект» с эвиденциальным значением, на который обратил внимание, в частности, П.В. Дурст-Андерсен [Durst-Andersen 2005, 233-234]. Мы не рассматривали здесь эту специальную функцию перфекта, поскольку она не проявляется в нарративном тексте.

Стоянов Ст. Грамматика на българския книжовен език. София, 1964.

Шелякин М.А. Категория аспектуальности русского глагола. М., 2008.

Durst-Andersen P. Mood and modality in Russian, Danish and Bulgarian. Determinant categories and their expanding role // A. Klinge et al. (red.), Modality: Studies in form and function. London, 2005. P. 215-246.

Durst-Andersen P., Herslund M. The syntax of Danish verbs: Lexical and syntactic transitivity // E. Engberg-Pedersen et al. (red.), Content, Expression and Structure: Studies in Danish Functional Grammar. Amsterdam, 1996. P. 65-102.

Hauge K.R. A Short Grammar of Contemporary Bulgarian. Bloomington, Ind., 1999.

Источники

Helle H. Venlige fremmede // Biler og dyr. København, 2000. S. 87-98.

Rifbjerg K. Kærlighedens ø // Sommer. København, 1974. S. 127-139.

Рифбьерг К. Остров любви // Будет дождь. М., 1984. С. 196-206.

Е.М. Чекалина

Субъективная и объективная интерпретация событий в скандинавских языках и вид русского глагола.

The article studies contrastive aspects of the correlation between the subjective and the objective point of view at the past and future events in languages with different verbal systems. In Scandinavian languages this correlation is based on the pragmatic difference between synthetic and analytical forms and constructions with similar grammatical meaning. In Russian it is expressed by the pragmatic difference between imperfective vs. perfective aspect.

Анализируя семантику грамматических средств выражения времени и вида, языковеды обращали внимание на их способность передавать различия в установке говорящего, направленные на актуализацию одних событий как концептуально близких и, напротив, отчуждение других как концептуально дистанцированных. Эта особенность была определена Дж.Лайонзом как дихотомия субъективного, или эмпирического, и объективного, или исторического [Lyons 1982, 101-124]. Прагматические аспекты различной интерпретации прошлого содержатся в описании форм французского глагола в плане речи и в плане истории [Бенвенист 1974, 272]; в немецком языке они представлены дихотомией перфекта как формы сообщения и претерита как формы повествования о прошлом [Weinreich 1964].

При описании греческого вида Э.Герман трактовал различие между

имперфектом и аористом как субъективное, обусловленное восприятием говорящего, и, напротив, их отличие от перфекта, как объективное, основанное на лежащих вне говорящего фактах [Герман 1962, 44-46]. На прагматический аспект употребления форм русского вида обратил внимание В.В.Иваницкий, который определил СВ как субъективный, а НСВ как объективный вид: «Прагматический аспект совершенного вида, формирующийся в рамках определенности, имеет опору не в реальной действительности, а связан с восприятием говорящего этой действительности. Благодаря этому действие, выраженное совершенным видом, носит целенаправленный, преднамеренный характер. Что же касается несовершенного вида, то его семантика и прагматика обычно определяются объективными факторами, ситуацией. В связи с этим совершенный вид можно классифицировать как субъективный вид, а несовершенный – как объективный вид [Иваницкий 1993, 21-22].

Ю.Д.Апресян показал тончайшие нюансы прагматических различий при использовании одних средств в русском языке для выражения сопричастности говорящего и/или приобщения слушающего к личной сфере говорящего, а других – для исключения из неё, т.е. объективации путем отчуждения [Апресян 1995, 638]. О прагматике высказываний с формами прошедшего времени СВ и НСВ он писал: «Естественный язык располагает средствами исключения объектов из личной сферы говорящего. К их числу относится, например, использование форм прошедшего времени несовершенного вида для характеристики любых, в том числе и одновременных с актом речи, действий и свойств. … Можно сказать *Володя любил гулять в Летнем саду*, даже если Володя жив и если у говорящего нет оснований сомневаться, что Володя и сейчас сохраняет эту привычку. Мотивацией такого употребления формы прошедшего времени является тот факт, что X выбыл из личной сферы говорящего. … Той же цели служит переход на *Вы*, а также обозначение третьего собеседника с помощью местоимений ОН или ОНА вместо имени» [Апресян 1995, 646-647]. Таким образом, различия между высказываниями *Я прочитал* / *читал «Войну и мир» в раннем детстве* «состоят не в разной степени удаленности прошлого события от момента речи, а в том, как говорящий воспринимает время этого события. В случае совершенного вида он мыслит время события как образующее единое целое со своим временем, тем временем, в котором он мыслит себя. Одним из следствий этого обстоятельства является эффект сохранения результата действия в настоящем. В случае несовершенного общефактического (*Он читал этот роман*, *Он уже ходил за хлебом*, *Кто открывал окно?*) говорящий мыслит время события как отличное от того времени, в котором в момент речи он мыслит себя» [там же, 637-638].

Говорящим на скандинавских языках в сообщении о прошлом всегда необходимо делать выбор между формами претерита и перфекта. Претерит используется особенно часто при указании на локализацию события во времени и пространстве и тем самым на его разобщенность с настоящим; прошлое предстает тем самым как безвозвратно прошедшее, дистанцированное от «здесь» и «теперь» говорящего, как то, что было и прошло. Напротив, перфектом маркируется актуальность предшествующего для настоящего, их преемственность и неразрывность. Важной в контексте обсуждаемой проблемы представляется характеристика обеих форм в шведской грамматике У.Турелля: «Претерит возвращает нас к тому времени, когда происходило действие или имело место состояние, и позволяет нам таким образом вновь пережить прошлое. Претерит является повествовательным («объективным»): событие представляется как звено во временной цепи… Перфект не является повествовательным, он субъективен и извлекает происшедшее из прошлого (как отдельно взятое событие). Событие соотносится с настоящим и включается во временной отрезок, который еще не завершился [Thorell 1973, 124-125] (здесь и далее перевод мой – Е.Ч.). Особенно показательно употребление этих форм в идентичных контекстах при указании на хронологию прошлых событий: *Jag* ***har tagit*** / ***tog*** *examen år 1977, så jag har fortfarande en examen av gammal typ* – ‘Я **сдал** / **сдавал** экзамен в 1977 году, так что у меня диплом старого образца’; *Otto* ***har haft*** / ***hade*** *semester vecka 37* – ‘Отто **взял** / **брал** отпуск на неделе 37’; *Finns det någon här som* ***har varit*** / ***var*** *i Tjeckoslovakien 1968 och kan berätta om den berömda Pragvåren?* – ‘Есть ли среди нас кто-нибудь, кто **побывал** / **был** в Чехословакии в 1968 году и может рассказать о знаменитой Пражской весне?’; *Vilka* ***har tenterat*** / ***tenterade*** *före jul?* – ‘Кто **сдал** / **сдавал** экзамен до рождества?’; *Perenner* ***har*** *jag* ***planterat*** / ***planterade*** *redan i april* – ‘Многолетники я **посадила** / **сажала** уже в апреле’ [Svenska Akademiens grammatik 2000, 239]. Прагматические особенности высказываний с перфектом и претеритом здесь удается передать при переводе на русский язык с помощью русских видовых форм СВ и НСВ.

Различие в установке говорящего при выборе перфекта или претерита может эксплицироваться модальными наречиями и частицами с различной коммуникативной направленностью. Так, в двух почти идентичных по лексическому составу высказываниях: Han **har** ***förstås*** **kommit** för sent till tåget / Han **kom** ***väl*** för sent till tåget (Kinnander 1973: 143) перфектом передается указание на актуальный для участников коммуникативной ситуации отрицательный результат в настоящем для них **здесь** и **теперь**: ‘Он**, конечно же, опоздал** на поезд’. Модальным наречием *förstås* подчеркивается **уверенность говорящего** в том, что человек, о котором идет

речь, уже не появится и ждать его поэтому нет необходимости; ответственность за высказанное предположение субъект речи полностью берет на себя. В высказывании с претеритом, напротив, содержится обращенное к адресату предположение с высокой степенью сомнения: '**Похоже**, что он **опоздал** на поезд'. Таким образом, речь идет о прошлом, о том, что случилось **там** и **тогда** с человеком, которого ждут. Представляется возможным определить функционально-семантические различия в употреблении перфекта и претерита, определяемые установкой говорящего, как субъективную и объективную интерпретацию событий, предполагающую их сопричастность содержанию высказывания или, напротив, их отчуждение и объективацию.

Особенно рельефно и ярко выступает контраст между перфектом и претеритом как формами субъективно актуального и объективно отчуждаемого прошлого в диалогической речи при разграничении позиций коммуникантов, по-разному относящихся к одному и тому же событию: – *Jag **har inte skrivit** något brev! – Men jag **fick** det! – Jag **har inte skrivit** till dig. Det **skulle aldrig fallit** mig **in** att skriva till dig. – Det **föll** dig **in*** (S. Arnér) – 'Я **не писал** тебе никакого письма! – Но я же **получи**л его! – Я **не писал** тебе. Мне бы никогда **не пришло в голову** писать тебе. – Однако же **пришло'**; – *Du **har** ju **erkänt** det. – Ja, jag **erkände**. Dåraktigt nog. Ingenting har jag ångrat som det* (V. Moberg) '– Ведь ты **признал**ся в этом. – Да, **признался**. Глупо, однако же. Ни в чем я так сильно не раскаивался, как в этом'; – ***Hände** något? – Kanske, sa modern och log i mörkret. Kanske det **hänt** något* (L. Ahlin) '– Что-нибудь **случилось**? – Возможно, сказала мать, улыбнувшись в темноте. Возможно, что-то **произошло'**; – *Och nu går Borkas ormyngel omkring på Mattisborgens tak? Och **du**, Ronja, **har talat med honom**? – **Han talade med mig**, sa Ronja* (A. Lindgren) '– А теперь змееныш из гнезда Борки слоняется по крыше замка Маттиса? И **ты**, Роня, **говорила с ним**? – **Он говорил со мной**, сказала Роня**'**. В последнем примере различие в функциональной перспективе маркировано меной субъектного и объектного актантов. В свете сказанного представляет интерес и пример контрастного употребления синонимичных глаголов с различной степенью интенсивности процессуального признака – ***döda*** 'убить, лишить жизни' и ***mörda*** 'убить, совершить убийство': *Fattar du inte? Det var han som ställde om att hon* dog! Och ännu häftigare: *Han **dödade** henne! Han **har mördat** henne!* (S. Arnér) '– Разве ты не понимаешь? Это он сделал так, чтобы она умерла! И еще яростней: Он лишил ее жизни! Он убил ее!'. Если в высказывании с претеритом речь идет о той, кого довели до смерти, то при употреблении перфекта темой становится тот, кто убил ее. Таким образом, изменение тема-рематической структуры высказывания осуществляется посредством выбора преди-

катной формы.

Прагматическая корреляция субъективного и объективного наблюдается и при сопоставлении высказываний с СВ / НСВ, отнесенных к будущему. С.О.Карцевский писал о том, что описательные формы НСВ «указывают на действие, развивающееся в плане будущего, всецело отделенного от плана настоящего» [Karcevski 1927], цит. по [Исаченко 1960, 444]; В.В.Виноградов также отмечал, что они обозначают «течение действия в плане будущего в отрешенности от настоящего» [Виноградов 1938, 443]. Напротив, формы СВ передают события, которые не дистанцированы от момента речи. Анализируя футуральную семантику форм СВ, А.В.Бондарко отмечал, что они обладают наибольшим модальным потенциалом [Бондарко 1971, 111]. Так, при обозначении будущего конкретного единичного действия он выделял модальный оттенок долженствования, особенно заметный во 2 лице: *поедешь*, *предъявишь* и т.п. Отмечалось также, что эта форма может выступать в контексте предположения, близком семантике сослагательного наклонения: *Ты пойми, что я не могу этого сделать… Ну я приеду к Анне Аркадьевне; она поймет, что я не могу звать ее к себе… Это же ее оскорбит.* (Л.Толстой). При выражении потенциальных действий формами СВ передается возможность / невозможность их осуществления, чаще всего в обобщенно-личном употреблении: *Его и так есть нипочем* ***не заставишь*** (К.Паустовский). Модальность высказывания выявляется при замене предикатами *может* / *не может*, *можно* / *нельзя* + инфинитив. В сочетаниях с *не* СВ не может быть заменен НСВ; в других случаях при замене теряется модальный оттенок. Особой разновидностью указанного модального значения является выражение возможности как способности совершать действие: О*н…что угодно* ***поднимет***. Другим его вариантом является возможность осуществления действия, представленная как свойство субъекта, обычно в сочетании со словами *всегда, вечно*: *Вечно они все* ***перепутают****!* При замене СВ на НСВ модальный оттенок исчезает и здесь. В ряде случаев возможен модальный оттенок уверенности, в частности, в предикатах с отрицанием *не*: *кто* ***не обрадуется*** *весточке, чего* ***не придет*** *в голову*, а также вынужденной необходимости при обобщенно-личной форме 2 лица, часто со словами типа *поневоле*: *Приказывают, так* ***поневоле пойдешь*** (А.Островский). В большинстве употреблений СВ с модальными коннотациями вербальный и/или ситуативный контекст содержит лексические показатели экспрессивности [там же, 106-109].

Для будущего НСВ со значениями конкретного единичного действия и обобщенного факта отмечается «ослабление или полное отсутствие процессности» [там же, 91], поскольку внимание сосредоточено на самом факте – произойдет действие или нет. Поэтому логическое ударение час-

то падает на вспомогательный глагол (более сильное при его постпозиции): *Ужинать-то* ***будете****?* (И.Бунин) [там же, 92-93]. Показательны в этом смысле и высказывания, обращенные субъектом речи к самому себе; ср.: ***Что мне сделать****, чтобы ты поверил* ***мне****?* и ***Что я буду делать****, если он уедет?* Только в первом случае, в отличие от второго, содержится указание на то, что будущее в какой-то степени может быть подвластно говорящему.

Й.Крекич обратил внимание на то, что формой СВ будущего времени часто передаются предостерегающие речевые акты: *Смотри,* ***просчитаешься****!* В таких случаях, как и в высказываниях с императивом, имеет место эмоциональная прагматическая пресуппозиция: *Смотри* ***не просчитайся****!* [Крекич 1988, 64].

Интересный материал и важные для обсуждаемой здесь темы наблюдения содержатся в работе М.Я.Гловинской о семантике, прагматике и стилистике русских видо-временных форм, в том числе различных «нетривиальных» способов передачи предстоящих событий.

Приведем два наиболее показательных примера употребления настоящего НСВ предстоящего действия (praesens propheticum, настоящее намерения или запланированного, намеченного действия) – вопрос и утверждение, оба с местоимениями 2 лица: ***Вы уезжаете****?;* ***Ты*** *жива, жива,* ***ты*** *домой вернулась, а вот теперь* ***уезжаешь*** (Е.Шварц) [Гловинская 2001: 155]. В обоих высказываниях содержится прагматическая информация об отчужденном вовне объективированном будущем, которое не подвластно говорящему. Сама автор указывает на некоторые прагматические различия между формами настоящего НСВ с футуральной семантикой и будущего СВ. Так, при отклонении приглашения с разной степенью вежливости звучат фразы: *Не могу, я* ***пойду*** */* ***иду*** *завтра в кино*. «Вторая фраза воспринимается как более вежливая именно из-за того, что действие представлено как запланированное к моменту речи, и тем самым для говорящего объективно не остается возможности принять приглашение. В первом же случае речь идет об обычном намерении совершить действие, и нежелание отказаться от него может восприниматься как неучтивость» [там же, 156]. В случае *Я иду…* имеет место запланированное действие, представленное говорящим как факт, который помещается им в фокус высказывания; напротив, в случае *Я пойду*…в фокусе находится сам говорящий и речь идет именно о нем. Вероятно, именно поэтому в высказываниях с настоящим НСВ предстоящего в случаях, когда говорящий является субъектом действия, невозможны модальные слова, выражающие как уверенность, так и неуверенность или сомнение (*пожалуй, вряд ли, наверняка* и др.). В то же время высказывания с формой будущего СВ в таких контекстах являются абсолютно правильными [там же,

159]. Очень показателен приведенный М.Я.Гловинской диалог с субъектом действия в 3 лице: *Кутузов* ***дает*** *мне тысячу сабель!.. –* ***Дает****? – изумился Бедряга. –* ***Не дает, так даст!*** *– не моргну*в *глазом, воскликнул Денис* (С.Ермолинский) [там же, 156]. Формой НСВ говорящий представляет будущее действие как неопровержимый (с его точки зрения) факт, в то время как формой СВ маркируется эмоциональная насыщенность субъективно окрашенного высказывания.

При передаче будущего в скандинавских языках также используются различные грамматические средства – футуральный презенс и описательные средства с различной степенью грамматизации. Указания на прагмасемантические различия между футуральным презенсом и прогностической конструкцией с *kommer att* содержатся в работах шведских авторов. Так, У. Турель отмечает, что при употреблении аналитической конструкции событие наблюдается извне, в то время как в случае презенса процесс рассматривается изнутри [Thorell 1973, 127]. При описании семантики способов выражения будущего в шведском языке датская исследовательница Л.Кристенсен прямо указывает на дистанцированность пропозиции в высказываниях с *kommer att* и инфинитивом: «Предложение *Jag kommer att öppna dörren Я открою дверь* прекрасно подходит как высказывание о будущем в ситуации, когда говорящий стоит за дверью, а слушающий находится в помещении. Здесь, по сути дела, имеется четкая граница между ситуацией в настоящем и ситуацией в будущем, а высказывание с глаголом *komma* содержит имплицитное указание на то, что будущая ситуация предполагает явное изменение существующей ситуации (например, говорящий выбивает дверь силой) или что будущая ситуация выявит заметные последствия для ее участников. *Komma* указывает на разрыв между настоящим и будущим… Высказывания о будущем с *komma* дистанцированы от субъекта речи» [Christensen 1997, 201-202].

Особенно ярко выступают различия между субъективной и объективной интерпретацией будущего в позиции контраста при параллельном употреблении с одной и той же глагольной лексемой:

– Jaså, säger jag å är intresserad, men va ***blir*** *resultatet? Upphör kanske statens aggression mot min existens, löper jag inte längre nån risk att få min rätt trampad under fötterna? – Tyvärr, min herre, säger byråchefen,* ***kommer*** *allt* ***att bli*** *vid de gamla* (S. Dagerman) ‘– Ага, – говорю я с неподдельным интересом, – а каков будет результат? Может быть, прекратится агрессия государства против моего существования, и мои права перестанут ущемлять? – К сожалению, уважаемый, – говорит начальник управления, – все останется по-старому’. Выраженное презенсом будущее актуально для говорящего, поскольку, как явствует из контекста, оно связано с осуществлением его интересов; его собеседник, чиновник государственного

учреждения, напротив, демонстрирует полное равнодушие и отчужденность.

– Jag hoppas min uppfinning **får** namnet kallocain efter mig själv. – Säkert, säkert, sade Rissén likgiltigt. Anar ni själv, hur stor betydelse det **kommer att få**? (K. Boye) '– Надеюсь, что в честь меня изобретение назовут каллокаин. – Конечно, конечно, – равнодушно произнес Риссен. – Понимаете ли Вы сами, сколь велико будет его значение?' Автор изобретения, выражая надежду, проявляет личную заинтересованность в предстоящем; его шеф, напротив, демонстрирует полное равнодушие и отстраненность; прогнозируя будущее, он исходит из объективных предпосылок.

*Vi **ses**, hade han sagt när han gick. Som en överenskommelse eller som ett konstaterande av något alldeles självklart: naturligtvis **kommer** vi **att ses*** (S. Claesson) '– До встречи, – сказал он, уходя. Словно договариваясь или просто констатируя как само собою разумеющееся: естественно, мы увидимся'. Если предстоящая встреча актуальна для говорящего, он использует речевую формулу с презенсом; напротив, если будущее интерпретируется как объективированный прогноз в виде констатации факта, употребляется аналитическая конструкция.

Конечно, при переводе с одного языка на другой далеко не всегда удается использовать одни и те же русские видовые формы и одни и те же средства передачи прошлого и будущего в скандинавских языках, поскольку механизмы семантизации грамматических форм в каждом языке уникальны и неповторимы. Однако объединяющее их прагматическое сходство, обусловленное глубинным свойством человеческого языка осуществлять преобразование субъективного в объективное, открывает возможности для сопоставления, которые помогают сквозь призму одного языка увидеть в другом потаенные смыслы, которые могли бы остаться незамеченными.

Литература

Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т.2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.

Бенвенист Э. Отношения времени во французском глаголе // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. С.270-284.

Бондарко А.В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., 1971.

Виноградов В.В. Современный русский язык. Грамматическое учение о слове. Выпуск 2. М., 1938.

Герман Э. Вид объективный и вид субъективный // Вопросы глагольного вида. М., 1962. С.44-58.

Гловинская М.Я. Многозначность и синонимия в видо-временной сис-

теме русского глагола. М., 2001.

Иваницкий В.В. Основы общей и контрастивной типологии. Автореферат докторской диссертации. Санкт-Петербург, 1993.

Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Ч.2. Братислава, 1960.

Крекич Й. Прагматика и семантика отрицательных форм императива // Русский язык за рубежом. 1988. № 6. С. 60-66.

Christensen L. Framtidsuttrycken i svenskans temporala system. Lundastudier i nordisk språkvetenskap. A 52. Lund, 1997.

Karcevski S. Système du verbe russe. Essai de linguistique synchronique. Prague, 1927.

Lyons J. Deixis and Subjectivity: *Loquor, ergo sum* // Speech, Place and Action. Studies in Deixis and Related Topics. Edited by Robert J. Jarvella and Wolfgang Klein. Chichester. New York. Brisbane. Toronto. Singapore. 1982. P.101-124.

Svenska Akademiens grammatik. U.Teleman, S.Hellberg, E.Andersson. Band 4. Satser och meningar. Stockholm, 2000.

Thorell O. Svensk grammatik. Stockholm, 1973.

Weinreich H. Tempus. Besprochene und erzählte Welt. Stuttgart, 1964.

Д.Б. Никуличева

Метафора времени в художественном тексте как отражение грамматической категоризации времени в языке (датско-русские сопоставления). [1]

The author argues that there exists correlation between the structure of verbal categories of a certain language and the way how speakers of this language visualize time ideas. This correlation can also be traced in cross-cultural differences between time metaphors in fiction, written in different languages. This idea is illustrated by contrasting key metaphors of time from a Danish novel by Peter Høeg with their translations into Russian. The semantic shifts between the translation and the original text are explained by cross-cultural differences in spatial organization of time ideas, resulting from differing verbal categories.

В проведенной ранее серии межъязыковых психолингвистических

[1] Статья выполнена в рамках программы фундаментальных исследований секции языка и литературы ОИФН РАН «Текст во взаимодействии с социокультурной средой: уровни историко-литературной и лингвистической интерпретации».

экспериментов нами исследовалась возможность обратного воздействия грамматических систем на особенности невербального представления времени носителями русского, английского и датского языков. Набор градуированных параметров, разработанных в ходе эксперимента, послужил инструментом для проведения контрастивного исследования, позволяющего выявить особенности внутренней визуализации времени и концептуализации определенных темпоральных значений носителями разных языков.

Для целей данной статьи для нас важно остановиться на наиболее общих результатах русской и датской части эксперимента. В общем виде пространственная организация представлений русскоязычными информантами о реальных и воображаемых событиях, разнесенных во времени, укладывалась в плоскостную схему, представленную на рис 1.

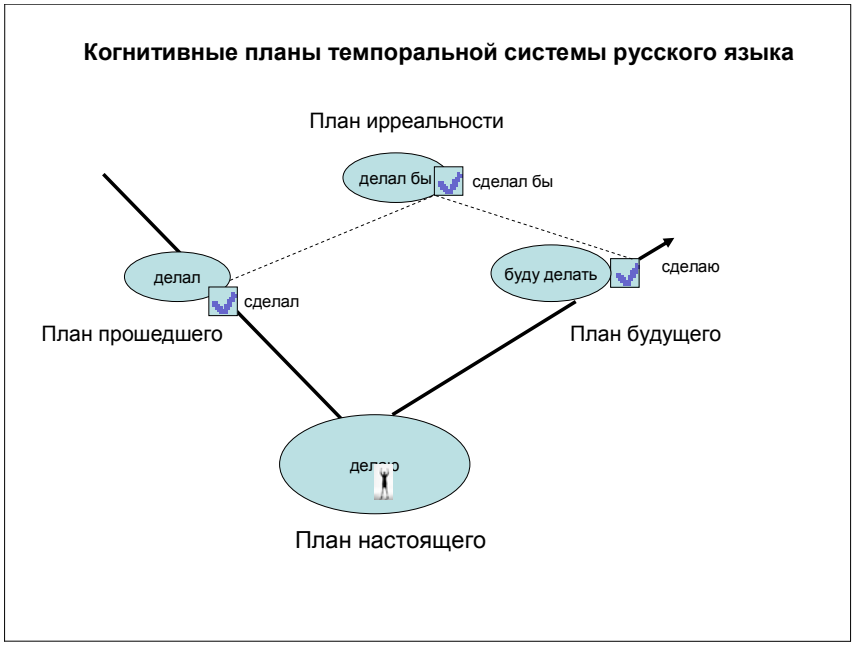


Рис.1.

В отличие от русских информантов, для которых представления о прошлых и будущих событиях чаще всего оказались «разнесенными» по разные стороны от точки настоящего, но расположенными примерно в одной плоскости, для датчан расположение событий будущего обычно

резко отличалось от расположения вспоминаемых событий. События далекого (детского) прошлого, взрослого прошлого, актуального прошлого и события настоящего оказывались как бы на разных векторах, но в одной «*плоскости пережитой реальности*». Зато события даже ближайшего будущего представлялись не только гораздо более *отдаленными*, чем события прошлого, но и *смещенными вниз* относительно «плоскости пережитой реальности». Если сравнить эти представления с системой датских темпоральных оппозиций, то обнаружится явный параллелизм. (См. рис.2).

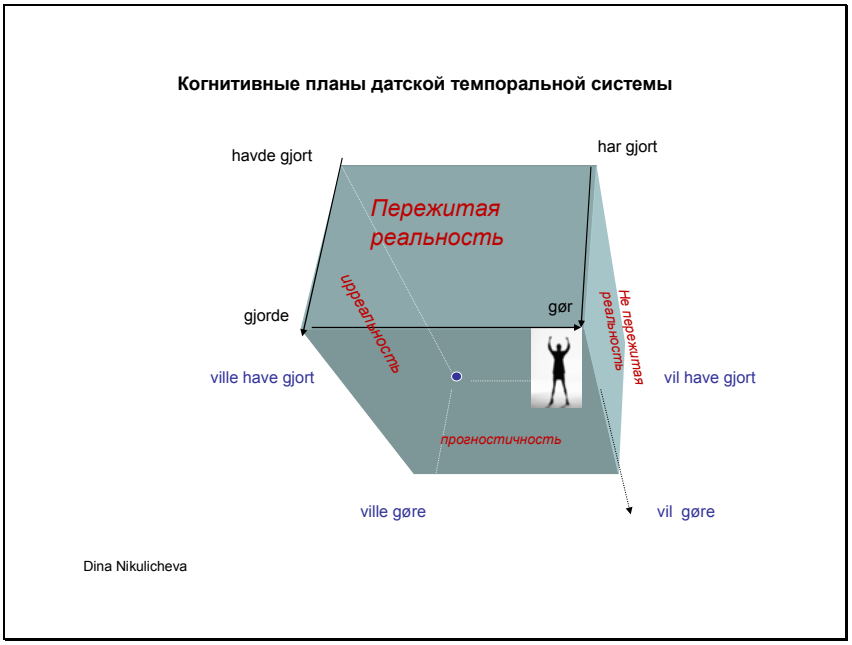


Рис. 2.

В дальнейшей части статьи на материале самого значительного современного датского романа о времени, книги Питера Хега «De Måske egnede», мы проследим, как авторская метафора времени, являющаяся ключом для понимания замысла всего произведения, соотносится со структурой датских грамматических представлений. А также с тем языковым выражением, которое тема времени получает в романе, и с теми трансформациями, которые темпоральная метафора приобретает в русском переводе.

Название книги Хега переводится как «Условно пригодные». Роман повествует о трех воспитанниках детдома, которые вступают в конфликт с жесточайшим распорядком и дисциплиной, навязываемым детям воспитателями этого закрытого заведения. Ощущение своего несоответствия жесточайшим требованиям ежедневно совершенствоваться, развиваться, достигать новых успехов, приводит их к почти физическому ощущению «выпадения» из линейного времени, царящего в интернате.

Роман построен на противопоставлении двух ключевых метафор. Первая из них – метафора *ножа времени*, скребущего по поверхности вселенной – олицетворяет механическую бесчеловечность линейного времени. Вторая – метафора *паутины* как способа ощущения мира соткавшим ее пауком – связывается с идеей гармоничного природе цикличного времени.

Для целей нашего изложения важно обратить внимание на два момента: во-первых, какие пространственные представления оказываются актуализированными в метафорах Хега, и, во-вторых, какие смысловые искажения и языковые трансформации наблюдаются при художественном переводе этих ключевых метафор на русский язык.

Говоря о линейном восприятии времени, Хег пишет: *Den lineære tid må man tænke sig som et uendelig stort knivsblad, der skraber hen over universet, og samtidig trækker det med sig. Bag sig efterlader det en uendelig bred stribe af fortid, foran sig har det fremtiden, på knivsæggen ligger det nu, hvori vi lever* (221). ‘Линейное время можно представить себе в виде бесконечно большого лезвия ножа, которое рассекает вселенную, одновременно соскребая часть ее и унося с собой. Позади него — бесконечно широкая полоса прошлого, впереди — будущее, на самом лезвии находится то настоящее, в котором мы живем’ (252-253).

Какие же пространственные представления проявляются в этой метафоре?

1) Нож времени *«соскребает» в настоящее «следы» из прошлого*: et ***uendelig stort knivsblad***, *der skraber* ***hen over*** *universet.* Пространственное наречие *hen* обозначает движение по направлению *к наблюдателю*, то есть по направлению к настоящему моменту, а наречие *over* – движение по *плоскости.* Ср. искажения в русском переводе: ‘*рассекает* вселенную’ ‘*унося с собой*’, то есть как бы «проникает вглубь» и «уносит прочь», тогда как здесь, скорее, уместен перевод ‘соскребает’, ‘таща вслед за собой’: *samtidig* ***trækker det med sig***. Согласно метафоре Хега, *следы из прошлого переносятся в настоящее*. Это явное метафорическое воплощение грамматических смыслов актуализации, заложенных в семантике датского перфекта на-

стоящего времени, именуемого в датской грамматической традиции førnutid «преднастоящее».

2) Метафорическое представление настоящего времени оказывается у Хега значительно сложнее, нежели представление о *точке* на линии, чего можно было бы ожидать, исходя из самого понятия *линейное* время. Настоящее – это ***et uendelig stort knivsblad*** ‘бесконечно большое лезвие ножа’, то есть некая линия*, опасная черта*, отделяющая прошлое от будущего. Мы живем как бы «*на лезвии настоящего»* (*på knivsæggen*), между расположенными по обе стороны от лезвия *«плоскостями* («широкими полосами» дат. *stribe) прошлого* и *будущего»*: ***Bag sig*** *efterlader det* ***en uendelig bred stribe*** *af fortid,* ***foran sig*** *har det fremtiden, på* ***knivsæggen*** *ligger det* ***nu****, hvori vi lever.* ‘Позади него — бесконечно широкая полоса прошлого, впереди — будущее, на самом лезвии находится то настоящее, в котором мы живем’.

3) При представлении линейного времени как ножа, соскребающего вселенную, реально может быть *виден* лишь пройденный путь - та широкая *полоса*, которую нож уже успел «проскрести» во вселенной, а именно ***плоскость прожитого прошлого,*** **вплоть до *черты*** *(rand)* ***настоящего*** включительно. Эта идея получает дальнейшее метафорическое подтверждение в романе.

С одной стороны, в тексте постоянно возникают метафоры ощущения «последней черты», «края обрыва»: *Da* ***presses*** *man stille og roligt mod* ***afgrundens rand*** (259) ‘Тогда тебя тихо и незаметно толкают к *краю пропасти*’ (296). *Vi* ***stod ved randen****, vi* ***havde nået en grænse****. For hvor langt man med tidsinstrumentet kunne presse den menneskelige natur.* (261) ‘Мы оказались *у края пропасти*, мы *дошли до предела*, предела тому, насколько при помощи инструмента времени можно оказывать давление на человеческую природу’. (298) То есть лезвие (черта) настоящего – это одновременно и *обрыв вниз*, в пропасть неведомого.

С другой стороны, чрезвычайно интересна сопряженная с ключевой метафорой «ножа времени» метафора ощущения линейности времени как *«света»* и отсутствия такового как *«тьмы»*: *De ville ikke vide af den tanke, at nogle elever var* ***nede i mørket****. De ville slet ikke vide af mørket, alt i universet skulle være lys.* ***Med lysets kniv*** *ville de* ***skrabe mørket rent****.* (227) ‘Они даже думать не хотели о том, что некоторые ученики пребывали в *темноте*. Они вообще не хотели знать о темноте, все во вселенной должно было быть светом. *Ножом света* они хотели *отчистить темноту* добела’. (260).

Эта метафора возникает в романе значительно позже, чем приведенная выше ключевая метафора линейного времени как лезвия ножа. Тем не менее, обе метафоры, безусловно, связаны концептуально.

Важнейшим ключом для понимания специфики концептуализации времени в датском языковом сознании является пространственная составляющая данной метафоры, закономерно утрачиваемая в русском переводе, но полностью соответствующая пространственной организации датских темпоральных представлений, выявленных нами в ходе психолингвистического эксперимента. Ведь, по Хегу, *нож света* – это тот же *нож линейного времени*, который «соскребает темноту» со вселенной (Med lysets kniv ville de skrabe mørket rent.) Но самое главное – это, что все то, что не соответствует линейному представлению времени, оказывается не просто «в темноте», но, согласно датскому оригиналу, «***nede* i mørket»**, то есть «***внизу* в темноте**»! Свет линейного времени как бы «*скребет по поверхности*» объективной реальности, двигаясь по ней из прошлого, выражаемого в датском формами datid, førdatid, førnutid, в четко запланированное будущее, выражаемое в датском языке формой nutid.

Таким образом «освещенным», то есть «*четко видимым*», согласно этой метафоре, является именно когнитивный план «пережитой реальности» (den oplevede virkelighed). *De ville* ***løfte*** *de uforståelige og mørke og tvivlsomme børn* ***op i lyset*** (230) ‘Они захотели *поднять* непонятных им *темных и сомнительных* детей *вверх, к свету’*. (264) *Det som er sket, fra Augustin til Newton, er at man har* ***fjernet mennesket fra tiden****… Den er blevet* ***objekti****v. Altså* ***befriet for menneskelig usikkerhed****.* (231) ‘В промежутке времени от Августина до Ньютона случилось то, что *человека удалили из времени*, – оно стало *объективным*, то есть свободным от *неуверенности* человека‘ (265).

То есть, согласно метафоре Хега, к «объективному» времени человека насильно *«поднимают»*. Тогда как сомнения, неуверенность остаются *«внизу», «в темноте»*.

«Внизу в темноте» (nede i mørket), остаются все неточные предположения, прогнозы, ирреальные допущения и тому подобные субъективные составляющие восприятия времени. И это метафорическое представление Хега удивительно точно соответствует результатам перцептивного эксперимента восприятия времени датскими информантами. Кроме того, оно подтверждается теми формулировками, которые использовали датчане, когда говорили о предполагаемых или прогнозируемых событиях: «Датские информанты испытывали ощутимо бо́льшую сложность в визуализации будущих событий по сравнению и с русскими и с американцами. Многие из опрошенных датчан заявляли, «что они не могут представить того, чего не пережили» (at de ikke kunne se det, som de ikke havde oplevet), «может быть, только почувствовать это» (måske kun føle det), «что будущее нечетко» (fremtiden står uklar), что «картинка лишь

проблескивает» (billederne glimter), «будто помехи в телевизоре» (de var som sne i fjernsynet). Таким образом, в сознании датчан будущее так или иначе принадлежит совсем иному «измерению», нежели пережитая реальность» [Никуличева 2008, 98].

А теперь обратимся к Рисунку 2, приведенному в начале статьи и иллюстрирующему соотношение пространственных представлений о времени носителями датского языка со структурой датских темпоральных оппозиций, и убедимся, что обсуждавшаяся выше метафора Хега абсолютно точно им соответствует.

Глядя на рисунок, мы можем буквально визуализировать этот «нож времени», скребущий по поверхности «плана пережитой реальности» *от черты прошлого*, образованного категориями имперфекта (gjorde) и плюсквамперфекта (havde gjort) *к черте настоящего*, образованной категориями презенса (gør) и перфекта (har gjort). И именно «план пережитой реальности» *виден* наблюдателю лучше всего. Он как бы находится *сверху*, «*на свету*». А дальше за чертой настоящего следует обрыв «*вниз», «в темноту*» неведомого. И именно там локализованы представления о будущности прогностичности, ирреальности.

Таким образом, можно утверждать, что ключевая метафора, предлагаемая Питером Хегом в качестве образа линейного времени, на самом деле, производна не от абстрактной идеи времени как линии, а от той пространственной организации временных представлений, которая характерна для носителей датского языка и задана структурой существующих в этом языке темпоральных категорий.

Весь роман Хега – об отчаянном протесте его героя против жестких рамок линейного восприятия времени, когда человек оказывается как бы «*удаленным*» (***fjernet fra tiden***) из «объективного» времени, выступающего у Хега синонимом «линейного» времени. Это попытка вернуться к ощущению себя неотъемлемой частью вечной цикличной вселенной, вырвавшись *за рамки* линейного времени: *Der er* ***en grænse*** *for hvor meget disciplin, hvor* ***faste rammer*** *børn kan tåle* (255) ‘Существует *предел* тому, сколько дисциплины, насколько *жесткие рамки* могут выдержать дети’ (291). Ощущение времени как чего-то внешнего, чуждого человеческой природе, превращает его в «колючую проволоку», ограничивающую человека: *Hvordan er tiden blevet til* ***pigtråd****, hvordan har den så* ***lukket sig omkring os?*** (237) ‘Как же время превратилось в *колючую проволоку*, почему оно *сомкнулось* вокруг нас? ’ (272).

Избавиться от рамок линейного времени – для героя значит суметь почувствовать свое существование *в моменте времени*. Ключевой метафорой органичного слияния с миром и временем в романе служит метафора паутины:

Det kunne være et slør af tåge om morgenen på børnehjemmet, en hvid røg der ***steg o****p fra jorden. Hvor den* ***mødte*** *solen fra himlen* ***hang*** *dugdråberne i edderkoppens spind, store, med krumme og omvendte spejlbilleder af de hvide tråde og det tågede græs og ens eget ansigt. Som om der* ***fødtes*** *små, klodeformede universer i overgangen mellem vandet fra jorden og ilden fra himlen. Og et sted i disse krumme spejlverdenens ordløse skønhed kunne man genkende sig selv på grund af maskinklipningen.*

Spindet, lyset, duggen, alt sammen må det have været en del af edderkoppens omverden og natur. Men ikke som en begrænsning, sådan har jeg aldrig senere kunnet se det. Natur er ikke en spændetrøje der skal sprænges. Natur er en nådegave, en mulighed for vækst der er blevet skænket alt levende. Som en retning i ens liv. (255).

‘По утрам над детским домом ***могла появляться*** пелена тумана – белый дым, ***поднимавшийся*** от земли. Там, где он ***встречался*** с солнечными лучами, **повисали** капельки росы, крупные с кривыми и перевернутыми отражениями белых нитей и туманной травы, и твоего собственного лица. Как будто в пространстве между влагой земли и огнем неба ***рождались*** маленькие вселенные в форме земного шара. И где-то в этой изогнутой безмолвной красоте зеркального мира можно было узнать самого себя благодаря остриженной под машинку голове.

Паутина, свет, роса, все это вместе было частью окружавшего паука мира и частью его природы. Но ни в кое случае не ограничением – так мы тогда не думали, так я потом никогда не думал. Природа – это не смирительная рубашка, которую надо порвать. Это дар Божий, возможность роста, которая дарована всему живущему. Словно направляющая линия для всей твоей жизни’ (291).

Перед нами удивительный отрывок. Психологи назвали бы его визуальным трансом. Это момент созерцания и осмысления. Это «крупный план», когда, затаив дыхание, ребенок рассматривает капельку росы, повисшую на паутине, и видит в ней весь мир и себя самого. В этот момент время исчезает… Остается длящееся состояние – ощущение себя в бесконечном моменте.

Замедляя бег времени, человек получает возможность ощутить свое единство с миром, почувствовать себя органичной частью мироздания. Это именно то, что Питер Хег имеет в виду, несколько раз повторяя в романе, что иногда человеку нужно «*войти в лабораторию*» и «*прикоснуться ко времени*», «*и тогда время изменится*»: *da kan man gå ind i laboratoriet og røre ved tiden – og da vil den forandre sig* (237, 258). Такое «прикосновение ко времени» дает человеку энергию жить и развиваться.

Возможность замедлить время, раствориться в нем вместо того, чтобы постоянно мучительно догонять время – вот чего ищет герой Хега на

протяжении всего романа. Он чувствует, что ощущение времени связано с языком. Но, естественно, остается в рамках того языка, на котором думает! И это хорошо видно, если приведенный датский отрывок сравнить с его русским переводом.

В датском оригинале повествование ведется о моменте в прошлом, поэтому, автор закономерно использует формы имперфекта: *steg op, mødte, hang, fødtes*. Иных возможностей для описания ситуации, локализованной в точке прошлого, у него нет. Глагольная система русского языка предоставляет две возможности «видения» события в прошлом: как более бегло и отстраненно, что передается формами несовершенного вида, так и более замедленно и сопричастно, что органично выражается формами несовершенного вида. Именно поэтому для передачи смысла отрывка в переводе использованы только формы прошедшего времени несовершенного вида: *появлялся, встречался, поднимался, повисали, рождались*. Именно формы несовершенного вида позволяют читателю погрузиться в ощущение героя и как бы перенестись с ним в описываемый момент. Именно этого состояния замедления времени и вовлеченности в процесс, столь органично передаваемого формами русского несовершенного вида, так недостает герою Хега!

Для того, чтобы лучше понять, какие смыслы вносит в повествование использование русских форм несовершенного вида, заменим их на формы совершенного вида, сохранив отнесенность к прошлому: «над детским домом *появилась* пелена тумана – белый дым, *поднявшийся* от земли. Там, где он *встретился* с солнечными лучами, *повисли* капельки росы, крупные с кривыми и перевернутыми отражениями белых нитей и туманной травы, и твоего собственного лица. Как будто в пространстве между влагой земли и огнем неба *родились* маленькие вселенные в форме земного шара»… Из ключевого момента сопричастности миру описание с использованием форм совершенного вида, превращается в малозначимый эпизод, пересказанный будто скороговоркой.

То есть формы русского несовершенного вида создают несомненный эффект замедления времени, позволяющий человеку ощутить свою включенность в его течение, – ощущение, которого столь мучительно ищет герой датского романа, оставаясь в рамках категорий своего родного языка, в котором эти смыслы остаются латентными.

Интуитивно герой Хега ощущает, что время можно воспринимать иначе – не как «жесткие рамки» (faste remmer) или «колючую проволоку» (*pigtråd*), а как «*поле*» или «*ландшафт*»: *Tid er et* ***felt*** *af sprog, farver, lugte, kropssansninger og lyde, et felt i hvilket man lever sammen med verden* (257). ‘Время – это ***поле*** *языка, красок, запахов, ощущений тела и звуков, поле, в котором человек живет вместе с миром*’ (294). Время, в котором

человек ощущает себя свободно и сопричастно, определяется Хегом пространственной метафорой «*ландшафт*», «*территория*», «*равнина*», «*поле*»: *Det betyder også at tiden er et* ***område i sproget****, som et* ***landskab****, der hvor man bevæger sig hen når man forsøger at begribe især de dele af verden som har med dens forandring at gøre* (259).'Это означает, что время еще и *область в языке*, словно ландшафт, тот *ландшафт*, куда ты особенно стремишься, когда пытаешься понять те части мира, которые связаны с изменениями'(296). *Da er tiden mere et* ***felt, en slette, et kontinent man kunne rejse i*** (260) 'Тогда время похоже на *поле, равнину, на континент*, где можно путешествовать' (297).

А теперь обратимся к рисунку 1, приведенному в начале статьи для иллюстрации временны*х* представлений, выявленных в ходе эксперимента с носителями русского языка. И убедимся, что структура временных представлений, обобщенных грамматическими средствами русского языка, как нельзя лучше может быть выражена именно метафорой «*поля*» или «*равнины*». И именно грамматические средства русского языка дают возможность наряду с обозначением *изменений* формами *совершенного вида* также выразить и *ощущение состояния* человека в ситуативном моменте, передаваемое формами русского *несовершенного* вида.

Хег прав. Ощущение времени – это поле языка. Но есть языки, которые в большей степени, «настроены» на передачу «линейного» времени с четкой регистрацией последовательности событий относительно момента речи и относительно друг друга. К таковым относятся германские языки, в том числе, и датский язык. И есть языки, подобные русскому, грамматическая система которых, в большей степени «настроена» на «цикличное», то есть, по сути дела, процессное восприятие времени. И носителям вторых проще, чем носителям первых, ощущать время как «поле красок, запахов, ощущений тела и звуков, поле, в котором человек живет вместе с миром».

Литература

Peter Høeg. De måske egnede. Roman. København: Rosinante forlag, 2000. - 277s.

Питер Хег. «Условно пригодные» Роман. Пер. с датского Елены Красновой. С-Пб. Symposium: 2002. – 320 с.

Никуличева Д.Б. О перцептивных основах категоризации видо-временных значений в английском и датском языках // Германистика. Скандинавистика. Историческая поэтика. Ко дню рождения О.А. Смирницкой. М. МАКС-пресс: 2008. С.76-104.

С.Ю. Богданова

Английские фразовые глаголы и их русские эквиваленты в представлении картины мира

The article deals with spatial conceptualization of some phenomena reflected in English phrasal verbs and their Russian equivalents. The analysis is focused on phrasal verbs, initially referring to spatial relations, which have been long known to constitute one of the basic elements of human cognition. The hypothesis is that some phenomena are conceptualized differently in English and in Russian and it can be proved through studying the spatial elements' usage in the two languages.

Сравнить некоторые аспекты картины мира, зафиксированной в различных языках, можно путем исследования употребления пространственных элементов (наречий, предлогов, частиц, префиксов и др.) при описании тех или иных явлений действительности. При этом важную роль играет «прозрачность» значений пространственных элементов, особенно если речь идет о пространственных префиксах или послелогах (например, в составе английских фразовых глаголов), поскольку первые являются морфемами, а вопрос о «словности» вторых по-прежнему не решен.

В современном русском языке у префиксальных глаголов префиксы часто не совпадают по форме с пространственными предлогами. Даже носителю языка бывает трудно выделить основные пространственные значения префиксов, поскольку они часто изменяются в сторону расширения или сужения. Так, в русском языке происходит сближение некоторых значений пространственных префиксов: *обо*гнать – *пере*гнать, *вы*жидать – *пере*жидать, *по*бить – *из*бить, *у*ронить – *вы*ронить, *у*творить – *вы*творить – *на*творить, *вы*гнать – *про*гнать, *въ*ехать – *за*ехать. Противоположное направление развития значений пространственных глагольных расширителей (приставок) отмечено в русском языке Д.Н. Шмелевым, который пишет о том, что в плане перераспределения элементов значения слова вследствие изменения роли сопутствующих слову ассоциативных «оттенков значения» показательно семантическое расхождение в современном русском языке близких по словообразовательной форме слов *усвоить* и *присвоить*, имевших первоначально значение «сделать своим», «присоединить». «В качестве существенного семантического признака первого из них закрепилось отношение к «нематериальным» объектам, в качестве существенного признака второго – указание на произвольность, незаконность действия (при отражении предшествующей семантики этих слов в их фразеологически связанных и стилистически ограниченных значениях, проявляющихся в такого рода сочетаниях, как *присвоить звание, присвоить имя*, организм *усвоит пищу* и т.п.)» [Шмелев 1973, 253].

Если в результате действия этих процессов пространственные значения сохраняются, система продолжает успешно функционировать. Иногда данные процессы приводят к необратимым последствиям и система таких пространственных элементов разрушается. Так произошло в древнеанглийском языке, когда на смену приставкам в роли пространственных модификаторов обозначенного глаголом действия пришли наречия.

Возникновение английских фразовых глаголов, в основе которых лежали древние сочетания глаголов с пространственными наречиями, было самым непосредственным образом связано с разрушением исконной системы глагольной префиксации [Сизова 2004, 149]. Уже у древнегерманских языков был «опыт» создания номинативных единиц, в которых совместно выражались пространственные отношения и действие. «Не обладая цельнооформленностью прототипа, фразовый глагол все же сохранил с ним максимально возможное сходство: в его структуре, как и в структуре цельнооформленного биморфемного слова, можно выделить лексически более насыщенный элемент (подобно корню) и модификатор (подобно аффиксу)» [Шапошникова 2003, 207]. В пользу того, что послелоги и сейчас, в условиях раздельного написания, по функции во многом схожи с аффиксами, высказывался, в частности, Ю.А. Жлуктенко, выступая против термина «послелог» и называя его постпозитивной приставкой. По его мнению, послелог «сливается в одно целое с корневым глаголом, выражая с ним одно понятие, а формально сохраняет с ним раздельность, развивая за счет этого своеобразные связи с глаголом и всегда стремясь примыкать к нему непосредственно» [Жлуктенко 1954, 112].

Древнеанглийские префиксы в своих истоках восходили к древнейшим наречным частицам с разными значениями. Согласно традиционной модели становления глагольных префиксов, у каждого из них наряду с его исконным значением по мере расширения круга глаголов, с которыми он мог сочетаться, формировались и вторичные, производные значения разного характера и степени обобщенности [Сизова 2003, 103]. Одной из ведущих тенденций развития системы глагольной префиксации в древний период, свидетельствующих о ее разрушении, было постепенное сокращение числа префиксов, сохранивших свои исконные пространственные значения. Среди префиксов древнего периода выделяют две группы, образовывавшие оппозицию: 1) древнейшие префиксы, лишенные автономных коррелятов, а, следовательно, и пространственных значений, 2) префиксы, позднее других вошедшие в словообразовательную систему, о чем свидетельствует четкая соотнесенность их значений, вплоть до сов-

падения[1], с соответствующими значениями однокоренных предлогов и предложных наречий. Снижение способности глагольных префиксов передавать пространственные значения можно рассматривать как свидетельство далеко зашедшего процесса разрушения данной системы. Падение исконных префиксов осуществилось в начале среднего периода [Сизова 2003, 101], и роль модификаторов глагольной семантики стали выполнять постпозитивные частицы (послелоги). В результате этого, в современном английском языке у фразовых глаголов наличествует элемент, осуществляющий четкое указание на пространственное отношение, совпадающий по форме с собственно пространственными наречиями.

Представляется, что в современном английском языке существуют устойчивые тенденции к частичному сближению переосмысленных значений пространственных послелогов [Богданова 2006], однако, как и пространственные префиксы в современном русском языке, послелоги успешно выполняют роль модификаторов действия по пространственному признаку, что обеспечивает устойчивость системы. Изучая такие пространственные элементы, можно проследить, как формировалась языковая картина мира, какие пространственные отношения лежали в основе концептуализации различных сфер жизнедеятельности человека. Исследование английских фразовых глаголов и их русских эквивалентов выявило как сходство английской и русской картин мира, так и ряд принципиальных отличий, что будет проиллюстрировано на примере двух явлений, имеющих пространственную концептуализацию как в русском, так и в английском языках: эмоциональных состояний и времени как фундаментального понятия.

В сознании человека эмоциональные представления часто сближаются с пространственными. Пространственная лексика, являясь конкретной и доступной в силу обозначения наблюдаемых и воспринимаемых органами чувств событий и явлений, служит связующим звеном между эмоцией, выраженной абстрактным существительным, и описанием соответствующего ей состояния ума, сердца и т.д. Многие лингвисты отмечают важность схемы «контейнер» для концептуализации чувств и эмоций. В частности, В.Г. Гак считает, что чувство описывается примерно как со-

---

[1] О совпадении значений готских превербов (прообразов древнеанглийских префиксов) и наречий можно говорить лишь в отношении пар *inn-/inn* «внутрь» и *ūt-/ūt* «наружу», причем коррелировавшие единицы взаимодействовали на уровне текста. Преверб *inn-* и наречие *inn* представляли собой по существу одну наречную частицу, которая могла употребляться как в препозиции, так и в постпозиции к глаголу [Сизова 2003, 101].

стояние. Однако отмечаются два разных восприятия чувства. В одном случае чувство изображается как объект, локализуемый в субъекте – носителе чувства *(У него в душе радость)*. В другом случае чувства, переживания рассматриваются как среда, в которой локализуется субъект (аналогично состоянию *Она в печали*) [Гак 2000, 134]. Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев, исследуя русский язык, подчеркивают, что оценка «плохо», характеризующая состояния, в которые впадают, – это именно неодобрение. Большинство состояний, в которые «впадают», представляют собой отрицательные эмоции. Еще одну разновидность эмоциональных состояний представляют «глубокие» состояния, в которые человек «погружается». Так, говорят, «погрузился в печаль, в уныние, в отчаяние, в скорбь» [Булыгина 2000, 283]. Здесь мы видим одно проявление отличия русской картины мира от английской, где «впадают» в приятные и положительные состояния (*fall in love*), а к «глубоким» состояниям относится, например, привязанность (*affection*): Deep affection *welled up* in her (Bradford). В обеих картинах мира можно «погрузиться» в состояние задумчивости (в мысли), но его вряд ли можно отнести к эмоциональным состояниям.

Метафора «эмоции это потоки жидкости» как в русском, так и английском языке является естественной и мотивированной. Она находит отражение в примерах типа: Guilt *flooded through* her (Bradbury) ‘Чувство вины переполняло ее’ букв. ‘*затопило*, пройдя *сквозь* нее»’. Чувства и эмоции «путешествуют по организму»; подобно потокам жидкости, они могут заполнить тело: The sudden relief from the fear that *flooded* his body made him flush with shame (Puzo) ‘Внезапное облегчение после страха, *наводнившего* его тело, заставило его покраснеть от стыда’.

Еще одно отличие русской картины мира от английской заключается в следующем. По словам Е.В. Падучевой, «язык предлагает нам модель мира, включающую метафизический процесс поступательного движения времени: время идет приблизительно так же, как идет снег или дождь, только всегда и не в реальном пространстве, а «в четвертом измерении»» [Падучева 2000, 246]. Положение дел, характерное для русской картины мира, похоже, не находит полного соответствия в английской. Безусловно, время движется поступательно в обеих картинах мира, но в английском языке, как известно, об осадках не говорится, что они «идут». Движение осадков концептуализируется в вертикальной плоскости, а движение времени – в горизонтальной: The rain *falls down* букв. ‘Дождь падает *вниз*’; The time *flies away*, букв. ‘Время *улетает прочь*’. Например, периоды времени сравниваются с текущими сквозь время реками: Here were rainbows and mornings and noons as bright as new rivers *flowing* endlessly *back* through time (Bradbury) ‘Здесь были радуги и утра, и дни, такие же

яркие, как новые реки, бесконечно текущие назад сквозь время'. Данная метафора – «время – это поток жидкости» – демонстрирует восприятие времени как поступательно, непрерывно и бесконечно движущейся сущности.

Метафорически время часто упорядочивается как объект, которым можно распоряжаться и который можно взять у кого-то, занять: I've never got the feeling that I'm *taking up* his time (George) 'У меня никогда не было чувства, что я отнимаю у него время', его можно чем-то заполнить (если оно концептуализируется как «контейнер»): There were many evenings when he was simply too tired to go out, and he *filled in* the time by explaining to her the intricacies of the fortune (Korda) 'Было много вечеров, когда он был просто слишком уставшим, чтобы куда-либо идти, и он заполнял это время, объясняя ей хитросплетения состояния'. Время может концептуализироваться как движущаяся сущность, способная оставаться на месте: Time seemed to *stand still* (Steel) 'Казалось, время замерло', самопроизвольно перемещаться, подобно реке: His phone time was *running out* (Forsyth) 'Его время на звонок истекало'.

Проявления аналитизма в английском языке затрагивают не только грамматику и лексику, но и переходные процессы от лексической пространственной предельности к грамматической (видовой) предельности. Так, М. Дейчбейн отмечает богатое, чрезвычайно обильное развитие видов в современном английском языке и устанавливает 8 видов (итератив, фреквентатив, инкоатив, интенсив, континуатив, перфектив, имперфектив и каузатив). Однако он сетует на то, что все они выражены не синтетическим, а аналитическим путем, поэтому многие ученые их не признают [Жирмунский 1976]. Приведенный М. Дейчбейном в работе 1917 года «System der neuenglischen Syntax» пример выражения видового («перфектив») противопоставления *look – look up* демонстрирует определенную степень грамматизации вовсе не грамматического сочетания глагола с послелогом [там же] (ср. с парами *eat – eat up, drink – drink up* и др.). «Континуатив» М. Дейчбейна, вероятно, также представлен в системе английских фразовых глаголов семантически. Речь здесь идет об одном из способов выражения временных характеристик.

Переосмысление пространственных отношений ведет в ряде случаев из сферы пространственной во временну́ю сферу, что выражается в языке в системе фразовых глаголов преимущественно двумя способами: 1) использованием фразовых глаголов с послелогом on; 2) использованием фразовых глаголов с послелогом *away*, характеризующим процессуальность. В втором случае переосмыслению подвергается пространственное отношение «протяженность».

Послелог *away* употребляется с глаголами различных семантических

групп, обозначающих процесс, указывая на способ проведения времени. Обычно в предложениях с такими фразовыми глаголами присутствует дополнение, обозначающее период времени: For two years she *wasted away* in a sanatorium. Finally she found a way to kill herself (Michaels) ‘Два года она чахла в санатории. Наконец она нашла способ покончить с собой’; It was so much easier to stay in bed, to *sleep* the day *away* (Steel) ‘Было гораздо легче оставаться в постели, спать дни напролет’. В русском языке отношение протяженности может быть выражено префиксом *про-*. Этот же префикс имеет значение продолжительности действия, соответствующее значению английского послелога *away*: A society orchestra would be on the bandstand, ready to tempt the guests to *dance* the night *away* (Sheldon) ‘Оркестр будет на подиуме, готовый соблазнять гостей *про*танцевать всю ночь’. Ср.: *Попрыгунья стрекоза лето красное пропела* (Крылов).

Такие фундаментальные понятия как время всегда привлекали внимание мыслителей и философов. Они, как и многие другие абстрактные понятия, в частности, представляющие эмоциональные состояния человека, осмыслялись и продолжают осмысляться с привлечением различных метафор, как поэтических, так и концептуальных. «Движение» времени и эмоций обозначается преимущественно с помощью глаголов движения (в том числе английских фразовых и русских префиксальных) или глаголов других семантических групп в значении глаголов движения. Важное значение имеет концептуализация времени и эмоций как потоков, движущихся однонаправлено, и в английской, и в русской картинах мира.

Литература

Богданова С.Ю. Пространственная концептуализация мира в зеркале английских фразовых глаголов. Иркутск, 2006.

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Перемещение в пространстве как метафора эмоций // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000. С. 277-288.

Гак В.Г. Пространство вне пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000. С. 127-134.

Жирмунский В.М. Общее и германское языкознание. Л., 1976.

Жлуктенко Ю.А. О так называемых «сложных глаголах» типа stand up в современном английском языке // Вопросы языкознания. 1954. № 5. С. 105-113.

Падучева Е.В. Пространство в обличии времени и наоборот (к типологии метонимических переносов) // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000. С. 239-254.

Семенова Т.И. Экспериенциальная семантика модуса кажимости // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Том 4. Вып. 1. Новосибирск, 2006. С. 5-13.

Сизова И.А. Смысловая структура древнего префикса как отражение его генезиса // Теория, история, типология языков. Материалы чтений памяти В. Н. Ярцевой. Вып. 1. М., 2003. С. 100-109.

Сизова И.А. К вопросу об истоках фразовых глаголов в английском языке // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Том 2. Вып.1. Новосибирск, 2004. С. 149-156.

Шапошникова И.В. Глагольная аналитическая номинация как теоретическая и методическая проблема в современном английском языке // Теория, история, типология языков: Материалы чтений памяти В. Н. Ярцевой. Вып. 1. М., 2003. С. 202-211.

Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.

Bradbury R. A Medicine for Melancholy. Toronto, New York: Bantam Books, 1981.

Bradford B.T. Act of Will. London: Harper Collins Publishers, 1994.

Forsyth Fr. The Negotiator. New York: Bantam Books, 1990.

George E. For the Sake of Elena. Berkshire: Bantam Books, 1994.

Grisham J. The Painted House. UK: Arrow Books, 2001.

Korda M. The Fortune. London: Pan Books, 1989.

Michaels P. Come Follow Me. London: Coronet Books, 1984.

Murray A. Kate & Olivia. London: PAN, 1996.

Puzo M. The Godfather. London: Pan Books, 1972.

Snow L. Garden of Lions. Sydney: Harlequin Books, 1985.

Steel D. Summer's end. Glasgow: Sphere books limited, 1982.

К.В.Антонян

Ориентационная метафора в языках различных типов: глагольные модификаторы в китайском и английском языках[1]

This paper entitled "Orientational Metaphor in English and Chinese" analyzes the semantics of verbal particles in English and Chinese. The object of investigation is the two pairs of verbal particles: *up – down* (in English), *shang* ('up') – *xia* ('down') in Chinese. The notable peculiarity of these particles is the wide variety of meanings: alongside with the basic spatial meanings they also have metaphorized ones. The aim of

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Грамматикализация пространственных значений в китайском языке (№ 08-04-00179а).

the paper is to compare the ways of metaphoric development of spatial meanings and to analyze the cognitive mechanisms underlying the grammaticalization of verb particles in two totally different languages such as English and Chinese.

Данная работа выполняется в рамках сопоставительной аффиксологии – интенсивно развивающейся в последнее время области [1].

Речь идет, в частности, о семантической типологии приставок и, шире, глагольных модификаторов. В задачу исследователя входит сравнение не только самих значений, но и способов их образования, то есть фактически метафорических систем разных языков [Кронгауз 1998, 98]. Можно сказать также, что предметом исследования является *ориентационная метафора* (термин Дж.Лакоффа и М.Джонсона) в языках различных типов [Лакофф, Джонсон 2004, 35].

В данной работе будут рассмотрены китайские глагольные модификаторы *shang* и *xia*, имеющие значение соответственно `вверх’ и `вниз’, и их аналоги – глагольные частицы (verb particles) современного английского языка *up* и *down*, участвующие в образовании идиоматических глагольных комплексов, обычно обозначаемых в англоязычной литературе как phrasal verbs. Для обозначения исследуемых единиц мы будем пользоваться обобщающим термином «глагольный модификатор».

В китайском языкознании термин «глагольный модификатор» широко употребителен (см., в частности, [Драгунов 1952, 121], [Яхонтов 1957, 14], [Антонян 2003, 21]). Этим термином обозначается глагол или прилагательное, присоединяемые к глаголу и обозначающие результат или направление действия, обозначаемого этим глаголом. Глагольные комплексы этого типа (т.н. результативные конструкции) грамматически представляют собой слова, однако образуются в речи свободно, их класс открыт, что сближает их со словосочетаниями. Примерами результативных конструкций являются kan-jian (`смотреть' + `видеть' - `увидеть'), xi-bai (`стирать' + `белый' - `отстирать добела'), shui-hao (`спать' + `хороший' - `выспаться').

Отличительной чертой этих глагольных комплексов является возможность образования т.н. форм потенциального наклонения (ФПН) путем инфиксации морфем *de* или *bu*; соответствующие формы имеют соответственно значение возможности или невозможности достижения действи-

---

[1] Ср., в частности, следующие сборники работ: «Глагольная префиксация в русском языке» (М., 1997), «Исследования по семантике предлогов» (М., 2000), «Русские приставки: многозначность и семантическое единство» (М., 2001), «Глагольные префиксы и префиксальные глаголы» (М., 2001).

ем результата, ср. *kan-de-jian* `можно увидеть, видно', *kan-bu-jian* 'не видно'.

Особый подтип результативной конструкции представляет собой направительная конструкция, второй компонент – модификатор со значением направления - которой обозначает направление действия, обозначенного оформляемым глаголом. Модификаторы со значением направления составляют небольшой закрытый класс из 27 элементов.

К числу наиболее употребительных модификаторов со значением направления относятся *lai* 'прийти' (показывает, что действие направлено к говорящему), *qu* 'уйти '(показывает, что действие направлено от говорящего), *shang* 'вверх' , *xia* 'вниз', *qi* 'вверх', а также сложные модификаторы, образованные сочетанием простых с *lai* и *qu*: *shanglai* 'вверх (к говорящему)', *shangqu* 'вверх (от говорящего)', *xialai* 'вниз (к говорящему)', *xiaqu* 'вниз (от говорящего)', *qilai* 'вверх (к говорящему)'. Все они имеют наряду с исходным значением также и грамматикализованные значения, связанные с характеристикой протекания действия во времени.

Модификаторы *shang* и *xia*, которые будут рассмотрены в данной работе, чрезвычайно продуктивны: они образуют по несколько сот сочетаний (*shang* – более 1000). Их английские аналоги *up* и *down* также отличаются большой продуктивностью. По данным словаря "Dictionary of Phrasal Verbs" (DPV), наибольшее число сочетаний образуют следующие частицы (в порядке перечисления): *up, out, off, in, on, down*. *Up* образует более 500 комбинаций, *down* – около 380 [DPV, Particles Index, 1, 15-18, 47]. Заслуживает внимания факт асимметрии в парах – различная продуктивность членов одной антонимической пары: *up* продуктивнее *down*. В китайском языке число сочетаний, образуемых *shang* 'вверх', также больше числа сочетаний, образуемых *xia* 'вниз'.

В работе будут рассмотрены как исходные (пространственные) значения частиц, так и метафорические. (Впрочем, есть основания думать, что в образовании производных значений задействована, наряду с метафорой, также и метонимия; поэтому, вероятно, лучше говорить об основных и производных значениях).

В особенности нас будет интересовать набор производных значений рассматриваемых частиц. Можно предположить, что наборы производных значений будут сильно различаться. Но, вообще говоря, здесь интересны и различия, и совпадения. В особенности, если речь идет о сопоставлении функционально сходных единиц, принадлежащих к разноструктурным языкам, вплоть до недавнего времени имевшим очень мало контактов и обслуживающим сильно различающиеся культурные сообщества.

По-видимому, первым, кто, описывая систему глагольных модификаторов со значением направления в китайском языке, указал на наличие

функционально сходной системы единиц в языке совершенно другого типа (а именно, отделяемых приставок со значением направления в немецком языке), был американский лингвист Чжао Юаньжэнь [Chao 1968, 458].

Насколько нам известно, последовательное сопоставление ни этих систем, ни хотя бы отдельно взятых единиц еще не проводилось.

Как нам представляется, современное состояние исследований глагольных модификаторов как в рамках описания отдельно взятых языков, так и в рамках сопоставительно-типологических исследований позволяют приступить к такому сопоставлению.

Что касается китайского языка, то составлены словари сочетаемости, специально посвященные глагольным модификаторам [Liu Yuehua 2008] или включающие разделы, последовательно отражающие сочетаемость глаголов с модификаторами, например, словарь «Восемьсот слов современного китайского языка» [XHBC 1980; 2007], «Новый полифункциональный словарь китайского языка» [DGNC 1989], «Словарь сочетаемости глаголов» [DCYF] , «Словарь сочетаемости имен прилагательных» [XRCYF 1991][1].

Что касается английского языка, то идиоматическим глагольно-предложным и глагольно-наречным группам посвящено немало теоретико-лингвистических работ (ср. [Bolinger 1971, Линднер 2000]), учебников ([McCarthy, O'Dell 2004, 2007; Солодушкина 2007]), словарей ([DPV 2004], [OPV 2006]) (привести сколько-нибудь полный список не представляется возможным в рамках данной работы; мы упоминаем лишь те источники, на которые мы опирались в рамках данного исследования).

Кроме того, для осуществления подобного исследования необходим метаязык, позволяющий описывать глагольные модификаторы, являющиеся единицами языков различных типов и имеющие очень разный грамматический статус, в единой методологической рамке, чтобы результаты описания были сопоставимыми. В настоящее время такой метаязык активно разрабатывается (см. обзоры [Кронгауз 1997], [Филипенко 2000.

Shang и *xia* функционируют в СКЯ и как самостоятельные глаголы, и как глагольные модификаторы. В функции модификатора эти элементы

---

[1] В китайском языке прилагательное по своим грамматическим свойствам чрезвычайно близко к глаголу и обладает многими грамматическими категориями глагола. Поэтому прилагательное нередко рассматривается либо как один из подтипов глагола [Chao 1968, 663], либо объединяется вместе с глаголом в общую категорию – категорию предикатива [Драгунов 1952, 12].

имеют разнородные употребления: в некоторых употреблениях они являются по преимуществу лексическими элементами, то есть передают некоторое знаменательное (пространственное) значение, в других - по преимуществу грамматическими, то есть передают стандартное абстрактное значение, связанное (в зависимости от формы результативной конструкции) либо с протеканием действия во времени, либо с возможностью/невозможностью достижения действием результата или осуществления действия как такового.

Модификатор *shang* наряду с употреблениями, в которых он имеет исходное знаменательное значение (ср. *pa* ‘лезть’ + *shang* ‘подняться’ + *shan* ‘гора’ – ‘подняться на гору’), имеет также употребления, в которых он обозначает результативное завершение действия, причем результат, как правило, состоит в присоединении одной сущности к другой (ср. *guan* ‘закрыть’ + *shang* + *men* ‘дверь’ – ‘закрыть дверь’, *gua* ‘вешать’ + *shang* + *huar* ‘картина’ – ‘повесить картину’).

Интересная особенность shang состоит в том, что он энантиосемичен: в постпозиции к глаголу он может обозначать как результативное завершение действия (см. вышеприведенные примеры), так и начало действия, ср. *ai* ‘любить’ + *shang* – ‘полюбить’.

Рассмотрим теперь системы значений китайских модификаторов *shang* и *xia* более подробно.

Обобщая материалы словарей китайского языка (XHBC, DCYF, DGNC) и работ китайских грамматистов [Liu Yuehua 1989a-c, Liu Yuehua 2008], можно привести следующие системы значений этих модификаторов.

Вслед за Лю Юэхуа мы будем различать три типа значений модификатора: 1) пространственные значения; 2) результативные значения; видовые значения. Как правило, модификатор имеет несколько результативных значений, что доказывается тем, что, оформляя один и тот же глагол, один и тот же модификатор может давать различные результативные значения [Liu Yuehua 1989a, 38].

Модификатор *shang*.

1. *Направительное значение*: перемещение снизу вверх.

2. *Результативные значения.*

2.1. Прийти в контакт и закрепиться (в этом положении).

Ni	ba	yanjing	bi-	shang
ты	ПВД	глаза	закрыть-	Mod

Закрой глаза.

В данной ситуации приходят в контакт и остаются в этом положении верхние и нижние веки.

2.2. *Shang* обозначает достижение некоторой труднодостижимой цели ср.

Wo	zao	jiu	xiang	chi	longxia,
Я	давно	тогда	хотеть	есть	лангусты

zhe	ci	qu	Fujian
этот	раз	ездить	Фуцзянь

zhongyu	chi-	shang	le.
наконец	есть-	Mod	ПСВ

Я давно мечтал поесть лангустов, когда я в этот раз ездил в Фуцзянь, мне это наконец удалось.

Luyinji,	dianshiji	women	jia	
магнитофон	телевизор	наша		семья

ye	mai-	shang	le.	
тоже	купить-	Mod	ПСВ/МЧ	

Магнитофон и телевизор наша семья тоже приобрела.

2.3. *Shang* выражает достижение некоторого количества. Ср.

Zui jin	shimian,	mei	tian	zhi
последнее время	страдать бессонницей	каждый	день	только

neng	shui-	shang	san,	si	ge	xiaoshi.
мочь	спать-	Mod	три	четыре	СС	часа

В последнее время я страдаю бессонницей, в день сплю только три-четыре часа.

3. *Видовое значение.*

Shang обозначает вступление в некоторую новую ситуацию, наступление некоторого нового положения вещей. Ср.

Ta	bu	deng	bu	kao,	ziji
она	не	ждать	не	полагаться	сама

kang-qi	datou	gan-	shang	le.
взять	руковод. роль	работать	Mod	ПСВ/МЧ

Она никого не дожидалась и ни на кого не надеялась, сама взяла на себя руководящую роль и начала работать.

Haizimen	you	rang-rang-	shang	le.
дети	опять	шуметь-	Mod	ПСВ/МЧ

Дети опять расшумелись.

В разных употреблениях *shang* его исходное знаменательное значение

ощущается в разной степени. В некоторых из них знаменательное значение представлено в полной мере; в таких употреблениях значение модификатора *shang* не отличается от значения самостоятельного глагола *shang*. В таких употреблениях морфема *shang* наименее грамматикализована. В некоторых других употреблениях исходное знаменательное значение в той или иной степени метафоризовано; оно не является указанием на ситуацию действительности; оно является некоторой метафорической интерпретацией ситуации, задаваемой оформляемым глаголом (первым компонентом результативной конструкции). Наконец, существуют такие употребления морфемы *shang*, в которых знаменательное значение сведено к нулю; в таких употреблениях нагрузка, лежащая на этой морфеме, целиком сводится к функциональной. В таких употреблениях морфема *shang* наиболее грамматикализована.

Важным показателем степени грамматикализованности морфемы shang в ее конкретных употреблениях в роли модификатора является четкость ее связи с относящейся к сказуемому именной группой.

Наименьшей грамматикализованностью характеризуется морфема shang в таких употреблениях, где ее связь с относящейся к сказуемому именной группой является наиболее четкой и ощутимой. В таких предложениях вычлененное из предложения сочетание `*shang + именная группа*' оказывается осмысленным и грамматически правильным. Подобные употребления shang наиболее близки к исходным (исторически) результативным конструкциям, в которых каждый из компонентов самостоятельно вступал в синтаксические связи с именными группами в предложении.

Большей грамматикализованностью характеризуются те употребления, в которых вычлененное из предложения сочетание `*shang + именная группа*' нельзя отнести к нормативным для современного китайского языка сочетаниям, так как *shang* как самостоятельный глагол обычно не сочетается с такими дополнениями. Таким образом, здесь уже нельзя говорить о существовании синтаксической связи между *shang* и именной группой: синтаксически именная группа относится ко всей результативной конструкции `*глагол + shang*' в целом. Однако с точки зрения семантики можно говорить о существовании в этих употреблениях метафорической связи между *shang* и именной группой, а значение *shang* интерпретировать как метафорическое расширение того или иного исходного "полного" значения *shang*.

Наконец, наибольшей грамматикализованностью характеризуются те употребления, в которых попытки интерпретировать значение *shang* как метафорически расширенное исходное "полное" значение этой единицы и говорить о существовании метафорической связи между *shang* и имен-

ной группой представляются уже натянутыми.

Можно утверждать, что переход от более грамматикализованных к менее грамматикализованным употреблениям является континуальным. Группы употреблений образуют грамматикализационные цепочки; проведение четких границ между соседними членами цепочки невозможно.

Корпус примеров употреблений модификатора *shang* был разделен на группы по типу его значения.

В группе А *shang*, обладая общим значением результативности, обладает также некоторым вещественным значением. Примеры группы А охватывают 19,3% от общего числа примеров. Группа А делится на 10 подгрупп в зависимости от того, к какому из "полных" значений *shang* возводится его вещественное значение в данном употреблении.

В группе В значение *shang* чисто функционально: это наиболее общее значение результативности. Вещественное значение в этих употреблениях уже практически неуловимо. Примеры группы В составляют 7,4% от общего числа примеров.

В группе С значение *shang* также чисто функционально. Оно состоит в выражении наиболее общего значения начинательности. Примеры группы С составляют 73,3% от общего числа примеров.

Даже в наиболее грамматикализованных результативных употреблениях морфемы *shang* ее исходное вещественное значение, уже практически неощутимое, продолжает существовать в скрытом виде и проявляется в ограничениях на сочетаемость *shang*: *shang* как морфема с наиболее общим значением достижения действием результата не сочетается с глаголами, семантика которых связана с движением вниз, уменьшением, сжатием. Расширение сочетаемости *shang* происходит за счет глаголов, семантика которых нейтральна по отношению к исходному вещественному значению *shang*.

Интересно, что для начинательных употреблений *shang* подобные ограничения отсутствуют. Это свидетельствует о том, что в начинательных употреблениях модификатор *shang* грамматикализован в большей степени, чем в результативных.

Модификатор *xia.*

1. Направительное значение: перемещение сверху вниз.

Ср. *Cong xingli jia shang qu-xia yi ge da pixiang* `Снять с багажной полки большой чемодан' (от глагола *qu* `брать').

2. Результативные значения.

2.1. Отделение (целого от части).

Ср. *fang-xia daozi* 'положить нож' (от глагола *fang* 'класть'); *zhi-xia pibao* 'бросить портфель' (от глагола *zhi* 'бросать'); *ba-xia xie* 'сбросить обувь' (от глагола ba 'сбрасывать').

2.2. Удаление (чего-л.).

Ср. *Zhe shi jishi, bu neng ge-xia bu ban* ‘Это дело срочное, его нельзя отложить и не заниматься им’ (от глагола *ge* ‘класть’).

2.3. Разрушение, подавление.

Ср. *Da-xia diren liang ge judian* ‘Разрушить два вражеских укрепления’ (от глагола *da* ‘бить’).

2.4. Закрепление.

Ср. *ding-xia jice* ‘утвердить план’ (от глагола *ding* ‘утверждать’), *da-xia jichu* ‘заложить фундамент’ (от *da jichu* ‘закладывать фундамент’), *ban-xia ji suo xuexiao* ‘основать несколько школ’ (от глагола *ban* ‘основывать’).

2.5. Нанесение на поверхность (письмен, рисунков и т.п.)

Ср. *xie-xia* ‘написать’, *ji-xia* ‘записать’, *yin-xia* ‘напечатать’ (от глаголов *xie* ‘писать’, *ji* ‘записывать’, *yin* ‘печатать’).

2.6. Оставление (кому-то, после себя).

Ср. *Baba lin zou shi, mei gei jia li mai-xia shenme dongxi* ‘Папа перед отъездом ничего не закупил в семью’ (от глагола *mai* ‘покупать’).

2.7. Вмещение.

Ср. *Zheme duo dongxi, wuli ke ge-bu-xia* ‘Столько вещей в комнате не поместится’ (ФПН от глагола *ge* ‘класть’), *Yi ge wan chong-bu-xia name duo naifen* ‘В одной чашке столько сухого молока не разведешь’ (ФПН от глагола *chong* ‘растворять’).

2.8. Получение.

Ср. *shou-xia qian* ‘получить деньги’, *ling-xia qian* ‘получить деньги’ (от глаголов *shou, ling* ‘получать’).

3. Видовые значения.

3.1. Переход из состояния движения в состояние покоя.

Здесь может идти речь о *движении* и *покое* как в прямом, так и в метафорическом смысле, ср. *ting-xia che* ‘остановить машину’ (от глагола *ting* ‘останавливать(ся)’), *jing-xia xin* `успокоиться’ (от *jing* ‘спокойный’; букв. ‘успокоить сердце’).

3.2. Продолжение действия.

Ср. *kan-bu-xia shu, du-bu-xia shu* ‘быть не в состоянии продолжать чтение’ (ФПН от *kan shu, du shu* ‘читать’; в данном значении модификатор xia сочетается с очень ограниченным кругом глаголов).

В дальнейшем изложении нам встретятся также модификаторы *shanglai*, *shangqu*, *xialai*, *xiaqu.* Напомним, что это – сложные модификаторы, образованные сочетанием *shang* и *xia* с *lai* и *qu*, ориентирующими действие относительно говорящего (*lai* - к говорящему, *qu* - от говорящего). Они тоже имеют, помимо основных пространственных, также и видовые значения.

Теперь рассмотрим английские частицы *up – down*. По ходу изложения будем сопоставлять их значения с значениями китайских модификаторов.

Словарь DPV выделяет для *up* 12 глагольных рядов (групп, объединенных общностью значения частицы), для *down* – 10.

Рассмотрим глагольные ряды, образуемые частицей *up*.

1. ***Движение снизу вверх (movement from a lower position or place to a higher one).*** Это исходное пространственное значение данной частицы. Ср. *jump up, run up a hill.* В этой группе часто вместо *up* может быть употреблено *down* для обозначения движения в противоположном направлении. В сочетании с глаголами движения, в своих исходных значениях эти частицы выступают как антонимы. Параллели с китайским модификатором *shang* очевидны, ср. *pa-shang shan* `подняться на гору'.

2. Увеличение и улучшение (increasing and improving).

If something speeds up, it starts to move more quickly.

If a fire blazes up, it starts to burn more fiercely.

If someone speaks up, they begin to speak more loudly.

Ср. принципы "More is up, less is down" «Больше – вверх, меньше – вниз» и "Good is up, bad is down" «Хорошее – вверх, плохое – вниз» [Лакофф, Джонсон 2004, 38, 40].

Интересно, что аналогичное производное значение (нарастание (положительного) признака) есть и у китайских модификаторов с исходным значением «вверх» - *shanglai* и *qilai*. (Это сложные модификаторы, образованные сочетаниями *shang* и *qi* (оба имеют значение 'вверх') с модификатором *lai* 'прийти', обозначающим движение к говорящему).

Так, модификатор *shanglai* (исходное пространственное значение – 'подняться (к говорящему)' в сочетании с прилагательными обозначает постепенное нарастание некоторого признака; нередко при этом дополнительно присутствует значение постепенного распространения признака на более широкую область [ХНВС, 421]. Ср. следующие примеры.

Nuanqipian man-man ***re-shanglai*** *le.*

Батарея парового отопления медленно нагрелась.

Yan kan zhe tian yi dian-dianr ***hei-shanglai*** *le.*

Небо, кажется, немного потемнело.

3. Подготовка и начало (preparing and beginning).

If athletes train up, they take exercises in order to be in better condition in readiness for an event.

If a new shop opens up, it starts to trade.

Аналогичное производное значение есть у китайских модификаторов с исходным значением 'вверх': *shang, qi, qilai*. Ср. следующие примеры.

Haizimen you ***rang-rang-shang*** *le.*

Дети опять расшумелись.

Wo yi ***kaolü-qi*** *zhe xie wenti jiu tou teng.*

Когда я начинаю об этом думать, у меня болит голова.

Ta ***chang-qilai*** *le.*

Он запел.

4. Закрепление и ограничение (fastening and restricting).

If you bandage up a wound, you fasten a bandage over it.

If you brick up a hole in a wall, you fill it with bricks.

If you belt up when you get in a car, you fasten yourself in using the safety belt.(В этой подгруппе глаголы образованы от существительных путем конверсии).Аналогичное значение есть у китайского *shang*. Ср. *Ni ba yanjing bi-shang* ‘Закрой глаза’ (от глагола *bi* ‘закрыть’).

5. Приближение (approaching).

If someone catches up with you they get closer to you.

If someone creeps up on you, they approach you quietly and secretly.

If keep up with someone else, you stay close to them by moving at the same speed with them.

Аналогичное значение есть у китайского *shang*. Ср. форму потенциального наклонения, образованную от глагола *gan* ‘гнаться’, и результативную форму от глагола *zhui* ‘преследовать’:

Ta zou-yuan le, wo ***gan-bu-shang*** *le.*

Он ушел слишком далеко, мне его не догнать.

Dao le guaiwanr de difang, ta cai ***zhui-shang*** *nei ge ren.*

Только у поворота он нагнал того человека.

6. Разрушение (disrupting and damaging).

If you mess up a tidy room, you make it untidy.

If a machine plays up, it does not work properly.

7. Завершение и окончание (completing and finishing).

If you hang up when you are using the telephone, you end the conversation.

If someone winds up what they are doing, they finish doing it.

If you tear up a piece of paper, you tear it into smaller pieces.

8. Отказ и подчинение (rejecting and surrendering).

If someone pays up or coughs up the money they owe to you, they give it to you. If you pass up an offer, you reject it.

9. Возникновение (happening and creating).

If something crops up, it happens or appears.

If you think up a clever idea, you use your imagination to create it.

If something comes up in a conversation or meeting, it is mentioned or discussed.

Аналогичное значение есть у китайских модификаторов с исходным значением `вверх’: *qi, qilai*. Ср. примеры с глаголами мысли и речи: *xiang*

`думать', *shuo* `говорить', *tan* `обсуждать'.

Wo ***xiang-qi*** *ta de mingzi le.*

Я вспомнил его имя.

Wo ***xiang-qilai*** *le, ta liu san nian dao-guo Beijing!*

Я вспомнил, он в шестьдесят третьем приезжал в Пекин!

Tamen gang gang hai ***shuo-qi*** *ni de chujing ne.*

Они только что заговорили о твоих обстоятельствах.

You ***tan-qi*** *ta de shi le.*

Снова заговорили о его деле.

10.Собирание вместе (collecting and togetherness).

If you bag up some objects, you put them together in a bag.

If you crate up some bottles, you put them together in a crate.

If you sign up with an organization, you become a member of it.

Аналогичное значение есть у следующих китайских модификаторов со значением вверх: *shang, qi* и *qilai*.

Chexiang-li zai ***ji-shang*** *liang ge ren.*

Впихнуть в купе еще двоих человек (с глаголом *ji* `тесниться').

Ta ***lianluo-qi*** *zai jing de tongxue zuzhi le xiaoyouhui.*

Он связался с находящимися в Пекине однокашниками и провел вечер встречи. (Сочетание с глаголом *lianluo* `устанавливать связь')

Ba zhe ge kouzi ***feng-qilai****!*

Зашей эту дырку! (С глаголом feng `шить').

Nei kou poguo ***bu-qilai*** le ma?

Этот прохудившийся горшок уже починили? (С глаголом *bu* `заделывать').

11.Обнаружение (revealing and discovering).

If someone digs up a secret, they discover it.

If they own up to something, they reveal the fact they did it.

12.Отделение (separating).

If you divide up a quantity of something, you split it into smaller portions.

If you lie up somewhere, you go there to hide or rest.

Теперь рассмотрим ряды, образуемые частицей *down*.

1. Движение сверху вниз (movement from a higher position to a lower one).

Ср. *shin down a tree or pole, lie down, kneel down.*

Параллели с китайскими модификаторами *xia, xialai, xiaqu* в их исходном направительном значении `вниз' очевидны, ср. *tang-xia* `лечь' (от глагола *tang* `лежать'), *gui-xialai* `встать на колени' (от глагола *gui* `стоять на коленях'), *pa-xialai* `слезть' (от глагола *pa* `лезть').

2. Снижение, уменьшение (decreasing, lowering, and reducing).

If the cost of something goes down, it becomes less expensive.

If you turn down a TV, you make it quieter.

If you water down food or drink, you make it weaker.

Down в этом значении может сочетаться с глаголами, образованными от прилагательных. Это прилагательные «отрицательного полюса», обозначающие малое количество или низкую интенсивность, ср. *cool, narrow, quiet*.

If something cools down, it becomes cooler.

If you narrow down a choice, you make it narrower or more selective.

Ср. принцип “More is up, less is down” («Больше – вверх, меньше – вниз») [Лакофф и Джонсон 2004, 38].

Аналогичное значение есть у китайских модификаторов *xia, xialai, xiaqu* `вниз’. Ср. следующие примеры.

Zai ***ai-xia*** *ban chi jiu heshi le.*

Сделать пониже еще на половину чи[1], и будет как раз.

Peng-dao kunnan jiu ***ruan-xialai****, na hai xing?*

При первой же встрече с трудностями сразу раскиснуть – куда это годится?

Shengyin man-man ***di*** *le* ***xialai****.*

Звук постепенно стал тихим.

Ta yijing ***shou-xiaqu*** *hen duo le.*

Он уже сильно похудел.

3. Расположение и закрепление (fastening and fixing).

If you nail something down, you use nails to fasten it to a lower surface.

When something beds down, it settles firmly into position so that it cannot be shaken loose.

Аналогичное значение есть и у китайского *xia* (см. п. 2.4). Ср. *ding-xia jice* `утвердить план’ (от глагола *ding* `утверждать’.

4. Распад, нападение, разрушение (collapsing, attacking, and destroying).

If you chop down a tree, you cut through its trunk until it falls.

If a building burns down, it is completely destroyed by fire and collapses onto the ground.

When people are mown down, they are killed in a violent way.

Аналогичное значение (см. п. 2.3) есть и у китайского *xia*, ср.

Da-xia diren liang ge judian `Разрушить два вражеских укрепления’ (от глагола *da* `бить’).

5. Нанесение поражения, подавление (defeating and suppressing).

---

[1] Один *чи* равен приблизительно 33 см.

If you argue someone down, you succeed in forcing them to accept your point of view.

If people are kept down, they are kept in a state of powerlessness.

6. Завершение или неудача (completing or failing).

If you shut a business down, it stops trading altogether.

If you hunt someone down, you hunt them and succeed in finding them.

If a machine breaks down, it stops operating.

7. Еда, питье (eating and drinking)

If you bolt down your food, you eat it very quickly.

У китайского *xia* тоже есть такие употребления, ср. *chi-xia, he-xia* `проглотить' (от глаголов *chi* `есть', *he* `пить').

8. Записывание (writing and recording)

If you note something down, you write it somewhere.

У китайского *xia* тоже есть такие употребления (см. п. 2.5).

Ср. *xie-xia* `написать', *ji-xia* `записать', *yin-xia* `напечатать' (от глаголов *xie* `писать', *ji* `запсывать', *yin* `печатать').

9. Очищение, разглаживание (cleaning and flattening)

If you wash down a wall, you clean it thoroughly with water.

If you smooth down the clothes that you are wearing, you press them until they lie flat.

10.Работа, деятельность (work and activities).

If you settle down to work, you begin to work seriously.

В данной работе мы сопоставили системы значений китайских модификаторов *shang* 'вверх' и *xia* 'вниз' и их английских аналогов *up* и *down*. Проведенный анализ продемонстрировал значительное сходство значений и употреблений, причем не только исходных (пространственных), но и целого ряда производных значений этих единиц.

Так, из двенадцати глагольных рядов, образуемых частицей *up*, для семи могут быть приведены аналогичные ряды, образуемые китайским модификатором *shang.*

Это следующие ряды: (1) *движение снизу вверх* (исходное пространственное значение); (2) *увеличение и улучшение*; (3) *подготовка и начало*; (4) *закрепление и ограничение*; (5) *приближение*; (9) *возникновение*; (10) *собирание вместе*.

Из десяти глагольных рядов, образуемых частицей *down*, для шести могут быть приведены аналогичные ряды, образуемые китайским модификатором *xia*.

Это следующие ряды: (1) *движение сверху вниз* (исходное пространственное значение); (2) *снижение, уменьшение; (3) расположение и закрепление; (4) распад, нападение, разрушение; (7) еда, питье; (8) записывание.*

Конечно, это сходство не является случайным и объясняется сходством когнитивных механизмов, лежащих в основе грамматикализационных процессов в разных языках, - метафоры и метонимии. Так, когда пламя разгорается, его языки поднимаются выше – отсюда связь интенсивности горения и движения *вверх*; когда человек пишет или рисует – изображение ложится на бумагу - *вниз*; когда количество предметов уменьшается, они занимают меньший объем (куча предметов становится *ниже*); когда человек ест или пьет – пища движется *вниз*.

Однако столь большое число параллельных употреблений пусть и функционально сходных, но принадлежащих разноструктурным и не имеющим генетических связей языкам единиц не может не вызывать удивления. Ведь ориентационные метафоры всегда культурно обусловлены [Лакофф, Джонсон 2004, 35]. А китайские пространственные метафоры, вообще говоря, сильно отличаются от европейских [Тань 2004].

На наш взгляд, проблема требует дальнейшего изучения – на материале других китайских модификаторов, а в перспективе – и на материале глагольных модификаторов других языков.

Литература

Антонян К.В. Морфология результативных конструкций в китайском языке. М., Муравей, 2003.

Глагольная префиксация в русском языке. Сб. статей. Отв. ред. М.Кронгауз, Д.Пайар. М., Русские словари, 1997.

Глагольные префиксы и префиксальные глаголы (Московский лингвистический журнал. Тематический выпуск. Том 5, № 1. М., 2001). Сост. М.А.Кронгауз.

Драгунов А.А. Исследования по грамматике современного китайского языка. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1952.

Исследования по семантике предлогов. Сб. статей. Отв. Ред. Д.Пайар, О.Н.Селиверстова. М.: Русские словари, 2000.

Кронгауз М.А. Исследования в области глагольной префиксации: современное положение дел и перспективы // Глагольная префиксация в русском языке. Сб. статей. Отв. ред. М.Кронгауз, Д.Пайар. М.: Русские словари, 1997.

Кронгауз М.А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М.: Языки русской культуры, 1998.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС, 2004.

Линднер С. То, что движется вверх (up), не обязательно может следовать вниз (down)… // Исследования по семантике предлогов. Сб. статей. Отв. Ред. Д.Пайар, О.Н.Селиверстова. М.: Русские словари, 2000.

Русские приставки: многозначность и семантическое единство. Отв. ред Е.Р.Добрушина , Е.А.Меллина, Д.Пайар. М.: Русские словари, 2001.

Солодушкина К.А. English Phrasal Verbs in the Language of Business. СПб.: Anthology, 2005.

Тань Аошуан. Проблемы скрытой грамматики. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Тань Аошуан. Китайская картина мира. Язык, культура, ментальность. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Филипенко М.В. Проблемы описания предлогов в современных лингвистических теориях (обзор) // Исследования по семантике предлогов. Сб. статей. Отв. Ред. Д.Пайар, О.Н.Селиверстова. М.: Русские словари, 2000.

Яхонтов С.Е. Категория глагола в китайском языке. Л.: Изд-во ЛГУ, 1957.

Bolinger D. The Phrasal Verb in English. Harvard University Press: Cambridge, Massachusets, 1971.

Chao Yuen-ren. A Grammar of Spoken Chinese. Berkeley: Univ. of California Press, 1968.

McCarthy M., O'Dell F. English Phrasal Verbs in Use. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

McCarthy M., O'Dell F. English Phrasal Verbs in Use. Advanced. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Teng Shou-hsin. A Grammar of Verb Particles in Chinese // Journal of Chinese Linguistics. 1977. Vol. 5, № 1.

Liu Yuehua. Keneng buyu yufa de yanjiu // Liu Yuehua zhu. Hanyu yufa lunji. Beijing: Xiandai chubanshe, 1989. Лю Юэхуа. Исследование грамматических свойств дополнительного элемента со значением возможности/ невозможности // Лю Юэхуа. Избранные статьи по грамматике китайского языка. Пекин, 1989.

Liu Yuehua. Quxiang buyu de yufa yiyi // Liu Yuehua zhu. Hanyu yufa lunji. Beijing, Xiandai chubanshe: 1989. (Лю Юэхуа. Грамматические значения дополнительных элементов направления // Лю Юэхуа. Избранные статьи по грамматике китайского языка. Пекин, 1989).

Liu Yuehua. Ji zu yuyi xiangguan de quxiang buyu yuyi fenxi // Liu Yuehua zhu. Hanyu yufa lunji. Beijing: Xiandai chubanshe, 1989. (Лю Юэхуа. Семантический анализ некоторых групп взаимосвязанных по смыслу дополнительных элементов направления // Лю Юэхуа. Избранные статьи по грамматике китайского языка. Пекин, 1989).

Liu Yuehua. Quxiang buyu tongshi. Beijing: Beijing Language and Culture University Press, 2008 (Лю Юэхуа. Дополнительные элементы со значением направления. Пекин, 2008).

Словари

DPV – *Dictionary of Phrasal Verbs*. HarperCollins Publsihers: Glasgow, 2004.

OPV – *Oxford Phrasal Verbs*. Oxford University Press: Oxford, 2006.

DCYF – *Dongci yongfa cidian*. Shanghai: Shanghai cishu chubanshe, 1987. (Словарь сочетаемости глаголов. Шанхай, 1987).

DGNC – Xinbian hanyu duogongneng cidian. Beijing: Guoji wenhua chuban gongsi, 1989. (Новый полифункциональный словарь китайского языка. Пекин, 1989).

XHBC – *Xiandai hanyu babai ci.* Beijing: Shangwu yinshuguan, 2007. (Восемьсот слов современного китайского языка.: Пекин, 2007; первое издание: Пекин, 1980).

XRCYF – *Xingrongci yongfa cidian*. Changsha: Hunan chubanshe, 1991. (Словарь сочетаемости имен прилагательных. Чанша, 1991).

Список сокращений

МЧ –модальная частица
ПВД–предлог, вводящий дополнение
ПСВ–показатель совершенного вида
СС –счетное слово
ФПН–форма потенциального наклонения
Mod –модификатор

Н.В. Солнцева

Контрастивный подход к исследованию языков Восточно и Юго-Восточной Азии

The article deals with contrastive study of passive mood in languages of East and South-East Asia and in European languages. Moreover, the peculiarities of passive mood in South-East Asian languages are compared to those in the Chinese language.

Контрастивный подход используется в разных областях науки. В языкознании этот поход был применен В.Н.Ярцевой [Ярцева 1981] в ее книге «Контрастивная грамматика». По сути, этот подход является основой для типологических, когнитивных и контактологических исследований.

Различают два варианта контрастивного подхода: внешний и внутренний. Внешний направлен на изучение как отдельных межязыковых явлений, так и целостных языковых систем. В последнем случае контрастивный подход обладает классифицирующим свойством. При внутриязыковой направленности контрастивный подход может свидетельство-

вать о тенденциях в историческом развитии языка или его отдельных явлений. Этот подход также может фиксировать диалектные различия синхронного и диахронического плана.

Контрастивный подход может использоваться при исследовании языков, относящихся к разным типам, а также при исследовании языков одной типологии.

Следует учитывать, что именно контрастивное отличие явлений в языках типа китайского от соответствующих явлений в европейских языках нередко служило основанием для отрицания самих этих явлений. Отрицание явления, с нашей точки зрения, как правило, связано с неучтенностью особенностей устройства исследуемых языков (target languages) и действующих в них механизмов. Как писал Ж. Вандриес [Вандриес 1937], языки мира едины. Но единство не всегда подчиняется единым нормам. Так, например, в изолирующих языках, как и в языках иной типологии, существует множество различных подклассов слов, которые оказывают влияние на функционирование разнообразных единиц, как на морфологическом, так и синтаксическом уровне.

Одна из особенностей изолирующих языков состоит в наличии в них особых лексико-грамматических подклассов типа медийных глаголов или подклассов имен одушевленных и имен, обозначающих неодушевленные предметы. Главная же особенность языков данной типологии заключается в том, что на свойства подклассов и языков в целом значительное влияние оказывает надъязыковая категория одушевленности / неодушевленности. Влияние может быть неопосредованным и опосредованным.

Судя по письменным памятникам, категория одушевленности / неодушевленности была присуща древнекитайскому языку. Категория одушевленности уже тогда повлияла на процессы грамматикализации и продолжает влиять и поныне. В частности, она повлияла на формирование морфологических показателей. При этом категория одушевленности влияет на процесс грамматикализации не только в китайском языке, но и в других изолирующих языках региона. Это проявляется в том, что большинство морфологических показателей глагола этимологически восходят к глаголам, обозначающих действие одушевленных лиц.

В древнекитайском языке, например, в качестве показателей пассива использовались элементы, образованные от глаголов: *zhong1* ‘попадать в цель’ *chi1* ‘есть’, *jian*^{3} ‘видеть’, *bej*^{3} ‘подвергаться’. Последний показатель используется в современном языке. Значение одушевленности / неодушевленности проявляется в наличии пар глаголов, обозначающих одно и то же действие, один из глаголов обозначает действие одушевленного объекта, другой используется либо со словом, обозначающим животное, либо со словом, обозначающим неодушевленный предмет. На-

пример, во многих языках имеется соответственно два глагола со значением ‘падать’ - падать (о человеке) и падать (о животном или неодушевленном предмете). В случае падения человека с плохим самочувствием, можно применять глагол, обозначающий падение неодушевленного предмета или животного.

В ряде языков различают глаголы ‘лежать’. Глагол, который передает значение действия человека, многозначен - наряду со значением ‘лежать’ этот глагол включает значение ‘спать’. Во всех языках региона употребляются два глагола со значением ‘болеть’. Один обозначает состояние человека, другой обозначает состояние частей его тела. В данном случае наличие таких двух глаголов в языках Восточной и Юго-Восточной Азии (далее В и ЮВА) аналогично наличию подобных пар предикатов в английском языке: *I am ill (or sick)* и *My hand (foot etc) hurts.*

При наличии аналогичных пар глаголов, один из глаголов ‘болеть’ в языках В и ЮВА отличается контрастивными чертами, которые проявляются не в простых предложениях, а в сложных предложениях особого типа. Это -предложения с развернутым сказуемым[1]. Эти предложения называют также предложениями с двумя подлежащими [Mullie 1932]. Китайские ученые называют их объемлющими предложениями. В предложениях с двумя подлежащими имя в главном подлежащем обозначает нечто целое, а имя в подлежащем в составе развернутого сказуемого обозначает часть целого, названного в главном подлежащем. Между именами существуют семантические отношения «неотчуждаемой принадлежности». В составе развернутого сказуемого употребляются непереходные глаголы состояния и прилагательные.[2]

Как говорилось выше, в предложениях с глаголом ‘болеть’ первое имя обозначает одушевленный объект, а второе имя обозначает часть его тела. Приведу пример из китайского языка: *Wo*^{3} *tou*^{2} *tong*^{3} ‘У меня болит голова’ (букв. ‘я’ + ‘болеть’ + ‘голова’). На русский язык такие предложения нельзя переводить как ‘Я болею головою’, поскольку при таком переводе не передается ни особенность предложений с двумя подлежащими, ни особенность глагола ‘болеть’.

---

[1] В языках В и ЮВА имеются кроме того предложения с развернутым подлежащим, дополнением, определением, обстоятельством. Они составляют особый тип сложных предложений.

[2] Приведу пример из языка рук: *ɲha*^{2} *n*^{1} *tumɔh*^{1} *păn*^{0} *păn*^{3} *nak*^{4} ‘У этого дома очень низкие двери’ (букв. ‘дом’ + ‘дверь’ + *асем* + ‘низкий’ > ‘низкий’ + ‘очень’).

Как известно, Ч. Ли и С. Томпсон [Ли 1982] предложили новую синтаксическую типологическую классификацию языков на основе данных ряда языков и в том числе китайского, где они использовали китайские предложения с двумя подлежащими для утверждения о наличии приоритета топика над подлежащим в китайском языке. В действительности, как ясно из вышесказанного, предложения с двумя подлежащими не могут служить доказательством для подобного рода утверждений.

Выводы относительно китайского языка были сделаны без учета свойств глаголов особого подкласса и свойств особого типа предложений, а также без учета взаимодействия этих разноуровневых единиц. В данном случае уместно вспомнить используемую в свое время В.М. Солнцевым методику с позиции соизмеримости языков при их классификации, которая основывается на характере иерархических отношений между единицами разных уровней [Солнцев 1976]. Данную методику можно применять не только по отношению к языкам, но и по отношению к отдельным явлениям.

Например, использование этой методики оказалось достаточно эффективным при анализе отрицаний в китайском языке (см. [Солнцева 2009]). По-видимому, предложенную В.М. Солнцевым методику можно применять и при контрастивном подходе. В частности, при анализе пассивного залога в китайском языке и в языках ЮВА.

При понимании залога как определенного соответствия между ролями глагола (субъектом, объектом) и выражающими их членами предложений (подлежащее и дополнение) [Храковский 1990], а также при наличии определенных глагольных форм можно говорить о существовании в языках В и ЮВА активного и пассивного залогов, ибо каждый из них обладает одной диатезой.

При сравнении свойств пассивного залога языков В и ЮВА с соответствующим залогом европейских языков и прежде всего с пассивным в английском языке у пассива в языках В и ЮВА обнаруживается ряд контрастивных черт.

Контрастивность проявляется в разных планах.

Языки В и ЮВА отличаются наличием большого числа форм пассивного залога, а также большим числом показателей, образующих пассивные формы. Большинство из показателей были заимствованы языками ЮВА либо непосредственно из китайского языка, либо опосредовано через вьетнамский, которые в языках ЮВА функционируют во многих случаях по-разному, проявляя внутритипологические констрастивные черты. Это – контрастивность контактологической направленности. Контрастивные черты сложились под влиянием и категории одушевленности, и принадлежности глаголов к разным подклассам. Они также зависят от

типа переходных глаголов и от структуры предложения, в которой функционируют глаголы пассивной формы, а также от характера субъекта и источников воздействия.

Отличительной чертой языков В и ЮВА является то, что пассивные формы в этих языках в основном образуются от глаголов активного физического действия. Например, в китайском языке, по утверждению китайского лингвиста Ван Ли [Ван Ли 1954], невозможны предложения типа английского *The house was surrounded by fir trees*.

Глаголы нефизического действия в ряде языков [см. ниже] оформляются иным показателем. В ряде других языков глаголы нефизического действия оформляются показателем неблагоприятного пассива [см. ниже].

Глаголы во всех языках в большинстве случаев оформляются показателем с этимологическим значением ‘подвергаться’. Из этого правила есть исключения, речь о которых пойдет ниже. Построение пассивной формы в языках представлено двумя схемами: а) «показ. пасс. + субъект + глагол», б) «показ. пасс. + глагол». Показатель пассива во второй схеме может служить маркером отсутствующего субъекта. Но не обязательно. Употребление глагола в пассивной форме может зависеть от ситуации.

Глаголы пассивной формы обозначают совершенные действия или результат действий, относящихся к прошедшему времени. Они оформляются показателем совершенного вида. Предельные глаголы могут употребляться в пассивной форме без показателя совершенного вида.

Между языками ЮВА и китайским языком, как уже говорилось выше, существует ряд отличий. В языках ЮВА используются два вида пассивных залогов, различающихся своей коннотацией. Один из них – это неблагоприятный пассив, обозначающий действие неблагоприятное для объекта в подлежащем. В качестве показателя этого пассива чаще всего используется элемент с этимологическим значением ‘подвергаться’, который большинством языков ЮВА был заимствован из китайского языка, но подвергся интерференционному преобразованию. Ср. (кит.) *bei*^{1} > (вьет.) *bị* > (мьонг) *bi*^{5} > (рук) *bi*^{4}.

Другой вид пассива – благоприятный пассив, обозначающий благоприятное для объекта в подлежащем действие. Показатель заимствован из китайского языка с этимологическим значением ‘получать(ся)’. Естественно, что в этой пассивной форме выступают глаголы, лексическое значение которых обозначает благоприятные для объекта действия.

Обе формы возникли под действием категории одушевленности, и поэтому изначально в роли подлежащего выступало только имя со значением одушевленного лица. С развитием языков наметилась определенная тенденция к нейтрализации этих двух форм пассива, что позволяет употреб-

лять в роли подлежащего имена – неодушевленные предметы. При нейтрализации также стало возможным употребление и показателя неблагоприятного пассива и показателя благоприятного пассива. Примечательно, что в тайских титульных языках – тайском языке Таиланда, лаосском языке и тайских языках, чьи народы проживают на территории КНР, имеется только одна форма с оттенком неблагоприятности. Однако в языках народов, проживающих на территории СРВ, которые вьетнамские ученые относят к тай-кадайским языкам, развиты обе формы пассива - благоприятного и неблагоприятного. Интересно, например, что в языке лаха [Материалы экспедиции 1986], который по мнению вьетнамских ученых относится к кадайским языкам, в роли показателя неблагоприятного пассива используется заимствованный из древнекитайского языка элемент *co*^{3} (этим значение ‘попадать в центр’).

Для языков ЮВА в отличии от китайского характерно оформлять пассивной формой переходные глаголы двух типов. К первому относятся собственно переходные глаголы. Ко второму типу относятся производные переходные глаголы. Переходные глаголы этого вида образуются от непереходных и медийных глаголов с помощью показателя каузации. (В языках ЮВА кузатив является формо-словообразующей категорией). Обе формы пассива строятся по двум схемам: а) «показатель + субъект + глагол», б) «показатель + глагол». Схема пассивной формы производного переходного глагола всегда представлена только одной схемой: «показ. неблагоп. пасс. + субъект + показ. кауз. + непреходной / медийный глагол». Приведу пример из языка рук *кэп3 kur 3 b pu3 ni1 la2 bi4 ho1 muin1 kcu4* ‘Этот кабан был убит мною’ (букв. клф + ‘свинья’ + ‘лес’ > ‘кабан’ + ‘этот’ + показ. неблагоп. пасс. + ‘я’ + показ. кауз. + ‘убиться’ > ‘убивать’).

Отмечу еще одно отличие языков ЮВА от китайского, а также от титульных тайских языков. В языках ЮВА в форме неблагоприятного пассива употребляются медийные глаголы, но только по схеме: «показ. неблагоп. пасс. + глагол». Субъект никогда не указывается. Эта форма глагола употребляется вследствии определенных причин или в определенной ситуации. В частности, пассивная форма глагола в предложении ‘он болен’ или ‘он заболел’ употребляется в том случае, когда известно, что ‘он’ либо простудился в плохую погоду, либо заразился. Иначе говоря, эта форма употребляется тогда, когда определенная ситуация оказала свое воздействие на того, кто обозначен в подлежащем. Ситуация таким образом выступает в роли воздействующего фактора. Важно при этом отметить, что медийному глаголу в пассивной форме свойственна одна определенная диатеза. Подобная картина, как отмечалось выше, может складываться и у обычных переходных глаголов в пассивной форме при

отсутствии в контексте указания на конкретный субъект действия и при наличии указания на определенную ситуацию. Ср. предложение ‘Он был убит во время атаки’.

Выше были перечислены контрастивные черты, характерные для пассива в большинстве языков ЮВА.

Вместе с тем существуют и общие для языков В и ЮВА контрастивные черты, отличающие их от языков иной типологии. Например, в этих языках имеется залоговая форма у глаголов нефизического действия. Она образуется в китайском языке с помощью показателя *уио*[3] с этимологическим значением ‘исходить из’. Этот элемент был заимствован из китайского языка многими языками ЮВА. Ср. (кит.) *уио* > (вьет.) *do* > (рук) ***%э*** . Нужно отметить, что эта форма не продуктивна, и кроме того глагол в этой форме нередко выступает вместо формы неблагоприятного пассива. В китайском языке при глаголе этой пассивной формы объект воздействия может выступать в роли постпозиционного дополнения. А во вьетнамском языке элемент *do* может вводить субъект действия в позицию после глагола в форме неблагоприятного пассива [Панфилов 1993]. Причины подобного поведения элементов *уио*[3] и *do* пока не ясны.

Эта форма отсутствует в тайских титульных языках.

Вторая общая контрастивная черта состоит в том, что в этих языках глаголы в форме неблагоприятного пассива свободно употребляются в предложениях с двойным подлежащим. Третья и, по-видимому, главная особенность всех пассивных форм заключается в отсутствии у них реляционного характера, что определяется изолирующим типом языков региона.

В английском языке, например, пассивные формы образуют парадигмы (хотя во многих случаях и дефектные), в которых показатель аналитической формы различается по значениям числа и лица. Подобного рода изменения показателя в английском языке используются в качестве согласовательного механизма. Кроме того, в пассивных формах английского языка меняются и основные глаголы в зависимости от временной отнесенности действия глагола в пассивной форме.

Все названные особенности пассивных форм английского языка отсутствуют у пассивных форм языков региона. В языках В и ЮВА все элементы образующие пассивные формы, являются агглютинативными аффиксами, наделенными свойством отделяемости, например в тех случаях, где между показателем и глаголом инкорпорируется имя со значением субъекта воздействия.

Литература

Большой вьетнамско-русский словарь. Том I А–С. М., 2006. *Вандриес Ж.* Язык. М., 1937.

Ван Ли. Основы китайской грамматики. Перев. с кит. М., 1954. *Ли Ч.Н., Томпсон С.А.* Подлежащее и топик: Новая типология языков // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982.

Материалы советско-вьетнамской лингвистической экспедиции 1979 года. Язык Лаха. М., 1986.

Материалы советско-вьетнамской лингвистической экспедиции 1979 года. Язык мыонг. М., 1987.

Материалы советско-вьетнамской лингвистической экспедиции 1979 года. Язык ксингмул М., 1990.

Материалы Российско-вьетнамской лингвистической экспедиции. Язык рук. М., 2001.

Материалы Российско-вьетнамской лингвистической экспедиции. Язык нунг. (в производстве).

Морев Л.Н., Плам Ю.Я., Фомичева М.Ф. Тайский язык. М., 1961. *Морев Л.Н., Москалев А.А., Плам Ю.Я* Лаосский язык. М., 1972.

Панфилов В.С. Грамматический строй вьетнамского языка. С-Пб., 1993

Солнцев В.М. О соизмеримости языков // Принципы описания языков мира. М., 1976.

Солнцева Н.В. Страдательный залог в современном китайском языке. М.,1962.

Солнцева Н.В. Особенности отрицаний в языках Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (на материале китайского языка) // «Логический анализ языка», Быть или не быть – вот в чем вопрос: ассерция и негация. (в производстве)

Синьдай ханьюй бабай цы. (Восемьсот слов современного китайского языка). Под редакцией Люй Шдсяна., 1980.

Храковский В.С. Диатеза // Лингвистический энциклопедический Словарь. М., 1990.

Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика. М., 1981.

Mullie J. The Structural Principles of the Chinese Language. Pejping. I 1932; II 1937.

О.А.Шершукова

Структурно-семантические особенности «гиперболического множественного числа» в португальском и русском языках

Der “hyperbolische Plural” ist für Sprachforscher vom offensichtlichen Interesse beim Erlernen von zahlenmäßigen Verhältnissen in der Sprache, d.h. die Charakteristik eines einzelnen Objekts mit der Pluralform beim Referentverhältnis zum einzelnen Objekt. In der russischen und in der portugiesischen Sprache hat der hyperbolische Plural eine gemeinsame Sinn- und Strukturcharakteristik, kann sowohl in der dialogischen, als auch in der monologischen Sprache benutzt werden, es soll aber die Information explizit oder implizit in der Text sein, dass es um einen einzelnen Objekt geht. In der russischen Sprache, im Unterschied zur der portugiesischen Sprache, gibt es Beschränkungen beim Gebrauch des hyperbolischen Plurals, weil einige Substantive keine Pluralform haben, und zwar: bei abstrakten, substanziellen und Sammelwörtern, die keine Korrelationsform in Plural haben.

При изучении количественных отношений в языке несомненный интерес для исследователей представляет «гиперболическое множественное число», т.е. характеризация единичного объекта формой множественного числа при референтной отнесенности к единичному объекту. Специфика «множественного гиперболического» заключается в том, что оно несет не собственно количественные, а оценочные смыслы. Наша статья посвящена как структурно-семантической составляющей «множественного гиперболического», так и контекстам, в которых данное употребление реализуется.

«Множественное гиперболическое» «получает неименные (предикатные) характеристики», так как употребление единичного имени во множественном числе «способствует выделению, даже усилению коннотативного или сигнификативного содержания и, следовательно, обладает признаковой направленностью» [ТФГ 1996, 208]. Главное отличие «множественного гиперболического» от «множественного дистрибутивного» заключается в том, что последнее значение множественного числа предполагает лишь согласовательную функцию, указывая на соотнесенность объектов, выраженных формой единственного числа, с множественным референтом.

Некоторую семантическую близость к «множественному гиперболическому» обнаруживает «множественное генерализующее» [Ляшевская 2004, 18]. Данное употребление используется при обобщенной характеризации единичного объекта: …если б я осталась ночевать, *он всю ночь тоже разглагольствовал бы? Нет, эти творческие личности* – явно не про меня (Московский комсомолец – далее МК). На наш взгляд, в обоих

употреблениях присутствует оценочная сема, однако обобщенное значение в «множественном генерализующем» превалирует.

Хотя «множественное гиперболическое» представлено в обоих языках, возникают определенные трудности при его передаче с португальского языка на русский, связанные со спецификой каждого языка. В португальском языке проблема «множественного гиперболического» поднималось Е.М.Вольф в рамках аксиологических исследований, при этом по мнению автора, «структура и семантика оценочных речевых актов определяется прагматической ситуацией, в которой они реализуются» [Вольф 1985, 164].

«Множественное гиперболическое» реализуется главным образом в ситуации диалога, когда «имеются два основных актанта», а именно: говорящий, «чаще всего субъект оценки», и адресат, «к которому обращено высказывание», при этом, как подчеркивает Е.М.Вольф, он «может быть, хотя и не обязательно, объектом оценки [Вольф 1985, 164]. Как правило, говорящий высказывается по поводу какого-либо предмета, лица, явления или события, а адресат в ответной реплике воспроизводит слово, реже словосочетание, характеризующее данный предмет, лицо, явление или событие, но в форме множественного числа.

В связи с тем, что «множественное гиперболическое» является одним из значений множественного числа, то в тексте непосредственно должна присутствовать информация о единичности объекта, либо она должна вытекать из контекста, например: Mariana: *Já te mostraste ao médico?* Rosária: *Ora, os médicos… médicos.* Estou velha, Mariana (B.Santareno) ‘Марьяна: Ты уже *была у врача*? Розария: Ну их, *эти врачи… врачи*. Я уже старая стала, Марьяна’; Pst, ó velhinha, *vai buscar a fita! – Deixe-se de fitas,* menino! (B.Santareno) ‘Эй, старушка, принеси-ка *пленку*! – *Да бог с ними, с пленками-то*, мой мальчик!’

В русском языке, как и в португальском языке, прагматическое употребление может быть как в рамках диалогической речи, так и монологической. Е.М.Вольф вслед за Ч.Филмором утверждает, что в ряде случаев при совпадении ролей говорящего и адресата мы сталкиваемся с одним из видов диалога, который определяется как “диалог с самим собой” [Вольф 1985, 164]. Однако при этом обязательно должна быть референция к единичному объекту: *Мама*, подруги, да и просто знакомые, глядя на него трезвыми глазами, а не через призму чувств, которая, как известно, все искажает, предупреждали меня, что ничем хорошим эта любовь не кончится! Но *кто в такие моменты слушает мам*? (Коллекция Караван историй, № 06, 2007)

«Множественное гиперболическое» в португальском и русском языках часто формируется от имен собственных в форме единственного чис-

ла, однако в отличие от нарицательных имен нет необходимости давать указание в тексте на единичность объекта, обозначаемого собственным именем, например: Conheço porém que não é *para comparar aos Parises, às Londres, às Madrids* (Eça de Queirós) – 'Но тем не менее считаю, что его (Лиссабон – О.Ш.) не следует сравнивать *с Парижами, Лондонами, Мадридами*'. Сравнивая русские примеры с португальскими, мы отмечаем, что именно диалог способствует данному употреблению, например: вопрос журналиста к Т.Веденеевой, которая несколько лет прожила во Франции: – Опасно *столько лет по франциям разъезжать?* (МК); из интервью с актером О. Штефанко: В *Голливуд* нацелились? – О *голливудах* я не мечтал! Сейчас *туда* многие стремятся, потом приезжают и рассказывают, как *там* работают. Все эти разговоры – блеф. Никому мы *там* не нужны. (МК). Однако и в монологической речи возможно употребление "множественного гиперболического", которое придает высказыванию яркую экспрессивность, например: из письма читателя "…они *там, в своих Гватемалах*, воюют за получение права миллиарды денег в Олимпию вбухать, а мы тут копейки от зарплаты до зарплаты считаем" (МК); из статьи С.Говорухина: Для этого *им пришлось бы продавать дворцы, корабли, самолеты*, теребить свои счета *в Швейцариях, Лихтенштейнах,* на Каймановых островах.

Употребление имени собственного в "гиперболическом" значении должно удовлетворять ряду параметров, и в первую очередь, иметь единичную референцию, например: Некрасов прочитал рукопись и понял, что перед ним шедевр. Помчался к Белинскому: "Виссарион Григорьевич, *новый Гоголь явился*!" "*У вас Гоголи как грибы растут*," – проворчал прославленный критик (7 дней). Н.Некрасов, говоря о новом Гоголе, имел в виду И.Тургенева, а высказывание В.Белинского было всего лишь ответной, очень эмоциональной реакцией на слова Н.Некрасова. В то же время имена собственные довольно часто употребляются в переносном, метафорическом значении, при этом они референтно соотносимы не с единичным объектом, а с множественным объектом, например: Пришлось возвестить о строительстве *российских Лас-Вегасов* на окраинах государства (МК) (речь идет о четырех игровых зонах в России); Но ведь приходят и сейчас в столицу *новые ломоносовы с пирсингами* (МК) ("новые ломоносовы" в значении "абитуриенты"). В португальском языке аналогичное явление также присутствует, например: O nosso Sebastião – disse o Conselheiro com autoridade – *é um rival dos Thalbergs e dos Liszts* (Eça de Queirós) 'Наш Себастьян, – сказал советник, – может соперничать с *Тальбергами и Листами*' (собственные имена в метафорическом употреблении для обозначения исключительно выдающихся музыкантов); No centro, junto da estátua, ou deixando-se borrrifar *pelos repuxos dos Neptunos,*

há sempre pares de jovens enlaçados (F.Namora) ‘Обнимающиеся парочки молодых людей собираются обычно или в центре площади у памятника, или *под струями Нептунов*’ (речь идет о двух бронзовых фонтанах, центральной композицией которых является статуя Нептуна).

В португальском языке «множественное гиперболическое» характерно не только для предметных существительных, которые имеют четкую оппозицию по числу, но и для вещественных, если они обозначают предметные сущности, либо представляют расчлененный на части или порции вещественный объект, например: – *Compra-me um sabonete? –Sabonetes neste tempo!* (A.Redol) ‘Купи мне *мыло – Какое мыло (букв. мылá)* в такой час!’ ; um pobre diabo … a quem nunca, até aí se pagara uma reles gasosa, quanto mais *cervejas* …. (F.Namora) ‘бедняга … до этого его никто не угостил дешевенькой газировкой, не говоря уж о *пиве* (букв. *пивах*)’. В русском языке в связи с отсутствием оппозиции по числу у вещественных имен такое употребление будет невозможным, хотя в метаязыковом употреблении встречается плюральная характеристика *два пива, три мыла*. Если же в русском языке вещественное имя может быть оформлено множественным числом, то перевод «множественного гиперболического» не вызывает затруднений: … como se eu fosse uma rosa, e tu um ventinho doce, *todo de veludos e de sedas* (B.Santareno) ‘… как если бы я была розой, а *ты легким ветерком*, *весь в бархатах и шелках*’.

«Множественное гиперболическое» в португальском языке может употребляться с абстрактными именами, например: Já lhe tinham arrancado o jornal das mãos várias vezes e acenaram-lhe de longe, troçando: – Estás a armar em intelectual, pá? – Nem aqui largas *a leitura*? Isto não é *sítio para leituras* (A.M.Magalhães, I.Alçada) ‘У него уже несколько раз пытались вырвать из рук газету, все время подкалывая: - Что ты строишь из себя умного? – Даже здесь не перестаешь читать (букв. не бросаешь *чтение*) Здесь *место не для чтений*’; E batia o pé *com frenesi ...Ai! aqueles frenesis matavam-na!* – dizia a cosinheira…(Eça de Queirós) ‘Она *с исступлением* стучала ногой… Эх! *Эти исступления* добьют ее’; – Estava a escrever, *deu-me uma tontura… – Ai! Tonturas, eu!* – acudiu logo D. Felicidade (Eça de Queirós) ‘Я сидела и писала, и вдруг у меня закружилась голова (букв. *головокружение*) – Ах! *Эти головокружения*, и у меня тоже! – сразу же добавила донья Фелисидаде’; São tão simpáticos estes miúdos, ó Elisa! – Lá vão eles a combinar algum passeio… *que ricas idades* (A.M. Magalhães, I. Alçada) ‘До чего симпатичные эти ребятки, не так ли, Элиза! – Да уж чего-то там они замысливают…*какой замечательный возраст* (букв. *какие замечательные возраста*)!’ Выражение *que ricas idades* эквивалентно русскому выражению ‘какие чудесные годы’. Главным образом в русском языке ограничения в употреблении данной формы могут быть свя-

заны с возможностью оформления абстрактного существительного формой множественного числа, например: …Баева – прямая, смотрит в упор, голос густой, сочный, *скажет – отрежет. Без предисловий, послесловий, двойных смыслов* (МК).

Собирательные имена как в португальском языке, так и в русском имеют, как правило, дефектную парадигму числа, обусловленную самой семантикой собирательности. При этом в португальском языке встречается “множественное гиперболическое” от собирательных имен, но достаточно редко, например: *Em rapaz* fui dado à flauta. E acrescentou, com um gesto benévolo: – *Rapaziadas*! (Eça de Queirós) ‘*Юношей* я подавал надежды в игре на флейте. И добавил, сделав широкий жест: – *Юные годы*! (букв. **ребятни, *молодости*)’. В португальском языке слово *Rapaziada* может обозначать как собирательное понятие «группа молодых людей, ребятня», так и абстрактное «молодость, юношество». В связи с тем, что в русском языке отсутствует форма множественного числа как от собирательного, так и от абстрактного имени, которая была бы эквивалентна *Rapaziadas,* то замена может быть осуществлена как через различные конструкции, например, *да в наши годы молодые*. Сравним аналогичный пример из русского языка (из интервью с переводчиком В.Горчаковым): По заказу Раисы Горбачевой за один присест сделал сериал «Молодая Екатерина», отвлекаясь на принятие водки. *Молодость*!» (МК). Данная фраза близка по смыслу португальской фразе, однако русский автор избегает «множественного гиперболического».

В ряде случаев “множественное гиперболическое” образуется не от конкретного слова в единственном числе, употребленного в прагматической ситуации, а как бы отталкиваясь от этого “опорного” слова, проецируется на другие слова, которые оформляются множественным числом и которые составляют единый смысловой ряд, характеризующий текст в целом, например: (Луиза, обращаясь к Жоржи) –Foi a pobre Juliana que *pediu* como esmola *a esteira,* que o soalho estava podre… (Жоржи, реагируя на слова Луизы) – Magnífico! E que não tardem *os espelhos e os bronzes!* (Eça de Queirós) ‘Знаешь, бедняжка Жулиана *выпросила у меня,* как милостыню, *эту циновку*, поскольку у нее в комнате пол весь прогнил… – Замечательно! Да скоро ей потребуются *зеркала и бронзовые статуэтки*!’ В португальском примере используется в прагматическом употреблении вещественное имя в обозначении изделия из материала *os bronzes*. Следует отметить, что для романских языков, в целом, и для португальского, в частности, характерна транспозиция вещественных имен в разряд предметных при обозначении изделий из материала.

Единичный объект, употребляющийся в “гиперболическом” множественном числе, может быть выражен имплицитно, через стандартную си-

туацию. Например, человеку нужно куда-то дозвониться, а связь плохая: – Então, não atendem? – Não, mas está a dar um sinal esquisito. *Estes telefones andam infernais, então chamadas interurbanas é um horror.* – Ligue outra vez, vai ver que não apanhou linha (A.M.Magalhães, I.Alçada) '– Ну что, никто не отвечает? – Да, но сигнал какой-то странный. *Эти телефоны совершенно невыносимые*, *а междугородние звонки ну просто ужас.* – Перезвони, скорее всего ты не туда попала.' В данном примере само слово "телефон" в высказывании не употребляется, однако тот факт, что говорящий не может дозвониться, связано непосредственно с телефоном и телефонной связью в целом. Причем оценка дается не столько самому телефону как средству связи, как через это имя оценивается сама связь.

В художественной литературе «множественное гиперболическое» используется как стилистическое средство, благодаря которому достигается необходимая экспрессия в тексте. Например, в пьесе Б.Сантарену указание на единичность объекта дается в авторской ремарке, а «множественное гиперболическое» появляется в реплике героя: Ângelo: *Agora, escuta às portas?* Manuela *(que se mantém à porta)* (B.Santareno) 'Анжело: Теперь ты *подслушиваешь под дверьми*? Мануэла (которая *стоит за дверью*)'. Автор, с одной стороны, прорисовывает саму мизансцену, а с другой стороны, передает внутреннее состояние героя, его «кипение». «Множественное гиперболическое» может быть представлено как реакция на ситуацию в целом, либо на определенные высказывания, а не только на конкретные слова: E *a senhora, são passeios, tipóias, boas sedas, tudo o que lhe apetece* – e a negra? (Eça de Queirós) 'Вот *Вы, все прогулки, экипажи, дорогие шелка, все, что ни пожелаете*, а я как девка-чернавка'.

"Множественное гиперболическое" может употребляться как реакция на единичное конкретное событие, при этом в тексте антецедент будет отсутствовать, а будет лишь описание самого события, например: – Quem será? – Será o Alberto Vilela? – Que estupidez, coitado do homem! Se tivesse alguma coisa para dizer, dizia, *não vinha a estas horas às pedradas à janela*! (A.M. Magalhães, I. Alçada) '– Кто бы это мог быть? – Может быть Алберту Вилела? – Что за глупость? Если бы у него было что сказать, он бы сказал, а *не стал бы в такое время бросаться камнями* (букв. бросания камней)'.

При отсутствии информации о том, что характеризуемый объект является единичным, наличие оценочного значения у формы множественного числа, маловероятно [ТФГ 1996, 208]: Maria: …(Agarra *num outro prato e atira-o* ao chão, de propósito). Hoje *apetece-me partir pratos!* (B.Santareno) 'Мария: … (*Хватает другую тарелку* и *швыряет ее* нарочно на пол). *Сегодня мне хочется бить тарелки*!' Хотя из контекста вытекает, что Мария разбила не одну тарелку, все-таки в самом высказывании

имеется прагматическое значение, присутствует определенный оценочный компонент, поскольку битье тарелок выходит за рамки обычного поведения.

В ряде случаев контекст не позволяет определить референтную соотнесенность характеризуемого объекта в форме множественного числа, т.е. имеет ли данный объект в высказывании единичный или множественный референт. Поэтому нам кажется логичным выделить контексты, связанные с так называемыми «виртуальными» ситуациями, когда речь идет о возможных событиях в будущем, в которых в принципе возможна множественная реализация объектов: ...ouviu mesmo falar com tranquilidade *do vestido de seda que estreou* num dia de festa em Setembro *a Gertrudes do doutor*. Disse apenas: – *Também um dia hei-de estrear vestidos e dos bons! Dos da modista!* (Eça de Queirós) '…она довольно спокойно восприняла сообщение о том, что *Жертрудеш*, служанка доктора, в день праздника *вышла в новом шелковом платье*. Она сказала только: – И я когда-нибудь *буду ходить в платьях и самых лучших! Сделанных на заказ!*'; Que faria com o dinheiro? … planeava: poria uma loja de capelista! … Estavam acabadas as canseiras. Ia jantar, enfim, o seu jantar. *Mandar, enfim, a sua criada! A sua criada. Via-se a chamá-la, a dizer-lhe, de cima para baixo: – Faça, vá, despeje, saia!* – Tinha contracções no estómago, de alegria. Havia de ser boa ama. *Mas que lhe andassem direitas*! *Desmazelos, más respostas, não havia de sofrer a criadas! … Não, desmazelos*, *não havia de sofrer! Mantê-las bem, decerto ... Ah! Lá isso, haviam de lhe andar direitas* (Eça de Queirós) – 'Куда бы ей вложить деньги? …она планировала открыть магазинчик галантерейных товаров!.. Ну наконец-то она сможет отдохнуть. Сможет наконец-то спокойно поужинать. Наконец-то *сама сможет приказать собственной служанке*! *Собственная служанка*. Она представляла, как *подзывает ее, как говорит ей свысока*: *– Сделай, иди, вылей, выйди*! – У нее аж под ложечкой засосало от радости. Она должна стать хорошей хозяйкой. Но, *чтоб все они ходили по струнке*! Да *она просто не потерпит от своих служанок никакой неряшливости* (букв. неряшливостей)*, никаких грубостей*! Нет, *неряшливости* (букв. неряшливостей) *она не терпеть не будет*! *Будет держать их в строгости*… Ах да, и *чтоб они по струнке ходили*'. Оба примера интересны с позиций реализации стилистического значения, которое сочетается с "множественным гиперболическим". Одна мечтает, что у нее будет много платьев и самых лучших, другая мечтает, как сама станет хозяйкой, и у нее самой появится служанка, и не одна, и как она будет ими командовать. Если в первом примере идет экспрессивная реакция на конкретный предмет, а именно: новое платье, в котором появилась общая знакомая, то во втором примере героиня представляет ситуацию, когда она станет богатой и у нее бу-

дет служанка, в своих мечтах она сначала представляет одну служанку, а затем, размечтавшись, представляет, что у нее будет много служанок. При этом, что возможность реализации мечтаний героини вполне условна, наличие оценочной семы в значении формы множественного числа совершенно очевидно.

Оценочный компонент высказывания играет превалирующую роль не только в контекстах, связанных с гипотетической реализацией каких-либо событий, но и в контекстах, связанных с конкретными ситуациями, для описания которых могут быть использованы стилистические средства, в том числе и «множественное гиперболическое», при этом конкретная информация о единичности-неединичности самого события или объекта не будет играть значимой роли. Например, отчет о пресс-конференции А.Пугачевой: – *Как будет отдыхать дива и муза*? *На софах, в розах,* с шампанским? – *разыгралась в фантазиях одна восторженная журналистка*. – *И на софах… И по-другому*, – задумалась Алла, – если, конечно, дадут отдохнуть (МК). Не случайно, что А.Пугачева парировала вопрос журналистки ее же словами *на софах*, которые в данном контексте несут явно оценочную характеристику. В то же время множественность формы *в розах* может иметь конкретное объяснение: с одной стороны, данное выражение связано со знаменитой песней А.Пугачевой «Миллион алых роз», с другой стороны, знаменитая певица окружена цветами в силу своей популярности, поэтому «гиперболическая» характеристика здесь довольно условна.

В португальском языке в значении “множественного гиперболического” могут употребляться местоимения, которые будут референтно соотноситься с конкретными людьми: …disse, diante de Luísa com a voz de despeito: – *Para umas tudo, para outras nada!*… Luísa riu, acudiu: – Tolices! *Eu sou a mesma pra todas!* (Eça de Queiróz). ‘…она недовольно сказала Луизе: – *Одним все, другим ничего*! …Луиза, засмеявшись, ответила: – Глупости! Я *со всеми* одинаковая!’ В русском языке местоимения также могут употребляться во “множественном гиперболическом”. Аналогичная фраза *Одним все, другим ничего*, применяемая к одному лицу, довольно употребительна в русском языке. У одного и того же местоимения возможна референция к разным лицам. Местоимение “мы” в одном и том же тексте может иметь двоякую референцию: пример из воспоминаний певицы О.Воронец о К.Шульженко: А вскоре мне звонит Шура (домработница К.Шульженко – О.Ш.): *Спускайся немедленно к нам! Мы катаемся в шубах своих по полу. Мы – народные СССР*!” (МК). Если во фразе *Спускайся к нам* “мы” употреблено в прямом значении, то есть речь идет о К.Шульженко и ее домработнице, то в двух последующих фразах речь идет непосредственно о К.Шульженко. Причем «множественное гипер-

болическое» непосредственно реализуется в выражении *в шубах своих*, референтно соотносимого с одним лицом. Естественно, если бы шла речь о гардеробе певицы, то предполагалась бы множественная референция. Данная фраза сопоставима с португальским примером, когда единичность объекта вытекает из «картины мира», например: *E a sirigaita,* santo Deus, que figura! *Umas saias curtíssimas,* indecentes, pernas ao léu, e saíu assim com pretexto espantoso: comprar alfaces! (M.Zambujal) ‘И эта кокетка, о господи, что за видок! *Юбочки прекоротенькие,* бесстыже выставила свои ноги напоказ, и вот так ушла из дома, выдумав совершенно поразительное объяснение: салатика купить!’ Множественность *umas saias curtíssimas* ‘прекоротенькие юбочки’ предопределена современной “картиной мира”, поскольку современные женщины носят одну юбку, а не несколько, как в прошлые века. “Гиперболическое множественное” может реализовываться через элементы самого высказывания, при этом местоимение не будет менять своего основного значения (пример из интервью с Г.Волчек) Мы можем ругаться, ссориться, дуться друг на друга, иногда допускаем колкости, но все равно *мы друг для друга остаемся “квашенками” и “волчками”* (7 дней). Г.Волчек говорит о себе и об актере И.Кваше, употребляя во множественном числе шутливые прозвища.

Таким образом, “множественное гиперболическое” имеет общие смысловые и структурные характеристики в обоих языках. Однако в русском языке накладываются определенные ограничения на данное употребление при отсутствии формы множественного числа у дефектных по числу существительных, в частности, у абстрактных, вещественных, собирательных, а также у имен, относящихся к существительным Pluralia tantum, поскольку оппозиция по числу будет нейтрализована.

Литература

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.

Ляшевская О.Н. Семантика русского числа. М., 2004.

Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. С-П., 1996.

Б.М. Атаев

Особенности проявления категории рода в русском языке и категории класса в аварском

Comparative study of Avar and Russian with theoretic and practical aims (teaching Russian in Avar schools) focuses on similarities and distinctions between these languages. This method advances our understanding of both language systems, especially of the insufficiently studied Avar. The comparative analysis of Russian noun genders and Avar noun classes allows to elicit both some similarities and numerous important differences that, if not taken into consideration, can become a source of language learners' mistakes.

Широкое функционирование русского языка как языка межнационального общения в Дагестане и в целом в Российской Федерации приводит к высокому уровню национально-русского двуязычия. В силу исторических причин оно стало жизненной необходимостью для всех национальностей этого региона. Но и сегодня выпускники аварской школы не владеют русским языком в достаточной степени, находясь под влиянием интерференции родного языка. Поэтому необходимо сопоставительное изучение родного и русского языков. Это, в первую очередь, помогает учащимся думать не только на родном, но и на русском языке. Ошибки, обусловленные интерференцией родного языка, при этом неизбежны. В свое время по этому поводу Л.В. Щерба заметил, что «… можно изгнать родной язык из процесса обучения, но изгнать родной язык из голов учащихся в школьных условиях – невозможно» [Щерба 1947, 56].

Сопоставительное изучение языков кардинально помогает углубить анализ рассматриваемых явлений и раскрыть их новые стороны. Изучение новых явлений в сопоставительном плане способствует лучшему их запоминанию. Все это обусловило то, что сопоставление вполне закономерно вошло в науку как метод обучения. И переоценить важность сопоставительного и сравнительного изучения русского и родного языков сегодня невозможно.

В науке сложилось мнение, что сравнение – одна из древнейших форм мышления при помощи конкретных образов, а не абстрактных понятий. Сравнение есть основа всякого понимания, и все в мире мы узнаем не иначе как через сравнение. А.А. Потебня, например, писал: «... мы не можем себе представить первоначального положения иначе, как в виде сравнения (или сближения) двух самостоятельно сложившихся чувственных образов» [Потебня 1958, 64]. Все это диктует требование совершенствовать методику преподавания русского и родного языков в национальной школе, в основу которой кладется максимальный учет особенно-

стей родного языка, способных позитивно повлиять на процесс изучения русского языка. Соответственно, для решения этих задач на передний план выдвигаются сопоставительные исследования.

Русская грамматическая традиция, в русле которой детальную проработку получили и те вопросы, в отдельных случаях даже не ставившиеся в авароведении, при сопоставительном исследовании может дать импульс для изучения тех фрагментов, которые не получили освещения в литературе по аварскому языку.

Обычный обзор литературы по тому или иному вопросу, предваряющий его анализ в аварском языке, большей частью дает отсылки к аналогичным работам, выполненным на материале русского языка. Сформировалась своеобразная схема грамматического анализа, в рамках которой в качестве эталона выступает анализ сопоставимых категорий и явлений русского языка. Не секрет, что в дагестановедении нередко свойства русской грамматики, а также терминологии неправомерно переносят, на материал своего языка. З.Г. Абдуллаев, например, отмечает, что из-за «…отсутствия традиций грамматических исследований и недостаточной изученности языка не установлен инвентарь грамматических понятий, охватывающих структурные единицы слова и предложения. Понятийная номенклатура, используемая при исследовании грамматики, относится, естественно, к фактам метаязыка и в силу этого не всегда обнаруживает адекватное соответствие специфическим свойствам языка-объекта» [Абдуллаев 1993, 5].

Нередко языковое своеобразие ускользает из поля зрения исследователей, описывающих язык без обращения к внешнему эталону. В условиях отсутствия сопоставительной традиции исследователь имплицитно повторяет в своем анализе схему русского языка, непроизвольно игнорируя специфику описываемых языков. Подобное положение дел еще П.К. Услар подвергал справедливой критике: «Самая неудачная метода заключается в переводах форм русской грамматики на неизвестный язык. Мне случалось видеть таковые грамматические очерки: нельзя не пожалеть о потерянном времени и труде» [Услар 1888, 17].

Сопоставительное исследование этих языков в теоретических и практических целях (с учетом возможностей использовать результаты в практике преподавания русского языка в аварской школе) ориентировано на выявление сходств и различий между ними. Такой метод ведет к более глубокому познанию систем сравниваемых языков, особенно, мало исследованного аварского. Вскрываются явления, оставшиеся незамеченными при изучении отдельных его вопросов.

В сравниваемых языках лексико-грамматическая классификация находит свое формальное выражение. При этом в аварском языке, в отли-

чие от русского языка, исследователи предпочитают говорить не о родах, а о грамматических классах. Однако, несмотря на неравнозначность конкретного разбиения именного словаря, лежащий в основе этого разделения принцип по существу один и тот же. Поэтому не случайно в школьном учебнике аварского языка говорят не о грамматическом классе, а о роде (*жинс*) существительного. Дополнительным аргументом в пользу такой трактовки является тот факт, что принадлежность существительного к определенному классу может быть выяснена на основе согласования существительного с глаголом или с прилагательным, так как эти части речи при определенных условиях показывают с помощью специальных морфем (классных показателей), к какому классу/роду относится данное имя.

В русском языке имена существительные классифицируются на мужской (названия мужчин: *отец, брат, столяр, мальчик*, *хозяин,* животных-самцов: *слон, козел, петух*, ср. также недифференцированные по полу обозначения типа *таракан, паук* и т.п. + неодушевленные имена: *стол, дуб, очаг, дом* и т.д.), женский (названия женщин: *мать, сестра, золовка, доярка*, животных-самок: *коза, кошка, корова* (интересно, что для нейтрального обозначения вида, без дифференциации по полу употребляются слова женского рода: *наша бабушка разводит гусей, кур, уток, овец, лошадей)*, ср. также недифференцированные по полу обозначения типа *рыба, лягушка, змея, муха* + неодушевленные имена: *поляна, луна, кружка, сосна*), средний (неодушевленные имена + некоторые одушевленные, как правило, обобщенные названия типа *животное, насекомое* и т.д.) роды. Любопытно, что роль немаркированного члена выполняет здесь мужской род: его форма обычно принимает на себя функции “общего рода”. Кроме того, к мужскому роду обычно относятся и названия детенышей.

В аварском языке имена делятся на три класса (рода). К первому классу относятся названия мужчин. *эмен* ‘отец’, *имгIал* ‘дядя’, *бихьинчи* ‘мужчина’ и т.д. Ко второму классу относятся названия женщин. Сюда относятся *чIужу* ‘женщина’, *лъади* ‘жена’, *эбел* ‘мать’ и т.п. К третьему классу относятся все названия животных, предметов, абстрактных понятий: *борохь* ‘змея’, *ургьисала* ‘почка’, *гIарац* ‘деньги’, *мучари* ‘просо’, *рукъ* ‘дом’, *хIарщ* ‘грязь, глина’, *хьибил* ‘бок’, *магь* ‘охапка, вязанка’, *тIавус* ‘павлин’, *турут* ‘дорожка, палас’, *гъуни* ‘стог’, *иц* ‘моль’, *чарх* ‘колесо’, *шагьар* ‘город’, *бер* ‘глаз’, *чирахъ* ‘свеча, лампа’, *нилъу* ‘подбородок’, *къо* ‘день’, *хъабахъ* ‘тыква’ и т.д.

Таким образом, род (класс) существительного в аварском языке определяется отнесенностью к категории человека и полом обозначаемого лица. Соответственно, одушевленность и неодушевленность также не имеет в аварском языке специального грамматического выражения. В

русском языке род существительного детерминирован семантически только для одушевленных имен (т.е., в отличие от аварского, и для большого количества названий животных). В остальных случаях род существительного может быть определен по его морфологическим признакам, в первую очередь по структуре именительного падежа: существительные с основой на твердый согласный (за исключением шипящих), а также на *й*, не имеющие окончаний (с нулевой флексией): *город, лотос, воз, стон, волк, край, воробей,* – относятся к мужскому роду; слова с окончанием *-а (-я)* относятся к женскому роду; слова с окончанием *-о* (после мягкого – *-е*) – к среднему роду.

Слова с основой на мягкий согласный, а также на твердые шипящие *(ш, ж)* распределяются по родам в зависимости от типа склонения (диагностической считается форма родительного падежа: слова, имеющие в родительном окончание *-а (-я),* принадлежат мужскому роду: *кремень – кремня, мяч – мяча, нос – носа,* а с окончанием *-и* – женскому: *сирень – сирени, мышь – мыши, помощь – помощи.* Такая зависимость рода от морфологической структуры является действующим законом современного русского языка, в соответствии с которым вновь входящие в язык заимствования и новообразования характеризуются с точки зрения рода в соответствии с этими признаками. Конечно, необходимо иметь в виду и ряд исключений:

1. К мужскому роду относятся оканчивающиеся на *-а*, *-я* существительные, обозначающие лиц мужского пола: *дедушка, дядя, папа, староста, судья, юноша.* Эта группа слов не является продуктивной, т.е. уже не пополняется новыми членами. В названиях животных действует морфологический принцип: здесь род определяется, не по признаку пола, а по окончанию: *слон, буйвол, медведь (медведя), соболь – соболя, грач – грача* – мужского рода; *кукушка, пантера, рысь – рыси* – женского рода.

2. К мужскому роду относятся существительные с суффиксами оценки *- ишко, -ище, -ушко,* образованные от существительных мужского рода и обозначающие те же предметы, что и слова, от которых они образованы: *город – городишко, двор – дворишко, дворище, мост – мостишко, мостище, хлеб – хлебушко.* При обособлении по значению слов с перечисленными суффиксами они включаются в средний род согласно окончаниям: *березовое топорище, древнее городище, мрачное пожарище.* В то же время сохраняется мужской род существительных, образованных с помощью суффикса увеличительности *-ина: огромный домина, толстый носина, мостина, зверина.* Также названия животных с суффиксами *-ишк-*, *-к-*, образованные от слов мужского рода, сохраняют мужской род: *волк – волч-ишк-а, заяц – зайч-ишка,* а также *зайка, соловей – соловушка, ерш – ерш-ишк-а, окунь – окун-ишк-а.*

Аварский язык демонстрирует аналогичные особенности лишь в единичных примерах с префиксальным классным показателем – *вас* ‘сын’, *вац* ‘брат’, но *яс* ‘дочь’, *яц* ‘сестра’ – или же в субстантивированных адъективах, включающих классный суффикс (*бахIара-в* ‘жених’ – *бахIара-й* ‘невеста’). К явлениям того же порядка можно отнести и функционирование обусловленных родовой (классной) принадлежностью соответствующих имен показателей косвенной основы *-ас* (муж.), *-алъ* (жен./средн.).

Особого внимания заслуживают примеры функционирования в обоих языках слов “общего рода”, когда род существительного варьирует в зависимости от того, кто является действующим лицом, названным данным словом, мужчина или женщина, например: *врач, агроном, инженер, техник* и т.д. При этом, как отмечается в литературе, в русском (это особенно характерно для официального языка) усиливается тенденция пользоваться одним словом мужского рода для обозначения лиц обоего пола по профессии, социальному положению, например: *Сотрудники Петрова, Николаева, Сергеева представлены к премии.* Разговорный язык при этом чаще пользуется разными названиями для обозначения лиц мужского и женского пола: *работник – работница, студент – студентка, продавец – продавщица.*

К словам общего рода относятся также слова с окончанием *-а,* выражающие оценку по отношению к лицам мужского и женского рода: *Вася – большой* ***неряха*****;** *Наташа – большая* ***неряха***, ср. также: *белоручка, грязнуля, забияка, неженка, горемыка, лакомка, недотепа, недотрога, непоседа, плакса, работяга, сладкоежка, торопыга, умница* и др.

Важно отметить, что род неодушевленных имен влияет на интерпретацию обозначаемых этими словами предметов и явлений, например, *Ночевала тучка золотая на груди утеса-великана* [М.Л.]. Ср. также образы времен года и т.п.: *зима – старуха*, *весна – красная девушка, дед Мороз* и т.п.

Сопоставительный анализ категории рода и класса имени существительного в этих языках показал, что между ними имеются немало общностных явлений, а также существенные расхождения, которые являются источником различных видов интерференции.

Литература

Абдуллаев З.Г. Даргинский язык. Словообразование. М., 1993.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I-II. М., 1958.

РГ – Русская грамматика. Т. 1-2. М., 1980.

Услар П.К. Аварский язык. Тифлис, 1988.

Щерба Л.В. Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. М., 1947.

Е.В. Шлык

Актуальность в русском, немецком и английском языках (на материале романа Л.Н. Толстого «Война и мир» и его немецко- и англоязычного переводов)

Aktualität ist eine Komponente der Realmodalität. Sie drückt ein Geschehen aus, das in der Gegenwart des Sprechenden abläuft. Das ist der höchste Grad der Aktualität. Eine andere Art der Aktualität ist Aktualität der Vergangenheit – ein Geschehen, das in der Gegenwart des Sprechenden abgelaufen ist.

Aktualität ist eine universale Kategorie für russische, deutsche und englische Sprachen, aber in den Ausdrucksarten zeigen diese Sprachen ihre Spezifik.

Актуальность в рамках теории функциональной грамматики рассматривается как микрополе 2-ой ступени, ядро микрополя реальности.

Главным семантическим признаком актуальности является фактичность, то есть устанавливаемое говорящим представление о таком существовании в действительности, в котором нет элементов, так или иначе связанных с ирреальностью, потенциальностью, а также недостоверности или чужого опыта [Бондарко 1992, 16].

Настоящее и прошедшее времена, выражающие актуальность (фактичность) как центр реальности, представлены в виде микрополей 3-ей ступени в составе микрополя актуальности.

В ситуации настоящего с признаками наблюдаемости (перцептивности) и конкретной референции всех участников ситуации актуальность как специфика реальности находит максимально четкое и непосредственное выражение. Настоящее актуальное в ситуации «я – теперь – здесь – это» представляет собой «высшую степень реальности» – действительность переживаемую, наблюдаемую (так или иначе воспринимаемую), конкретную и очевидную. Это и есть актуальность в собственном, первичном, наиболее полном смысле [Бондарко 1992, 17].

Семантика, выражаемая в микрополе настоящего актуального, содержит инвариантный компонент «фактичность – перцептивность – конкретность – локализованность – процесс в серединный момент протекания действия, соотнесенный с моментом речи». Содержание данного семантического комплекса основано на значениях времени и вида глагола, временной локализованности и персональности, обусловленных пересе-

чением соответствующих функционально-семантических полей (ФСП) с полем модальности [Шлык 2006, 49].

Указанный комплекс может быть осложнен значениями неопределенной, продолжительной, чрезмерной длительности или постоянства, выраженными в совокупности с лексическими показателями и контекстом. Возможно возникновение компонентов высокой/низкой степени активности, направленности к результату, перформативности, статальности, качественных изменений, обусловленных глагольными способами действия в совокупности с контекстом. Наличие оттенков недовольства, злости, грусти, страдания, удивления, недоумения, сожаления, неодобрения, осуждения, упрека, возмущения, бесполезности, радости, восхищения, хвастовства, нецелесообразности действия, а также положительной или отрицательной оценки обусловлено пересечением ФСП модальности со сферами прагматики и оценочности.

В русском варианте текста ядерным средством микрополя настоящего актуального, выражающим значения данного семантического комплекса, являются формы глагола в изъявительном наклонении настоящего времени несовершенного вида (НСВ). Такое положение обусловлено совокупностью признаков временной и персональной отнесенности, аспектуальности, способов действия, важных для модальности и находящих выражение в указанных формах.

– Здравствуйте, дядюшка, и мы ***едем****, – прокричал Петя.*

– Здравствуйте-то здравствуйте, да собак не передавите, – строго сказал дядюшка [Толстой 1988, 534].

– Вишь, лопочет как ловко! Аж француз-то за ним ***не поспевает****. Нука ты, Сидоров…*[Толстой 1988, 200].

Бледный, с трясущейся губой, Пьер рванул лист.

– Вы… вы… негодяй!.. я вас ***вызываю****, – проговорил он и, двинув стул, встал из-за стола* [Толстой 1988, 342].

При переводе на немецкий язык использованы формы Präsens: *Wir* ***reiten*** *auch mit…; Nein, was der flink* ***plappert****!; Ich* ***fordere*** *Sie!* [Tolstoi 2007].

В английском переводе ядро может быть представлено формами Present Continuous, Complex Object с причастием I, подчеркивающими процессность данного действия; Present Perfect Continuous или Present Perfect (с непредельными глаголами), а также формами Present Indefinite.

‘Good morning, Uncle! We ***are going*** *too!’ shouted Pétya.*

‘Good morning, good morning! But don’t go overriding the hounds,’ said ‘Uncle’ sternly [Tolstoy 1997, 540].

‘Hark to him jabbering! Fine, isn’t it? It’s all the French ***can do to keep up*** *with him. There now, Sídorov!’* [Tolstoy 1997, 185].

Pale, with quivering lips, Pierre snatched the copy. 'You…! you… scoundrel! I ***challenge*** *you!' he ejaculated, and pushing back his chair he rose from the table* [Tolstoy 1997, 335].

В приядерной зоне микрополя настоящего актуального в русском языке расположены формы императива в функции «драматического императива» [Грабье 1983, 143], заменяющиеся в немецком языке ввиду отсутствия аналогичных элементов модальным глаголом – репрезентантом семантики необходимости, и в англоязычном тексте ядерными средствами, при этом дополнительные оттенки недовольства, злости утрачены (ср.: 'и теперь мы стоим здесь голодные'):

– То-то я бы их и пустил наперед. А то небось позади жмутся. Вот и ***стой*** *теперь не емши* [Толстой 1988, 300].

Da ***müssen*** *wir nun* ***stehen****…*[Tolstoi 2007, 353].

«Yes, I'd send them on in front, but no fear, they're crowding up behind. And now here we ***stand*** *hungry»* [Tolstoy 1997, 289].

На ближней периферии микрополя настоящего актуального в русскоязычном материале находятся формы зависимого и независимого инфинитива обоих видов, поскольку, являясь способными участвовать в передаче семантики изъявительного наклонения и, следовательно, настоящего актуального, они не обладают свойствами, присущими морфологическому ядру.

– Что обо мне ***говорить****! – сказала она спокойно и взглянула на Наташу* [Толстой 1988, 2-396].

Несколько купцов столпились около офицера.

– Э! попусту ***брехать****-то! – сказал один из них, худощавый, с строгим лицом* [Толстой 1988, 289].

– ...Что же это! Душегубство ***делать****! Вишь, сердечный, как скатерть белый стал, – говорили голоса* [Толстой 1988, 2-79].

В немецкоязычном переводе формы независимого инфинитива заменяются конструкциями с модальным глаголом *Wozu* ***sollen*** *wir von mir* ***sprechen****!*, именами существительными с усилительными оценочными частицами *Unnützes* ***Gebelfer****!; Das ist ja* ***Mord****!* [Tolstoi 2007, 1146, 884]

В английском переводе им соответствуют формы инфинитива самостоятельно или в составе синтаксических конструкций, а также формы Gerund в функции сказуемого, репрезентирующие возмущение, негодование с некоторым оттенком грубости, вульгарности, Present Indefinite:*'Why* ***talk*** *of me?'; 'Eh, what* ***twaddle****!';* ***Killing*** *people! Poor dear, he's as white as a sheet!* [Tolstoy 1997, 1079, 967]

На большем удалении от ядра расположены формы деепричастий и причастий и соответствующие им формы Participle I в английском языке:

«Однако вот она ***лежит*** *у моих ног,* ***играя и дрожа золотыми купо-***

лами *и крестами в лучах солнца. Но я пощажу ее»* [Толстой 1988, 2-283].

«Yet here she ***is lying*** *at my feet,* ***with her golden domes and crosses scintillating and twinkling*** *in the sunshine. But I shall spare her»* [Tolstoy 1997, 964].

– Но вы знаете, ваше превосходительство, мудрое правило, ***предписывающее предполагать*** *худшее, – сказал австрийский генерал, видимо желая покончить с шутками и приступить к делу* [Толстой 1988, 146].

*«But you know the wise maxim, your Excellency****, advising*** *one* ***to expect*** *the worst», said the Austrian general, evidently wishing to have done with jests and to come to business* [Tolstoy 1997, 129].

В немецкоязычном переводе причастия заменяются придаточными предложениями.

Неполные предложения, различные типы односоставных предложений, представляющих фактическое наличие или отсутствие состояния в плане настоящего в трех анализируемых языках, составляют дальнюю периферию микрополя. Краткость таких предложений способствует актуализации чего-либо одного, наиболее важного для сообщения: действия, состояния, признака, предмета или явления. Данные предложения являются семантически емкими, называя предметы и явления, констатируя их наличие, они сразу же вводят читателя в обстановку действия, способствуют стремительному развитию сюжета: *Ein Pfeifen und ein Schlag! A whizz and a thud!* ‘Свист и удар!’

Средствами дальней периферии являются также формы междометий (звукоподражаний) [Середа 2002, 17-20], которые сходным образом во взаимодействии с контекстом представляют актуальное действие в плане настоящего в текстах на разных языках: *...Hahaha! Nein, dieser Nikolai Iwanowitsch! Hahaha!* [Tolstoi 2007, 1296]; *‘...Ha, ha, ha! Bravo, Nicholas Iványch! Ha, ha, ha!’* [Tolstoy 1997, 1097]; ‘В середине залы красивый невысокий генерал с красным лицом бойко и ловко выделывал трепака. – Ха, ха, ха! Ай да Николай Иванович! ха, ха, ха!..’

Периферийные средства выражения настоящего актуального актуализируют указанные значения в совокупности со средствами контекста в материале на русском и английском языках. Лексические показатели подчеркивают отдельные компоненты значения, придают им дополнительные оттенки.

Ситуация прошедшего актуального представляет прошедшее несовершенное конкретное единичное действие, бывшее актуальным, наблюдаемым, длительным в определенный момент времени в прошлом. Значение актуальности прошедшего содержит ярко выраженный признак предшествования по отношению к моменту речи в отличие от актуальности настоящего.

Семантика актуальности, отнесенной к прошлому, представлена семой «фактичность – перцептивность – локализованность – процесс в серединный момент протекания действия, предшествующий моменту речи» и находит выражение в микрополе 3-ей ступени прошедшего актуального.

Семантический комплекс прошедшего актуального получает в исследованных текстах дополнительные компоненты неопределенной, продолжительной длительности или постоянства, неподвижной длительности, направленности или стремления к результату, прерывистости, высокой степени слитности, быстрого или замедленного темпа протекания, постепенного процесса в развитии, результата, актуального в плане прошлого, регулярной последовательности текущих действий, воспринимаемых как целостный непрерывный процесс, мгновенности.

В зонах пересечения ФСП модальности со сферами оценочности и прагматики к указанному комплексу добавляются оттенки оценки, обиды, возмущения, упрека, одобрения, экспрессивности.

В исследованном материале на русском языке данное семантическое значение выражено ядерным средством микрополя прошедшего актуального – формами глагола в изъявительном наклонении прошедшего времени НСВ, формами настоящего совершенного (в значении настоящего исторического), в немецком языке – формы Präteritum, Perfekt, Plusquamperfekt, Präsens (historisches Präsens, Präsens der belebten Erzählung), в английском им соответствуют формы Past Continuous, употребляющиеся самостоятельно и в совокупности с Participle I или Gerund, Present Indefinite (Historical Present), формы Past Perfect Continuous, реже формы Past Indefinite или Past Perfect: ‘*Я* ***шла*** *к тебе, чтобы сказать это*’ – *Ich* ***kam****, um dir das zu sagen [Tolstoi 2007, 491]; I* ***was coming*** *to tell you so* [Tolstoy 1997, 406]; ‘*Как она* ***пролетит*** *мимо меня, дяденька, ядро-то, – говорил, едва удерживаясь от смеха, с огромным ртом, молодой солдат, – я так и обмер’ – Wie die Kanonenkugel so an mir* ***vorbeiflog****, Onkelchen*…[Tolstoi 2007, 180]*; As it* ***flies*** *past me, Daddy*…[Tolstoy 1997, 148]

Средствами приядерной зоны указанного микрополя в русском языке являются формы императива в несобственной функции и глагольных междометий, передающие действие, происходившее в прошлом, которое мыслится как мгновенный, неожиданный акт или длительный многоактный процесс, оживляющие описание, усиливая значение актуальности, выражающие эмоционально насыщенные действия. Ввиду отсутствия подобных форм в немецком и английском языках данные значения при переводе передаются глагольными формами изъявительного наклонения, входящими в ядро указанного микрополя. При этом факты, относящиеся к прошлому, констатируются нейтрально, без указания на способ их совершения.

Тихон неожиданно и гибко лег на брюхо, представляя в лицах, как он это сделал. – Один и ***навернись****, – продолжал он. – Я его таким манером и* ***сграбь****. – Тихон быстро, легко вскочил* [Толстой 1988, 2-462].

«Da ***kam*** *auch gerade einer herangegangen»… «Ich* ***bekam*** *ihn so zu packen»* [Tolstoi 2007, 1359].

«One ***turned u****p and I* ***grabbed*** *him, like this»* [Tolstoy 1997, 1151].

– Загорелось рядом, – бросило к нам. Девка закричала: горит! Бросились собирать... ***Хвать*** *детей, Катечки нет. О, господи! О-о-о! – и опять она зарыдала* [Толстой 1988, 340].

«Ich ***griff*** *nach den Kindern, da war meine kleine Katja nicht da!...»* [Tolstoi 2007, 1207]

«We ***seized*** *the children. But not Katie! Ooh! O Lord…!» and again she began to sob* [Tolstoy 1997, 1021].

На ближней периферии расположены формы независимого и зависимого инфинитива, актуализируемые в контексте, в русском языке. Им соответствуют формы Präsens в немецком языке, Infinitive, Participle I, Gerund, Past Indefinite, Past Continuous в совокупности со средствами контекста в английском переводе.

– Как же, из-под наших гончих он травить будет! Да и сука-то моя мышастая поймала. Поди, судись! За лисицу хватает! Я его лисицей ***ну катать****... – говорил охотник, указывая на кинжал и, вероятно, воображая, что он все еще говорит с своим врагом* [Толстой 1988, 542].

«Er greift nach dem Fuchs. Ich ***schlage*** *ihn dem Fuchs um die Ohren»* [Tolstoi 2007, 659].

«He snatches at the fox! I ***gave*** *him one with the fox...»* [Tolstoy 1997, 549]

На большем удалении от ядра в русском варианте текста находятся формы деепричастий НСВ и СВ, в немецком языке одновременность действий передается однородными сказуемыми. При переводе на английский язык в данном значении употребляются формы Participle I и Infinitive; для выражения значения предшествования – формы Participle II в абсолютной конструкции, Gerund с союзом after, подчеркивающие предшествование, формы Participle I (если значение предшествования не так важно как сам факт совершения добавочного действия), а также временные формы глагола Past Perfect (для обозначения завершенного действия) и Past Indefinite (представление ряда последовательных действий).

Около него ***толпились, рассматривая*** *его, наши офицеры* [Толстой 1988, 2-223].

Viele von unseren Offizieren ***drängten sich*** *um ihn und* ***betrachteten*** *ihn* [Tolstoi 2007, 256].

Our officers ***were flocking in to look*** *at him* [Tolstoy 1997, 209].

Формы полных причастий являются периферийным компонентом

микрополя прошедшего актуального в русскоязычном тексте, при переводе на немецкий язык используют придаточные определительные, в английском переводе им соответствуют формы Participle I или Past Perfect Continuous.

Одна купчиха, ***стоявшая подле Пети****, рыдала, и слезы текли у нее из глаз* [Толстой 1988, 2-78].

Eine Kaufmannsfrau, ***die neben Petya stand****, schluchzte laut, und die Tränen rollten ihr aus den Augen* [Tolstoi 2007, 883].

A tradesman's wife ***standing beside Pétya*** *sobbed, and the tears ran down her cheeks* [Tolstoy 1997, 741].

Средства выражения прошедшего актуального функционируют в совокупности со средствами контекста, лексическими показателями длительности.

Семантика настоящего и прошедшего актуального, таким образом, является инвариантной для анализируемых языков. Значения, которые в русском языке реализуются формами глагола изъявительного наклонения настоящего и прошедшего времени НСВ (формирующими ядро структуры микрополей настоящего и прошедшего актуального), в английском переводе передаются значениями различных видовременных форм, реже контекст выступает как вспомогательное средство выражения значения.

В то же время оттенки значений, передаваемые сочетанием грамматических средств, представлены большим разнообразием в тексте на русском языке. Например, оттенок вынужденности с эмоциональной окраской недовольства, злости (*вот и стой!*), оттенок мгновенности, неожиданности (*один и навернись*); резкие, мгновенные, стремительные действия с ярко выраженной экспрессивной окраской (*раз, раз по морде… / хвать детей…*); высказывания с оттенком неодобрения, возмущения, осуждения (*на это вас взять…*), интенсивность с высокой степенью эмоциональности (*ну его катать…*). При переводе на немецкий и английский языки данные оттенки смягчены или вовсе утрачены, действия нейтральны, возможно появление модальной семантики (*we stand…; da müssen wir stehen / one turned up…; da kam …einer herangegangen / we seized the children…; ich griff… / I gave him…; damit gab ich ihm…*).

Семантический комплекс актуальности является смысловой основой, инвариантной для рассмотренных языков. Интерпретационный компонент, варьирующийся при переходе от одного языка к другому, связан со спецификой, уникальностью форм конкретного языка.

Литература

Бондарко А.В. К проблеме соотношения универсальных и идиоэтнических аспектов семантики: интерпретационный компонент грамматиче-

ских значений // Вопр. языкознания. 1992. № 3. С. 5-20.

Грабье Вл. Семантика русского императива // Сопоставительное изучение грамматики и лексики русского языка с чешским языком и другими славянскими языками. М., 1983.

Середа Е.В. Классификация междометий по признаку выражения модальности // Русский язык. 2002. № 23. С. 17-20.

Толстой Л.Н. Война и мир: в 2 т. М.: Худож. лит., 1988.

Шлык Е.В. Семантика и средства выражения реальной модальности в русском и английском языках (на материале романа Л.Н. Толстого «Война и мир» и его англоязычного перевода): Дис… канд. филол. наук. Брянск, 2006.

Tolstoi Leo. Krieg und Frieden. Köln: Anaconda, 2007.

Tolstoy Leo. War and Peace. London: Penguin Books, 1997.

О.А. Сулейманова

Вторичная предикативность в контрастивной перспективе (русский и английский языки)

The paper focuses on the Russian verbal nouns in the attributive function and their English counterparts. The research revealed cross-linguistic and cultural differences between the languages in this respect; there was found a regular correlation referring to basic cognitive categories – *time, space and reasoning* – which should be taken into account when translating Russian verbal nouns used attributively into English.

Рассмотрим проблемы перевода, обусловленные необходимостью структурно-грамматической перестройки исходного высказывания при его переводе на иностранный язык (английский, русский). Структурная перестройка определяется при этом в первую очередь особенностями и различиями между ИЯ и ПЯ - принимая во внимание, с одной стороны, аналитический характер английского языка и флективный характер русского, избирательность языковых средств, с другой, и, наконец, известный вербоцентризм английского языка, можно предположить, что самые существенные расхождения между языками находятся именно в области трансформаций, связанных с предикативностью – в широком смысле слова. Рассмотрим представления, определяющие особенности предикативности в русском и английском языках.

Предикативность в лингвистике традиционно трактуется как обязательный компонент предложения, составляет фундамент сказуемости (ЛЭС). В рамках общей категории предикативности можно выделить – с учетом переводческой релевантности – (полные) ***предикативные*** струк-

туры, или предложения, ***полипредикативные*** структуры, или сложносочиненные и сложноподчиненные предложения, и наконец, ***вторично-предикативные*** структуры.

В рамках вторично-предикативных структур можно далее выделить три типа структур: ***полупредикативные структуры, структуры со свернутой предикативностью*** и ***структуры со скрытой предикативностью.*** Подчеркнем, что предлагаемое разграничение вторично-предикативных структур продиктовано переводческой релевантностью, но также не противоречит в целом ряду лингвистических традиций их трактовки (различия могут затрагивать только терминологию их обозначения).

Под ***полупредикативными*** структурами понимаются английские причастные, инфинитивные обороты, в русском это причастные и деепричастные обороты (авторы отдают себе отчет в том, что английские структуры служат аналогами предложения: имеют свое подлежащее и сказуемое, они двухчастны; тогда как русские причастные и деепричастные структуры в принципе одночастны). Свернутая и скрытая предикативность принципиально одночастны.

Структуры со ***свернутой предикативностью*** представлены в русском языке отглагольными существительными (*идея создания, привлечение инвестиций* и пр.), а в английском это могут быть определительные сочетания типа *drug-related*, *health-conscious*, *health-threatening*.

Скрытая предикативность отчетливо представлена английскими моделями типа *he waved her in*, *he helped her out (of the car)*, *she let him in/out*, где не эксплицировано действие, но характер которого ясен из широкого контекста, и обычно восстанавливается при переводе на русский язык. Обязательной составной частью данных структур часто является предлог. Скрытая предикативность в известном смысле сходна с односоставными предложениями типа *Дождь!*, однако между ними есть ряд существенных отличий, первое из которых состоит в том, что предложение входит в синтаксическую парадигму (*Был дождь, Будет дождь*), тогда как скрытая предикативность восстанавливается лексически.

В целом аналитизм английского языка и синтетизм русского вступают в известный «конфликт» при переводческих трансформациях языковых структур любого уровня.

Так, например, в современном русском языке высокой частотностью отличаются существительные (ср. предпочтительность отглагольного существительного по сравнению с глаголом – *подписание договора, создание ядерного оружия, по поводу введения* и пр.), которые при переводе на английский язык разворачиваются в полноценную предикативную структуру.

Одна из основных трудностей, с которыми сталкивается переводчик

при переводе с русского языка на английский, – вербоцентризм английского языка (где высказывание разворачивается вокруг предложения) и предпочтение существительного (даже образованного от глагола) в русском языке. Исследования показывают, что русском языке частотность конструкций с отглагольными существительными на 30-35% выше, чем частотность аналогичных конструкций в английском языке.

Поскольку такие особенности русской и англоязычной культур можно объяснить только спецификой менталитета и более развернутой системой глагола в английском языке, при переводе на английский язык русскоговорящие студенты, как правило, стремятся сохранять русское существительное, а не преобразовывать его в английский глагол, что неверно. Например, предложение '***Идея создания*** *прибора пришла к изобретателю во время НАТОвской бомбежки, которую он переживал в отеле вместе со своей подружкой*' следует переводить '*An* ***idea to invent*** *the device occurred to the scientist while he was hiding in a hotel during the bombing by the NATO military forces*' (а не *an idea of inventing / invention*). С другой стороны, в предложении '*И счастливая* ***пора процветания****, относящаяся к эпохе королевы Елизаветы I , которая как-то посетила поместье и даже провела здесь три ночи*' перевод с помощью инфинитива неприемлем. В данном случае перевод следует осуществлять с опорой на герундий '*The period of* ***flourishing*** *started with Queen Elizabeth's visit to the mansion and her spending three days there*'. В учебных пособиях по практике перевода конструкции с русскими отглагольными существительными рекомендуется переводить с помощью инфинитива, ing-формы или глагола [Бреус 1998]. Однако для того чтобы воспользоваться предложенными правилами перевода переводчик должен увидеть искомую форму в тексте, что в свою очередь, представляет переводческую задачу, которая решается на этапе предпереводческого анализа.

В целом перевод отглагольного существительного определяется его функцией в предложении, оно может выполнять синтаксические функции:

1. подлежащего: '***Создание*** *микро- и нанороботов – следующий этап, к которому мировая наука ближе, чем мы думаем*';

2. дополнения: '*Предприниматель добавил, что теперь вплотную займется* ***созданием*** *собственной управляющей компании*';

3. определения: '*Они соответствуют давно наметившейся в отрасли тенденции* ***к расширению*** *функций центральных микропроцессоров – базовых компонентов большинства компьютеров*';

4. обстоятельства (места, времени, образа действия, цели и пр.): '*Даже в столице страны Душанбе электричество в спальные районы подается* ***с ограничениями*** или *Реальный, а не надуманный кризис может возникнуть* ***и от резкого падения*** *мировых цен на нефть и энергоносители*'.

Трансформации, которые требуются при переводе предложений, содержащих отглагольные существительные, на английский язык, определяются семантической нагруженностью этого существительного (является ли оно семантически пустым или выражает полноценное действие?) и выполняемой им функцией. Рассмотрим возможные преобразования:

Если отглагольное существительное является семантически пустым, оно не несет релевантной информации и, как правило, не воспроизводится в английском языке: '***Подписание*** *контракта позволит нам решать эти задачи*' – '***This deal*** *will empower us to settle these difficulties (to work through these tasks)*'. '***Заключение*** *соглашения приведет к новому витку отношений между государствами*' – '***The agreement*** *will spur on a totally new relationship between our states*'.

Напротив, при акцентировании действия, описываемого отглагольным существительным (= семантически непустое), опустить его невозможно, и в таком случае оно подлежит переводу, причем способ его перевода зависит от его функции в предложении. При этом в рамках отглагольных существительных (независимо от выполняемой ими функции) можно выделить некоторые устойчивые семантические классы, которые требуют специальных преобразований при переводе. Так, можно выделить отглагольные существительные, которые выражают переход в качественно или количественно новое состояние (*улучшение, увеличение, уменьшение, рост, сокращение* и пр.). При переводе на английский язык они передаются сравнительной степенью прилагательного, причастием, ср.:

улучшение уровня жизни – higher living standards

рост цен на нефть – higher / skyrocketing / sweeping oil prices

Вместе с тем, появление определения, например, обозначающего скорость или масштаб изменений, (*быстрый рост, значительный рост, резкое падение,* препятствует преобразованию отглагольного существительного в прилагательное в сравнительной степени или в причастие; в таком случае имеет место полное структурное соответствие между ИЯ и ПЯ, например: *резкое падение – precipitous /marked fall, серьезное ухудшение - dramatic decline / srink.*

Данный тип отглагольных существительных также может сопровождаться указанием на точную величину количественного изменения, например, *рост налогов на 5 %.* В таком случае русское отглагольное существительное также переводится отглагольным существительным, *а 5% rise, tax rise by 5%:*

'*За последние три года произошло* ***увеличение*** *цен на недвижимость* ***в три раза***'.– '*Recent years have seen* ***a threefold increase*** *in the prices on real estate*'.

'*Председатель ОПЕК назвал истинную причину* ***десятипроцентного***

роста *цен на нефть*'. – '*The head of the OPEC (Organization of Petroleum Exporting Countries) unveiled the real cause of* ***the 10% rise*** *in oil prices*'.

Еще одна группа существительных представлена единицами, вносящими информацию о *возникновении / появлении / создании* объекта или явления. При переводе таких русских существительных на английский язык требуется частеречная замена – они преобразуются в прилагательное *new* или местоимения *another, another one, one more, further*, ср. *возникновение таких представлений приводит к – new attitudes / perceptions / sentiments lead to.*

'*До настоящего времени в Ираке не удалось устранить коренные причины* ***возникновения*** *конфликтов, в том числе на религиозной основе*'. – '*So far the causes of* ***further*** *conflicts haven't been identified and eliminated, even the ones related to schism*'. '*Он согласился рассказать о том, как ему видится внедрение инновационных технологий и* ***создание*** *инновационной экономики*'. – '*He agreed to elaborate on how he views implementation of innovative technologies and* ***new*** *innovative economy*'. '*К* ***созданию*** *фильма было привлечено несколько десятков экспертов*'. – '*The makers of the* ***new*** *movie relied on extensive experts' help*'.

Если отглагольное существительное используется в составе словосочетания, выступающего в качестве подлежащего, на этапе предпереводческого анализа определяется тип отношений внутри данного словосочетания. Так, это могут быть субъектные словосочетания, например, *влияние изменений*, где отглагольное существительное *изменения* выполняет функцию субъекта, «агенса» действия. Это могут быть объектные слвоосочетания – *проведение дискуссии*, где денотат слова *дискуссия* представлен как объект действия совокупности людей.

Следует подчеркнуть, что ряд русских словосочетаний допускает двоякую – как субъектную, так и объектную – интерпретацию: ср., например, фразу *посещение министра*, которая допускает как субъектное прочтение (*министр посетил*), так и объектное (*министра посетили*). В таких случаях семантику фразы интерпретируют с опорой на широкий контекст.

В случае с субъектным словосочетанием – *влияние изменений* - такой субъект (*изменения*) становится английским подлежащим, а отглагольное существительное может трансформироваться в сказуемое, ср. *the changes affect / tell on / influence / have an impact on / contribute to / add to / afflict.*

Отметим вместе с тем, что случаи субъектных словосочетаний в функции подлежащего достаточно редки, чаще всего отглагольные существительные являются семантически пустыми, ср. '***Возникновение*** *определенного количества таких изменений и приводит к формированию индивидуальности головного мозга*', где субъект действия выражен сущест-

вительным *изменения*, а отглагольное существительное *возникновение* по сути семантически пустое и должно опускаться при переводе. Таким образом, перевод может звучать как '*Certain changes finally render the brain idiosyncratic*'.

Если имя при отглагольном существительном обозначает объект действия (а не субъект), при переводе должен быть восстановлен реальный субъект-исполнитель действия с опорой на более широкий контекст. Так, в предложении '*Нашей целью не является* ***создание суперсубъектов федерации*** фраза *суперсубъектов федерации*' выражает фактический объект действия, однако из контекста легко восстанавливается фактический субъект – *мы*. Таким образом, это предложение можно перевести как *We don't aim at forming overexpanded regions of the federation*.

При этом способ, которым может воспользоваться переводчик при переводе подобного предложения, заключается в трансформации исходной русской активной конструкции в пассивную английскую. Подлежащим при этом становится имя при отглагольном существительном (фактический объект действия). Например, в предложении ***Расширение площади*** *существенно изменило первоначальный проект* слово *площади* обозначает фактическое дополнение и легко трансформируется в подлежащее английской конструкции: '***The area was expanded*** *and this resulted in extensive changes to the original draft*'. Ср. аналогичные примеры: '***Реализация программы*** *потребует от 6 до 7 лет*' – '*The program will take approximately 6 to 7 years* ***to carry out***' или '*По его словам,* ***расширение производства*** *не должно оказать сильного влияния на объем вложений*' – '*He stressed that the* ***production can be expanded*** *without affecting further investments*'.

В некоторых случаях имя при отглагольном существительном выражает фактический субъект, однако оно слишком абстрактно, чтобы выполнять функцию подлежащего английского предложения (*этап, уровень, поворот, обстоятельство* и пр.). При переводе таких предложений следует также восстанавливать фактический субъект из контекста. Например, предложение '*Конструктивное* ***развитие отношений*** *между государствами возможно только в случае подписания этого договора*' следует переводить как '*These states will step up constructive cooperation only if the agreement sees closure*'.

Русское отглагольное существительное в функции подлежащего может переводиться на английский язык также инфинитивом, ing-формой или даже целым придаточным предложением-подлежащим. Ср. '*Составление отчета требует*' и '*To make up a report / making up a report / If we are to make up a report*'.

Если отглагольное существительное «выступает в позиции дополне-

ния, определения или обстоятельства, переводчик заменяет отглагольное имя инфинитивом, ing-формой, причастием II или прилагательным» [Бреус 1998, 39]. '*Главным проектом станет* ***развитие*** *компании*' – '*Our primary goal is* ***to develop*** *the company*'. '*Поправки, предусматривающие* ***создание*** *независимого следственного комитета, были внесены в закон на прошлой неделе*' – '*Last week witnessed…*'

Отглагольное существительное в функции определения в существующих работах по переводу не получило исчерпывающего описания с точки зрения стратегии его перевода конструкций. Так, Е.В. Бреус указывает только, что «отглагольные существительные в функции определения передаются посредством герундия, причастия II или инфинитива» [Бреус 1998, 37-38].

Действительно, во многих случаях отглагольные существительные в функции определения могут переводиться на английский язык при помощи инфинитива, причастия, герундия:

'*С 1998 года полностью поменялась* ***политика восстановления*** *города, – говорит мэр города*' – '*The approach* ***to reconstruct*** *the city has made an about-face in 1998, claims the mayor of the city*'.

'***Идея проведения*** *Российского экономического форума зародилась в деловых кругах*'. – '*Idea* ***to hold*** *the forum was first nourished in the business circles*'.

'*Дело в том, что* ***политика активного стимулирования*** *спроса государством эффективна в период восстановления полноценного рынка*' – '*The point is that the* ***exaggerated*** *demand can be fruitful only when the market is being restored*'.

'*Дружно поработали студенты в* ***период уборки урожая***' – '*The students made a good team during time of* ***harvesting***'.

'*В* ***области управления*** *и распоряжения областной собственностью, взаимоотношений с предприятиями, учреждениями, организациями*'. – '*In the field of* ***governing*** *and managing communal property, relations with the companies, organizations and institutions*'.

В большинстве случаев предложенные способы перевода вполне приемлемы, однако данная стратегия применима далеко не во всех случаях.

Рассмотрим особые случаи перевода конструкций с отглагольными существительными в функции определения.

Особенности перевода данных конструкций в первую очередь обусловлены характером того слова, определением к которому служит отглагольное существительное, его семантикой. В ходе исследования авторы выделили группу слов, которые ведут себя одинаковым образом. К ним относятся конструкции с определяемыми словами *место, время* и

причина. Специфика выделенной группы заключается в семантике опорных слов, а именно: все эти существительные обозначают базовые категории человеческого мышления – пространство, время, причинность, описанные еще античными философами. Особенности данных слов, рассмотренных в переводческой перспективе, позволяют сделать чрезвычайно важный вывод общелингвистического и методологического характера касательно объективности существования данных категорий в человеческом сознании. Иными словами, выявленные закономерности поведения данных единиц при переводе позволяет утверждать, что категории, представленные данными словами, получают особое осмысление и имеют объективный статус, а не являются плодом направленного упорядочивания и конструирования реальности, они сами реальность.

Русская структура типа «*существительное* ***время, место, причина*** + ***отглагольное существительное*** *в функции определения»* будет соответствовать в английском языке ***придаточному предложению времени, места, причины,*** *вводимому словами where, when, why*. Подлежащее для этого предложения берется из широкого контекста, а сказуемое является результатом трансформации отглагольного существительного: отглагольное существительное (являющееся, как и всякое отглагольное существительное, редуцированным предикатом, или единицей с вторичной предикативностью) разворачивается в предикатную структуру, иными словами, в «нормальное» сказуемое, например: ***Место представления*** *заявок* – ***The organization where you file*** *applications.*

При этом возможны два варианта перевода:

1) если данная конструкция не занимает начальную позицию в предложении, она разворачивается в полноценное придаточное предложение времени, места или причины, которое вводится словом *where , when , why*, при этом само слово *time, place* или *reason* опускается, ср.: '*Важной информацией является подробная статистика о* ***времени включения и выключения*** *компьютера*' – конструкция с отглагольным существительным переводится на английский язык как '*the most crucial is* ***when*** *it is on and off*' . '*Шпалеры из яблони, груши очень красивы в* ***период цветения***' – '*...are definitely beautiful* ***when blossom***'. '*Министры констатировали укрепление взаимодействия между нашими странами в* ***период председательства*** *Ирландии в Евросоюзе*' – '*...to strengthen the relationship between our countries* ***when*** *Ireland chairs in European Union*'. '*Вечер — таинственная* ***пора ворожбы*** *и творчества, и образ девушки хорошо передает это настроение*' – '*…mysterious time* ***when*** *people tell fortunes…*' '*К тому же за* ***период длительной эксплуатации*** *старый тоннель пришел в состояние, требующее ремонта*' – '*…* ***while*** *it was being used...*' '*Критериями оценки заявок являются:* ***сроки поставки*** *обо-*

рудования и ***сроки осуществления платежей***' – ' *how and* ***when*** *the delivery will be done*'… '*Пресса называла Ганину яму местом уничтожения останков царской семьи'*– '***the place where*** *they were destroyed*'. '*Зона поиска в районе падения Ту-154 расширена*' – '*the area* ***where*** *the plane was crushed…*' '*Милиция может наводить справки о* ***месте проживания*** *граждан на основании заведенного уголовного дела*' – '*…ask* ***where they live***' '*От объяснений* ***причин своего ухода*** *министр воздержался*' – ' *he didn't explain* ***why he had left***'. '*Нужно понять* ***первопричины провала***' – '*to understand* ***why they lost***'.

2) если конструкция с отглагольным существительным и опорным словом *место, время, причина* находится в начале предложения, при переводе на английский язык слово *time, place, reason* не опускается и при переводе возможна структура *the time when , the place where , the reason why* .

'***Время проведения*** *конкурса*' – '***the time when*** *the competition is held*'. '*Модная* ***эпоха развлечений*** *и чарльстона 20-х годов была названа элегантным словом "декаданс"*' – '***the time when*** *it was trendy…*' '*Счастливая и короткая* ***пора влюбленности*** *рано или поздно проходит*' – '***the time when*** *you fall in love is eventually gone*'.

Вместе с тем, такая общая стратегия применяется не всегда. Есть случаи, когда при переводе конструкций с определяемыми словами, принадлежащими к базовым категориям мышления, возможно использование других стратегий.

Опорные слова, обозначающие категорию времени

1. При переводе на английский язык конструкций с определяемым словом *эпоха* возможно использование различных синонимичных единиц, как например *time when, epoch when, period when.* Причем дальше конструкция с отглагольным существительным может разворачиваться как в придаточное предложение с *when*, так и в инфинитивную конструкцию с частицей *to* или словосочетания с предлогом *of (period of).* '*Это будет продолжением нынешней* ***эпохи бурного развития*** *прогресса*' - отглагольное существительное переводится как ***period of*** *progress*

2. Конструкция с определяемым словом *срок* часто разворачивается в предложение со словами *dates, periods,* или *in / within 20 days' period (of time)*, когда отглагольное существительное разворачивается в предикат.

Срок заключения контракта *— в течение 20 дней со дня определения победителя – the contract must to be signed in 20 days' time*

3. Если в предложении имеется информация о появлении / наступлении времени для реализации события, обозначенного отглагольным существительным, используется модель *it is (high) time to do/we did.*

'*Настала* ***пора переосмысления способов*** *зарабатывания денег*'. – '***It is high time to rethink / reconsider*** *the way you'll earn your living*'.

4. Когда в исходном предложении предоставлена информация об окончании процесса / периода, используется модель *N is over* .

'***Период сбора урожая*** *миновал*' – '*The time of harvesting* ***is over***.'

5. В некоторых случаях опорное слово может быть семантически «пустым» и при переводе опускается. '***Период строительства*** *начинается через 2 недели*' - '*the construction is to start…*' '*Закончилась трагическая* ***эпоха существования власти Сталина***' – '*Stalin rule is over*'.

6. Словосочетание с определяемым словом, принадлежащим к категории времени, также может переводиться на английский язык с использованием клише *travel time* (время нахождения в пути), *maturity date* (срок погашения кредита), *timeline* (срок выполнения), *timeframe*, *deadline*.

Можно нарисовать собирательный портрет ***эпохи перехода*** *от недостроенного коммунизма к недостроенному капитализму –* ***transition period*** *when capitalism gained momentum*

При переводе конструкций с определяемым словом *срок* частотны такие клише как *timeframe, timeline, deadline:* '*Последний* ***срок подачи заявки*** *— 4 августа 2003 г. до 14.30*'. '***Срок выполнения*** *работ — до 15 сентября 2004 г.*' – '***The deadline*** *is…*'

7. В ряде случаев при переводе может полностью воспроизводиться структура ИЯ: ***эпоха забвения и разрухи*** – *time of neglect*.

Опорные слова, обозначающие категорию места

1. Часто конструкции с определяемым словом, обозначающим категорию места, переводятся на английский язык при помощи атрибутивно-номинативных комплексов: '*К* ***месту происшествия*** *вышли два российских судна*' – '*…****disaster area***'. '*На* ***месте происшествия / преступления*** *были найдены гильзы*' – '***crime scene, accident scene***'. Выбор атрибутивно-номинативного комплекса зависит, прежде всего, от контекста (в данном случае от масштаба случившегося).

2. В конструкциях с определяемым словом, обозначающим категорию места, часто встречаются сочетания с обозначением типовой деятельности *(район поиска, отдыха, землетрясения, затопления),* ср.: '*Строителям, работающим в* ***районах разрушений****, будет отправлено 20 тысяч продовольственных наборов*' – '***disaster area***'. '*Главную часть лесопарковой зоны составят* ***районы отдыха***' – '***recreation area***'. '*Остальных респондентов их* ***район проживания*** *устраивал*'– '***residential area***'.

3. В случае, когда опорное слово не несет в себе семантической нагрузки, оно опускается, например: '*Указанный порядок распространяется на организации,* ***место нахождения*** *(регистрации) которых приходится на этот регион*' – '*organizations in / located in*'.

4. Особенность перевода конструкций с определяемым словом *область* (одним из синонимов слова *место*, также принадлежащим к базо-

вым категориям мышления) определяется тем, что чаще всего в русском языке оно не несет в себе «территориального» признака и употребляется не в прямом смысле. При переводе используются слова *concerning, dealing, focusing, in the context of, in the field of* и их синонимы *in terms of, in the aspect of, within the borders, within the frame(work) of the approach, as regards* - ср:

'*В* ***области управления*** *и распоряжения областной собственностью*' – '***In the field of managing / what concerns managing***'.

Опорные слова, обозначающие категорию причины

1. Чрезвычайно частотной является модель, при которой происходит перегруппировка семантических компонентов и возникает необходимость в употреблении казуального глагола *make, cause, trigger, lead to, give rise to, prompt, endorse, induce, compel, provoke, result in, bring about,* причем как в активном, так и в пассивном залоге: '*Просадка фундамента стала* ***причиной разрушения*** *здания*' – '***resulted in / lead to***'. '*В ходе слушаний судьи решали, что стало* ***первопричиной нарушения***' – *what lead to.*

2. При переводе опорного слова предпочтительно использовать выражения типа *the* (*hidden) agenda, the root of the problem* вместо широко распространенного среди студентов *reason,* ср: '*Поскольку пользователи часто не выключают компьютер в течение нескольких дней, установить* ***первопричину потери*** *информации сложно*' – '*it is hard to find* ***the root of the problem / rationale / what is behind / driving force***'.

3. Частотным при переводе является использование оборота *how to + Inf* , ср: '*Несколько лет велись переговоры с Саддамом Хусейном по* ***поводу освобождения*** *Кувейта*' – ' ***how to*** *bring freedom*'.

4. Возможно разворачивание конструкции в придаточное предложение, вводимое словом *because* или предлогом *on (regrets, sorrows about / on),* ср.:

'*Они выразили свою скорбь по* ***поводу тяжелой утраты***' – '*Expressed their* ***sorrow about*** *the death*'.

5. Опорное слово может переводиться как сочетание *with regard to , concerning,* например: '*Задать вопросы по* ***поводу перехода*** *на новую систему оплаты труда*' – '***Concerning*** *the shift towards…*'

6. В случае, когда опорное слово, обозначающее базовую категорию мышления, является семантически пустым, на английский язык оно не переводится, ср.: '*Питерцы в очередной раз обошли москвичей с инициативой по* ***поводу проведения*** *важного мероприятия*' – '*…were the first to host the event*'.

Литература

Бреус Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. Учебное пособие. 4-ое изд. – М.: Изд-во УРАО, 1998. – 208 с.

Лингвистический энциклопедический словарь. М., Советская энциклопедия. 1990. Под ред. В.Н.Ярцевой.

В.А.Нуриев

Синтаксические преобразования при переводе русского художественного текста на французский язык (опыт контрастивного сопоставления)

The paper depicts how French translators put literary texts into work while translating from Russian into French. It focuses on some syntactical transformations and difficulties of translation issued from the contact of two languages. Presented reflections are based on the experience of French translators.

Соображения, высказанные в данной статье, – результат наблюдений о «творческой лаборатории» французских переводчиков, о том, как они работают с русским текстом, перерабатывая его в текст на родном ему языке. В течение трех месяцев стажировки на отделении славистики в университете Сорбонна автор посещал регулярные семинары по переводу с русского на французский, был свидетелем того, как разворачивается переводческий процесс и фиксировал все, что говорилось о специфике переводческого процесса тремя преподавателями – ведущими литературными переводчицами Франции: Анной Колдефи-Фокар, Любой Юргенсон и Элен Анри-Сафье[1]. Приводимые в статье языковые примеры были собраны во время университетских встреч, а основные обобщения, которые приводятся здесь, обсуждались с самими переводчицами.

Результаты проведенных наблюдений указывают как на само существование резких различий в подходах к переводу художественного текста у русских и французских коллег, так и на необходимость осознавать эти различия обеими сторонами. Контрастивный подход помогает в самом общем виде показать эти различия.

---

[1] А. Колдефи-Фокар: автор переводов А. Солженицына, Б. Пильняка, В. Гроссмана, Н. Гоголя и др.
Л. Юргенсон: автор переводов Б. Пастернака, И. Гончарова, Л. Толстого, М. Цветаевой и др.
Э. Анри-Сафье: автор переводов Е. Шварц, Л. Рубинштейна, Н. Кононова и др.

Как и любая другая трудовая деятельность, перевод связан с упорядочением, что приводит к появлению некоторого набора правил, предписаний, а в определенный момент времени начинают говорить о сформировавшейся школе (в данном случае, школе перевода). Однако число правил, общих для переводчиков, работающих с художественным текстом в разных странах, невелико. Пожалуй, общепринятым является лишь своеобразный манифест «Не навреди смыслу!», но и он имеет вес не всегда, Можно вспомнить перевод «Евгения Онегина», выполненный Андре Марковичем, где, чтобы сохранить ритм, изменяется смысл [Pouchkine 2005] (об основных правилах перевода см., например: [Латышев 1981, 6-11; Левый 1974, 92-99; Savory 1957, 48-49]). Различия этих правил объясняются, исходя из особенностей исторического пути, который проходит та или иная национальная школа перевода в своем развитии. Ее исторический путь неотделим от исторического пути конкретной страны с ее экономическими, политическими кризисами, с ее отношением к писателю и к литературе вообще в конкретный исторический момент. Все это оказывает свое влияние на формирование «переводческой манеры»: то, что в России исторически писатель часто выступал (и выступает) в роли переводчика, обусловило отношение к художественному переводу как к искусству, в то время как в западной традиции перевод нередко рассматривается как ремесло.

Говоря об отношении к писателю в разных литературах, нельзя не упомянуть о «переводной асимметрии», когда писатель занимает важное место в родной культуре, но остается незамеченным в иноязычном литературном пространстве (хотя не всегда это – результат неудачного перевода). В частности, сложным оказалось вхождение А.С. Пушкина во французскую литературу. Несмотря на продолжающиеся попытки переводчиков, знаменитый пушкинский текст остается невостребованным, неприметным для французского читателя. Очевидно, коварство пушкинской строки заключается в особой грамматической структуре, которая выстраивает текст, сообщая мысли строгость французского языка, копируя и перенося французский синтаксис на русскую языковую почву. Однако вторичное «офранцуживание» пушкинского русско-французского текста при переводе на французский в большинстве случаев приводит к чрезмерной нейтрализации (см. подробнее [Долинин 2000; Померанцев 1999]).

Если говорить о французской школе художественного перевода более подробно (хотя, возможно, называть ее «школой» было бы преувеличением – более или менее централизованные попытки систематизации предпринимаются лишь на протяжении последних нескольких десятилетий), стоит отметить относительно удачную попытку унифицировать и

кодифицировать работу переводчика, что проявляется в сходстве алгоритма работы с вовлеченным в перевод текстом – алгоритма, принятого разными переводчиками. Вероятно, эта унификация – сама по себе еще и результат требований, которые предъявляет рабочий язык (французский) к своему переводчику.

Прежде всего во французском языке наблюдается особая «строгость» метафоры. Четкая определенность и ограниченность сочетаемостных возможностей слов во французском языке по сравнению с русским дают повод некоторым ученым говорить о крайней идиоматизации французского языка, с одной стороны, (см. [Аничков, 1997: 72; Иеронова, 1996: 8]), и об ограниченности переводческого выбора, с другой. В этом плане показательны трудности, с которыми сталкивается переводчик, работая над текстом Ю. Домбровского «Факультет ненужных вещей»:

«Нет – твердо ответил садовник, – ничего уж тут не придумаешь, вот шампиньоны, те пожалуйста, те вырастим, где прикажете, а боровики, подберезовики и даже маслята – это ***грибы вольные****, чистые лесные, они где вздумается, там и растут».*

Non, avait répondu catégoriquement le jardinier. Y a rien à faire ! Les champignons de couche, eux, c'est une autre affaire, cela, on vous les fera pousser où vous ordonnerez ! Mais les cèpes, les bolets et même les bolets jaunes, ça, c'est des champignons qui vivent en liberté, des champignons des bois qui poussent là où la fantaisie les en prend.

По словам А. Колдефи-Фокар, по-французски *les champignons libres* – не более, чем калька с русского, и даже *des champignons qui vivent en liberté / грибы, которые живут на свободе / на воле*, заменяя атрибутивный компонент именного сказуемого придаточным предложением присубстантивно-атрибутивного типа с выделительным значением (оно присоединяется к главному предложению с помощью союзного слова *qui / которые*), французский язык позволяет сказать о грибах с известной долей условности. Совместить предметную семантику слова «гриб» и абстрактную семантику слова «свобода», наделяя тем самым слово «гриб» свойствами одушевленного субъекта, на французском языке оказывается трудным.

Французский аналитизм заставляет переводчика пристально следовать за интонационным контуром предложения, чтобы избежать фальши и выбрать верный ритм (не только и не столько в стихотворных произведениях, но и собственно в прозе). «Ухо француза отличается невероятной чуткостью», – объясняет Э. Анри-Сафье, подчеркивая необходимость произносить переведенное предложение, чтобы выверить его ритмомелодический рисунок.

Как и русские переводчики, французы, переводя, проецируют

текст на своего будущего читателя, моделируют образ этого читателя, его предпочтения и требования, предъявляемые к тексту. Одним из основных требований является строгое соблюдение французской языковой нормы. Читатель-француз далеко не всегда способен воспринять то, что и в русском языке не является нормативным, но в рамках конкретного речевого произведения становится возможным, так как принадлежит к авторским стилевым особенностям и не противоречит нормативным правилам оформления текста. Вот что говорит об этом А. Колдефи-Фокар: «…я бы сказала, самое трудное, и это вообще касается перевода с русского на французский, во всяком случае, перевода художественного, – то, что в русском языке есть нечто, совершенно отсутствующее во французском, а в русском появившееся в ходе развития литературы. Происходит смешение, но не смешение в его уничижительном смысле, напротив, в результате получается органичный сплав высокого слога, где все – структура, синтаксис, наполнены благозвучием, и языка обыденного в своей тривиальности. Это общая проблема при переложении русского художественного текста на французский язык, с этим сталкиваешься, когда, например, переводишь Гоголя, который с легкостью пользуется и даже злоупотребляет этим. Если стараешься в точности переводить это смешение, эти обрывы тона, стиля, внезапные переходы от одного стиля к другому, французский тотчас же становится вульгарным, потому что во французском нет подходящих приемов, нет средств. А Гоголь ни в коем случае не вульгарен, даже если иногда доходит до крайностей. В самый последний момент он реабилитирует себя, но на французском это смерти подобно» (из личной беседы).

Французский переводчик вынужден «ретушировать» стилевую яркость не только в отношении лексики, перенос текста из языка в язык гораздо больше воздействует на синтаксис – французский синтаксис авторитарен и требует от переводчика компромиссных решений. То же правило действует в отношении пунктуации: французское предложение-высказывание, какой бы протяженности оно ни было, наряду с запятыми располагает лишь одним двоеточием и одной точкой с запятой. Французскому языку чуждо тире, в большинстве своем при переводе оно заменяется другими знаками, как, например, при необходимости передать экспликативное значение тире трансформируется в двоеточие (о значении тире в русском и французском языках см. [Валгина 1989, 26-40; Catach 1996, 75-76; Doppagne 1978, 25-29]). В отдельных случаях и восклицательный знак «сопротивляется», не переводится на французский. Речь, видимо, идет о культурной адаптации, когда проецируя речевую ситуацию на свою культуру, переводчик

понимает, что его соотечественник-француз, описывая сходные ситуации, не стал бы специально обозначать восклицания (есть и обратные случаи, см. вышеприведенный отрывок из Ю. Домбровского, где в переводе появляется дополнительно два восклицательных знака). Пунктуационные изменения отчетливо прослеживаются в переводном варианте отрывка из рассказа Евгения Замятина «Пещера». Переводной вариант предложен Л. Юргенсон:

Красного дерева письменный стол; книги; каменновековые, гончарного вида лепешки; Скрябин опус 74; утюг; пять любовно, добела вымытых картошек; никелированные решетки кроватей; топор; шифоньер; дрова…

В темной пещере – великое огненное чудо. Люди – Мартин Мартиныч и Маша – благоговейно, молча благодарно простирали к нему руки. На один час – в пещере весна; на один час – скидывались звериные шкуры, когти, клыки, и сквозь обледеневшую мозговую корку пробивались зеленые стебельки – мысли.

Un bureau d'acajou, des livres, des galettes, semblables à l'ouvrage de potier de l'âge de pierre, l'opus 74 de Skriabine, un fer à repasser, cinq pommes de terre, lavées avec tant d'amour qu'elles étaient devenues toutes blanches, les sommiers en fer nickelé, une hache, un chiffonnier, du bois...

Dans la caverne sombre s'accomplit le grand miracle de feu. Les humains, Martin Martinytch et Macha, tendaient leurs bras vers lui en silence avec la vénération et gratitude. Pour une heure c'est le printemps dans la caverne ; pour une heure on rejetait les peaux de bêtes, les griffes, les défenses, à travers l'écorce gelée du cerveau perçaient des pousses vertes – les pensées.

Первый абзац русского текста, где приводится описание помещения, представляет собой одно сложное предложение. В его состав входят десять простых номинативных предложений, каждое отделено от предыдущего и последующего точкой с запятой. Номинативная цепочка компрессирует описание и имплицитно привносит значение выделительности. Во французском варианте остаются лишь запятые.

Перевод второго абзаца примечателен с точки зрения трансформации такого пунктуационного знака как тире. В первом предложении абзаца в русском тексте – эллиптическое предложение, построенное по схеме «обстоятельство места + подлежащее»; вместо пропущенного сказуемого стоит тире. При переводе сказуемое восстанавливается *s'accomplit* (*свершается*), тире опускается. Во втором предложении этого абзаца тире отграничивает уточняющие обособленные члены *Мартин Мартиныч и Маша*, при переводе в обоих случаях оно заменяется запятой. Третье предложение абзаца – сложное предложение, состоящее из трех предикативных частей. Первые две характеризуются бессоюзной связью, они

связываются между собой за счет параллелизма конструкций с употреблением лексического повтора *на один час* и пунктуационного повтора тире. Переводчик сохраняет лексический повтор и опускает тире: в первом случае номинативное бытийное предложение *На один час – в пещере весна* приобретает дополнительную семантику выделительности за счет добавления в переводе указательного оборота *c'est*. С добавлением глагольного элемента и изменением пунктуации во французском переводе скрадывается оттенок стремительности, быстротечности, интенсивности действия, важный для русского оригинала. Опускается тире и во второй предикативной части сложного предложения: безличное предложение *на один час – скидывались звериные шкуры, когти, клыки* переводится с восстановлением формального подлежащего в виде неопределенно-личного местоимения *on*. При переводе сохраняется точка с запятой, разделяющая первую и вторую предикативные части сложного предложения; союз *и*, присоединяющий третью предикативную часть, опускается. Из шести тире исходного текста в переводном варианте остается одно, в финальной позиции третьей предикативной части, где оно служит для обособления пояснительного члена предложения *пробивались зеленые стебельки – мысли / perçaient des pousses vertes – les pensées* (постановка тире в оригинале не является авторской и отвечает русской грамматической норме, согласно которой тире здесь облигаторно).

Итак, французский переводчик делает русский текст французским, но, чтобы не исказить оригинал, ему приходится изобретать иные речевые приемы, которые одновременно не противоречили бы французской норме и до конца не встраивались бы в нее, оставляя «русскость» в особом подборе лексических средств, а иногда и в синтаксической структуре, которая непривычно отображает реальность в языке (так Л. Юргенсон, переводя М. Цветаеву, не стала отказываться от многочисленного повторения тире в текстах, сохранив часть знаков при переводе). «Ты будто изобретаешь третий язык, который располагается где-то между этими двумя, рабочими языками», – делится опытом А. Колдефи-Фокар, формулируя основное правило для человека, переводящего с русского на французский: «… я бы сказала, следует быть очень гибким, то есть, нужно подготовить себя к тому, что от писателя, которого переводишь, можно ожидать, чего угодно. Кроме того, читая русскую литературу, мы обнаруживаем что-то вроде ригидности у читателя-француза, возможно, она – следствие французского картезианского склада ума или результат французского рационализма, или же все из-за того, что французский язык менее подвижен, чем русский. Думаю, при переводе теряется много. Есть вещи, которые не понять, если пытаешься применить к русскому тексту критерии и принципы французского языка, хотя, вне всякого сомнения, мы обязаны

принимать во внимание французский. Но, когда читаешь в первый раз, действительно нужно абстрагироваться от всего этого, чтобы увидеть, что же там сказано, в самом тексте, иначе можно пройти, так и не заметив самого главного. Кажется, именно это и есть самое сложное, но одновременно и самое необходимое в работе переводчика» (из личной беседы).

В то же время изобретение этого третьего – переводного – метаязыка, в котором, как в тигле, переплавляются русский и французский, часто оборачивается тем, что текст в переводном варианте становится «ровнее», нейтральнее, тогда «офранцуживание» русского скрывает в себе вычищение, выхолащивание авторского замысла. Русский переводчик, напротив, склонен проявлять б*о*льшую речевую креативность. Однако отличительные черты русской школы перевода – сюжет для отдельных научных изысканий.

Литература

Аничков И.Е. Труды по языкознанию / Сост. и ответственный ред. проф. Недялков В.П. СПб., 1997.

Валгина Н.С. Современный русский язык. Пунктуация. М., 1989. 176 с.

Долинин К. Впервые на французском языке // Иностранная литература, июнь 2000, №6. С. 272-280.

Исторический синтаксис французского языка: Французское предложение в диахронии с XI по XVI века / Сост. Иеронова И.Ю. Калининград, 1996.

Латышев Л.К. Курс перевода: Эквивалентность перевода и способы ее достижения. М., 1981.

Левый И. Искусство перевода. М., 1974.

Померанцев И. Пушкин заграницей. М., 1999 //
http://www.svoboda.org/programs/OTB/1999/OBP.02.asp

Catach N. La ponctuation. Paris, 1996.

Doppagne A. La bonne ponctuation. Paris-Gembloux, 1978.

Savory H. The Art of Translation. London, 1957.

Источники примеров

Домбровский Ю. Факультет ненужных вещей. М., 1990. 608 с.

Замятин Е. Пещера // Записки мечтателей, 1922, №5. С. 82-89.

Pouchkine A. Eugène Onéguine. Paris, 2005. 317 p.

Контрастивная лексикология и фразеология

А.М. Кузнецов

Tertium comparationis для контрастивной семасиологии

The supreme aim of the paper is a search of foundations of contrastive investigation of lexical semantics. It includes a brief review of two opposed (in a sense) conceptions of semantic organization of language (E.Sapir, L.Weisgerber vs. N.Chomsky, R.Pavilionis). The result of the review is the belief that it would be methodologically and empirically true to consider an extralinguistic reality as a point of departure (foundation) of contrastive semasiological analysis. At the same time the approach will stimulate typological researches on the lexical level.

В работе рассматриваются две гипотезы о семантическом устройстве языка. Согласно первой языковые семантические категории имеют особую значимость: люди находятся под их влиянием, так как реальный мир в значительной степени бессознательно усваивается через призму языковых норм. Семантический анализ в этом случае ставит своей главной задачей через описание способов языкового представления сходных понятийных областей выявить особенности семантических структур языков и даже определить своеобразие «национального духа».

Другая гипотеза основана на принятии универсальности языкового семантического пространства. Согласно этому подходу каждый язык покоится на некотором семантическом основании, которое в той или иной степени служит основанием и для всех других естественных языков. Выявляемые здесь разнообразные семантические параметры рассматриваются как базовые координаты когнитивной и перцептивной структуры человеческого организма. Они являются частью общей человеческой способности к усвоению любого естественного языка. Исследование направляется на описание некоей концептуальной системы, являющейся базой для понимания любых объектов (в широком смысле). В построении такой системы язык играет существенную, но не главную, не исключительную роль. При этом сам язык не содержит определенной концептуальной системы, он служит только средством ее построения и формального выражения.

Существует много фактов как подтверждающих, так и опровергающих эти во многом противостоящие друг другу гипотезы. Но если обе стороны так убеждены в справедливости своих теоретических построений, то что же мы сравниваем, проводя контрастивный анализ, например,

в области лексической семантики? И что следует принять в качестве точки отсчета при таком сравнении?

На наш взгляд было бы методологически и эмпирически верным считать основой контрастивно-семасиологического анализа обозначаемую словом внеязыковую реальность, которая, хотя и допускает весьма широкое разнообразие объектов, фактов, событий, ситуаций, «положений вещей» и т.п., в целом остается в рамках обыденного, типического.

Например, сопоставляя имена родства, мы не ошибемся, если примем за исходные такие параметры, как принадлежность родственника к определенному полу, старшинство (абсолютное или по поколениям) и т.п., поскольку они проявляются достаточно регулярно и в референтной области, и в языке (ср. русск. *дед* и *бабка* или *дед* и *внук*; соответствущие датск. *bedstefader* и *bedstemoder* или *bedstefader* и *barnebarn*). Однако как быть с фактором направленности родства, на основе которого осуществляется дифференциация родственников через отца или мать, через сына или дочь? Очевидно, что он тоже должен быть положен в основу семасиологического сопоставления независимо от того, что в датском языке этот признак носит лексически выраженный характер (ср.: *farfader* ‘дед, отец отца’, *morfader* ‘дед, отец матери’, *farmoder* 'бабка, мать отца’, mormoder ‘бабка, мать матери’), а в русском – нет. При выборе основы контрастивного анализа в семасиологии необходимо учитывать не только те свойства объективной действительности, которые отражены в языке, но и те, что с достаточной степенью вероятности могут быть представлены в нем.

Когда мы говорим об объективной реальности, мы имеем в виду реальность мыслимого, которая, в целом, должна оставаться в рамках здравого смысла, не переходя границы невероятного. Вместе с тем объективная реальность, изменяющаяся гораздо быстрее, чем сам язык, иногда создает конфликтные ситуации, затрагивающие не только лексику, но и грамматику. Так, с точки зрения языковой семантики в предложениях идентификации подлежащее-субъект, наделенное признаком «мужской пол», может сочетаться только с именным предикатом, обладающим тем же признаком. Нарушение этого правила ведет к образованию бессмысленных высказываний. Однако сейчас уже имеются свидетельства некоторых “достижений” в этой области, которые могут иметь важные семантико- лингвистические последствия. Например, в привычном для нас мире предложения типа *Она является отцом пятерых детей* уже нельзя рассматривать как аномальные. Ведь мужчина не перестает быть отцом своих детей, когда он в результате некоторых хирургических манипуляций становится женщиной и берет себе женское имя. И все же, несмотря на подобный прогресс в мире объективной реальности, описанную ситуацию следует рассматривать как экстраординарную, не влияющую на

системно-структурную семантику русского языка.

При контрастивном анализе возможны четыре типа отношений между референтной и лексической семантикой: когда смысловая единица 1) есть в референтной семантике, но ее нет в лексическом значении (‘отец отца’ – русск. *дед*); 2) есть в референтной семантике и есть в лексике (‘отец отца’ – датск. *farfader*); 3) нет в референтной семантике, но есть в лексике (например, в реальности не существует ни одного деда вообще, есть деды по отцу или по матери, однако в русском языке имеется только обобщенный термин); 4) нет ни в референтной семантике, ни в лексике (даже среди фантастических существ нет созданий, например, с головой слона и туловищем бегемота, поэтому для него нет и соответствующего имени – название из детской сказки *слонопотам* еще не стало достоянием лексической системы).

Семасиологическое контрастивное сопоставление языков не всегда проводится только для выявления их сходств и различий, например, с целью оптимизации процесса преподавания иностранного языка. Контрастивная лингвистика, имея дело с языками различного строя, не может оставаться индифферентной к вопросам, относящимся к области типологии и особенно лексико-семантической типологии. Ведь здесь накоплен весьма значительный эмпирический материал, например, при составлении двуязычных переводных словарей, а также материал по контрастивно-сопоставительному описанию самых разнообразных сфер лексики. Однако использование работ по контрастивной семасиологии в сфере типологии остается весьма скромным, да и само состояние дел с построением лексико-семантической типологии оставляет желать лучшего. Между тем никакое типологическое описание языка не может считаться полным, если не охватывает семантического аспекта, поскольку по справедливому замечанию В.Н.Ярцевой «всестороннее изучение каждого языка требует полного учета всех имеющихся в нем структур» (подробнее см. [Ярцева 1978, 9; Ярцева 1981, 11-12]).

Задачу создания лексико-семантической типологии в строго научном смысле вряд ли можно отнести к разряду второстепенных, т. е. тех, которые могут быть решены попутно. На это потребуются усилия многих языковедов, имеющих дело с изучением плана содержания, поскольку типологическое исследование лексики предполагает предварительное накопление большого количества материала из самых различных языков. Нисколько не преувеличивая значения индуктивных построений в лингвистике, следует признать, что привлечение к типологическим исследованиям лексики семасиологов-практиков (лексикографов, этимологов, специалистов, занятых в области так называемой описательной семантики) было бы весьма полезно.

Учитывая большое место, которое отводится семантике в языкознании последних десятилетий, введение в типологические исследования и классификации данных из области семасиологии является необходимым условием более полной и всесторонней типологической характеристики языков.

Факторы, определяющие объем и самобытность словаря того или иного языка, весьма многочисленны и на первый взгляд непредсказуемы: всякому, кто сталкивался с переводом, знакомо разнообразие словарных возможностей передачи одного и того же содержания в разных языках. Поэтому в процессе создания лексико-семантической типологии в первую очередь необходимо выделить те области объективной действительности, которые представляют общечеловеческую значимость и обязательно находят отражение в любом языке, например цветовые различия, части человеческого тела, отношения родства, отношения принадлежности, пространственно-временные отношения и т. п. Тот факт, что слова, обозначающие данные экстралингвистические объекты, чаще других подвергаются семантическому анализу, объясняется не только их простотой и структурной четкостью, как это подчеркивается во многих исследованиях, но и большой вероятностью их обнаружения если не во всех, то в большинстве существующих языков. Подобные лексические единицы обычно являются частью так называемого основного словарного фонда и, как правило, характеризуются высокой текстовой или денотативной частотностью. Поэтому указанные сферы лексики могут образовать словарное ядро, подходящее для типологического сопоставления, на основе которого будут определены типологически важные свойства лексико-семантической структуры языка.

Учитывая эти обстоятельства, можно предположить, что при типологическом сравнении лексики более оправданно рассматривать не отдельные лексические единицы и, может быть, не любые лексические группы. Даже если мы установим, что во всех известных языках имеется слово, выражающее, например, понятие 'рука', то окажется, во-первых, что в разных языках существует неодинаковое количество лексем, выражающих данное понятие, во-вторых, обнаружится неполное совпадение их денотатов или, в-третьих, слова со значением 'рука' будут иметь еще и другие значения, различные в разных языках. Вовлечение в исследование целой лексико-семантической группы слов типологически более перспективно, поскольку широкое сопоставление помогает разобраться во многих важных закономерностях структуры словаря. Например, в рамках той же группы обозначений частей человеческого тела может быть получен ответ на вопрос, почему более вероятны случаи обозначения одним словом таких денотатов, как рука и нога (ср. рус. *конечность*), чём, ска-

жем, рука и голова, или почему слово со значением 'рука' более склонно к полисемии, чем слово со значением ‘лоб' и т. д.

В настоящее время существует большое количество работ, посвященных описанию самых разнообразных лексических групп как в отдельных языках, так и в рамках контрастивного или типологического исследования. Если отвлечься от различий в применяемых методах исследования, характере лексических групп и подходах к их описанию, а также если учитывать только тематику этих групп без различия языков, в рамках которых проводились данные исследования, то нетрудно заметить, что «к настоящему времени перечень структурированных областей распространяется в той или иной степени на весь словарь» [Караулов 1976, 36]. Исследования подобного рода охватывают наименования конкретных объектов и абстрактных категорий и отношений; слова, обозначающие объекты и явления окружающей природы, и наименования предметов, созданных в результате деятельности человека; обозначения действий, состояний и качеств, присущих живой и неживой природе, и многие другие.

По-видимому, любая программа создания лексико-семантической типологии, независимо от ее конкретного содержания, не может не включать сравнительного контрастивного описания различных микросистем лексики, отражающих некоторые области человеческого бытия, мышления и культуры, поскольку типологическая релевантность этих лексико-семантических групп подтверждена конкретным материалом самых разных языков.

Одним из кардинальных вопросов, требующих решения при типологическом исследовании лексики, является определение надежного основания для отбора необходимого количества лексико-семантических групп, поддающихся сравнению независимо от конкретного разнообразия их организации в различных языках. Поскольку языковое значение, вообще говоря, отражает связи между речевыми отрезками и понятиями, содержащими некоторую информацию о предметах и явлениях внеязыковой действительности, выделение определенных понятийных комплексов, отраженных во многих языках, представляет собой необходимый этап в построении типологии лексико-семантических структур.

Конечно, понятие, являющееся мыслительной категорией, и значение, которое представляет его в языке, - это различные феномены, которые не следует смешивать. Языковое значение, в частности, значение слова, более вариативно и специфично в разных языках по сравнению с тем понятием, которое лежит в его основе. Понятийная система более стабильна и универсальна, чем соответствующая ей система языковых значений. Факты разнообразного представления одного и того же понятия в разных

языках важны для семантической типологии с точки зрения выявления и дифференциации частных и общезначимых свойств в семантических структурах языков, тогда как единое понятие, лежащее в основе этого разнообразия и определяющее диапазон варьирования, важно для семантической типологии как база типологического сопоставления.

Понятийный инвентарь, по-видимому, насчитывает большое число единиц, неодинаковых по своей сложности и по характеру соотношения с явлениями и объектами материального мира. Некоторые понятия, важные для одного народа, могут быть неизвестны другому, что свидетельствует о наличии в этой области национально-специфических черт. Однако для семантической типологии, использующей понятийный инвентарь в качестве своеобразного tertium comparationis, важно то, что существует значительный запас общечеловеческих понятий, на что указывал еще В. фон Гумбольдт, предлагая исследовать «отношение языков к миру представлений, являющемуся их общим содержанием» [Гумбольдт 1984, 47].

Отстаивая справедливость этой концепции и критикуя взгляды некоторых ученых, говорящих о несводимости понятийных категорий к единой номенклатуре и о том, что умы разных носителей языка не содержат ничего принципиально общего не только на межъязыковом уровне, но даже в пределах одного языка, У. Чейф отмечает, что «если бы это было так, то как мог бы язык выполнять те функции, которые он явно выполняет? Язык дает возможность говорящему брать понятия, находящиеся в его собственном сознании, и вызывать эти понятия в сознании своего слушателя. Звуки, которые передаются от него к слушателю, как правило, не порождают новых понятийных единиц в сознании последнего... Этим я не хочу сказать, что люди мыслят одинаково, достаточно небольшого жизненного опыта, чтобы понять, что это далеко не так. Я только хочу сказать, что все говорящие на каком-либо конкретном языке (а возможно и все люди) имеют большой запас понятий, которые являются общими для них» [Чейф 1975, 93-94].

Для выявления множеств лексико-семантических единиц, подлежащих сравнению, необходимо предварительно разработать принципы идентификации понятий и понятийных областей, а также создать достаточно подробную и точную классификацию их. Несмотря на то что решение этих вопросов стоит на повестке уже в течение длительного времени, к их практическому осуществлению лингвистическая наука, по сути дела, еще не приступала.

Достижения современного языкознания и психологии, а также интенсивно проводимых в настоящее время исследований в области психолингвистики позволяют надеяться на скорое решение вопроса о роли и месте понятийной сферы человеческого мышления в структуре и функциони-

ровании языкового плана содержания. В поисках универсального понятийного ядра контрастивная семасиология и лексико-семантическая типология могут опереться на многие экспериментальные данные, и в частности на психофизические эксперименты, подтверждающие психологическую реальность имплицитных мыслительных категорий, по-разному передаваемых средствами различных языков. Здесь можно указать на исследования отдельных понятийных областей, основанные на психолингвистических экспериментах, и подтверждающие наличие универсальных понятийных оснований для образования систем цветообозначений в различных языках, восходящих к отличительным свойствам некоторых экстралингвистических объектов: цвету крови, неба, листвы на деревьях [Berlin, Kay 1969]. В другой замечательной работе [Seliverstova 1968] содержится экспериментальное исследование по определению основных физических характеристик, влияющих на дифференциацию слов со значениями ‘светиться’, ‘блестеть’, ‘сверкать’, ‘мигать’ и т. п.: периодичность светового потока, удаленность от наблюдателя, самосвечение/отраженное свечение и т.д.

Универсальный понятийный словарь, созданный на строго научной основе, поможет выделить внутри отдельных языков определенные лексико-семантические группы (семантические поля), соотносимые с тем или иным универсальным понятием или понятийным комплексом. Лексико-семантические микросистемы, описанные в терминах единой методики (например, компонентного анализа) позволят определить сочетания семантических признаков в каждом языке, установить иерархическое соподчинение этих единиц и т.д. Уже на этом этапе внутриязыкового семантического описания могут быть получены типологически значимые характеристики, касающиеся, например, зависимости числа семантических признаков от количества лексем, входящих в данное семантическое поле (см. [Кузнецов 1986, 53]), а также другие характеристики, которые по мере накопления материала различных языков могут предстать перед исследователем в качестве семантических универсалий.

На следующей ступени типологического анализа должен быть составлен общий список семантических признаков, характеризующих данное семантическое поле в разных (в конечном счете - во всех) языках, определена их структурно-типологическая значимость. Проведя типологическое сопоставление по заранее определенным лексико-семантическим группам, мы получим единый список универсальных семантических признаков, определяющих лексико-семантический тип языка. При этом следует учитывать три возможных способа представления этих признаков в разных языках: 1) для всех языков требуется один и тот же набор признаков; 2) существует некоторый универсальный набор семантических ком-

понентов, из которых каждый язык выбирает комплекс единиц меньшего объема; 3) описание всех языков строится на универсальном наборе семантических компонентов, в дополнение к которым для описания каждого конкретного языка требуется определенное количество своих особых семантических компонентов (подробнее см. [Kempson 1978, 99-100]).

Изложенный выше способ типологического описания лексики не исключает, а, напротив, предполагает целый ряд других исследований, в результате которых могут быть выявлены другие типологические параметры.

Литература

Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.

Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М., 1976.

Кузнецов А.М. От компонентного анализа к компонентному синтезу. М., 1986.

Чейф У.Л. Значение и структура языка. М., 1975.

Ярцева В.Н. Современная типология и ее связи с контрастивной лингвистикой // НДВШ, сер. «Филол. науки», 1978, N 5, С. 3-15.

Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика. М., 1981.

Berlin B., Kay P. Basic colour terms: Their universality and evolution. Berkley – Los Angeles, 1969.

Kempson R.M. Semantic theory. Cambridge, 1978.

Seliverstova O.N. Dictionaries and semantic analysis // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae, 1968, t. 18, № 3-4.

Е.Г. Беляевская

Концептуальные основания семантики языковых единиц как основа сопоставительного лингвистического анализа

The paper sets out to prove that the idea of conceptual structures underlying the semantics of language entities worked out in cognitive linguistics, if applied in contrastive studies, might help to account for differences in the language phenomena of the language systems under comparison.

Сопоставительное изучение языков привлекает в последнее время все большее внимание исследователей. Следует при этом отметить, что если раньше в сопоставительном плане, в основном, рассматривались проблемы лексики и грамматики (см. [Гак 1977; Которова 1997; Панасенко 2000]), то с начала 90-х годов XX века сравнению стали подвергаться типы текстов, формы аргументации и стили в разных языках [Connor 1996].

Интерес к контрастивной лингвистике объясняется, прежде всего, тем, что многие языковые явления, специфичные для данной языковой системы, могут оставаться незамеченными до момента их сопоставления с аналогичными языковыми фактами другой языковой системы. Обычно это касается самых «простых» языковых явлений – пространственных отношений, счета времени, наиболее частотных действий, – то есть всего того, что в пределах одного языка (особенно своего родного языка) кажется настолько естественным и логичным, что трудно представить себе, что в другом языке может быть совершенно иная форма выражения.

Так, например, русский глагол *сидеть* и английский глагол *to sit*, на первый взгляд представляются абсолютно равнозначными. Однако сопоставление их употребления позволяет увидеть некоторые существенные различия. Фразы «*он* ***сидит*** *в тюрьме*» или «*она сейчас не работает, она* ***сидит*** *с детьми*», если их дословно перевести на английский язык, не будут понятны носителю английского языка. Высказывание **He* ***sits*** *in prison* будет воспринято как недопустимое в английском языке, поскольку в нем нарушены нормы сочетаемости слов. Высказывание *She doesn't work, she* ***sits*** *with children*, в свою очередь, будет рассматриваться как бессмысленное, поскольку в английском языке словосочетание to sit with children имеет значение 'работать няней, присматривать за чужими детьми'. С другой стороны, многие контексты реализации глагола *to sit* в английском языке будут рассматриваться носителями русского языка как «странные» и «нелогичные». В частности глагол *to sit* используется тогда, когда нужно сказать: «*Пусть мои деньги* ***полежат*** *в банке*» (Let my money ***sit*** in the bank for a while) или «*У нее в офисе на столе* ***стояла*** *ваза с цветами*» (There was a vase with flowers ***sitting*** on her office table). Отметим еще одно важное обстоятельство: подобное сравнение позволяет зафиксировать имеющиеся сходства и различия между языками, но не позволяет их объяснить. Обычно в случаях, подобных приведенному выше примеру, исследователи отмечают различия в семантических структурах соотносительных слов разных языков и делают вывод о том, что причины подобных расхождений, по-видимому, кроются в особенностях исторического развития и становления семантической структуры слова в каждом конкретном языке.

Представляется, что многие (если не все) различия в соотносительных явлениях разных языков, выявляемые в ходе их сопоставления, могут быть объяснены, если обратиться к когнитивному моделированию языковой способности человека и, прежде всего к тому пониманию семантики языковых сущностей, которое разрабатывается в когнитивной парадигме лингвистического знания.

Когнитивная лингвистика исходит из представления о том, что семан-

тика языковой единицы (как и любой другой языковой сущности) включает в себя все знание об обозначаемом фрагменте действительности, которое имеется на данный момент в данном языковом сообществе.[1] Употребляя языковую единицу в процессе коммуникации, говорящий выделяет из общего знания об обозначаемом ту часть, на которую направлено его внимание в момент говорения. Подобный «энциклопедический» подход к семантике языковой единицы сочетается в когнитивной лингвистике с выделением концептуального основания семантики единицы, которое структурирует признаки обозначаемого, ранжируя их по степени важности. В частности, синонимы, которые, как известно, обозначают один и тот же объект внеязыковой действительности, различаются не объемом знания об этом объекте, стоящего за семантикой каждого из синонимов, а различным структурированием признаков обозначаемого.

Таким образом, согласно когнитивным представлениям, семантика языковой единицы представляет собой двухуровневую структуру, состоящую из внешнего уровня и глубинного уровня. Внешний уровень формируется всеми теми признаками, которые составляют знание об обозначаемом. Концептуальное основание семантики единицы составляет глубинный уровень структуры – уровень концептуальной внутренней формы, которая может быть определена как ***схематизированное представление или схематизированная «картинка»,*** которая выделяет наиболее важные признаки обозначаемого на фоне других его, менее важных для данного обозначения признаков**.** Концептуальная внутренняя форма формирует своеобразный концептуальный «скелет» обозначаемого фрагмента действительности, превращая его в лексико-семантический вариант многозначного слова или в отдельное однозначное слово. Подобный концептуальный «скелет», с одной стороны, обеспечивает тождество языковой единицы во всех ее употреблениях, а, с другой стороны, обусловливает национально-культурную специфику ее семантики. [2]

Если обратиться к рассмотренным выше глаголам *сидеть* и *to sit*, то можно сделать вывод о том, что за этими словами стоят разные концептуальные представления, обусловливающие различия в употреблении

---

[1] Включение в семантический объем единицы общего знания об обозначаемом является одной из особенностей когнитивной лингвистики, отличающей ее от теоретических установок структурной лингвистики, где знание об обозначаемом относилось к экстралингвистике.

[2] Аналогичный подход применим не только к лексическим и фразеологическим единицам, но и к грамматическим явлениям, и текстам.

этих лексических единиц и, соответственно, различия в их лексико-семантических вариантах. Так, в русском языке глагол *сидеть* базируется на представлении и «пассивности агента действия», то есть о его нахождении вне активной деятельности и о его стремлении ничего не менять в сложившейся ситуации. Об этом свидетельствуют такие употребления, как: *мы здесь не просто* ***сидим****, мы здесь работаем*; *а ты все* ***сидишь*** *на прежнем месте, не понимаю, почему ты не найдешь себе новое место работы*; а также такие идиомы, как: *сидеть сиднем*, *сидеть на шее, сидеть у моря и ждать погоды* и др. Напротив, в английском языке концептуальное представление, стоящее за глаголом *to sit*, содержит указание на фиксированную позицию агента действия, причем эта фиксация обычно обусловлена некоторой целью. Отсюда такие контексты употребления, как: *let the cookies* ***sit*** *in the frige for some time to get ready* ‘пусть пирожные постоят в холодильнике и дойдут до готовности’; *the cabin* ***sat*** *cozily among the trees* ‘летний домик окружали деревья’; *let my money* ***sit*** *in the bank for some time to grow a little* ‘пусть деньги полежат некоторое время в банке, там хороший процент’.

Приведем еще один пример. Членение суток на *утро*, *день*, *вечер* и *ночь* кажется носителю русского языка естественным и логичным. Прямые соответствия этих русских в английском языке – *morning, day, evening, night* – не должны существенно отличаться от своих русских эквивалентов, хотя есть и некоторые отличия. Значения русских слов *утро, вечер* и *ночь* достаточно точно соответствует английским *morning, evening и night*, а русскому слову *день* соответствует английское *afternoon*. Однако, если использовать подобную информацию при формировании высказываний на английском языке будучи носителем русского языка, то можно ожидать многочисленных ошибок в речи, а также многочисленных вопросов при анализе, например, следующего контекста:

Can you have dinner with me ***tonight****?* – ‘Пообедаем сегодня вечером?’ (букв. ‘сегодня **ночью’)**

Not ***tonight****. I have to work late* – ‘Не сегодня (букв. ‘не сегодня **ночью’)**. Сегодня я работаю допоздна’

Tomorrow ***night****?* – ‘Завтра вечером?’ (букв. ‘Завтра **ночью**?’)

Yes, that would be nice – ‘Да, можно’

Let’s say sevenish, and I would call you at the office – ‘Тогда около семи, я позвоню тебе на работу’.

Даже если носитель русского языка знает, что английское слово *tonight* означает *сегодня вечером*, ему все равно будет непонятно, почему, говоря о встрече завтра в семь часов вечера, англичанин обозначает это как *tomorrow* ***night***, то есть *завтра* ***ночью***.

Для того чтобы провести достаточно полное сопоставление фактов

английского и русского языков, необходимо рассмотреть концептуальные основания семантики сопоставляемых слов, а также концептуальные принципы членения суток, принятые в соответствующих культурах. Концептуальные принципы членения суток в русском и английском языке различны. В русском языке *утро* – это отрезок суток от (приблизительно) половины четвертого (*в три часа* ***ночи***, но *в половине четвертого* ***утра,*** *в четыре часа* ***утра***) до двенадцати часов дня (*в одиннадцать часов* ***утра***, но *в двенадцать часов* ***дня***). *День* продолжается (приблизительно) до пяти часов (*в два часа* ***дня***, но *в пять часов* ***вечера***). *Вечер* продолжается до одиннадцати (*в десять часов* ***вечера***, но *в одиннадцать часов* ***ночи***). В английском языке членение суток другое: утро начинается с двенадцати часов ночи (*at one in the* ***morning***) и продолжается до двенадцати часов дня (*at eleven in the* ***morning***, но, *at twelve in the* ***afternoon***). Слово *day*, а также словосочетание *day and night*, близки по смыслу русскому слову *сутки*; при уточнении конкретного времени (часа) слово *day* не употребляется. Время с двенадцати часов дня до пяти часов вечера обозначается словом *afternoon*. Далее наступает *night*, которая продолжается до двенадцати часов ночи. Кроме того, английское слово *night* ассоциируется с темным временем суток, а также со временем, когда человек спит. *Evening* также ассоциируется с темным временем суток, но здесь в когнитивный фокус обозначения попадает идея времени отдыха, времени «*после работы*». Отсюда такие контексты, как *I'll see you on Monday* ***evening***; *I am tired in the* ***evenings***, *all I want to do is sit and watch TV*. Напротив, контексты типа *the incident took place at around 9 o'clock yesterday* ***evening*** достаточно редки. После подобного объяснения становится понятно, почему в английском языке выходное *вечернее платье* называется ***evening*** *dress/gown*, а *ночная рубашка* называется ***night*** *dress/gown*. Также легко декодируется смысл фразы *it's my* ***night*** *off* – речь здесь идет не о том, что человек «*сегодня ночью свободен*», а о том, что обычно он вечерами работает, но сегодня у него выходной.

Таким образом, опираясь на концептуальные представления, стоящие за семантикой сравниваемых языковых явлений, исследователь, сопоставляя, например, данные русского и английского языков, получает возможность не только указать на различия, но и объяснить их.

Аналогичный принцип может быть применен и к материалу других языков. Так, употребление французских лексических единиц *matin* 'утро', *jour* 'день', *soir* 'вечер', *nuit* 'ночь' отличается от употребления соотносительных единиц, как в русском, так и в английском языке. Так, *matin* начинается во французском языке после двенадцати часов ночи (*à trois heures du* ***matin)*** и продолжается до двенадцати часов дня. После полудня начинается *après-midi (à trois heures de l'****après-midi)***, который продолжа-

ется до пяти часов вечера. Около пяти часов вечера наступает *soir (à cinq de l'**après-midi**/ du **soir**; il en revient à sept heures du **soir**)*, который продолжается до полуночи *(à onze heures du **soir**)*. Слова *nuit* и *jour* при указании точного времени не используются. Слово *jour*, а также словосочетание *jour et nuit*, соответствуют русскому представлению о *сутках* (ср. *он работает круглые сутки, день и ночь*).

Введение в контрастивную лингвистику в качестве одного из параметров сопоставления концептуальных оснований семантики языковых сущностей, безусловно, увеличит число регистрируемых различий между языковыми системами. Действительно, концептуальные основания семантики каждой лексической единицы, фразеологической единицы или грамматической структуры являются частью общей концептуальной системы соответствующего языка и, таким образом, они практически всегда будут отличаться от параллельных явлений в других языках.

С другой стороны, предлагаемый подход к сопоставлению открывает новые перспективы для контрастивной лингвистики. Во-первых, создаются предпосылки для объяснения причин расхождений между языками, что мы попытались продемонстрировать выше. И, во-вторых, впоследствии можно было бы провести сопоставление самих концептуальных систем разных языков, выделив, например, языки, где в качестве базового концептуального представления выступает метафорический концепт «контейнер» (к таким языкам, по-видимому, можно отнести английский язык – ср. *to walk **in** the rain, to sit **in** the sun*), и языки, опирающиеся на представление о «плоскости» (например, русский язык – ср. *гулять **под** дождем, сидеть **на** солнце*).

Литература

Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. М., 1977.

Которова Е.Г. Проблема межъязыковой эквивалентности в лексической семантике (на основе анализа русского и немецкого языков): Автореф. дисс. докт. филол. наук. М., 1997.

Панасенко Н.И. Когнитивно-ономасиологическое исследование лексики (Опыт сопоставительного анализа названий лекарственных растений): Автореф. дисс. докт. филол. наук. М., 2000.

Connor, Ulla. Contrastive Rhetoric. Cross-cultural aspects of second-language learning. Cambridge, 1996.

А.Н. Ливанова

Параметрические прилагательные в норвежском языке в контрастивном освещении

In this article some of the basic Norwegian dimension adjectives are treated as contrasted to their counterparts in Russian and Japanese. Here are discussed some results showing which ones are used to describe dimensions of facial features, of body and clothes. The main conclusions are that languages use different strategies when describing different features of the same sphere, and that unmarked and marked situations may differ regarding dimension adjectives' usage.

В качестве материала мы обратимся к параметрическим прилагательным, входящим в лексико-семантическое поле размера. Параметры рассказывают о том, сколько места объект занимает в пространстве, или каковы размеры пространства внутри объекта. Пространство в общем и целом у жителей земли организовано одинаково, и потребность обменяться сведениями о характеристиках представленных в нем объектов является насущной.

В европейских языках имеются слова, соответствующие русским парам параметрических прилагательных *большой* / *маленький*, *длинный* / *короткий*, *высокий* / *низкий*, *толстый* / *тонкий*, то есть концептемы параметров. Однако Анна Вежбицка включает в число семантических примитивов лишь пару *большой* / *маленький* [***Wierzbicka*** 1996], прочие же обозначения выводятся из этих основных смыслов добавлением таких характеристик, которые указывают либо на ориентацию объекта относительно поверхности земли, либо на его пропорции. Поскольку и то, и другое может быть оценено достаточно субъективно, значение соответствующих прилагательных, как неоднократно отмечалось в лингвистической литературе, относительно и приблизительно. Относительность их проявляется в том, что для разных объектов значение этих прилагательных будет разным. Эта особенность отмечена Кустовой: «Для параметрических прилагательных ключевыми понятиями являются шкала и норма. Они обычно выступают антонимическими парами, обозначая разные полюса шкалы, и толкуются через понятие нормы: *длинный* – 'больше нормы длины' vs. *короткий* 'меньше нормы длины'; *высокий* – 'больше нормы высоты', *широкий* – 'больше нормы ширины'; и т.д. … Причем норма – это не просто среднее значение данного параметра: норма определяется по отношению к определенному классу объектов. Например, у широкой дороги ширина больше средней для дорог, - ясно, что для лент, которые тоже могут быть широкими и узкими, устанавливается другая норма ширины» [Кустова 2002, 117].

В современной семантике прочно утвердилась концепция антропоцентризма, позиция которой состоит в том, что в когнитивной области человек служит мерой всех вещей. «Мы реагируем на форму пространства, невольно соотнося ее с размером и формой собственного тела. Соответствие пространства нашему телу может вызывать приятное ощущение чего-то уютного, вроде платья подходящего размера. С другой стороны, пространство может оказаться тесным, опять-таки как тесная одежда. Но оно может быть и огромным, заведомо несоизмеримым с нашим телом» [Каганов 2004, 13-14]. Кустова же, характеризуя параметрические прилагательные, продолжает: «Разумеется, в определении нормы каким-то образом участвует человек – хотя бы потому, что норма определяется человеком и с точки зрения человека. И все-таки эти критерии являются в конечном счете «внешними» по отношению к человеку: дороги сравниваются с дорогами, а ленты – с лентами» [Кустова 2002, 117].

Однако и само человеческое тело служит предметом измерения. Черты лица и пропорции тела человека описываются при помощи тех же параметрических прилагательных, что и иные объекты. Или все же это не совсем так? При том, что координаты пространства и особенно пропорции человеческого тела в целом повсюду одинаковы, концептуализируются они разными языками по-разному. Рахилина, ссылаясь на работы Бирвиша, пишет, что «самых тщательных измерений будет недостаточно для того, чтобы предсказать сочетаемостные свойства прилагательных размера типа *длинный*, *высокий* и под.: так, водосточная труба (в отличие от обычной, например, заводской) описывается не как *высокая*, а как *длинная*» [Рахилина 1998, 284]. Обращение к небольшой выборке прилагательных, используемых для описания параметров тела человека, показывает, что здесь непредсказуемость еще выше.

Нас в данной связи интересуют норвежские параметрические прилагательные в сопоставлении с таковыми в русском (с которым норвежский состоит в дальнем родстве), в том числе и в плане потребностей преподавания, и в далеком во многих отношениях японском языках[1]. Такое сопоставление позволяет нагляднее продемонстрировать различные соче-

---

[1] Впрочем, среда обитания норвежцев и японцев весьма схожа. Площадь этих стран почти одинакова - 387 км кв у Норвегии и 378 км.кв у Японии, обе вытянуты в направлении с севера на юг, в обеих значительная часть территории покрыта горами, что делает невозможной с/х обработку земли на значительных площадях - по разным подсчетам от 2 до 5% в Норвегии и 16% в Японии при несравнимо более многочисленном населении – 4,8 млн и 127 млн, соответственно.

таемостные возможности изучаемой лексико-семантической группы, в особенности терминов пространственной характеризации по вертикали и горизонтали, при описании черт лица, особенностей фигуры и одежды.

В русском и норвежском языках принято характеризовать нос как ‘длинный’ *lang* или ‘короткий’ *kort*. Мы не задумываемся о том, что большую часть времени, когда человек стоит или сидит, нос в пространстве расположен вертикально относительно поверхности земли. В японском же носы обычно описываются в тех же терминах, что и, например, горы, то есть как *takai* ‘высокие’ или *hikui* ‘низкие’, на что в контексте лингвистики обратил внимание известный японский языковед Такао Судзуки [Suzuki 2001, 47]. Однако далее он отмечает, что в маркированных ситуациях, если длина носа находится в фокусе внимания говорящего, для описания ее используются и термины локализации по горизонтали - *nagai* ‘длинный’ и *mijikai* ‘короткий’. Для описания хобота слона, который по-японски обозначается тем же словом, что и человеческий нос – *hana* – также используются *nagai* ‘длинный’ и *mijikai* ‘короткий’ [Suzuki 2001, 48]. (Жаль, что автор ограничивается констатацией этого факта и больше о параметрических прилагательных в этой публикации не упоминает.) Казалось бы, странно; но, говоря о расположенном в той же плоскости, что и нос, лбе и мы, и норвежцы пользуемся именно прилагательными *высокий* / *низкий* – *høy* / *lav*.

В то же время выдающиеся скулы и норвежцы, и японцы называют высокими - *høye* (интернет на *høye kinnben* даёт 699 совпадений при шести для *brede kinnben*) и *takai*, соответственно, а русские – *широкими*[1]. (Видимо, под влиянием языка переводных гламурных текстов в интернете всплывает много совпадений на сочетание *высокие скулы*, при том, что Большой толковый словарь русского языка [Кузнецов 1998, 1204] дает только *широкие*, что представляется единственно возможным и для автора. Очевидно, здесь необходимы дополнительные исследования узуса). То есть первые в фокусе внимания держат расстояние от скул до висков, а вторые – удаленность от центральной продольной линии лица.

Описывая форму бровей, те брови, которые русские называют *широкими*, норвежцы называют ‘толстыми’ *tykke*; японцы тоже могут воспользоваться при описании бровей словом *futoi*, основным эквивалентом которого в русском языке будет ‘толстые’, но по-русски такие брови будут называться *густыми*.

---

[1] Дополнительные сведения о японских прилагательных были любезно предоставлены заведующей кафедры японистики Восточного института Санкт-Петербурга Натальей Андреевной Масловой.

Рот большого размера в русском описывается либо как *большой*, либо как *широкий*. Рот небольшой – только как *маленький*. Норвежцы тоже говорят *liten munn* ‘маленький рот’, но вот эквивалентов прилагательного *широкий* в норвежском два – *bred* и *vid*. Хотя норвежские одноязычные словари толкуют эти слова практически одинаково, можно сказать, что первое из них более универсально, а второе скорее говорит о ширине пространства внутри объекта, то есть вместимости, хотя для ряда устоявшихся употреблений это утверждение неверно. Важно, однако, что обычно рот человека описывается как *bred munn*, в то время как рот рыбы или лягушки как *vid*; широкий лоб называется *bred panne*. Сочетание же *vid panne* вне контекста будет воспринято в смысле ‘широкая сковорода[1]. В тех случаях, когда замена прилагательного не несет дополнительной смысловой нагрузки, употребимы оба, как, например, в сочетании *vidtsittende* / *bredtsittende øyne* ‘широко расставленные глаза’ (по-японски просто *hanareta* – ‘отдаленные’).

Если обратиться к прилагательным, описывающим фигуру человека, то можно заметить, что в нейтральном описании высокого человека, даже если он сидит или лежит, в норвежском и русском языках чаще всего используются термины локализации по вертикали: *высокий* и *høy*. Если же человек не вышел ростом, его и по-русски, и по-норвежски назовут скорее не *маленьким* / *liten*, *малорослым* / *kortvokst* (буквально *короткорослым*) или по-русски *низеньким*, а по-норвежски ‘коротеньким’ *kort*, но используют контрарный антоним *невысокий* / *ikke høy*, не обладающий столь явно выраженной отрицательной оценочностью (высокий рост в этих языках подается как положительная характеристика). В обоих языках назвать того же человека при помощи термина пространственной локализации по горизонтали – *длинный* / *lang* – можно, однако при таком употреблении этому прилагательному добавляется оттенок пейоративности. У сравнительно невысоких японцев рост принято описывать при помощи описательных конструкций *se ga takai* и *se ga nagai*, буквально ‘высокой спины’ и ‘низкой спины’, что структурно соответствует русским конструкциям *большого* / *маленького размера*.

Оценочность, однако, покидает прилагательное длинный, если речь идет о спине – *lang rygg*; в норвежском можно сказать и *høy rygg*, но тогда это будет означать ‘высокая спинка’ у стульев и т.п.

Говоря о размере ног (то есть ступней), и русские, и норвежцы в нейтральном контексте употребят выражения *большие ноги* - *маленькие*

---

[1] Слова *лоб* и *сковорода* в норвежском представляют собой интересный случай разошедшейся полисемии.

ножки / *store føtter* - *små føtter*. Сочетания *lange føtter* - *korte føtter* ‘длинные - короткие ноги (то есть ступни) в норвежском также употребимо: но, во-первых, если речь идет о животных и, во-вторых, если размер ступни действительно обращает на себя внимание, как в тексте об ортопедической обуви: *Det er for folk med store størresler, breie føtter,* **lange føtter** ‘Есть люди, у которых большой размер, широкие ступни, длинные ступни’.

И, наконец, шею во всех трех языках описывают как *длинную* или *короткую – lang* / *kort*, *nagai* / *mizikai*.

Однако и последнее небеспроблемно, если перейти к следующей сфере употреблений – характеристике предметов одежды. Кустова замечает: «Чем «ближе» некоторый класс объектов к человеку, тем больше он «вмешивается» в установление критериев нормы (среднего значения параметра для данного вида объектов) и отклонений от нее. Например, *широкая юбка* не просто шире средней, - это такая юбка, которая неплотно охватывает тело» [Кустова 2002, 118]. Соглашаясь с этим в принципе, будем настаивать на необходимости более подробного изучения вопроса. Так, горло у свитера или джемпера по-норвежски обозначается тем же словом, что и шея – *hals*; однако и в русском, и в норвежском эта деталь одежды описывается прилагательным ‘высокий’ *høy*, в то время как в японском для этого используется *nagai* ‘длинный’, как при описании шеи.

Возвращаясь к примеру Кустовой, отметим, что, как и можно было ожидать, широкая юбка в норвежском скорее будет названа *vidt*, а не *bredt skjørt*, поскольку именно в первом случае речь идет о ширине юбки изнутри (476 против 4-х совпадений в интернете, соответственно). Однако для описания одежды, ниспадающей ниже пояса, в норвежском используется особое прилагательное, описывающее что-либо просторное и при этом чаще всего и длинное – *sid*, которое кроме этого используется, хотя и крайне редко, только для описания лугов, болот и прочего в значении ‘низинный, топкий, а также в составе сложных слов для описания каких-либо отвислых частей тела – *sidbrynt* ‘с нависшими бровями’, *sidneset* ‘с отвислым носом’, *sidskjegget* ‘с окладистой бородой’, sidbuket=sidmaget=sidvommet ‘с отвисшим пузом’. И, наконец, объединяет наши подтемы слово *sidrumpa*, которое может характеризовать как человека, так и предмет одежды (‘вислозадый’ и ‘болтающийся на заднице’, соответственно; впрочем, чаще всего оно употребляется переносно в смысле ‘отсталый’).

В японском эквивалентом норвежского *sid* выступает прилагательное *dabudabu* ‘мешковатый’.

Таким образом, характеризуя детали одежды, надеваемые на соответствующие части тела, язык может применять иные стратегии измерения,

даже если соответствующая деталь обозначается тем же словом, что и часть тела, ею закрываемая (*hals* в норвежском – и шея у живого существа, и горло у свитера или джемпера.)

Более того, нет единой стратегии и в использование терминов пространственной локализации по вертикали и горизонтали при описании лица человека. Даже в одном и том же языке (не говоря уже о разных) разные черты лица или пропорции фигуры могут описываться одни – исходя из положения объекта относительно поверхности земли при обычном рабочем положении тела бодрствующего человека в рабочем состоянии, то есть в положении стоя (если употребление не маркировано); другие – исходя из представления о том, какое место соответствующий объект занимает на лице или теле человека как бы изображенным в плане. И наоборот, концептуализация одних и тех же явлений может быть разной в родственных и схожей в далеких и в генетическом, и в географическом отношении языках.

Представляется, что даже из вышесказанного (а здесь рассмотрена лишь незначительная часть собранного материала) можно сделать по меньшей мере три вывода.

1. При изучении иностранного языка сочетаемости параметрических прилагательных с существительными следует уделять больше внимания, поскольку в словарях указываются лишь основные эквиваленты.

2. Сочетаемостные свойства параметрических прилагательных демонстрируют такие особенности языковой категоризации, изучение которых необходимо для развития когнитивных наук, в том числе семантики.

3. Поиск алгоритма в стратегиях использования терминов пространственной характеризации по вертикали и горизонтали при описании различных объектов требует всестороннего изучения.

Литература

Каганов Г.З. Образы пространства. СПб., 2004.

Кузнецов С.А. (ред.) Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998.

Кустова Г. И. Экспериенциальная сфера и концепт тяжести в русском языке // Семиотика и информатика. Вып. 37. М., 2002. С. 117-120.

Рахилина Е.В. Когнитивная семантика // Семиотика и информатика. Вып. 36. М., 1998. С. 274-323.

Suzuki T. Words in Context: A Japanese Perspective on Language and Culture. Tokyo – New York – London, 2001 <1973>.

Wierzbicka A. *Primes and Universals.* Oxford, 1996.

Н.В.Уфимцева

Культура как система сознания[1]

The article deals with the psycholinguistic approach to analysis of cross-cultural differences by the free associations method with the help of building the nucleus of verbal consciousness. The article proves the validity of the suggested method both for synchronic and diachronic approaches.

Системный подход в методологии науки, получивший широкое распространение в XX веке, привел к рассмотрению объектов исследования как систем, как целостных структур. Понятие структуры занимает центральное место в разных областях научного знания - от математики до лингвистики. Предполагается, что свойства входящего в структуру элемента можно понять только исходя из его связей с другими элементами данной структуры.

XX век принес в науку и новые представления о сознании. Современная теория дала возможность сформулировать новое представление о сознании и мышлении. Предполагается, что любая система, состоящая из элементов, образующих достаточно сложные замкнутые каузальные цепи с соответствующими энергетическими связями, будет обладать ментальными характеристиками, т.е. реагировать на различия, обрабатывать информацию и саморегулироваться. В этом смысле, сознание это механизм управления поведением, неважно каким и с помощью каких единиц оно осуществляется (молекулы ДНК или знак), оно является всеобщим свойством материи. Для человека этот механизм дополнен осознанием.[2]

Этническая культура, понимаемая как исторически выработанный способ деятельности, предполагает, что всем явлениям культуры присуща общая функция — служить средствами человеческой деятельности. Следовательно, быть культурным — значит уметь пользоваться множеством вещей, владеть системой культурных явлений, как специфической системой средств, благодаря которой осуществляется коллективная и индивидуальная деятельность (Э.С. Маркарян). В понятие “способ деятельности” включаются не только умения и навыки, но весь спектр объективных средств осуществления активности людей. Его элементами являются внебиологически выработанные средства, с помощью которых действия людей стимулируются, программируются, воспроизводятся

[1] Работа выполнена при поддержке фонда РГНФ, грант №08-04-95041а/чел.

[2] См. подробно [Уфимцева. 1997].

[Лурье 1997]. Культура — это и то, что вносит в личность смысл, значение. Следовательно, культуру можно понимать и как систему сознания, связанную, с определенным этносом как коллективной личностью.

Представитель того или иного этноса воспринимает любой предмет не только в его пространственных измерениях, но и в его значении, а значения концентрируют в себе внутрисистемные связи объективного мира. В значениях, в отличие от личностного смысла, фиксируется некий культурный стереотип, инвариантный образ данного фрагмента мира, присущий тому или иному этносу.

Культурное развитие сознания начинается с момента рождения ребенка и совершается не по биологическим законам, а под действием системы обучения, исторически и культурно обусловленной. Сознание человека может развиваться только во взаимоотношениях с другими сознаниями через взаимное отражение, поскольку «отражая мир, сознание одновременно отражает и общественную модель мира (существующую уже как принадлежность, часть самого этого мира)» [Самохвалова 1992: 195-196]. Тем самым содержание сознания всегда культурно обусловлено и есть результат особой, свойственной каждой данной культуре системы организации элементов опыта, которые сами по себе не всегда являются уникальными и повторяются во множестве культур. По Л.С. Выготскому сознание человека имеет системное строение. Опять же вспомним слова А.А.Леонтьева о том, что «в основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем» [Леонтьев 1993, 20].

Главным препятствием любого общения, а особенно межкультурного, является тот факт, что мысль нельзя непосредственно передать из одной головы в другую. Для этого мы пользуемся специальными знаками, и, прежде всего, языковыми знаками, и, следовательно, опираемся при этом на знания, которые сформированы у нас в рамках родной культуры. По мнению Е.Ф.Тарасова, главным препятствием в идентичном понимании одного и того же коммуникативного акта носителями разных культур являются так называемые функциональные и системные (интегральные) качества культурных предметов в отличие от их природных качеств, которые не зависят от особенностей той или иной культуры. Функциональными качествами обладают только культурные предметы, и их постижение носителем другой культуры возможно, хотя и представляет определенные трудности. Что же касается системных качеств культурных предметов, то их постижение требует осознания культуры как системы. «Системные качества культурных предметов непосредственно не наблюдаемы, сверхчувственны и часто знаковы, символичны. Знаковый, символи-

ческий характер системных качеств культурных предметов, не обнаруживающий себя в самих предметах, открывается только человеку, обладающему знанием системы, в которой конкретный культурный предмет приобретает эти качества. Отсюда следует, что сверхчувственные качества предметов конкретной национальной культуры открыты только носителю этой культуры, обладающему знанием культурных и социальных систем, элементом которых являются эти культурные предметы» [Тарасов 1998, 33]. Можно предположить, что системные свойства культурных предметов существуют как бы в двух формах: с одной стороны, в виде системности самой культуры, которая определяет и место, и роль в ней данного культурного предмета, а, с другой стороны, в виде системности знаний (структура значения), связанных с данным культурным предметом и стоящих за словом, его обозначающим.

Отечественная психолингвистика предлагает свой способ выявления системных связей культурных предметов. Материалы массовых ассоциативных экспериментов позволяют вскрыть как системность знаний стоящих за отдельным словом (т.е. их структуру), так и системность образа мира данной культуры, как она представлена в языковом сознании усредненного ее носителя, через построение ассоциативно-вербальной сети. Материалы прямого ассоциативного словаря позволяют сделать доступным наблюдению системность знаний, стоящих за телами знаков данного языка (см., например, [Уфимцева 1996]), обратный словарь дает возможность наблюдать системность образа мира данной культуры (усредненного ее носителя) через анализ ядра ассоциативно-вербальной сети, называемого ядром лексикона (А.А.Залевская, Н.О.Золотова) или ядром языкового сознания (Н.В.Уфимцева). В качестве обоснования возможности выделения ядра лексикона усредненного носителя языка А.А.Залевская предлагает опираться на преставления психологов, изучавших индивидуальный лексикон человека и пришедших к выводу, что «максимальное число связей имеют слова, представляющие особое значение для испытуемого, как личности. Они являются самыми емкими понятиями, связь с которыми имеет максимальную вероятность воспроизведения, а число слов с максимальной ассоциативной силой составляет не более 2% от общего объема лексикона» [Залевская 1981,17]. Примерно в такой же пропорции к общему числу единиц ассоциативно-вербальной сети находится как ядро языкового сознания англичан, так и ядро языкового сознания русских.

В рамках московской психолингвистической школы ядро языкового сознания выявлено на материале русского, бурятского, вьетнамского, хакасского, белорусского, украинского, болгарского, немецкого, испанского и французского языков (см., например, [Боргоякова 2002, Караулов

2000, Нгуен Тхи Хыонг 2001, Сабуркина 2005, Уфимцева 1996, 2000]).

Если мы попытаемся сравнить ядро языкового сознания современных русских, полученное по данным Русского ассоциативного словаря (1986-1996), и структуру базовых ценностей, выявленную социологами, то увидим, что их структуры в целом совпадают, но в ядре языкового сознания русских представлены только ценности, которые по классификации социологов, ориентированы на обеспечение индивидуальной жизни [Ментальность россиян 1997: 68-69]:

* у социологов: семья-дом, любовь, труд, достаток, мир;
* в РАС: дом, жизнь, деньги, любовь, работа-дело, мир.

Как показывают наши исследования, а мы имеем на данный момент три среза для языкового сознания взрослого носителя русского языка в период с конца 60-тидесятых годов XX века до 2000 года и несколько ассоциативных словарей детской речи (конца XX и начала XXI века), выявленная структура (ядро языкового сознания) отличается большой устойчивостью во времени, и усваивается очень рано в онтогенезе [см., Уфимцева 2005].

Еще одно подтверждение стабильности и не случайности выявленной системности языкового сознания русских мы получаем при анализе материалов Славянского ассоциативного словаря (2004). Как показала Н.В. Сабуркина [Сабуркина 2005], ядро языкового сознания белорусов, болгар, русских и украинцев характеризуется не только сходством общего состава, но и структуры: примерно в 70% случаев анализируемые единицы совпадают по рангу в структуре ядра, что подтверждается и коэффициентами корреляции при попарном сравнении.

Использование данных о ядре языкового сознания носителей той или иной культуры позволяет дополнить традиционный лингвистический анализа и взглянуть на культурные различия с позиций системности образа мира определенной культуры. Только в этом случае мы получаем представление о реальной (с позиций носителя данной культуры) существенности или несущественности выявляемых различий. Рассмотрим такой культурный предмет, как *друг*.

Начнем анализа содержания понятий ДРУЖБА и ДРУГ, проделанного А.Вежбицкой [Вежбицкая 2001]. Она приходит к выводу, что утверждение, что «во всех культурах» «друзья» признавались важной психологической или социальной категорией, неверно. Что же касается английской культуры, то смысл и суть понятия ДРУЖБЫ и ДРУГА существенно изменились на протяжении времени в сторону существенной девальвации понятия ДРУГ. Как утверждает А.Вежбицкая, «в целом значение слова friend стало более «слабым», так что для того, чтобы ему обрести нечто

вроде прежней «силы», теперь приходится использовать выражение a close friend. Кое-что от прежнего значения слова friend сохранилось в производном существительном friendship: тогда как в старом употреблении друзья (friends) были связаны друг с другом отношением дружбы (friendship), в современном употреблении у человека может быть гораздо больше друзей (friends), нежели дружб (friendship), и только о “близких друзьях” (close friends) можно теперь сказать, что они связаны отношением “дружбы” (friendship)”[Вежбицкая 2001, 69].

А. Вежбицкая указывает, что в англо-американской культуре место “дружбы” как постоянного отношения между людьми занял идеал “знакомства с новыми людьми”, которые теперь в этой культуре и называются “друзьями”. С другой стороны, по мнению Н.М.Лебедевой, *защиту семьи, здоровье, настоящую дружбу, верность, интеллект, смысл жизни, внутреннюю гармонию* можно отнести к базовым ценностям русской культуры, транслирующимся из поколения в поколение [Лебедева 2000].

А теперь обратимся к данным ассоциативных словарей. В ядре языкового сознания русских по данным РАС [Русский ассоциативный словарь 1994-1998] понятие ДРУГ[1] (встретилось в качестве реакции на 565 разных слов-стимулов, ранг его в ядре 9,5.), занимает очень существенное место. По данным РАС (т.1, Прямой словарь) ДРУГ прежде всего *верный (69), надежный (9), настоящий (9), старый (4).* Важными характеристиками ДРУГА являются такие, как *близкий (16), закадычный (любимый (4), сердечный (4).* Естественно, что такой ДРУГ - *лучший (20), милый (12), единственный (9)* и родом этот друг *из детства (33).* ДРУГ – это и *товарищ (27), и брат (10),* но весьма часто и *собака (17).* Оппозиция ДРУГ – *враг (47)*, хотя и является весьма устойчивой в сознании современных русских, однако в ассоциативном поле стимула ДРУГ в целом представлена весьма малочисленной группой реакций. Необыкновенную важность друга в жизни русского человека подчеркивает тот факт, что по данным словаря Н.И. Бересневой, Л.А. Дубовской, И.Г. Очинниковой [Береснева и др. 1995] мы видим, что уже к 10 годам в образе мира детей, воспитанный в русской культуре, друг занимает очень важное место. На это указывает тот факт, что слово ДРУГ встречается в этом словаре в качестве реакции 568 раз на 33 из 70 слов – стимулов, предъявлявшихся детям в ассоциативном эксперименте. Аналогичные результаты мы находим и в Ассоциативном словаре школьника Саратовской области (существует только в электронной форме) Гольдина В.Е. и Сдобновой А.П.

Если мы обратимся к данным Обратных словарей (РАС, т.т.2,4,6), то

[1] Заглавными буквами выделяется слово-стимул, курсивом – слово-реакция.

увидим, что чаще всего в качестве слова-реакции *друг* появляется на стимул НАСТОЯЩИЙ (215), ЛУЧШИЙ (156), ВЕРНЫЙ (64), НАДЕЖНЫЙ (52).

Совершенно иная картина вырисовывается в образе мира англичан. Понятие FRIEND имеет ранг 73 в ядре их языкового сознания и отличается совсем иной эмоциональной окраской. В прямом словаре [Kiss & all 1972] FRIEND прежде всего ассоциируется с *enemy (22), foe (19),* затем следует *girl (4)* и *good(4).* По данным обратного словаря реакция *friend* чаще всего появляется на стимулы ACQUAINTANCE (68)+ AQUUAINTANCE (67), COMPANION (67), COLLEGE (50), BUDDY (36), NEIGHBOR (36)+ NEIGBOUR (33), ALLY(35*).*

Особенности языкового сознания русских и англичан, выявленные по материалам русского и английского ассоциативных тезаурусов, демонстрирует реальную системность образа мира этих двух культур и существенные различия в знаниях, которые стоят за псевдоэквивалентными словами. За телом знака (словом в его звуковой или графической материальности) стоит живая клеточка образа мира конкретной культуры. Системность же значений есть отражение системности самой культуры, той структуры космоса (образа мира), которая в ней сформирована.

Таким образом, структура чисто формальная, возникающая в результате рефлексии лингвиста над элементами языка, приобретает в психолингвистических исследованиях языкового сознания иное значение, становясь отражением системности реальных связей, существующих в образе мира носителя того или иного языка/культуры.

Литература

Береснева Н.И., Дубовская Л.А., Овчинникова И.Г. Ассоциации детей от шести до десяти лет. Пермь, 1995.

Боргоякова А.П. Национально-культурная специфика языкового сознания хакасов, русских и англичан (на материале ядра языкового сознания). Дисс. … канд. филол. наук, М., 2002.

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001.

Залевская А.А. О комплексном подходе к исследованию закономерностей функционирования языкового механизма человека // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. Калинин: КГУ, 1981, С.28-44.

Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. М.: ИЯзРАН, 2000. С.191-206.

Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский ассоциативный словарь. Т.1-6, М.: Институт русского языка РАН, 1994-1998.

Лебедева Н.М. Базовые ценности русской культуры на рубеже XXI века. //Психологический журнал, Т.21, № 3, 2000. С. 73-87.

Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира// Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: ИЯз РАН, 1993, С. 16-21.

Лурье С.В. Историческая этнология. М.: Аспект-пресс, 1997.

Ментальность россиян / Под ред. *Дубова И.Г.* М., 1997.

Нгуен Тхи Хыонг. Мир в образах сознания вьетнамцев // Языковое сознание и образ мира. М., 2000. С. 220-236.

Сабуркина Н.В. Общее и специфическое в структуре языкового сознания славян (на материале русского, белорусского, украинского, болгарского языков). Дисс. … канд. филол. наук, М. 2005.

Самохвалова В.И. Сознание как диалогическое отношение//М.М.Бахтин как философ. М., 1992, С.190-205.

Тарасов Е.Ф. К построению теории межкультурного общения//Языковое сознание: формирование и функционирование. М., 1998. С.30-35.

Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания //Этнокультурная специфика языкового сознания. М.: ИЯз РАН, 1996. С.139-162.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание: структура и содержание / РЖ Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6. Языкознание. № 2, 1997. С. 48-62.

Уфимцева Н.В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских// Языковое сознание: формирование и функционирование. М.: ИЯз РАН, 1998. С.135-170.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание и образ мира славян// Языковое сознание и образ мира. М.: ИЯз РАН, 2000. С.207-219.

Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., Караулов Ю.Н., Тарасов Е.Ф. Славянский ассоциативный словарь. М.: МГЛУ - ИЯз РАН, 2004.

Kiss G., Armstrong C., Milroy K. The Associative Thesaurus of English - Edinburg: Univ. of Edinb. MGC Speech and Communication Unit. 1972.

Приложение

Таблица 1. Ядро языкового сознания англичан[1]

Ранг	Ассоциат	Кол-во вызв. его стиму-лов	Ранг	Ассоциат	Кол-во вызв. его стимулов	Ранг	Ассоциат	Кол-во вызв. его стимулов
1	me	1087	26	nice	483	51	dead	371
2	man	1071	27	red	477	52	ship	369
3	good	881	28	now	461	53	music	363
4	sex	847	29	hard	451	54	noise	360
5	no	805	30	white	450	55	cold	352
6	money	750	31	woman	445	56.5	women	351
7	yes	743	32	bed	432	56.5	you	351
8	nothing	713	33	school	431	58	men	345
9	work	686	34	help	427	59	happy	340
10	food	676	35	pain	426	60	drink	339
11	water	669	36	sea	425	61	head	337
12	people	664	37	dog	419	62	hair	336
13	time	630	38	never	415	63	great	333
14	life	629	39	of	413	64	tree	332
15	love	622	40	old	402	65	church	331
16	bad	615	41	book	401	66	fear	330
17	girl	581	42	paper	399	67	boy	328
18	up	565	43	down	398	68	horse	326
19	car	550	44	green	395	69	it	322
20	black	549	45	in	388	70.5	war	321
21	what	545	46	person	387	70.5	word	321
22	house	539	47.5	fir	378	72	fool	316
23	out	535	47.5	to	378	73	friend	311
24	death	518	49	rubbish	374	74	fat	309
25	home	501	50	light	373	75	fun	306

[1] Данные приводятся по работе А.А. Залевской [Залевская 1981]. Ранги ассоциатам приписаны нами — *Н.У.*

Таблица 2. Ядро языкового сознания русских

Ранг	Ассоциат	Кол-во вызв. его стимулов	Ранг	Ассоциат	Кол-во вызв. его стимулов	Ранг	Ассоциат	Кол-во вызв. его стимулов
1	человек	1404	26	стол	369	51,5	страх	287
2	дом	864	27	парень	368	51,5	умный	287
3	жизнь	711	28	дорога	361	53	долго	286
4	плохо	691	29	мир	360	54,5	далеко	285
5	большой	684	30	говорить	355	54,5	сильный	285
6	хорошо	677	32,5	есть	354	56	город	284
7	нет	667	32,5	дерево	354	57	зеленый	283
8	деньги	587	32,5	время	354	58	черный	282
9,5	друг	565	34	жить	350	59	боль	281
9,5	дурак	565	35	думать	349	60	всегда	278
12,5	лес	438	36	я	347	61	море	277
12,5	мужчина	438	37,5	разговор	344	62	муж	272
12,5	хороший	438	37,5	свет	344	63	счастье	270
14	день	436	39	мой	338	64	солнце	267
15	много	429	40	красный	330	65	собака	266
16	любовь	428	41	машина	323	66	кино	265
17	работа	426	42,5	женщина	321	67	ум	261
18	вода	420	42,5	книга	321	68	маленький	260
19	ребенок	413	44	грязь	318	69	сделать	259
21,5	радость	404	46,5	идти	308	71,5	очень	258
21,5	все	404	46,5	старый	308	71,5	он	258
22	дело	390	46,5	мальчик	308	71,5	предмет	258
23,5	плохой	378	48	белый	304	73	война	251
23,5	смерть	378	49	девушка	302	74	ночь	250
25	быстро	371	50	мужик	301	75	земля	247

А.А. Нистратов, Е.Ф. Тарасов

Контрастивное исследование лексем с социально сконструированным значением

The article describes a psycho-semantic experiment aimed to elicit the Russians' and Serbians' attitude to different types of values. Comparing the aquired data to the respondents' stereotypes concerning the importance of these values for other nationalities, the authors establish common space of evaluation, where the national images of Serbs and Russians can be studied in contrast.

Еще в античности полагали, что значения лексем формируются или «по природе» (*дом*, *окно*, *дверь*), или «по договору» (*комбатант*, *плутократия*, *секуляризация*). Среди последних существует группа лексем, значение которых для общества конструируется в условиях социального контроля – это, прежде всего, так называемые социальные ценности (*добро, зло, достаток благополучие* и т.п.). Содержание социальных ценностей конструируется общественными институтами всех социумов у тех предметов, действий и явлений, которые становятся социально значимыми в процессе вовлечения их в совместную человеческую деятельность: физические объекты, таким образом, получают социальную определенность, которая отсутствует у них по природе. Социальные ценности служат для членов общества ориентирами поведения людей, адаптированного к требованиям социума.

Для лингвистического анализа содержания ценности важно иметь в виду, что это содержание конструируется от имени социума общественными институтами и существует как в эталонной (в толковых словарях и трактатах философов), так и в индивидуальной форме (в индивидуальном сознании).

В связи с этим в аксиологии используется представление о трех формах ценностей: как общественный идеал – содержание, соотнесенное с должным; как объективированная форма в виде материальных и духовных произведений и поступков людей; как часть психологической структуры личности в форме источников мотивации ее поведения.

По разным критериям ценности делят на позитивные – негативные, относительные (почитание предков в некоторых этносах) – абсолютные (зло–добро), субъективные (пивная релаксация в конце недели для европейских мужчин) – объективные (образование в европейском культурном регионе). По критерию содержания различают ценности вещные, логические (истина), эстетические (прекрасное), этические (добро) и т.п.

При анализе ценностей наибольшее применение имеет разделение их на терминальные и инструментальные. Терминальные ценности функционируют при оценке и выборе *целей* деятельности (по критерию жела-

тельности, привлекательности, должного), инструментальные – при оценке и выборе модуса деятельности и допустимых способов их достижения (ответственный, умный, отважный и т.п.).

В данной работе исследуется картина мира представителей двух этносов: русского и сербского и включает не только когнитивные, но и аксиологические компоненты. Предполагается, что стереотипы обыденного сознания, связанные с образом представителей различных национальностей одной из форм выражения имеют семантическую форму и могут быть зафиксированы в семантическом эксперименте. Можно сказать, что семантические оценки суть оценки эмоций, возникших в процессе контактов с объектом или оценки тех же эмоций при освоении общественного опыта. Иначе, природа семантического оценивания лежит в идентификации воспринимаемого объекта или ситуации со следом эмоционального состояния.

Психосемантические методы исследования дают материал для анализа общественного сознания, т.е. выявляют глубинные критерии оценки событий, персон, объектов. Методы (Семантический Дифференциал, Репертуарные решетки) представляют собой комбинацию процедур шкалирования и метода контролируемых ассоциаций.

Использование психосемантического метода исследования позволяет выявить устойчивые представления респондентов об исследуемых объектах. Речь идет о таких представлениях, которые не являются непосредственным отражением актуального эмоционального или социально-психологического состояния людей, а которые нелегко поддаются быстрому изменению, поскольку сформировались главным образом на основе устоявшихся стереотипов, мифов.

Построение семантического пространства является переходом от большей размерности (признаков, заданных шкалами) к базису меньшей размерности (категориям-факторам).

При геометрическом представлении семантического пространства категории–факторы выступают координатными осями некоего пространства, а значения объектов задаются как координатные точки внутри этого пространства.

Процедура психосемантического исследования заключается в следующем. Респондентам предлагается оценить определенный набор объектов по заданным качествам по градуированной шкале. Полученные таким образом протоколы собираются в общегрупповую матрицу данных, которая затем обрабатывается методом факторного анализа.

Для исследования восприятия национальных стереотипов в аксиологическом пространстве был разработан специализированный семантический дифференциал (СД). В качестве шкал-дескрипторов использовался

набор основных человеческих ценностей. Список ценностей определялся в результате предварительного эксперимента.

На втором этапе респондентам предъявляются объекты и шкалы для их оценки. Каждый объект должен быть оценен по всем шкалам.

Процедура основного семантического эксперимента состояла в соотнесении респондентами национальных стереотипов с ценностями (в качестве шкал-дескрипторов), которые наиболее характерны для данных представителей различных национальностей.

В эксперименте в Сербии приняло участие 48 респондентов в возрасте 18-24 года примерно в равном соотношении мужчин и женщин. Полученная суммарная матрица обрабатывалась методом факторного анализа с последующим вращением факторов до простой структуры. В результате обработки данных было выделено шесть факторов – категорий и построены аксиологические семантические пространства восприятия национальных стереотипов (представлены на графиках). Факторы приводятся в порядке убывания вклада в общую дисперсию: 1. материальное процветание; 2. успех, гедонизм; 3. свобода личности, демократия; 4. основные гражданские ценности; 5. функции власти; 6. традиционность.

Материальное процветание – этот критерий связан у сербов с такими ценностями как *эффективность, труд, процветание, практичность, прогресс, творчество, долг.* Данная группа ценностей состоит из качеств и явлений, которые способствуют процветанию или являются инструментами процветания: практичность – целенаправленная деятельность человека; прогресс – направление развития, характеризующееся переходом от низшего к высшему, от менее совершенного к более совершенному; творчество - деятельность порождающая качественно новое, никогда ранее не бывшее.

Успех, гедонизм – в данный фактор вошли такие ценности как *богатство, конформизм, комфорт, удовольствие, успех.* По мнению сербских респондентов богатству и успеху сопутствуют комфорт, удовольствие, конформизм (принятие существующего порядка вещей). Некоторые из этих ценностей совпадают с этическими позициями гедонизма, утверждающими наслаждение как высшее благо и критерий человеческого поведения.

Свобода личности, демократия – этот фактор составляет *демократия, свобода личности, правосудие, любовь, равенство.* Интересная категория, в которой *любовь* оказалась вместе с, можно сказать, политическими ценностями. Видимо у респондентов любовь ассоциируется с такими ценностями как свобода личности, равенство, ну а дальше равенство, демократия.

Основные гражданские ценности – *здоровье, достаток, справедли-*

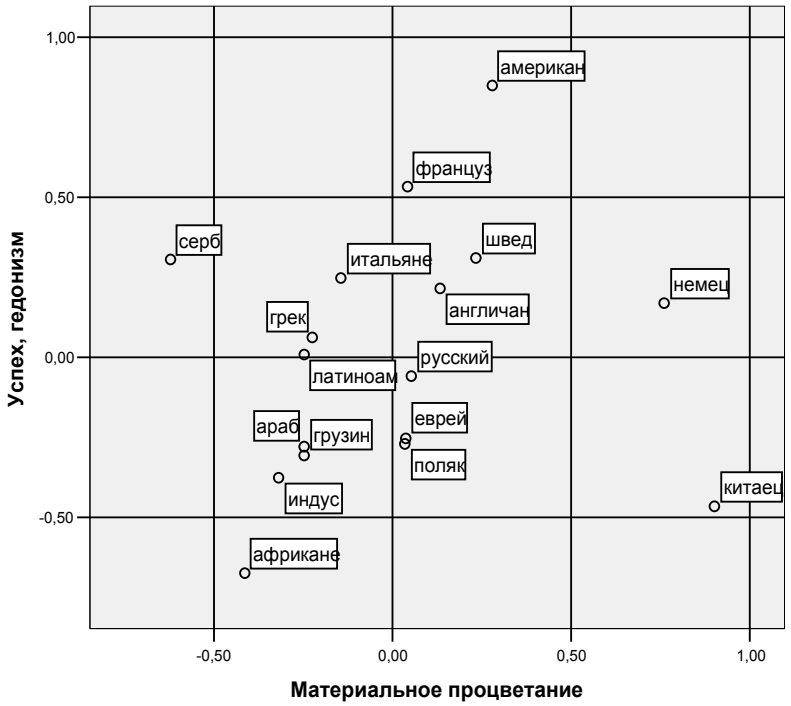
вость, независимость, свобода. В этот фактор вошли, наверное, самые главные человеческие ценности. Свобода – способность человека действовать в соответствии со своими интересами и целями. Справедливость – понятие о должном, соответствующее определенным представлениям о сущности человека и его неотъемлемых правах.

Функции власти – *власть, образование, безопасность, правосудие*. В данной категории объединились ценности, способствующие и дающие возможность осуществлять свою волю, оказывать определенное воздействие на деятельность и поведение людей.

Традиционность – эта категория состоит из таких ценностей как *религиозность, национальный патриотизм, родина, семья*. Можно сказать, что эти ценности являются необходимым условием жизнедеятельности общества. Религия, семья выступают носителями духовных, культурных и социальных традиций, передающихся от поколения к поколению и сохраняющихся в течение длительного времени. Национальный патриотизм в виде привязанности к родной земле (родине), языку, традициям является неотъемлемой составной частью этой категории.

Основные семантические пространства представлены на графиках.

На рис.1 представлено расположение национальных стереотипов в пространстве «материальное процветание» / «успех, гедонизм». Как видно из рисунка сербы считают, что ценности (*эффективность, труд, практичность, наука, творчество, долг*) наиболее значимы для китайцев (*труд, практичность, эффективность*) и немцев (*эффективность, труд, процветание*), в меньшей степени для американцев (для американцев наиболее значимы такие ценности как *прогресс* и *процветание*), шведов (*прогресс* и *богатство*), французов (наиболее значимо *творчество*) и наименее для сербов, африканцев, арабов, грузин, латиноамериканцев, индусов. Русские занимают нейтральную нулевую позицию. Как видно из рис.1, ценности в категории «успех, гедонизм» наиболее значимы для американцев, несколько меньше для французов. Можно отметить, что американцы, по мнению сербов, больше ценят *успех* и *богатство*, а французы *удовольствие*. Африканцы, по мнению сербов, в наименьшей степени имеют отношение к таким ценностям как *богатство, комфорт, удовольствие, успех*. Из графика видно, что данные ценности в большей степени присущи европейцам. Русские здесь также занимают нейтральную нулевую позицию.



<u>Рис. 1</u> Размещение национальных стереотипов по критериям:

- ***Материальное процветание;***
- ***Успех, гедонизм;***

На рис.2 представлено размещение национальных стереотипов в пространстве категорий «свобода личности, демократия» / « основные гражданские ценности». Как видно на рисунке, больше всего, по мнению сербов, такие ценности, как *демократия, свобода личности, любовь, равенство, правосудие* разделяют европейцы (кроме немцев и англичан) и латиноамериканцы. Но и здесь есть различия – так *любовь* наиболее значима для французов, итальянцев и немного меньше шведов. Этот стереотип видимо сложился под влиянием кинематографа и литературы. *Демократия* наиболее значима для американцев (они о ней больше всех говорят), с*вобода личности* – для французов и шведов, правосудие – для немцев. Менее всего эти ценности значимы для китайцев и арабов. Для евреев, индусов, грузин и даже американцев, по мнению респондентов, эти цен-

ности не очень значимы. Если посмотреть размещение представителей стран по другой оси (основные гражданские ценности), то для шведов, греков, итальянцев и китайцев наиболее значимы гражданские ценности, хотя и в разной степени: так *независимость* в большей степени для американцев, французов, немцев, итальянцев, *свобода* – также для французов, американцев, англичан, немцев, итальянцев. Интересно отметить, что *справедливость* меньше всего значима как ценность для американцев. Наименее значимы, по мнению сербов, гражданские ценности для самих сербов, а также для представителей обеих Америк. Представители России здесь занимают нейтральную позицию, хотя некоторые из этих ценностей (*независимость и свобода*) являются достаточно значимы для русских.

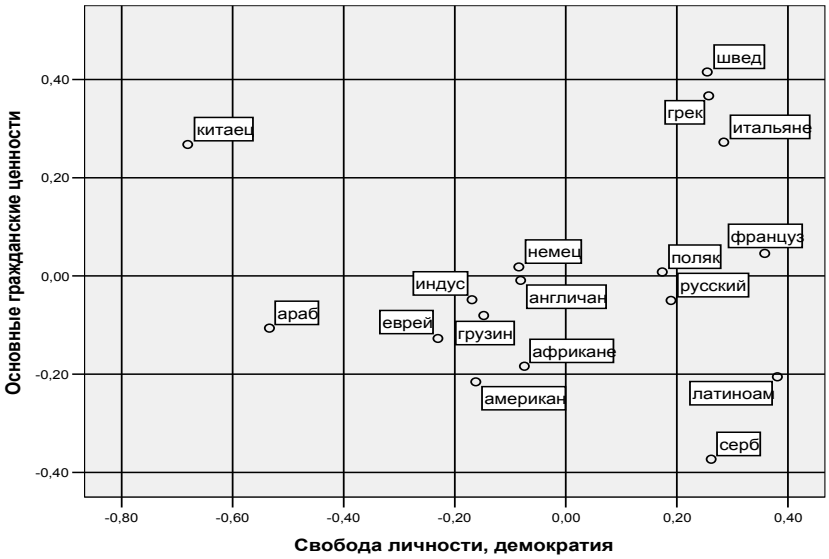
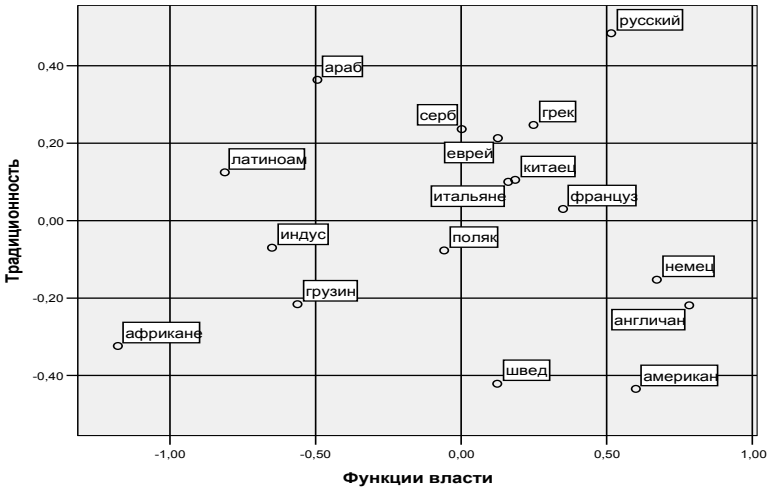


Рис. 2 Размещение национальных стереотипов по критериям:

- ***Свобода личности, демократия;***
- **Основные гражданские ценности;**

Рис.3 показывает положение национальных стереотипов в категориальном пространстве «власть, безопасность» / «традиционность». Согласно мнению респондентов более всего разделяют ценности *власти, безопасности и образования* англичане, немцы, американцы, русские,

французы, а для африканцев, латиноамериканцев, индусов, арабов, грузин эти ценности не являются столь важными. Что касается отдельных ценностей, то *власть* наиболее значима для американцев и англичан, *безопасность* - для немцев, французов, англичан и американцев; *образование* - для французов, англичан, немцев. Можно отметить, что, по мнению сербов, эти ценности менее всего значимы для африканцев. Что касается «традиционности» (*религиозность, национальный патриотизм, родина, семья*), то здесь сербские респонденты считают, что в наибольшей степени эти ценности важны для русских и арабов; несколько меньше для сербов, греков, евреев, латиноамериканцев, китайцев и итальянцев, но также есть различие в отношении к ценностям. *Религиозность* – наиболее значима для евреев, арабов, русских, индусов, итальянцев; *национальный патриотизм* – для русских, евреев, немцев, французов; *родина* - для немцев, русских, французов, сербов; *семья* - в наибольшей степени для латиноамериканцев, сербов, евреев. Для американцев и шведов эти ценности не столь важны.



<u>Рис. 3</u> Размещение национальных стереотипов по критериям:

- ***Функции власти;***
- ***Традиционность;***

В России эксперимент проводился по той же методике, что и в Сербии. Респонденты в возрасте 18-24 года, студенты. В качестве шкал-дескрипторов предъявлялся тот же список ценностей. В результате обра-

ботки данных шкалирования выделено шесть факторов-категорий и построены аксиологические семантические пространства восприятия национальных стереотипов. Список факторов-категорий приводится ниже. Факторы приведены в порядке убывания вклада в общую дисперсию: 1. свобода, гедонизм; 2. материальное процветание; 3. традиционность; 4. гражданские ценности; 5. романтические ценности; 6. успех.

Несмотря на совпадающую во многом категоризацию ценностей российских и сербских респондентов есть и различия как в порядке следования факторов, так и их содержания.

Свобода, гедонизм – в эту категорию вошли такие шкалы, как *свобода личности, демократия, комфорт, удовольствие, независимость, достаток, свобода.* В этом критерии у российских респондентов соединились ценности потребления (*комфорт, удовольствие, достаток*) с ценностями свободного общества, у сербов это объединяется с *успехом и богатством*. Кроме того, эта категория занимает первое место среди факторов. Возможно, эти ценности представляются более важными российским респондентам.

Материальное процветание – эта категория содержит такие ценности как *практичность, эффективность, конформизм, процветание, наука, богатство, правосудие.* Интересно отметить, что в эту категорию у русских в отличие от сербов не входят такие ценности как *труд, прогресс, творчество,* но зато есть *конформизм и богатство*, которые у сербов в категории «успех, гедонизм».

Традиционность – в данную категорию вошли ценности: *религиозность, родина, долг, национальный патриотизм, семья, равенство*. Эта категория несколько отличается от аналогичной у сербов – у русских добавились *долг и равенство.* Видимо это характерно для общинной русской ментальности.

Гражданские ценности – для российских респондентов это *здоровье, безопасность, образование, труд, власть.* Этот фактор у русских отличается от категоризации у сербов. У русских эта категория имеет более общественный характер, сербы в этой категории объединили ценности скорее характерные для частной жизни.

Романтические ценности – это *любовь, творчество, справедливость*. Такой категории нет у респондентов из Сербии. Ценности, объединенные в этом факторе, у сербов разошлись по разным факторам.

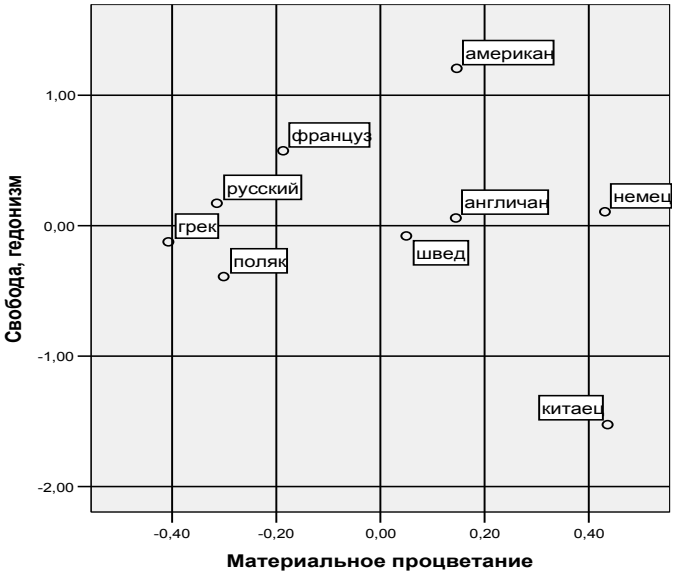
Успех – в этом факторе объединились *успех и прогресс*. У сербов эти ценности тоже разошлись по двум факторам – «успех, гедонизм» и «материальное процветание». У русских, видимо, эти две ценности синонимичны и объединены в одну категорию.

Получилась следующая картина: несмотря на общее сходство катего-

ризации ценностей у сербов и русских, есть некоторые различия.

Так у русских на первом месте фактор «свобода, гедонизм», а не «материальное процветание» как у сербов, что более соответствует русскому национальному характеру. Категория «традиционность» занимает третье место у русских и шестое у сербов, что также, скорее всего, свойственно русской ментальности. Интересно, что у русских отсутствует категория «свобода личности, демократия», которая есть у сербов (ценности из этой категории у русских разошлись по разным факторам), а также категория «функции власти», ценности из которой у русских вошли в категорию «гражданские ценности». Кроме того, в отличие от сербов у русских ценности *любовь, творчество, справедливость* объединились в одну категорию, которую можно интерпретировать как «романтические ценности».

Сравнивая рис.1 и рис.4, видим, что картина размещения национальных стереотипов в семантическом пространстве русских и сербов по основным факторам также имеет много общего. Есть некоторое отличие в размещении в семантическом пространстве представлений русских и поляков, что можно объяснить не полной идентичностью категорий у русских и сербов.



<u>Рис. 4</u> Размещение национальных стереотипов по критериям:

- ***Материальное процветание;***
- ***Свобода, гедонизм;***

Сравнивая рис.3 и рис.5, на которых изображены близкие семантические пространства, видим некоторое сходство в отношении к представителям Европы и американцам, но не к русским и китайцам. Сербы считают, что русские больше всех привержены традиционным ценностям, а русские респонденты считают, что традиции более всего чтут китайцы. Однако надо иметь в виду, что имеет место некоторое несовпадение категорий.

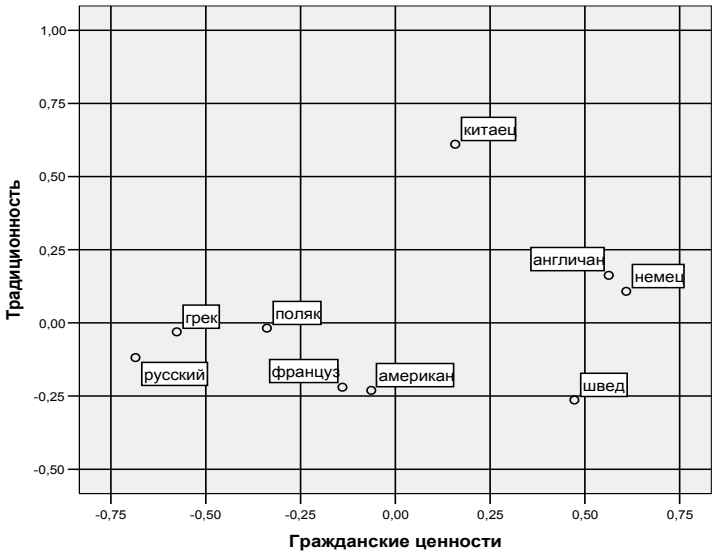


Рис. 5 Размещение национальных стереотипов по критериям:

- ***Гражданские ценности;***
- **Традиционность;**

Предвзятое, то есть не основанное на свежей, непосредственной оценке каждого явления, а выведенное из стандартных суждений и ожиданий мнение о свойствах людей и явлений психологи называют стереотипом.

Стереотипы — неотъемлемый элемент обыденного сознания. Ни один человек не в состоянии самостоятельно, творчески реагировать на все встречающиеся ему в жизни ситуации. Стереотип, аккумулирующий некий коллективный опыт и внушенный индивиду в процессе обучения и общения с другими, помогает ему ориентироваться в жизни и определенным образом направляет его поведение. Стереотип может быть истинным и ложным. Он может вызывать и положительные эмоции, и отрицательные. Его суть в том, что он выражает отношение, установку данной груп-

пы к определенному явлению.

И в национальной психологии существуют такого рода стереотипы, Каждая этническая группа обладает своим групповым самосознанием, которое фиксирует ее — действительные и воображаемые — специфические черты. Любая нация интуитивно ассоциируется с тем или иным образом. Уже в этом соотнесении ценностей и национальных стереотипов виден определенный эмоциональный тон, проступает отношение к оцениваемым образам. В данном исследовании предпринята попытка увидеть национальные образы в аксиологическом семантическом пространстве через соотнесение отношения к различным ценностям представителей различных национальностей.

К.Я. Сигал, П.П. Ветров

Внутренний и внешний синтаксис фразеологических единиц в контрастивном освещении (на материале русского и китайского языков)

Subject of the article is interior and exterior syntax of phraseological units in the light of contrastive linguistics (on the data of Russian and Chinese). The paper defines the terms ‘interior’ and ‘exterior’ syntax of phraseological units. The authors examine the difference between two syntactical levels of phraseological units’ syntax: ‘interior’ and ‘exterior’ ones. Contrastive research of phraseological units’ syntactical functions indicates that ‘interior’ and ‘exterior’ levels can be considered as the universal conceptions within the framework of syntactic studies of phraseological units in any language.

По утвердившемуся в современной науке мнению, структурной основой фразеологического семиозиса служит межуровневое взаимодействие языковых элементов в синтаксических единицах и единствах различной природы (ср. понятие «фраземообразующее взаимодействие», предложенное Н.Ф. Алефиренко), хотя фразеология сама по себе не занимает в системе языка положения базового уровня, поскольку ее единицы строятся по законам одного уровня (синтаксического), а функционируют по законам другого уровня (лексического), т.е. фразеология стоит как бы вне традиционно выделяемых уровневых организаций. (Ср., с другой стороны, идею фразеологического уровня у В.Л. Архангельского). Несомненно, однако, то, что фразеология, как бы ни трактовали ее уровневую природу, образует особый сегмент в сфере номинативных ресурсов речевой деятельности. Ведь в ходе осуществления речемыслительных процессов фразеология выступает как поставщик, с одной стороны, связанных с

одним определенным концептом и тем самым семантически цельных знаков номинации, а с другой стороны, синтаксически неэлементарных и воспроизводимых в константном (или минимально варьируемом) лексическом наполнении конструкций, в которых внутренние синтаксические формы в той или иной степени деактуализованы и приобретают поэтому статус "превращенной формы", а внешние синтаксические формы зависят чаще всего от влияния семантики конкретной фразеологической единицы (далее - ФЕ) на проявление активной/пассивной валентности грамматически главенствующего компонента ФЕ. Иначе говоря, в механизм структурирования речевого высказывания фразеологизм потенциально может включаться и как симплекс, и как комплекс. По-видимому, с этим парадоксом во фразеологии связано представление о неполноте или о незавершенности списка критериев фразеологичности, ибо фразеологический семиозис насыщает языковую систему слишком разными знаковыми единицами, разными как по степени семантической слитности и по синтаксическому формату, так и, главное, по способности быть проницаемыми "живыми" синтаксическими связями в актах речевой деятельности.

Тезис о том, что фразеологический семиозис опирается на лингвокреативный потенциал взаимодействия языковых элементов разных уровней, коррелирует с высказанной Н.А. Янко-Триницкой мыслью о том, что фразеологизация представляет собой явление любого уровня языка, начиная с морфологического, при котором наблюдается "отступление от правил интеграции значимых единиц в одну, более сложную" [Янко-Триницкая 2001, 22]. Отсюда следует, что в языковой структуре вполне возможны морфологические фразеологизмы (ср. феномен идиоматичности производного слова), лексические фразеологизмы (собственно ФЕ) и синтаксические фразеологизмы (воспроизводимые синтаксические модели с константными строевыми лексемами и с относительно свободным лексическим наполнением).

Несмотря на то, что выделение ФЕ на разных уровнях языка имеет определенные основания, нельзя все же не обратить внимание на то, что их отличие от соотносительных одноуровневых единиц базируется лишь на одном признаке, – а именно аддитивности/неаддитивности семантики компонентов в сложном знаке, тогда как фразеологичность традиционно квалифицируемых подобным образом языковых единиц определяется по целому ряду признаков, среди которых аддитивность/неаддитивность семантики – важнейший, но далеко не единственный признак.

Для ФЕ характерна множественная параметризация, и поэтому во фразеологии неизбежна шкала переходности, так как в конкретных фразеологизмах эти параметры и их сцепления проявляются неодинаково и, если так можно выразиться, в режиме вероятностной координации. В то

же время полипараметрический характер фразеологичности обеспечивает в языке типизированность тех или иных ФЕ, их собственно языковую, как бы донаучную таксономию: если в производном слове фразеологичность является конститутивным признаком (см. в связи с этим концепцию слова М.В. Панова), то во фразеологии это признак, скорее, градуируемый, что отражает внутреннее неединство фразеологии и обусловливает незамкнутость ее границ. Тем самым фразеологизацию вряд ли целесообразно рассматривать как общеязыковой процесс, но, безусловно, ее можно и нужно характеризовать как процесс семиотического преобразования устойчивых сложных знаков, соотносимых с теми или иными свободными синтаксическими единицами речи как со своими структурными генотипами. Фразеологизация – это непрерывная семиотическая цепочка, которая вовлекает в процесс становления ФЕ новые речевые структуры синтаксиса, трансформируя их семантику, внутрифразовую парадигматику, синтагматический потенциал, а также изменяя характер их взаимодействия со всей уровневой иерархией языка, происходящего при включении фразеологической номинации в синтаксическую комбинаторику речевого высказывания.

Взаимодействие ФЕ с языковыми элементами досинтаксических уровней осуществляется преимущественно в процессе формирования вариантных рядов одного и реже – нескольких компонентов фразеологизма (см. [Диброва 1979]), тогда как взаимодействие фразеологии и синтаксиса носит многоаспектный характер и происходит как в виртуальном (языковом), так и в актуальном (речевом) планах существования ФЕ. Это взаимодействие, что нередко наблюдается в языковой системе, идет в обоих направлениях, т.е. от синтаксиса к фразеологии и от фразеологии к синтаксису, причем в первом направлении результатом процесса является ФЕ как знак вторичной номинации, созданный благодаря семиотической перестройке определенного синтаксического речевого субстрата, а во втором направлении – обнаружение доминирующих тенденций в структурно-семантической организации свободных синтаксических аналогов ФЕ. Поскольку настоящая работа посвящена, прежде всего, первому направлению (условно обозначим его так: "синтаксис → фразеология"), сразу поясним на конкретных примерах, что имеется в виду под вторым направлением (условно обозначим его так: "фразеология → синтаксис").

Согласно "Фразеологическому словарю русского литературного языка" А.И. Федорова [Федоров 2001], в русской фразеологии имеется примерно 350 ФЕ со структурой сочинительных сочетаний слов (например, *без кола и двора*; *и нашим и вашим*; *не по дням, а по часам* и др.). Из них - 251 (или 71,7%) ФЕ с союзной сочинительной связью, в которых пред-

ставлены всего 13 разных сочинительных союзов: *и*; *и...и*; *да (= и)*; *ни...ни*; *или*; *ли...ли*; *то...то*; *что...что*; *хоть...хоть*; *да (= но)*; *а*; *не...а*; *не...так*. Показательно, что 122 (или 48,6%) ФЕ строятся по союзной схеме с одиночным *и* и 66 (или 26,3%) ФЕ - по союзной схеме с двойным *ни...ни*. Тем самым во фразеологии получают эксплицитное выражение доминирующие тенденции, проявляющиеся в синтаксисе сочинительных конструкций: союзные типы преобладают здесь над бессоюзными, среди союзных преобладают конструкции с соединительными отношениями, а среди последних - конструкции с союзами *и* и *ни...ни*. Из этих наблюдений видно, что фразеология, действительно, является продуктом семиотического "претерпевания" синтаксических речевых структур и в ней поэтому аккумулируются, вторично закрепляются и тем самым поддерживаются наиболее существенные для синтаксиса тенденции структурно-семантической организации его единиц. В том же направлении межуровневого взаимодействия, которое мы условно обозначили как "синтаксис → фразеология", характер самого взаимодействия более сложный, ибо оно затрагивает самые разные аспекты знаковой сущности ФЕ.

Полагаем, что у ФЕ есть два синтаксических измерения: одно (внутреннее) - "превращенная форма", отображенная в семантической модели фразеологизма, и актуализация синтаксической валентности формально грамматически зависимого компонента ФЕ, другое (внешнее) - синтаксическая сочетаемость ФЕ и зоны их иррадиации в коммуникативно-синтаксическом пространстве текста. Иными словами, у фразеологизма имеется внутренний и внешний синтаксис.

Внутренний синтаксис ФЕ затрагивает самую сущность фразеологического знака, поскольку он проявляется либо в транспозиции элементов синтаксической семантики свободной конструкции в означаемое ФЕ, либо в актуализации "погашенных" валентных способностей формально грамматически зависимых компонентов ФЕ. Так, например, русские ФЕ со структурой сочинительных сочетаний слов, включающих союзы *и* и *ни...ни*, в ходе образования их фразеологического значения имплицируют различные смысловые признаки, определяемые различием в синтаксической семантике самих союзов. По наблюдениям Н.Ф. Алефиренко и Л.Г. Золотых, в ФЕ с союзом *и* появляется сема 'обобщенность', а в ФЕ с союзом *ни...ни* – сема 'отрицание' или 'неопределенность', ср.: *денно и нощно* 'постоянно', *ни ответа ни привета* 'никаких известий от кого-либо', *ни пава ни ворона* 'ни то ни се' и пр. [Алефиренко, Золотых 2004, 96]. Тем не менее синтаксические связи внутри ФЕ-идиом преобразованы в процессе фразеологического семиозиса, они обычно полностью деактуализованы: например, ФЕ *пальчики оближешь* по семантике синтаксических связей генотипического словосочетания должна была бы иметь обобщенное

значение 'действие и объект, на который оно направлено', тогда как по своей фразеологической семантике это адъективный предикат с оценочно-квалитативным значением ('очень вкусен'). В отдельных же случаях внутренний синтаксический механизм ФЕ может "оживать", что проявляется в реализации "погашенных" во фразеологическом знаке валентностей формально грамматически зависимых компонентов. Ср.: *плакаться в* ***папину*** *жилетку*, *срывать* ***увядшие*** *цветы удовольствия*, ***осенней*** *мухи не обидит* и т.п., где зависимый субстантивный компонент реализует атрибутивную валентность. Подобный эффект объясняется тем, что «актуальная форма фразеологизма в меньшей степени "удалена" от генетической, чем актуальное значение фразеологизма от его этимологического значения» [Жуков 1986, 23].

Внешний синтаксис ФЕ в первую очередь представляет собой обобщение способностей ФЕ образовывать словосочетания, в которых возможны три типа синтаксических комбинаций: 1) фразеологизм (главный компонент) + слово (зависимый компонент): *бить баклуши после обеда*; 2) слово (главный компонент) + фразеологизм (зависимый компонент): *передать из полы в полу*; 3) фразеологизм (главный компонент) + фразеологизм (зависимый компонент): *перемывать косточки* <этому> *стреляному воробью*, хотя словосочетания последнего типа воспринимаются обычно как достаточно искусственные образования. Ср. также "фразеопредложение" *Прекрасный пол хлебом не корми - денно и нощно перемывают косточки синим чулкам и белым воронам*, носящее "экспериментальный характер" [там же], т.е. принадлежащее к узуально ограниченным речевым структурам. Другой стороной внешнего синтаксиса ФЕ является их использование в текстообразующей функции. Так, например, в рассказе Н.А. Тэффи "Когда рак свистнул" морфологически трансформированный фразеологизм (ср. с нормативной ФЕ *когда рак (на горе) свистнет* 'неизвестно когда; в неопределенном будущем; никогда') развертывается в целую фантасмагорию. При этом в самом рассказе встречается и узуальная ФЕ, и ее окказиональные трансформы, и метаязыковые комментарии ФЕ, и фразеологические "осколки", и даже дефразеологизация, включенные в те или иные синтаксические контексты и служащие канвой сюжетной динамики. При построении текста ФЕ одновременно является средством формальной и образно-смысловой связи конституентов текста различной синтаксической структуры. Во внешнем синтаксисе ФЕ предстает как прагматически конкурентноспособный языковой знак, участвующий в создании коммуникативно-синтаксической перспективы как в структуре предложения-высказывания, так и в структуре текста.

Наличие у ФЕ внутреннего и внешего синтаксиса, скорее всего, отно-

сится к универсальным явлениям. Для того чтобы показать типологическую неограниченность этого тезиса, мы переходим далее к характеристике фразеологизмов современного китайского языка в указанном аспекте (см. постановку вопроса в [Сигал, Ветров 2006]).

Китайские ФЕ-идиомы, как показывает анализ их употребления в речи, в отличие от русских ФЕ-идиом, в рамках предложения-высказывания способны образовывать три основных типа подчинительных сочетаний: 1) ФЕ (зависимый компонент) + слово (главный компонент); 2) слово (главный компонент) + ФЕ (зависимый компонент); 3) слово/словосочетание (зависимый компонент) + ФЕ (главный компонент) [Ветров 2007, 175]. Рассмотрим каждый из перечисленных случаев на примерах, которые записываются здесь по принципу китайского фонетического алфавита "пиньинь цзыму", цифры в скобках справа от каждого слога традиционно обозначают его тональный рисунок:

1) *Zhe(4) shi(4)* ***ji(1)-mao(2)-suan(4)-pi(2)-de*** *xiao(3)shi(4).* Перевод: *Это – сущие пустяки, не заслуживающие внимания* (дословно: *Это есть* ***куриные перья - чесночная шелуха*** (ФЕ) [*определение*] + *атрибут служ. сл.* + *пустяки* [*определяемое*], ФЕ *ji(1)-mao(2)-suan(4)-pi(2)* (*цзимао-суаньпи*) ‘сущие пустяки’);

2) *Ta(1) jin(1)tian(1) mang(2)de* ***si(4)-jiao(3)-chao(2)-tian(1)*** *le.* Перевод: *Он сегодня совсем вымотался* (дословно: *Он сегодня занят* + *атрибут служ.сл.* + ***четыре конечности подняты/обращены к небу*** (ФЕ) [*обстоят. степени*] + конечная частица *le* /оператор переключения состояния/; ФЕ *si(4)-jiao(3)-chao(2)-tian(1)* (*сы-цзяо-чао-тянь*) характеризует крайнюю степень физической усталости);

3) *Ta(1) ting(3) mei(2)you(3) yuan(2)ze(2)de* ***hu(4)-du(2)zi(0)***. Перевод: *Она чрезвычайно беспринципно выгораживает* [*своего*] *ребенка* (дословно: *Она чрезвычайно беспринципно* + *атрибут служ. сл.* + ***опекает теленка*** (ФЕ) [*глагольное сказуемое*]), ФЕ *hu(4)-du(2)zi(0)* (*ху-дуцзы*) ‘выгораживать своего ребенка’).

Особо отметим, что в отличие от русского языка, в котором, как указано выше, непосредственное сочетание двух ФЕ обычно не является естественным, в китайском языке сочетание двух ФЕ-идиом в предложении не воспринимается как искусственное или нарочитое, хотя, конечно, встречается в речи не очень часто. В качестве иллюстрации естественного сочетания двух идиом в предложении-высказывании (ФЕ /зависимый компонент/ + ФЕ /главный компонент/) приведем такой пример на уровне словосочетания:

hou(4)zhe-lian(3)pi(2) pan(1)-gao(1)-zhir(1), что переводится так: ‘*бесстыдно/нахально/бесцеремонно* (ФЕ-1) *искать друзей среди сильных мира сего* (ФЕ-2)’ (дословно: *толстый* + *оператор состояния zhe* (*чжэ*) +

кожа лица (ФЕ-1, выполняет функцию обстоятельства образа действия) + *карабкаться на высокую ветку* (ФЕ-2)).

ФЕ-1 – *hou(4)zhe-lian(3)pi(2)* (*хоу-чжэ ляньпи*), дословно: *очерствив кожу лица*, представляет собой регулярный трансформ от исходной формы этой ФЕ – *lian(3)pi(2)-hou(4)* (*ляньпи хоу*) ‘нет чувства стыда, бесстыдный’ (дословно: ‘кожа лица [в оригинале: лицо [*определение*] + кожа [*определяемое*], т.е. *лица кожа*] + толстая’), в которой составной компонент ‘*кожа лица*’ имеет в свою очередь значение ‘*чувство стыда*’[1]. ФЕ-2 – *pan(1)-gao(1)-zhir(1)* (*пань гао чжи*) [*насмешливо-неодобр.*] употребляется в отношении того, кто стремится завести близкое знакомство (или даже породниться) с теми, кто занимает более высокий служебный пост или имеет более значимое социальное положение.

В качестве характерного свойства многих ФЕ-идиом китайского языка следует указать их способность к регулярному употреблению в разных синтаксических позициях, обычно в двух-трех; данную способность можно назвать позиционно-синтаксическим потенциалом китайских ФЕ-идиом.

Рассмотрим употребление одной и той же ФЕ-идиомы в различных синтаксических позициях на примере следующей единицы: *gui(3)gui(3)-sui(4)sui(4)* (*гуйгуй-суйсуй*) [*вэньянизм*], означающей ‘тайком, втихомолку; скрытный; вороватый’, ср. русск.: *тихой сапой*; также ‘вести себя скрытно, таиться’ (дословно: ‘черт/бес/дьявол[1] + черт/бес/дьявол[1] + дьявол[2] [*лексич. архаизм*] + дьявол[2] [*лексич. архаизм*]’).

ФЕ в функции определения:

1.1. ***gui**(3)**gui**(3)-**sui**(4)**sui**(4)-de yan(3)shen(2) вороватый взгляд* (дословно: ФЕ [*определение*] + *атрибут служ. сл.* + *взгляд* [*определяемое*]);

1.2. ***gui**(3)**gui**(3)-**sui**(4)**sui**(4)-de yang(4)zi(0) вороватый* (*на*) *вид* (дословно: ФЕ [*определение*] + *атрибут служ. сл.* + *вид* [*определяемое*]);

1.3. ***gui**(3)**gui**(3)-**sui**(4)**sui**(4)-de gou(4)dang(0) скрытные/ вороватые проделки* (дословно: ФЕ [*определение*] + *атрибут служ. сл.* + *проделки* [*определяемое*]).

ФЕ в функции обстоятельства образа действия:

2.1. *Ni(3) zai(4) zher(4) **gui**(3)**gui**(3)-**sui**(4)**sui**(4)-de gan(4) shen(2)me? Что ты здесь делаешь тайком?* (дословно: *Ты* + *предлог* + *здесь* + ФЕ

---

[1] Если у человека есть чувство стыда, то о нем говорят, что у него *кожа лица тонкая*, т.е. здесь можно представить себе его краснеющее от стыда лицо; если же человек нахальный и бесцеремонный, то о нем скажут: *кожа лица толстая*, т.е. подразумевается, что такой человек не способен даже покраснеть из-за своего неблаговидного поступка.

[*обстоят.*] + *атрибут служ. сл.* + *делаешь что?*);

2.2. ***gui***(3)***gui***(3)-***sui***(4)***sui***(4)-*de di(4) yan(3)se(4) скрытно/украдкой подмигивать* (дословно: ФЕ [*обстоят.*] + *атрибут служ. сл.* + *подмигивать*).

На материале употребления ФЕ-идиом различных моделей можно увидеть, что, во-первых, синтаксический потенциал многих из них (часто вне зависимости от их фразеообразовательной модели) очень существенен и позволяет ФЕ-идиомам регулярно употребляться, как минимум, в двух-трех синтаксических позициях. Во-вторых, чрезвычайно затруднительным оказалось выявить хотя бы одну ФЕ-идиому, которая бы всегда «жестко» употреблялась только в какой-либо одной синтаксической позиции (см. об этом подробнее в [Ветров 2007, 144-176]). Безусловно, такие случаи встречаются[1]; тем не менее, они представляют собой редкое отклонение от вышеуказанной тенденции основной массы ФЕ-идиом к узуально закрепленному употреблению в функции нескольких членов предложения. Это свойство является яркой специфической чертой грамматики китайских идиом, что, естественно, обусловлено ничем иным, как типологической особенностью китайского языка как формоизолирующего.

Дело здесь в следующем. Во-первых, разнообразие синтаксических позиций, которые может занимать китайская ФЕ-идиома, объясняется тем, что китайские слова различных частей речи, на основе комбинаций которых построены более сложные единицы - ФЕ, сами по себе изначально способны занимать различные синтаксические позиции. Например, имя прилагательное в китайском языке регулярно функционирует и как определение, и как качественное сказуемое, и как обстоятельство образа действия, и иногда как комплемент[2]. Многие глаголы способны

---

[1] Например, ФЕ-идиома *hu(2)zi(0) yi(1) da(4) ba(3)* (*хуцзы и да ба*) *о пожилом человеке* (дословно: *Усы и борода одним большим пучком*) всегда употребляется в функции глагольного сказуемого, ср.: *Он уже постарел* (дословно: *У него уже усы и борода* [*стали*] *одним большим пучком*; экспликация: *Он уже* + ***усы и борода*** + ***один большой пучок*** + *конечная частица* [*оператор переключения состояния*]).

[2] Комплемент – особый член предложения, который вместе с предшествующим ему сказуемым образует общий предикативный узел всего предложения-высказывания, состоящего из двух частей. Первая из частей такого предикативного узла (обычно она выражена глаголом) передает значение причины по отношению ко второй его части, соответствующей вызванному этой причиной состоянию. Иными словами, данная часть предложения представляет собой особую, переходную синтаксическую

употребляться и в качестве глагольного сказуемого, и в качестве определения к имени (в русском языке глаголу в данной позиции соответствует причастие); некоторые из глаголов, будучи поставлены в определенную видовую форму, способны регулярно занимать позицию коплемента. Имена существительные часто выступают как подлежащее, дополнение, определение к имени существительному (в этом случае имя-определение оформляется справа специальным формантом *de*, за которым следует определяемое); часть существительных самостоятельно может регулярно употребляться и в качестве различного рода обстоятельств (образа действия, места, времени).

Кроме того, китайским ФЕ-идиомам в массе своей, как и словам китайского языка, не свойственно формоизменение (за небольшим исключением отдельной группы ФЕ-идиом глагольного типа, образованных по модели «глагол + имя сущ./объект», в чем обнаруживается их функциональное сходство с глагольными словами), поэтому для установления синтаксических отношений между ФЕ-идиомой и окружающими ее в предложении-высказывании словами чрезвычайно важным оказывается порядок их линейного расположения друг относительно друга. В некоторых случаях, хотя и не всегда, определению синтаксической нагрузки ФЕ-идиомы способствуют специальные служебные слова (например, атрибутивные), применяющиеся по отношению к ФЕ так же, как и по отношению к основным строевым единицам китайского языка – словам.

Таковы общие закономерности функционирования китайских ФЕ-идиом в речи с точки зрения внешнего синтаксиса. Теперь мы обратимся к рассмотрению их внутрисинтаксических механизмов.

В свое время на явление внутрисинтаксического "оживления" ФЕ в русском языке одними из первых обратили внимание В.П. Жуков и А.И. Молотков. Так, в частности, А.И. Молотков писал, что, "где бы и как бы ни располагались компоненты фразеологизма среди слов текста, границы фразеологизма очерчиваются только составом его компонентов", "вместе с тем <...> в границы фразеологизма все же могут иногда попадать слова, которые вступают в определенные отношения и связи не с фразеологиз-

---

категорию в силу того, что ее нельзя однозначно отнести ни главным, ни ко второстепенным членам предложения. Как раз такие члены предложения, которые обладают предикативным характером и содействуют передаче причинно-следственного значения, мы обозначаем термином «*комплемент*». Включение комплемента в предложение всегда предваряется специальным служебным словом *de*.

мом в целом, а только с отдельными компонентами его" [Молотков 1977, 67]. Кроме того, А.И. Молотков четко разграничил понятия "границы фразеологизма" и "состав компонентов фразеологизма", указав, что они не тождественны друг другу, что слова, распространяющие отдельные компоненты ФЕ "не могут рассматриваться как члены данного предложения, стоящие в одном ряду с подлежащим, сказуемым, дополнением, так как входят в состав предложения опосредованно – через фразеологизм" [там же, 68], не затрагивая его категориальной сущности.

Особенности внутреннего синтаксиса китайских ФЕ очень хорошо прослеживаются, в первую очередь, на материале идиом, построенных по модели "переходный глагол + управляемое имя (объект)". Составные части таких ФЕ в речевом потоке часто допускают вклинивание в свой состав уточняющих переменных (служебных слов, знаменательных слов и словосочетаний), в результате чего основные компоненты ФЕ начинают функционировать как части, дистантные по отношению друг к другу. В таких случаях можно говорить о том, что происходит своеобразное расчленение. При таком употреблении фразеологизма его составные компоненты начинают сближаться со словами в их свободном употреблении. В подобных случаях разрыв компонентов ФЕ часто сопровождается их взаимной линейной перестановкой. Рассмотрим такие примеры:

1. *bei(1) hei(1) guo(1) о человеке, которого считают виноватым, несмотря на то, что в действительности он ни в чем не виноват*; ‘быть несправедливо обиженным, незаслуженно обвиненным’, ср. русск.: *быть, стать козлом отпущения* (дословно: ‘нести на спине (1) закопченный (2) котел (3)’). Ср.: *Wo(3) bei(1)zhe zhe(4) ge(4) hei(1)-guo(1) kuai(4) er(4)-shi(2) nian(4) le. Вот уже скоро будет двадцать лет, как меня все еще считают виноватым в этом* (дословно: Вот уже скоро будет двадцать лет, как я ***ношу на спине этот закопченный котел***).

В данном примере первый из компонентов ФЕ – глагольное сказуемое *bei(1)* ‘*нести на спине*’ оформляется видовым суффиксом *zhe(0)*, который является показателем состояния и здесь передает значение неконтролируемости, заключающейся в том, что субъект состояния предстает как «страдательный», неагентивный. Второй компонент *hei(1)-guo(1)* ‘*закопченный котел*’ распространяется словом ‘этот’.

2. *qiao(4) wei(3)ba(0)* ‘зазнаваться, проявлять высокомерие’ ср. русск.: *задирать нос* (дословно: ‘задирать (1) хвост (2)’). Ср.:

2.1. *Ta(1) cong(2)lai(2) bu(4) qiao(4) wei(3)ba(0) Он никогда не задается* (дословно: Он никогда не ***задирает хвост***).

Этот пример раскрывает только внешнесинтаксическую характеристику рассматриваемой ФЕ: сочетание синтагматически предшествующего глагольного компонента *qiao(4)* ‘*задирать*’ с постпозитивным имен-

ным *wei(3)ba(0)* ‘*хвост*’ обладает единой функциональной нагрузкой, в предложении данная ФЕ занимает синтаксическую позицию глагольного сказуемого. Однако при условии инверсированного порядка слов-компонентов этой ФЕ их внутрисинтаксические отношения выходят за рамки границ ФЕ и включаются в синтаксический строй всего предложения, например: 2.2. *Ta(1) wei(3)ba(0) qiao(4) dao(4) tian(1)shang(4) qu(4) le Он слишком зазнался* (дословно: Он ***хвост задрал в небо/до неба***).

В этом примере глагольный компонент *qiao(4)* ‘*задрал*’ оформляется постпозитивым "аффиксальным" предлогом *dao(4)* (который в китаистике традиционно называется направительной морфемой), данный предлог-аффикс вводит направление действия – ‘*в небо*’. Исходя из синтаксических особенностей рассматриваемой ФЕ, компонент ‘*задрал*’ вместе с распространяющей его частью ‘*в небо*’ следует определить как обстоятельство местоназначения, вместе с тем, с точки зрения семантики, примыкающий к глаголу распространитель ‘*в небо*’ выполняет функцию обстоятельства степени – в данном случае степени высокомерия описываемого субъекта.

2.3. *Zhi(3)-yao(4) ting(1)dao(4) biao(3)yang(2)-de hua(4), ta(1)-de(0) wei(3)ba(0) jiu(4) kai(1)shi(3) qiao(4)-qi(3)lai(2) le Стоит ему только услышать похвалу в свой адрес, как он сразу же начинает зазнаваться* (дословно: Стоит ему только услышать похвалу в свой адрес, как ***его хвост сразу же начинает (при)подыматься***).

Данный пример интересен тем, что компоненты ФЕ, в словарно закрепленном представлении единицы примыкающие друг к другу (ср. с 2.1.), выполняют одну функцию – функцию глагольного сказуемого, однако, будучи инверсированными друг относительно друга, они функционально размежевываются: компонент *wei(3)ba(0)* ‘*хвост*’ распространенный словом *ta(1)-de(0)* ‘*его*’, занимает позицию подлежащего, а второй компонент *qiao(4)* ‘*задирать*’, оформленный формообразующим аффиксом *qi(3)lai(2)* со значением начала и продолжения действия, образует вместе с распространяющим его фазисным глаголом ‘*начинать*’ составное глагольное сказуемое *kai(1)shi(3) qiao(4)-qi(3)lai(2) le* ‘*начинает (при)подыматься*’.

3. *kai(1) hou(4)-men(2)* 1.‘по блату’; 2.‘делать кому-либо что-либо по блату, используя свое привилегированное положение’. (Дословно: ‘открывать (1) заднюю дверь (2)’ [в смысле ‘дверь с черного хода’]). Ср.: *Zhe(4)-ge(4) hou(4)-men(2) wo(3) bu(4) neng(2) kai(1) Этого по блату я не могу сделать.* [Имеется ввиду моральная установка говорящего, а не отсутствие возможности оказать по блату услугу кому-либо]. (Дословно: ***Эту заднюю дверь я не могу открыть***).

Приведенный пример демонстрирует то, как изначально употребляющаяся в одной синтаксической позиции ФЕ способна к функциональному расчленению, т.е. ее слова-компоненты фактически преобразуются в разные члены предложения (как в примере 2.3.): инверсированное прямое дополнение (*zhe(4)-ge(4) hou(4)-men(2)* ‘*эту дверь*’) и сказуемое (*bu(4) neng(2) kai(1)* ‘*не могу открыть*’). Составное сказуемое в данном предложении выражено сочетанием модального глагола ‘*могу*’ и глагольного компонента ФЕ *kai(1)* '*открыть*'; это сочетание является предикативным узлом всего высказывания, в котором есть только один абсолютно независимый член предложения – подлежащее ‘*я*’, а вся остальная часть предложения образована компонентами самой ФЕ и распространяющими членами предложения, примыкающими к ним.

4. *pai(1) ma(3)pi(4)* ‘подхалимничать’ (дословно: ‘похлопывать (1) лошадиный круп (2)’). Ср.: *Ta(1) pai(1) ma(3)-pi(4) pai(1)-dao(4) wo(3) tou(2)shang(4) lai(2) le Он стал "подъезжать" ко мне* или *Он начал мне льстить.* (Дословно: Он ***похлопывает коня по крупу*** + ***хлопнул*** по мне [по моей голове]).

В этом предложении именной компонент *ma(3)-pi(4)* ‘*лошадиный круп*’ синтаксически "оживает" за счет повторения глагольного компонента *pai(1)* ‘*похлопывать*’. Повтор глагольного компонента в предложении обусловлен следующим обстоятельством: поскольку динамическое обстоятельство местоназначения вводится посредством постпозитивного "аффиксального" предлога *dao(4)*, присоединяемого непосредственно к глаголу (со словами других частей речи подобные предлоги аффиксального характера несоединимы), то в условиях наличия у переходного глагола-сказуемого прямого дополнения в постпозиции, грамматическая норма требует удвоения отдельно взятого глагола-сказуемого с тем, чтобы к нему можно было беспрепятственно присоединить "аффиксальный" предлог *dao(4)*, вводящий динамическое обстоятельство. Таким образом, внутрисинтаксические отношения ФЕ выходят за ее собственные границы и включаются в связи с остальными членами предложения. Следует заметить, что в китайском языке переходный глагол в основном употребляется с дополнением: даже если значение этого глагола нет необходимости конкретизировать, все равно в качестве формального дополнения применяется какое-либо слово с общим значением, которое в китаистике называется "пустым дополнением". В данном примере такому "пустому дополнению" соответствует слово-компонент *ma(3)pi(4)* ‘*лошадиный круп*’.

5. *tan(1) di(3)pai(2)* ‘обнаруживать, раскрывать свои замыслы, планы’ (дословно: ‘раскрыть (1) карты (2)’) Ср.: *Ni(3) gan(3) ba(3) ni(3)de pai(2) tan(1)chu(1)lai(2) ma? Ты что, рискнешь раскрыть все свои карты?* (дословно: Ты осмелишься + предлог *ba(3)* + ***свои карты выложить***?)

Здесь изначально семантически и грамматически слитная ФЕ, подвергается синтаксической декомпозиции благодаря инверсированному порядку своих компонентов. Инверсированный порядок слов-компонентов ФЕ в данном случае индуцируется специальным предлогом *ba(3)* (на русский язык не переводится), который предназначен для выноса прямого дополнения в препозицию к сказуемому. Этот предлог используется тогда, когда прямое дополнение обозначает объект, известный собеседникам, причем сказуемое в этом случае обязательно должно быть выражено осложненным глаголом, т.е. глаголом, оформленным каким-либо аффиксом с результативным или направительным значением.

6. *lian(3)pi(2)-hou(4) о нахальном, бесцеремонном человеке* (дословно: ‘кожа лица (1) толстая (2)’). Ср.:

6.1. *Mou(3)xie(1) tong(2)xue(2) lian(2) liu(2)ji(2) dou(1) bu(4) pa(4), zhe(4) lian(3)pi(2) ye(3) gou(4) hou(4) de(0) Некоторые учащиеся даже не боятся остаться на второй год, это очень приличное нахальство* (дословно: Некоторые учащиеся даже не боятся на второй год остаться, ***такая*** [***их***] ***кожа лица довольно толста***).

Вторая часть данного сложного предложения полностью построена за счет ресурсов рассматриваемой ФЕ, части которой расчленяются и вступают в предикативную связь друг с другом, фактически становясь полноценными членами предложения.

6.2. *Ta(1) lian(3)pi(2) hou(4)-de neng(2) lao(4) bing(3) Он наглый до крайности* (дословно: Его ***кожа лица толста так, что*** [***на ней***] ***можно печь лепешки***).

В этом примере задействована ФЕ с внутрисинтаксической моделью "имя существительное (подлежащее) + имя прилагательное (сказуемое)". В результате того, что второй компонент рассматриваемой ФЕ (слово ‘*толстая*’) распространяется предложением ‘*можно запекать лепешки*’ и, следовательно, превращается в сказуемое, главный компонент ‘*кожа лица*’ в этой связи в синтаксическом отношении "отторгается" от своего генетически зависимого компонента ‘*толстая*’ и превращается в подлежащее, осложненное уточняющим притяжательным определением ‘*его*’.

На материале ФЕ китайского языка мы стремились показать, как в предложении может мобилизоваться их собственный внутрисинтаксический потенциал, в результате чего части ФЕ, подобно своим структурным генотипам, "вплетаются" в состав предложения, приравниваясь по своему синтаксическому статусу к самостоятельным членам предложения. Поэтому неправомерно утверждение о том, что синтаксис ФЕ полностью сходен с синтаксисом слов. Как явствует из приведенных примеров, ФЕ при определенных условиях способна к функциональному расчленению, когда ее составные компоненты занимают одновременно две различные

синтаксические позиции, что и вызывает парадоксальный эффект "оживления" синтаксиса каждого компонента ФЕ в отдельности при сохранении их семантической целостности.

Анализ речевого материала позволяет сделать вывод о том, что, во-первых, ФЕ в типологически различных языках (в частности, в русском и китайском) обладают внутренним и внешним синтаксисом, во-вторых, между этими двумя синтаксическими измерениями ФЕ имеется четкая взаимосвязь, заключающаяся в том, что ФЕ необязательно замыкается в границах одной синтаксической позиции и включается как в целом, так и своими частями в синтаксическую комбинаторику предложения-высказывания.

Литература

Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г. Проблемы фразеологического значения и смысла. Астрахань, 2004.

Ветров П.П. Фразеология современного китайского языка: Синтаксис и стилистика. М., 2007.

Диброва Е.И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. Ростов-на-Дону, 1979.

Жуков В.П. Русская фразеология. М., 1986.

Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. Л., 1977.

Сигал К.Я., Ветров П.П. Синтаксис и фразеология в межуровневом взаимодействии// Язык. Текст. Дискурс: Межвузовский научный альманах. Под ред. Г.Н. Манаенко. Выпуск 4. Ставрополь – Пятигорск: ПГЛУ, 2006. С. 213-222.

Янко-Триницкая Н.А. Словообразование в современном русском языке. М., 2001.

Е.В. Терехова

Жанровая отнесенность временно-устойчивых словосочетаний в английском дискурсе и особенности их перевода на русский язык

The paper discusses *genre-related* temporary collocations (TC). It also provides *genre* definition, analyzes different genre-related TC which are used in TV speeches, diplomatic texts, and English media texts. TC implementing in genre-related texts, preferential reinterpretation criteria which characterize terminology formation, their interpretation, and their translation from English into Russian is considered. The paper under discussion analyzes image explication, emphasizes TC interrelationship with national and cultural world perception, and focuses on this aspect importance for

rendering temporary collocations against one's cultural specifics.

Язык газет и журналов – медиатекстов, а также телевыступлений политиков, характеризуется большим количеством эмоционально окрашенных слов и предложений, эмфатических конструкций, неологизмов, традиционных свободных и, безусловно, устойчивых словосочетаний. Важным представляется также то, что тексты массовой информации все чаще служат своеобразным полигоном для описания современного состояния языковых процессов, так как в них быстрее, чем где бы то ни было, возникают, находят свое отражение и фиксируются многочисленные изменения языковой действительности и инновации, характерные для современного речеупотребления [Добросклонская 2008, 24].

В данной работе рассматриваются примеры, принадлежащие трем разно-жанровым типам текстов, – устному телевизионному выступлению крупнейших политиков, дипломатическому и газетно-журнальному дискурсу, – в которых сравнивается функционирование и передача временно-устойчивых словосочетаний, а также рассматриваются некоторые особенности их отнесенности к данному жанру текстовой письменности или устного высказывания.

При этом мы исходили из понятия вида письменности, который «объединяет ***жанры,*** <выделено мною, Е.Т.> связанные общностью назначения, цели, но различающиеся тематикой, а также частными компонентами в своей формальной организации» [Бабенко 2003, 12]. По выражению М.М. Бахтина, целостность высказывания/дискурса определяется рядом моментов, включая устойчивые жанровые формы высказывания. Через выбор речевого жанра осуществляется речевая воля говорящего, а речевые жанры организуют нашу речь так же, как и грамматические (синтаксические) формы. Если бы не существовало речевых жанров, то речевое сообщение было бы почти невозможно [Бахтин 1979, 237].

Важным моментом является определение временно-устойчивых словосочетаний (ВУС). В свом понимании этого термина мы придерживались, в основном, дефиниций, уже сделанных А.Н. Барановым и Д.О. Добровольским. ВУС – это такие, как правило, неоднословные выражения, которые в содержательном плане характеризуются слабоидиоматичным значением, т.е. их план содержания слабо поддается описанию посредством стандартных правил. При этом ВУС также связаны с нерегулярным выражением грамматического и/или модального смысла, т.е. используют при формировании языкового выражения менее общее правило [Баранов, Добровольский 2008].

Жанр устных телевизионных выступлений. Обращение к широкой аудитории многих известных политиков, таких как Барак Обама, Джон МакКейн, Тони Блэр, Билл Клинтон и многих других персон представля-

ет несомненный интерес для анализа [Fishburn 2009]. Например, в свою бытность кандидатом в президенты во время многочисленных выступлений и перед самыми широкими аудиториями, и на ТВ Барак Обама был замечен в употреблении одного междометия "*Uh*", в переводе на русский язык «Э-э-э». Нынешний президент США по праву считается одним из лучших и искуснейших ораторов, но даже это не спасало его во время ответов на жесткие вопросы журналистов. Барак Обама был вынужден брать какую-то паузу на обдумывание очередного ответа на очередной вопрос, заполняя образовавшуюся лакуну звуками, напоминающими «э-э-э». После одного из таких выступлений, когда «э-э-э» прозвучало в речи президента 30 раз, он получил прозвище "*Obam-uh*".

Междометие по определению не соответствует приводимой здесь дефиниции устойчивого словосочетания. Однако нам представляется, мы имеем дело с временно-устойчивым словосочетанием в английском языке. Если разложить имя президента США на компонент основы *Obam* + присоединенному к нему междометию, вставшему на место последней гласной его имени, т.е. «*-a*» английского языка заменить на «-э-э-э-» русского, мы также получим трудно переводимое на русский язык временно-устойчивое словосочетание. Подобная фонетическая субституция создает у русскоговорящего человека довольно обидный образ безобидного блеющего животного, что дает возможность считать это временно-устойчивое словосочетание прозвищем, которое образовано сращением основы его имени и междометием, которым президент злоупотреблял: «*Обам*-э-э-э». В языке оригинала эта образность отсутствует в силу иных правил произношения и национально-культурной коннотации, о чем пойдет речь ниже.

Выступления других не менее именитых ораторов, бывшего кандидата в президенты США Джона МакКейна, бывшего президента Билла Клинтона и бывшего премьер-министра Великобритании Тони Блэра также не были обойдены вниманием прессы. Первый, по их мнению, хотя и проиграл президентскую кампанию, но выиграл другую по навязчивому использованию словосочетания "*My friends*". Второй сделал своей визитной карточкой выражение "*a big deal*", третий злоупотреблял сразу двумя выражениями, объединив их в одно "*Look, you know*…".

"*My friends*" на первый взгляд представляет собой свободное словосочетание, однако оно приобретает смысловую многослойность и переинтерпретацию в культурно-прагматической языковой американской медиаречи. Отсутствует лишь усложненный способ указания на денотат – нет более простого и стандартного выражения, чем переведенное на русский язык выражение «*Мои друзья*», с которым МакКейн тысячи раз обращался к своей аудитории, открывая, продолжая и завершая свои пред-

выборные выступления. Это словосочетание неизменно вызывало смех прессы, но, как подчеркивает сама же пресса, МакКейну не хватило именно «его друзей», чтобы выиграть выборы. И это позволяет за выражением "*my friends*" увидеть контекстный многослойный образ, что по нашему мнению, позволяет считать данное выражение временно-устойчивым словосочетанием.

Выражение "*Big deal*" в переводе на русский язык «Подумаешь, невидаль! Видали мы тут…», Билл Клинтон мог применять ко всем событиям без разбора, например, комментируя последний законопроект по борьбе с преступностью, или количество оленей в национальном парке штата Арканзас – вся жизнь как событие была для бывшего президента США "*a big deal*" – «*малозначащим, неважным событием*». Такое контекстное употребление словосочетания характеризует язык СМИ. В плане выражения основное значение этого словосочетания – преуменьшать, отрицательно или с насмешкой относиться к чему-то, и т.д. Лишь одно событие – свою операцию на сердце – Клинтон охарактеризовал как "*No big deal*". То, что в данном выражении имеет место усложнение способа указания на денотат, а именно, присутствие усложняющей грамматической отрицательной конструкции, позволяет нам отнести данное словосочетание к ВУС.

В культурном языковом контексте оригинала выражения "*big deal*" присутствует также аллюзия на более значимый образ, запущенный в оборот еще одним президентом США, Франклином Рузвельтом. Он назвал "*A New Deal*" – «*Новый экономический курс*» свою программу борьбы с последствиями депрессии. Курс этот оказался действительно великим, к началу 50-х годов прошлого столетия США вышли из депрессии. Что касается самого выражения, то трудно не заметить влияния внутренней формы этого устойчивого словосочетания, "*A New Deal*" на создание сегодняшнего временно-устойчивого выражения "*big deal, no big deal*".

Выражение, покорившее британского премьера, "*Look, you know…*" в переводе на русский язык «*Послушайте, да это всем известно…*», с нашей точки зрения также является временно-устойчивым словосочетанием. На вербальном уровне сегодня оно превратилось в фирменное, многократно растиражированное выражение Тони Блэра, однако это выражение может исчезнуть из его лексикона завтра, если перестает отвечать национально-культурному отклику или социально-политическим нуждам его аудитории. С другой стороны, это ВУС близко грамматическому фразеологизму, так как оно по определению характеризуются идиоматичностью значения, и его план выражения не поддается описанию или переводу через стандартные правила.

Жанр дипломатических текстов. Временно-устойчивые словосоче-

тания, появляющиеся в статьях или выступлениях дипломатов, имеют свои особенности образования и передачи на русский язык. Рассмотрим примеры, объединенные нами в четыре группы:

(А) ВУС номинативой структуры с синтаксическим параллелизмом: *co-existence and co-prosperity; liaison and coordination; peacekeeping & peacebuilding; co-prosperity and complementary partnership.* Данную группу объединяет синтаксис, а в некоторой степени и семантика всех цитируемых выражений. Во-первых, они все реплицированы, т.е. как бы специально тиражированы дважды, причем второе слово в словосочетании практически повторяет в своем значении первое, это видно также из перевода: '*сосуществование и совместное процветание*', '*взаимодействие и координация*', '*поддержание и построение мира*', '*совместное процветание и дополнительное партнерство*'. Во-вторых, синтаксически почти все выражения образованы по одной модели, главным элементом которой является префикс "*co-*", семантическое значение которого "взаимность, совместные действия и разделение ответственности" [Cobuild English Dictionary, 2004]. И, в-третьих, парное использование одних и тех же по своей семантике слов, ср., "*liaison and coordination* ", дает основание предположить, что дипломат прибегнул к стилистическому приему градации, цель которого усилить модальность и риторику своей речи и, тем самым, донести смысл своего выступления до адресата.

Трудно причислить данные выражения к ярко образным, тем не менее, традиционная фразеология рассматривает экспрессивные характеристики как один из критериев включения подобных выражений в класс идиоматических выражений. Образы, провоцируемые этой группой реплицированных выражений, базируются на прямых значениях компонент словосочетания. Если сравнить механизм действия словесной метафоры, то по определению Н.Д. Арутюновой: "…его непременным условием действия является принадлежность к разным категориям двух её субъектов (денотатов) — основного (того, который характеризуется метафорой) и вспомогательного (того, который имплицирован ее прямым значением)" [Арутюнова 1990, 12]. Следует также отметить, что будучи слабо выраженными, но дважды повторенными, анализируемые нами образы не могут не оставить в памяти слушателей указания на денотат в общем, а именно: "*чтобы хорошо и в достатке, жить, надо с соседями дружить*". Это позволяет нам считать рассматриваемые выражения временно-устойчивыми, контекстно-привязанными словосочетаниями.

(В) ВУС номинативно-композитной структуры: *"glocalization,"* "*marginalization*". Оба примера представляют собой экспрессивные неологизмы, образованные стяжением двух корней. Так, *"glocalization,"* состоит из двух слов: "*localities*" и "*global"* (system). Мы полагаем, что в

данном случае критерием отнесенности рассматриваемых выражений к устойчивым словосочетаниям выступает референциальная переинтерпретация. У языковых выражений "*localities*" и "*global system*" происходит сужение референции, когда референция закрепляется за единичным денотатом, "*glocalization*", причем этот критерий референциальной переинтерпретации характеризует также *образование терминов* [Баранов, Добровольский 2008, 37-38].

Второе сложное слово – "*marginalization*", как мы полагаем, постоено по той же модели. значение которого, как и в первом выражении, отсутствует в словаре, и третье выражение – "*toxic" loans/debts*".

Второе слово, как мы полагаем, построено по той же модели. Оно образовано из двух слов, "*margin*" в переводе 'маржа' и "*nalization*" перевод которого отсутствует, ибо это стянутое слово со значением "*nationalization*" – 'национализация'. В результате сужения референции получаем единичный денотат "*маргинализация*", перевод на субстандартный уровень, за пределами маржи всю нацию. Кроме характерного для термина вышеупомянутого критерия референциальной переинтерпретации, здесь также присутствует усложненный способ указания на денотат. К тому же вкрапление терминов в дипломатический текст придает ему определенную наукообразность.

(C) ВУС атрибутивной структуры. Проиллюстрируем этот тип примером "*toxic" loans/debts*" – "токсичные" ссуды/долги'. Это сочетание, по-видимому, возникло совсем недавно, поскольку один из компонентов выражения, "*toxic*" взят в кавычки как внутриязыковое заимствование лексики одного жанра другим. Критерий отнесения выражений этой группы к устойчивым сочетаниям отличен от первых двух групп, и связан, в первую очередь, с их образным характером. При актуализации устойчивого словосочетания "*toxic" loans/debts*" перед мысленным взором говорящих и слушающих возникают образы банка и подземных банковских хранилищ, заполненных ядовитыми химическими отходами в виде долгов и ссуд. А речь идет о "*плохих",* невозвращенных банку ссудах или долгах, подлежащих списанию. Кстати, раньше для них и термин был соответствующий, по-видимому, он и сейчас существует в английском языке параллельно с неологизмом, "*bad loans, bad debts*". Появление нового термина "*toxic*" наряду с уже существующим "*bad*" – своеобразная реакция банковского сообщества на тяжесть сегодняшнего финансового кризиса. Слово "*toxic*" является более сильным образным компонентом значения по сравнению с "*bad*" в данном временно-устойчивом словосочетании.

(D) ВУС предикативной структуры. Выражения в этой группе отличаются от предыдущих. Они являются идиомами, точнее, поговорками, причем авторство первой принадлежит бывшему госсекретарю США

Кондолизе Райс "*America lost its innocence on 9/11*" "*Америка потеряла свою невинность после теракта 11 сентября*". Эта идиома интересна своей образной мотивированностью, причем эта последняя напрямую связана с тем, как американская нация видит и понимает свою страну: "*innocent*". В русском языке отсутствует такое миропонимание и, соответственно, эквивалент для передачи данного устойчивого словосочетания, поэтому в аспекте своей культуры эта поговорка передана на русский язык в контексте "*потери наивности, расставания с детством, взрослением*". Благодаря такой своей внутренней форме, эту идиому уместнее передать на русский язык как "*Америка рассталась со своей наивностью 11 сентября*".

Авторство второй поговорки указано в выступлении: "An old Korean saying goes, "Even *thorny thickets change into a path when often walked*" – 'Как гласит старая корейская поговорка "*Даже через колючий кустарник можно проложить себе тропинку, если по ней часто ходить*". Далее дипломат продолжает обыгрывать метафорический образ поговорки, расширяя этот образ и перенося его на сегодняшнее событие: "Until now, Northeast Asian countries *have had hard time walking the thorny path* laid between one another. NEAR is committed *to pave the way* and *bring prosperity* to its members" – 'До сих пор странам Северо-Восточной Азии *было трудно пробираться друг к другу по заросшей колючим кустарником тропинке*. Организация СВА берет на себя обязательства *застолбить дорогу*, чтобы *добиться процветания* для своих членов'. Эта идиома отличается от предыдущего устойчивого сочетания тем, что её образная составляющая в плане содержания может проявляться в расширенных ситуациях. В русском языке можно найти идиому пословицу с близкой, но, тем не менее, отличной образностью внутренней формой: "*Терпение и труд всё перетрут*". Как утверждают Баранов А.Н. и Добровольский Д.О. "идиомы одного семантического поля с разными образными составляющими по-разному ведут себя в речи " [там же, 116].

Два вышеприведенных примера поговорок из третьей группы относятся к нормативым случаям использования устойчивых словосочетаний. Постольку, поскольку они мотивированы, их образность и мотивированность выступают критерием принадлежности этих выражений к данному классу фразеологизмов, характеризующих жанр дипломатического дискурса. В. Н. Телия утверждает, что "идиомы – это двуплановые сочетания слов: они обозначают нечто и образно мотивируют это обозначение. Причина сохранения мотивированности идиом или стремление разгадать их смысл кроется в том, что источником их является такое сочетание слов, в которых отражены самые разнообразные стороны жизни народа – носителя языка, в основном, его обиходно-бытовой опыт" [Телия 1995, 12].

Жанр английских газетных текстов. Последние примеры заимствованы из аутентичных английских газетных текстов. Рассмотрим эти неоднородные словосочетания, условно сгруппированные нами в три блока:

(А) ВУС атрибутивной структуры: "*grandfather clock*", "*the bottom line*", "*bladder diplomacy*", "*Clinton-era Mideast hands*"; *Israeli heavy-handedness*"; "*Ehud Barak's make-or-break strategy*".

Используя термин А.П. Чудинова, следует отметить "интерстилевое тонирование текста" [Чудинов 2007, 118] английского газетного дискурса. Подобный прием подразумевает использование языковых средств, в том числе и устойчивых словосочетаний в политических газетных текстах, которые ощущаются как жанрово инородные для газетных текстов. Например, выражение "*bottom line*" заимствовано из жанра отличных финансово-экономических текстов, перевод которого, строго говоря, "итог, баланс, чистая прибыль".

И только в дискурсе, в процессе непосредственного функционирования языка, по утверждению Баранова А.Н. и Добровольского Д.О., "внутренняя форма часто оказывается более важной, чем факт фиксации некоторого выражения как сложной или простой единицы лексикона" [Баранов, Добровольский 2008, 475]. И лишь на уровне коммуникации, в дискурсе снимаются различия между идиомами и устойчивыми словосочетаниями с живой внутренней формой. Таким образом, "*the bottom line"* получает интерпретацию в жанре газетного дискурса как "*суть дела, определяющий фактор*".

"*Grandfather clock*" переводится как "*старинные напольные часы*". В данном словосочетании ярко выражена корреляция между употреблением маркированного компонента "*дедушка*" в словосочетании и конкретной интенцией автора статьи употребить подобное устойчивое словосочетание с акцентом на концепте "изначальной/исконной принадлежности дедушке, а потому старой вещью". Перевод данного устойчивого словосочетания не представляет трудности, так как в обоих ВУС наблюдается сходство образной составляющей плана содержания.

Выражению "*Bladder diplomacy*" трудно найти абсолютный эквивалент в русском языке. Это объясняется и несовпадением техники номинации, и несовпадением национально-культурных норм и стереотипов двух языковых культур. Наш перевод "*многочасовая дипломатия*" представляет собой свободное словосочетание, оно не соответствует внутренней, языковой форме оригинального временно-устойчивого словосочетания, когда сигналы о дальнейшей невозможности сидеть за столом переговоров подает мочевой пузырь. Следствием такого несовпадения оказываются различия в образной составляющей плана содержания передаваемых устойчивых словосочетаний, несовпадения актуального значения

или отсутствие близости внутренней формы [Баранов, Добровольский 2008, 252].

Применительно к анализу выражений "*Clinton-era Mideast hands*" – 'все ближневосточные дипломаты времен Клинтона'; "*Israeli heavy-handedness*" –'несоразмерно жесткий удар израильтян'; и "*Ehud Barak's make-or-break strategy*" – 'стратегия Эхуда Барака – всё или ничего' близкая нам позиция, относительно того, что понимать под национально-культурной компонентой ВУС, представлена в работах Баранова А.Н. и Добровольского Д.О., включающих максимально широкий диапазон языковых явлений в понятие национальной культуры [там же, 255].

Анализируемые выше выражения образно мотивированы, что характеризует большинство временно-устойчивых словосочетаний. Важно подчеркнуть, что образность временно-устойчивых словосочетаний отражает представления, актуальные на момент их существования для той языковой культуры, в которой они возникли. Например, типичные для американцев представления о том, что израильтяне способны отреагировать жестким ударом на постоянные налеты палестинцев; или что Министр обороны Израиля должен соответствовать национальному образу главного военного, отвергающего какие-либо компромиссы с Палестиной; и что американская дипломатия является средством осуществления политики президента на Ближнем Востоке. Именно национально-культурный компонент представлений, стоящий за образностью ВУС, позволяет нам интерпретировать их предложенным выше образом.

(В) ВУС предикативной структуры: "*Don't Ask, Don't Tell*"; "*to draw the short stick of history*"; и "*to sell the deal back home*".

Императивное предложение, построенное по модели двойного отрицания, "*Don't ask, Don't tell*" превращается во временно-устойчивое словосочетание за счет его прецедентного характера. Это обиходное название закона о геях в армии США, получившее свою полную интерпретацию на русском языке: «Закон о гомосексуалистах в армии США» "Не задавай вопросов другим об их ориентации. Не говори, кто ты по своей ориентации". Подобные устойчивые словосочетания слабо идиоматичны, а их существование обусловлено актуальной на данный момент в данной языковой культуре референцией к тому или иному социально-политическому феномену.

Вместе с тем, подобно номинативным ВУС, большинство ВУС предикативной структуры обладает ярко выраженной образностью и метафоричностью. Например, выражение "*to draw the short stick of history*" – 'вытянуть свой жребий (короткий конец) в истории' и "*to sell the deal back home*" – 'протолкнуть договор, получить одобрение на это соглашение у себя дома' можно отнести к типичным для жанра газетного дискур-

са крылатым выражениям. Эти устойчивые словосочетания часто бывают афористичны, источник их возникновения мыслится как общеизвестный, и они исходят из предпосылки существования общего фонда знаний [Баранов, Добровольский 2008, 70-71]. Именно общий фонд знаний относительно происхождения конкретного ВУС, позволяет адресату, активизируя этот фонд, интерпретировать то или иное временно-устойчивое словосочетание с языка на язык без особых трудностей.

Первый из двух примеров весьма показателен в этом отношении: мы все представляем себе, что такое пари, спор, ударить по рукам или тащить жребий. Причем, тащить жребий можно по-разному: несколько спичек и/или палочек, из которых только одна имеет более короткую длину; или тащить маркированный жетончик или картонку из шапки, etc. В нашем случае общий фонд знаний подсказал первый способ – тащить жребий, которым служит укороченная палочка.

Второй пример также предполагает наличие общеизвестных знаний. В отличие от России, в западном мире вполне адекватным выражением выступает "*to sell the deal*" – 'продать сделку, протолкнуть договор'. В западной культуре никто не поморщится при употреблении глагола *"to sell"* – 'продать' – это их общекультурный фонд знаний. В России нет пока еще такого общего фонда знаний, по-русски данное ВУС, скорее всего, будет интерпретировано "*продавить/протолкнуть договор*", потому что наши общекультурные знания подчеркивают трудности достижения искомого результата путем уговоров и/или аргументации, но не продажи или сделки, кто больше даст. Впрочем, фонд знаний легко пополняется, обновляется и заимствует чужие знания, понятия и концепции, адаптируя и встраивая их в свой культурно-понятийный фонд.

(С) ВУС атрибутивной и предикативной структуры, использующие в своем составе иноязычные вкрапления. Например, из немецкого языка: "*Sturm und drang temptation*" – 'соблазн провести операцию "Буря и натиск", "*real politik*" – 'реальная, настоящая политика', и "to *blitz the Arabs*" – 'молниеносным ударом победить арабов'; из французского языка "*starry-eyed naiveté"* – 'наивная доверчивость'; из идиша: "*to warn against becoming "freiers*" – 'предупредить', 'не дать себя обмануть', 'не стать "*фраером"* .

Присутствие в английском дискурсе вкраплений и/или выражений других языков – в наших примерах это немецкий, французский и идиш, – также является характерной особенностью жанра английских газетных текстов. Выражения, в которых маркированным компонентом выступают слова немецкого языка, *blitz, sturm und drang,* представляют собой аллюзии на уже использованные аналогичные словосочетания, но в другом временном, национальном или культурном контексте. ВУС "*real politik*" и "*to blitz the*

Arabs" можно отнести к кругу выражений, ограниченных национально-культурным миропониманием, характерным для немецкой нации: если это "*политика*", то только "*реальная*, *настоящая*". И, если атаковать арабов, то операция должна быть только молниеносной, "*блицкриг*".

Внутренняя форма данного устойчивого словосочетания довольно прозрачна: "*starry-eyed naiveté"* в качестве маркированного компонента выступают слово на французском языке - "*naiveté*". Определение к нему, "с широко распахнутыми, как звезды, глазами". По-видимому, автор английской статьи хотел подчеркнуть, таким образом, национально-культурную специфику французов. Не просто "наивность", а сверхнаивность – таков план содержания данного устойчивого словосочетания.

Словосочетание с маркированным словом "*freiers*" на языке идиш трудно понять, не прибегая к сопоставлению плана содержания этого устойчивого словосочетания с его эквивалентом в русском языке, который переосмыслил значение этого слова. Калька слова "*фраер*", в русском языке выражает скептически-негативное отношение ко всем тем, кто не принадлежит к определенному кругу людей, в то время как в языке оригинала национально-культурным компонентом выступает совсем другой образ. И это культурно-образное межъязыковое различие весьма значительно, ибо образная мотивированность маркированного слова "*freiers*" на языке оригинала непосредственно связана с мироощущением и страхом еврейского народа перед новым Холокостом. Поэтому правильнее будет интерпретировать это временно-устойчивое сочетание как "*предупредить, не дать себя обмануть*".

В заключение можно сделать вывод о том, что функционирование, интерпретация и передача временно-устойчивых словосочетаний с английского языка на русский жанрово обусловлена. Рассмотренные ВУС в зависимости от их жанровой отнесенности и письменной или устной речи характеризуются своими особенностями использования в текстах. Устные политические высказывания характеризуются, как правило, образностью, идиоматичностью и присутствием национально-культурного фактора. Их характерной особенностью является фонетическая составляющая выражений. Дипломатическим текстам присуще употребление идиом, пословиц и поговорок, с одной стороны, с другой – референциальная переинтерпретация, терминологизация и национально-культурный аспект языка оригинала. Английские газетные тексты отличаются наибольшим разнообразием временно-устойчивых словосочетаний, которые характеризуются "интерстилевым тонированием", использованием свободных синтаксических структур для создания фразеологизмов прецедентного характера, а также вкраплением слов из других языков. Английский политический дискурс использует широкий круг

временно-устойчивых словосочетаний, ограниченных национально-культурным миропониманием, что объясняется образной мотивированностью, которая непосредственно связана с языком оригинала, миропониманием говорящей на нем нации и привязанностью временно-устойчивых словосочетаний к конкретной денотативной ситуации, что обязательно должно учитываться при их переводе на русский язык.

Литература

Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990. С. 5-32.

Бабенко Н.С. К истории немецкого языка как истории жанров текста // 100 лет со дня рождения профессора Н.С. Чемоданова. Ред. Е.Р. Сквайрс. Материалы юбилейных чтений. М., 2003. С.12-13.

Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 237-280.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М., 2008.

Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению СМИ (Современная английская медиаречь). М., 2008.

Телия В.Н. Основные особенности значения идиом как единиц фразеологического состава языка // Словарь образных выражений русского языка. Под ред. В.Н. Телия. М., 1995. С. 10-16.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М., 2007.

Alice Fishburn, Posted on January 02, 2009 at 04:08 PM in American Politics | Permalink.

Cobiuld English Dictionary. Collins Gem Cobuild Dictionary, M. 2004.

Н.М. Нестерова

«Люблю я очень это слово, но не могу перевести»: о лексических соответствиях в переводе (на материале романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» и его англоязычной версии)

The paper explores the relationship between contrastive interlanguage semantic studies and translation theory. The contrastive semantic analysis of some Russian-English lexical translation equivalents taken from the novel «Eugene Onegin» by A. Pushkin and its English version by V. Nabokov is presented. This analysis has revealed the difference in possibilities to render into other language the designation and the meaning of an original lexical unit.

Всякий перевод, всерьез относящийся к своей задаче, яснее и примитивнее оригинала. Даже если он представляет собой мастерское подражание оригиналу, какие-то оттенки и полутона неизбежно в нем пропадают. (Х.-Г. Гадамер)

Пушкинская строка, вынесенная в заголовок, а также слова Гадамера, взятые нами в качестве эпиграфа, указывают, с одной стороны, на проблему переводимости, а с другой, как нам кажется, на связь перевода и контрастивной лексикологии. Несомненно, перевод — это идеальный объект для контрастивных исследований в целом и контрастивной семантики лексических единиц в частности, поскольку, как отмечал В.Н. Комиссаров, перевод являет собой «гигантский естественный лингвистический эксперимент, в ходе которого языки и их элементы приравниваются, заменяют друг друга в процессе общения. В основе его лежит важнейший принцип частичной общности или подобия, который, наряду с принципом оппозиции, может по праву считаться краеугольным камнем языковой структуры» [Комиссаров 1980, 5].

О взаимосвязи и взаимозависимости перевода и контрастивной лингвистики писали практически все «пионеры» лингвистической теории перевода. В частности, Я.И. Рецкер указывал, что «перевод немыслим без прочной лингвистической основы. Такой основой должно быть сравнительное сопоставление языка подлинника с языком перевода. Эти соответствия в области лексики, фразеологии, синтаксиса и стиля и должны составлять лингвистическую основу теории перевода» [Рецкер 1950, 156]. А.Д. Швейцер также подчеркивал, что контрастивные исследования создают основу для науки о переводе: «Исследуя соотношение между функциональными единицами языка А и языка В, контрастивная лингвистика создает необходимый фундамент для построения теории перевода.<...> Между данными контрастивной лингвистики и данными перевода во многих случаях наблюдается каузальная связь» [Швейцер 1988, 11].

С другой стороны, Р. Якобсон подчеркивал ценность перевода как объекта изучения для лингвистической науки. Он писал: «Широко распространенная практика межъязыковой коммуникации, в частности переводческая деятельность, должна постоянно находиться под пристальным наблюдением лингвистической науки. Трудно переоценить, насколько велика насущная необходимость, а также какова теоретическая и практическая ценность двуязычных словарей, которые давали бы тщательно выполненные сравнительные дефиниции всех соответствующих единиц в

отношении их значения и сферы употребления» [Якобсон 1978, 19]. Таким образом, можно сказать, что контрастивная лингвистика и лингвистика перевода находятся в отношениях взаимодополнительности.

Непосредственно анализу их соотношения посвящена известная работа Э. Косериу «Контрастивная лингвистика и перевод: их соотношение», которую он начинает со слов Гегеля: «Природе вещей противоречит требование, чтобы слово языка какого-то народа передавалась таким словом нашего, которое соответствовало бы ему в полной определенности. Слово нашего языка дает *наше* определенное представление о соответствующем предмете, и именно поэтому не представление другого народа, народа не только с иным языком, но и с иными представлениями» (курсив автора) [Косериу 1989, 63]. Комментируя высказывание философа, Косериу обращается к проблеме возможности перевода тех самых «представлений». Для этого он вводит два понятия: *значение* и *обозначение*.

Значением исследователь называет «содержание, создающееся в конкретном языке на основе существующих в нем оппозиций как в грамматическом строе, так и в словарном составе» [там же, 65]. В то время как *обозначение* — «это внеязыковая "референция", соотнесение с именуемой в каждом отдельном случае внеязыковой действительностью — с "предметами" (или фактами, положениями дел) или с самой вне-языковой действительностью» [там же]. При этом Косериу подчеркивает, что в «тексте обозначение осуществляется с помощью определенного значения, так что с этой точки зрения "интерпретация текста" — это не что иное, как "идентификация обозначений с помощью значений, имеющихся в соответствующем конкретном языке". А "перевод" заключается в том, чтобы "для идентифицированных обозначений в языке перевода найти значения, способные передать именно эти обозначения"» [там же, 67].

Таким образом, задачу перевода Косериу видит в том, чтобы обозначать одно и то же с помощью разных значений. Далее он уточняет, что для этого переводчику необходимо точно идентифицировать обозначения в тексте оригинала, и «лишь затем соотносить эти обозначения с подходящими значениями в языке перевода». Это означает, что перевод включает в себя две фазы: интерпретацию исходного текста для перевода и собственно перевод, т.е. передачу обозначений значениями языка перевода. В первой фазе переводчик идет «семасиолологическим путем» - от языковых значений к внеязыковым обозначениям, во второй фазе он идет «ономасиологическим путем», т.е. от обозначений к языковым значениям языка перевода. Переводит же он «*всегда обозначения*», а значения выступают в роли инструментов: в первом случае инструментами интерпретации, во втором — инструментами обозначения. Из этого делается вывод: «Межъязыковые «соответствия», или "эквивалентности", хотя и ус-

танавливаются между значениями, но не как эквивалентности между самими значениями, а всегда в опоре на обозначение: в каждом отдельном случае речь идет *о конкретных соответствиях в обозначениях внеязыковых сущностей*» (курсив наш — Н.Н.) [там же, 76].

Говоря о непосредственной связи перевода с контрастивной лингвистикой, Косериу отмечает, что если контрастивная лингвистика исследует «действительное употребление содержательных — и тем самым материальных — структур, то она совпадает с теорией перевода, ориентированной на отдельные языки. Для такой контрастивной лингвистики — или для такой ее формы, или для данной ее части перевод являлся бы постоянным источником, а результаты сопоставления были бы в каждом отдельном случае грамматикой перевода и *словарем перевода*. Перевод же как простая "передача" (Übertragung), т.е. ориентированная на отдельные языки техника поиска эквивалентностей в обозначениях, был бы в свою очередь применением или "оборотной стороной" контрастивной лингвистики такого рода, оборотной стороной в двояком смысле: как отношение "значение — обозначение" и как отношение "исходный язык — язык перевода". В контрастивной лингвистике речь шла бы об установлении того, для каких обозначений используются те или иные значения, а при переводе — о поиске значений, которые можно было бы употребить для соответствующих обозначений» [Там же].

Итак, связь перевода и контрастивной лингвистики не вызывает сомнений, они связаны онтологически, они представляют друг для друга «взаимный интерес», и сопоставление переводных соответствий дает совершенно бесценный материал для лексических и грамматических контрастивных исследований. В связи с этим можно согласиться с мнением В.Н. Ярцевой, которая отмечала, что для контрастивной лексикологии существуют благоприятные обстоятельства, обусловленные тем, что постоянно создаются и корректируются двуязычные словари [Ярцева 1981, 11], фиксирующие соотношения значений в той или иной паре языков. Такие словари являются, с одной стороны, инструментом переводчика, а с другой, перевод служит тем материалом, который и позволяет корректировать имеющиеся словари.

Известно, что вопрос о единице перевода является одним из дискуссионных в переводоведении. Существуют различные точки зрения относительно того, что считать единицей перевода, и правомерно ли вообще говорить о такой единице. Однако вне зависимости от того, считать или не считать слово такой единицей, его особая роль в практике перевода несомненна. Более чем справедливыми представляются замечания Ж. Деррида: «At the beginning of translation is the word», и А. Беньямина: «Built into any conception of interpretation or translation is the word». А

автор «Задачи переводчика» (В. Беньямин) считал, что к сфере перевода применимо речение «в начале было Слово».

В случае перевода мы всегда имеем дело с двумя словами — словом оригинала и словом перевода. Сопоставление их семантики представляет собой очень занимательную лингвистическую операцию, которая позволяет сравнить, как писал Гегель, *наше* представление о том или ином предмете с *чужим* видением этого же предмета. Возвращаясь к работе Косериу, к его мысли о том, что переводятся всегда обозначения, зададимся вопросом, можно ли «обозначать одно и то же с помощью в принципе разных значений»? Представляется, что ответ будет скорее отрицательным, поскольку помимо того, что слово обозначает предмет(ы) внеязыковой действительности, оно, будучи элементом языковой системы, неразрывно связано с другими элементами данной системы, и поэтому значение каждого слова оттеняется, обогащается значениями других слов, особенно тех, которые находятся с ним в родственных отношениях – парадигматических и синтагматических, синонимических и антонимических, семантических и формальных. Связи эти очень прочные, и «вырвать» слово из этого так сложно переплетенного вербального пласта невозможно. Кроме того, несмотря на контекстные ограничители, слово в тексте предстает в ореоле всех своих семантических возможностей, в разной степени высвечиваемых в речевом произведении. Обогащается слово и индивидуальной семантикой, представленной, как говорил П. Флоренский, «совокупностью почти неуловимых эмоциональных оттенков, которыми определяется самое проникновенное из того, что говорящий вот сейчас, в данном случае вкладывает в произносимое им слово» [Цит. по: Верещагин, Костомаров 1980, 297]. Таким образом, сочетание «общего» и «индивидуального» значения, «выраженного» и «невыраженного», «реализованного» и «потенциального», «уловимого» и «неуловимого» порождает многосмысленность слова (а значит, и всего текста), которая не может быть транслирована в другой язык, в другую культуру, как не может быть перенесена и та нерасторжимая взаимосвязанность слов, которая в каждом языке индивидуальна и определяет (составляет) дух этого языка (Х.-Г. Гадамер). И действительно, как показывает многовековая история перевода, искусство слова столь неразрывно связано со стихией родного языка, что «вынуть» художественную действительность из той языковой среды, в которой она была создана, и просто пересадить ее на другую почву невозможно, поскольку при этом рвутся те тончайшие ассоциативные связи, которые участвуют в создании конкретно-чувственного образа, и неизбежно возникают новые, свойственные языку, на который делается перевод. Это и вызывает «переводческие муки», порой невыносимые. Вот и получается, что слова, которыми мы

пользуемся как переводными эквивалентами, как правило, имеют отнюдь не тождественное содержание [Комлев 1992]. И вот почему словарь как главный инструмент переводчика превращается для него, по словам Набокова, во «вражеский стан». Таким образом, можно сказать, что переводя «обозначение», мы теряем в значении. Здесь уместно вспомнить знаменитую формулу М.Л. Лозинского, определившего перевод как «искусство потерь».

Чтобы продемонстрировать эти потери, обратимся к семантическому анализу так называемых переводных соответствий. В качестве иллюстративного материала нами был выбран отрывок из второй главы пушкинского «Евгения Онегина». Как известно, история переводов этого гениального русскоязычного произведения, этой «энциклопедии русской жизни», с одной стороны, весьма богата: имеются самые различные английские версии как в стихах, так и в прозе. С другой стороны, можно сказать, что до сих пор так и не был создан перевод, конгениальный оригиналу. Среди имеющихся многочисленных англоязычных переводов нами был выбран набоковский, так как В.В. Набоков как никто другой стремился к точному переводу тех самых «обозначений», о которых писал Косериу, и у него вероятность ошибки при идентификации обозначений практически отсутствует, т.е. его семасиологический путь можно считать безошибочным.

По поводу «непереводимости» пушкинского текста написано много. Хорошо известны слова К.И. Чуковского о том, что при переводе «Евгения Онегина» всегда стоит «дилемма: либо удовлетвориться точным воспроизведением сюжета и совершенно позабыть о художественной форме, либо создать имитацию формы и снабдить эту имитацию искаженными обрывками смысла, убеждая и себя и читателей, что такое искажение смысла во имя сладкозвучия рифм дает переводчику возможность наиболее верно передать "дух" подлинника» [Чуковский 1988, 328]. В. Набоков, как известно, отказывается от «сладкозвучия рифм» и делает подстрочный перевод, пытаясь каждому слову оригинала найти англоязычное соответствие. Приведем начальную пушкинскую строфу с набоковским подстрочником:

Деревня, где скучал Евгений	*The **country place** where Eugene moped*
Была прелестный **уголок;**	*was a charming **nook**;*
Там друг невинных наслаждений	*there a friend of innocent delights*
Благословить бы небо мог.	*might have blessed heaven.*
Господский дом уединенный,	*The **manor house**, secluded,*
Горой от ветров огражденный,	*screened by a hill from the winds,*
Стоял над речкою. Вдали	*stood above a river; in the distance,*

Пред ним пестрели и цвели	*before it were, variegated and in bloom,*
Луга и нивы золотые,	*meadows and golden grainfields;*
Мелькали села; здесь и там	*one could glimpse hamlets here and there;*
Стада бродили по лугам,	*herds roamed the meadows;*
И **сени** расширял густые	*and its thick* ***coverts*** *spread*
Огромный, запущенный сад,	*a huge neglected garden,*
Приют задумчивых дриад.	***retreat*** *of pensive dryads.*

Более точный подстрочник трудно себе представить: каждое пушкинское слово находит отражение в английской версии текста. Это действительно «честный перевод». Английские и русские слова становятся двойниками, что позволяет, как отмечает Б. Бойд, увидеть за английским (пусть и не всегда правильным) словом пушкинский мир. Намеренная неправильность английских конструкций, непривычность многих слов делают текст Набокова «чужим» для англоязычного читателя, но именно этого и добивается сам переводчик: он не стремится заменить пушкинский текст, он создает приспособление, позволяющее увидеть, из чего и как строится пушкинский текст.

Рассмотрим несколько слов из приведенной выше первой строфы. Анализ проводится на основе сопоставления словарных дефиниций русских и английских словарей (их список приведен ниже)

Начнем со слова «деревня». В русском языке данное слово означает *крестьянское селение, сельская местность*, а также *поместье, имение.* В своем переводе Набоков использует и противопоставляет оба значения. Так, если в строках об Онегине используется «the country place», то в строках о Ленском «В свою **деревню** в ту же пору / Помещик новый прискакал» Набоков выбирает английское «estate»: To his **estate** at that same time / A new landowner had driven down». Используя различные английские соответствия, Набоков-переводчик подчеркивает, что Онегин «скучал», находясь в сельской местности (вдали от столицы), а Ленский приезжает именно в свое имение.

Английское соответствие русскому слову - «the country place» (аналогичный перевод дают и другие переводчики), что означает *any area (land) outside towns and cities with fields, woods, farms, etc.*

Теперь сопоставим значения русского слова и его английского соответствия. Общим в их значении является «сельская (вне города) местность». Однако в английском языке выражение «the country place» не указывает на то, что это может быть, с одной стороны, «поместье, имение», а с другой — «крестьянское селение». Таким образом, можно считать, что значение русского слова «деревня» объемнее и шире, чем значение его англоязычного соответствия. И несмотря на то, что в данном контексте

русская и английская языковые единицы указывают, казалось бы, на одно обозначение, а именно на «сельскую местность», ассоциативные связи у них, бесспорно, отличаются, и вряд ли можно поставить знак равенства между русской деревней и английским «сельским местом» (the country place).

Не менее значимым для перевода является, по мнению Набокова, и слово **«уголок»**, которое сразу же связывает русского читателя со строчками: «Вновь я посетил / Тот уголок земли, где я провел / Изгнанником два года незаметных».

Рассмотрим значение русского слова. **«Уголок»** – уменьшительная форма от «угол», что означает *отдельный участок чего-либо, часть какой-либо территории, местности. Уединенное место. Глухая отдаленная местность. Жилище, пристанище.* Отсюда и выражения: *иметь/найти угол, свой угол.*

В английском варианте пушкинский «прелестный уголок» становится «a charming nook». Английское слово **«nook»** означает *a secluded or sheltered place or part, a small quiet place or corner that is sheltered or hidden from other people (a shady nook in the gardern). Search every nook and cranny.*

Различие данных лексем очевидно: русское слово включает в себя не только *уединенность, скрытость*, но и часть какой либо территории, место, даже жилье, а уменьшительно-ласкательный суффикс делает это место приятным, именно с такой уменьшительной формой сочетается определение «прелестный». Английское же слово подчеркивает именно скрытость.

Следующее слово «господский» (господский дом). Английский вариант: manor house.

Господский — прилагательное от «господин», что означает 1) *правитель, облеченный высшей властью над всеми, повелитель; 2) лицо, пользующееся властью по отношению к зависимым от него или принадлежащим ему людям, например, помещик по отношению к крестьянам.*

Manor house — *a large country home surrounded by land that belongs to it.*

Различие заключается в том, что в английском варианте нет семы барства, нет противопоставления барского, господского и крестьянского. Это именно **большой** загородный дом. Русский господский дом не обязательно большой (вспомним пушкинский дом в Михайловском), но это не крестьянская изба, это дом, где живет именно господин (помещик).

Интересно сравнение и другой пары: «сени» («и сени расширял густые») и «coverts» («and its thick coverts spread»). Словари нам дают следующие дефиниции:

Сени (сень) — *покров, полог, укрытие, образуемое кронами деревьев,*

их ветвями, листвой, (отсюда и пушкинское «под сень черемух и акаций»); навес покров

Covert — *an area of thick low bushes and trees where animals can hide*. Т.е. это прежде всего маскирующее устройство, укрытие для дичи.

Несовпадение значений очевидно.

Еще один пример из первой строфы — это русский «приют» и его английское соответствие «retreat». **Приют —** *место, где можно укрыться от чего-нибудь, отдохнуть, пристанище, прибежище.* **Retreat** — *a quite private place that you go to in order to get away from your usual life: a country retreat.*

Это тот случай, где, казалось бы, можно говорить об эквивалентности данных слов: и там, и там это тихое спокойное место, где можем отдохнуть, найти прибежище. Но английское «retreat» означает также военное отступление от врага, и соответствующий глагол означает *отступать*, причем вынужденно. Такой «военный» оттенок отсутствует в русском слове.

Кроме слов, взятых и первой строфы, были проанализированы еще две пары соответствий из второй строфы, в которой дается описание господского дома. Это «в**ысокие покои — tall chambers**» и **«обветшалый — antiquated»**

Покой — *жилое помещение (уст.), комната. Крытое помещение для отдыха, горница, палата (царевы покои)*. Но эти значения связаны и с другими — *отсутствие движения и шума, с**покой**ное физическое и душевное состояние.*

Chamber — *a hall in a public building. Room.*

Итак, общее значение — это «комната», но все остальное отличается. Это отличие увеличивается, если поставить рядом «господский дом уединенный» с «высокими покоями» и «manor house», в котором «tall chambers». А если сюда добавить «ключницу», с которой «деревенский старожил лет сорок бранился», и «книгу расходов», с одной стороны, а с другой — «housekeeper» и «notebook of expences», то получим совсем разные картины.

И последний пример. **Обветшалый** — пришедший в ветхость. Глагол «ветшать» означает *разрушаться, приходить в негодность от долгого употребления, от времени и т.п.; стареть.* **Ветхий** - *старый, престарелый.*

Antiquated — *old-fashioned and no longer suitable for modern conditions* (не случайно появляется в переводах *gone out of fashion*).

В русском слове доминирует значение «разрушение от старости», в английском — «выход из моды».

Итак, какой же вывод можно сделать из приведенных примеров? Со-

вершенно очевидно, что в процессе перевода происходит своего рода приравнивание значений и осуществляется оно через «обозначение», как и пишет Э. Косериу. Текст В. Набокова являет собой доказательство того, что переводчик переводит «обозначения», для чего очень тщательно анализируются исходные значения и выбираются переводные. Однако «приравненные» в переводе значения хотя и указывают, казалось бы, на одну внеязыковую сущность, но делают это по-разному, давая различные о ней представления, одно — *наше,* другое — *чужое*. Рождаются эти различия как раз из-за различия в значениях. И иначе, по всей видимости, и быть не может, поскольку нельзя перенести в другой язык и нерасторжимую связь слов, и их многосмысленность, и все те неуловимые эмоциональные оттенки, которыми обладает слово в своем родном языке. В этом и заключается трагедия и нищета перевода, но в этом же и его блеск, поскольку он дает возможность увидеть иную (отличную от своей) систему значений.

Литература

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М., 1980.

Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. М., 1980.

Комлев Н.Г. Слово в речи: денотативные аспекты. М., 1992.

Косериу Э. Контрастивная лингвистика и перевод: их соотношение // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1989. Вып. XXV. С. 63-81.

Рецкер Я.И. О закономерных соответствиях при переводе на родной язык // Теория и методика учебного перевода. М., 1950. С. 67-82.

Чуковский К.И. Высокое искусство. М., 1981.

Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М., 1988.

Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 16-25.

Ярцева В.Н. Контрастная грамматика. М., 1981.

Pushkin A. Eugene Onegin. A novel in Verse / Translated from the Russian, with a Commentary by V. Nabokov. Prinston University Press, 1990.

Словари

Большой англо-русский словарь: В 2 т. / Под общ. рук. И.Р. Гальперина. М., 1979.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1995.

Новый большой англо-русский словарь: В 3 т. / Под общ. рук. Ю.Д.Апресяна и Э.М.Медниковой. 3-е изд., стереотип. М., 1999.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1991.

Словарь активного усвоения лексики английского языка. М., 1988.

Словарь русского языка: В 4 т. М., 1984.

Advanced Learner's Dictionary of Current English by A.S. Hornby, E.V. Gatenby, H. Wakefield. Oxford University Press, 1968.

Longman Dictionary of English language and culture. Addison Wesley Longman Limited, 1998.

New Expanded Webster's Dictionary. Miami, 1993.

Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford University Press, 2003.

:Контрастивная текстология

Е.Б.Яковенко

О контрастировании библейских текстов – первоисточников и переводов

Contrasting original Bible texts and Bible translations is an integral part of modern Bible studies. These studies allow to oppose words, their forms, their contexts and Bible texts taken in their entity. A new method of analysing the vocabulary of Bible texts consisting in application and back application (reapplication) of contexts of some Bible texts on others can be applied to original texts and translations into one or several modern languages. The method enables the researcher to find the differences in the semantics and functioning of key words and their contexts in Bible translations and build a system of equivalents.

Первые попытки контрастирования библейских текстов – первоисточников и переводов или же нескольких переводов, выполненных на один язык, – возникли, по-видимому, очень рано, носили долгое время интуитивный характер и легли в основу как библейской переводческой практики, так и библейской герменевтики. Именно сопоставление первоисточников и уже существующих переводов и неудовлетворенность качеством последних подталкивали переводчиков к поиску новых способов передачи исходных библейских смыслов.

Рост числа библейских переводов на современные языки и существование в одно и то же время библейских переводов различных типов (буквальный, подстрочный, ближайший естественный, вольный и др.), что не было характерно для предшествующих эпох, способствовали в последние десятилетия появлению сопоставительных исследований на библейском материале. Контрастивное направление в библейских исследованиях является относительно новым и, на наш взгляд, недостаточно активно разрабатываемым. Несмотря на существование и за рубежом, и в России прочных переводческих традиций и множества работ, посвященных вопросам перевода (в том числе библейского) и теории эквивалентности [Ваард, Найда 1998; Перевод Библии 1990; Margot 1979 и др.], а также толкования исходного текста Библии, на сегодняшний день имеется крайне мало сопоставительных исследований на материале первоисточников и переводов. Это объясняется, по-видимому, тем, что первоисточники и переводы Библии находятся в фокусе двух несходных дисциплин: библеистики, имеющей дело главным образом с текстами-первоисточниками, и библейского перевода, занимающегося общими

принципами перевода Писания и созданием переводов Библии на современные языки. Библеистика выступает по отношению к библейскому переводу как самодостаточная отрасль, в то время как библейский перевод опирается на ее данные и разрабатывает собственные теории и принципы. Однако в практике современного библейского перевода не всегда в полной мере используются достижения библеистики, и создание новых переводов (равно как и их контрастирование без привлечения данных первоисточников) нередко не имеет достаточного научного обоснования.

В силу вторичного характера текстов библейских переводов любое их описание имеет смысл лишь при сопоставлении этих текстов с первоисточниками. Мы видим, таким образом, в контрастировании библейских переводов и первоисточников не самоцель и даже не некий промежуточный этап, необходимый для дальнейшего анализа библейских переводов, а неотъемлемую часть самого́ этого анализа.

«Многослойность» библейского, как и всякого, текста, позволяет описывать библейские переводы на основе различных подходов: филологического, лингвистического, коммуникативного, лингвокультурологического и др. В рамках лингвистики текста возможно изучение семантико-когнитивных, морфологических, синтаксических, стилистических свойств единиц перевода – разумеется, в сопоставлении с соответствующими единицами первоисточника. При этом следует отметить, что ввиду значительных различий в строе языков первоисточников и языков переводов (по крайней мере, на современные германские языки) морфологические расхождения между библейскими текстами имеют чаще всего общеязыковой характер и не определяют специфику перевода. Синтаксическое контрастирование также оказывается недостаточно эффективным, поскольку синтаксис перевода в значительной степени следует синтаксису первоисточника. Стилистическое своеобразие перевода определяется набором выразительных средств, уместностью их употребления, сохранением или утратой стилистических приемов оригинала и выявляется вслед за анализом лексико-грамматической организации перевода.

В тех случаях, когда библейские переводы являются именно переводами, а не вольными переложениями исходного текста, максимум различий между ними и первоисточниками приходится на лексику. Следовательно, при работе с библейскими текстами наибольшее внимание должно быть уделено их семантико-когнитивной организации. Содержание ключевых библейских понятий исследуется в трудах по теологии, но при этом остаются мало изученными национально-специфичные языковые средства выражения этих понятий в переводах. Однако за лексическими различиями, обнаруживаемыми между первоисточниками и переводами даже при поверхностных наблюдениях, стоят более глубокие различия

концептуального характера.

При контрастировании лексики библейских переводов во внимание должны приниматься такие факторы, как многозначность лексики текста-первоисточника и возможность различного ее толкования, наличие ошибок и неточностей в существующих переводах, использование переводчиками несходной лексики в силу их приверженности различным принципам перевода. Сопоставительный анализ лексики библейских текстов (текста-первоисточника и текста перевода или текстов нескольких переводов) направлен не столько на поиск существующих между переводами языковых различий (они неизбежны), сколько на выявление национально-языковой специфики выражения библейских понятий и – в конечном счете – на уточнение самих понятий.

Исследователь библейской лексики также должен хорошо осознавать, что истолкование любой единицы вне контекста может привести к смысловым искажениям, и работать одновременно и с самими единицами, и с их контекстами. Термин «контекст», взятый в отношении Библии, позволяет множественное толкование. В первую очередь выделяются макроконтекст – текст всего произведения – и микроконтекст – ближайшее окружение единицы, но при подобном подходе не учитываются отрезки текста, занимающие промежуточное положение между макроконтекстом и микроконтекстом. В данном исследовании мы считаем возможным понимать термин «контекст» двояко – как контекст отдельного библейского стиха (традиционно выделяемое и в некоторой степени формальное целое) и как минимальное окружение единицы (словосочетание, входящее в состав стиха).

Таким образом, объектом контрастивных исследований, проводимых на библейском материале, могут быть отдельные единицы, их формы, их контексты и, наконец, сами библейские тексты. Покажем, как может быть совмещен в рамках одного подхода анализ лексических единиц и их контекстов в первоисточниках и переводах Библии.

Метод лексико-контекстуального апплицирования и реапплицирования [Яковенко 2007] разработан нами применительно к библейскому материалу. Сущность предлагаемого метода заключается в наложении совокупности контекстов некоторой единицы перевода I на соответствующие отрезки текста перевода II, благодаря чему для данной единицы устанавливается ряд эквивалентов. В переводе II каждый из эквивалентов исследуемой единицы, обладая своей системой значений, образует совокупность своих контекстов, не обязательно соотносимых с этой единицей. При обратном наложении (реапплицировании) совокупности контекстов этих эквивалентов на соответствующие отрезки перевода I совпадение с контекстами искомой единицы будет лишь частичным, и воз-

никает ряд новых эквивалентов, которые, в свою очередь, будут иметь уже свои эквиваленты при очередном наложении на перевод II и т.д. Таким образом, при каждом новом наложении контекстов в анализ вовлекаются всё новые единицы, и их референтные области могут значительно отстоять от референтной области первоначально исследуемой единицы. Несоответствия в употреблении единиц в апплицируемых текстах и текстах, на которые выполняется апплицирование, создают основу для новых сопоставлений, и поиск межъязыковых эквивалентов может – теоретически – продолжаться до бесконечности, хотя на практике первые два этапа, то есть собственно апплицирование и реапплицирование, оказываются достаточными.

Рассмотрим использование метода лексико-контекстуального апплицирования и реапплицирования в сопоставительном анализе единиц первоисточников и двух известнейших переводов Библии на английский и немецкий язык – Библии короля Якова (King James Bible. Authorized Version) [The Holy Bible 1989] и Библии Мартина Лютера (Lutherbibel) в редакции 1912 г. [Die Bibel 1991] (далее – KJB и MLB соответственно). Интерес представляет употребление в этих переводах слов *body* и *Leib* ‘тело’, способных передавать крайне важное для христианского учения понятие. Эквиваленты этих слов в древнееврейском тексте Ветхого Завета и греческом тексте Нового Завета определяются по конкордансу Стронга [Strong 1989].

Лексико-контекстуальное апплицирование и реапплицирование включает в данном случае следующие этапы:

I, II – сплошная выборка из текста английского перевода контекстов английской единицы и выполнение той же операции для немецкой единицы: KJB – *body* (208 употреблений), MLB – *Leib* (264 употребления);

III, IV – апплицирование на первоисточники: поиск древнееврейских (для Ветхого Завета) и греческих (для Нового Завета) эквивалентов английской и немецкой единиц: англ. *body* (мн.ч. *bodies*) и нем. *Leib* (мн.ч. *Leibe*) → др.-евр. *basar* ‘плоть, тело, мясо’, *geshem* ‘тело’, *beten* ‘1) чрево, утроба, живот; 2) внутренность’, *she’er* ‘1) плоть, тело; 2) родство, родственник, единокровный; 3) мясо, пища’ (только для KJB), *gevah* ‘тело’ (только для KJB), *geviyah* ‘1)тело; 2) труп’, *yarek* ‘бедро, стегно, чресла’ (только для KJB), *guwphah* ‘тело, труп’, *nebelah* ‘труп, мертвечина’; греч. σώμα ‘тело’, σάρξ ‘плоть как 1) мясо; 2) тело, труп; 3) человеческая греховная природа’ (только для MLB), κοιλία ‘1) живот (брюшная полость), желудок, внутренности; 2) чрево, утроба’ (только для MLB).

V, VI – реапплицирование: подбор для каждого выявленного в ходе апплицирования древнееврейского и греческого слова новых эквивалентов в языке перевода:

др.-евр. *basar* ‘плоть, тело, мясо’ (269 употреблений) → KJB: *flesh, mankind, body;* MLB*: Fleisch, Leib, fleischlich*;

geshem ‘тело’ (5 употреблений) → KJB: *body*; MLB: *Leib;*

beten ‘1) чрево, утроба, живот; 2) внутренность’ (72 употребления) → KJB: *body, belly, womb;* MLB*: Leib, Bauch, Mutterleib*;

she’er ‘1) плоть, тело; 2) родство, родственник, единокровный; 3) мясо, пища’ (16 употреблений) → KJB: *flesh, body, kin, kinsman(-woman);* MLB: *Fleisch, Blutsfreund(-in), Gute*;

gevah ‘тело’ (1 употребление) → KJB: *body;* MLB*: er;*

yarek ‘бедро, стегно, чресла’ (34 употребления) → KJB: *body, thigh, loins, side;* MLB*: Hüfte, Seite, Bauch*;

geviyah 1) тело; 2) труп’ (13 употреблений) → KJB: *body, carcase, corpse;* MLB*: Leib, Leichnam*;

guwphah тело, труп’ (2 употребления) → KJB: *body;* MLB*: Leichnam*;

nebelah ‘труп, мертвечина’ (48 употреблений) → KJB: *carcase, body; MLB: Aas, Leichnam*.

греч. σώμα тело’ (146 употреблений) → KJB: *body;* MLB*: Leib, Körper* (pl.);

σάρξ ‘плоть как 1) мясо; 2) тело, труп; 3) человеческая греховная природа’ (151 употребление) → KJB: *flesh;* MLB*: Fleisch, Leib*;

κοιλία ‘1) живот (брюшная полость), желудок, внутренности; 2) чрево, утроба’ (23 употребления) → KJB: *womb, belly;* MLB*: Leib, Bauch, Mutterleib*.

Очевидно, понятие тела имеет принципиально различный план выражения в первоисточниках и переводах. В первоисточниках идеи плоти и тела смешиваются, и это хорошо видно по недифференцированным обозначениям одних и тех же сущностей. В английском и немецком языках развиваются различные обозначения для человеческой природы, «материала» и для «вместилища» души, так что изначальные смыслы объективируются в KJB и MLB как в словах *flesh* и *Fleisch*, так и в словах *body* и *Leib* (соответственно). В то же время единицы *body* и *Leib* оказываются способными выражать понятие тела только в самом общем смысле, и в процессе реаппликации рядом с ними в качестве эквивалентов древнееврейских и греческих единиц оказывается множество слов, косвенно передающих идею телесности (обозначения туловища, утробы, внутренностей; мяса животных и т.д.), что свидетельствует о несовпадении рамок самих понятий тела в картинах мира первоисточников и переводов Библии.

Проблема эквивалентности лексики первоисточников и библейских переводов также решается при помощи апплицирования контекстов, что позволяет не только выявить соответствия и несоответствия между пер-

воисточниками и библейскими переводами, но и определить их характер. Соответствия и несоответствия могут прослеживаться как между отдельно взятыми ключевыми словами, так и между их ближайшими окружениями, то есть микроконтекстами. При взаимном апплицировании библейских контекстов возможны следующие типы эквивалентности:

1. Семантическое тождество ключевых слов при структурно-семантическом тождестве контекстов.

2. Семантическое тождество ключевых слов при отсутствии структурно-семантического тождества контекстов – по-видимому, наиболее распространенный тип эквивалентов. На фоне семантического тождества ключевых слов разных переводов различия между контекстами приобретают второстепенный характер. Это, в основном, грамматические несоответствия, обусловленные различиями в предложном управлении, оформлении предикатива, выражении субъектно-объектных отношений.

3. Отсутствие семантического тождества ключевых слов при структурно-семантическом тождестве контекстов. Это наиболее сложный тип эквивалентов, но знание лексики текста-первоисточника снимает разночтения и позволяет правильно интерпретировать отрывки.

4. Отсутствие семантического тождества ключевых слов и отсутствие структурно-семантического тождества контекстов.

Выявленные типы эквивалентов оказываются в неравном соотношении. Как показывает анализ, наиболее распространенными оказываются эквиваленты типов 1 и 2, свидетельствующие об идентичном восприятии переводчиками оригинального текста и его адекватной передаче средствами нескольких языков. Эквиваленты типа 3 не свидетельствуют об отходе от текста первоисточника, и это подтверждается сохранением структурно-семантической организации контекста. Использование в сопоставляемом тексте ключевого слова, отличного от ожидаемого, говорит, как правило, о том, что соответствующее слово в первоисточнике обладало многозначностью и могло охватывать более широкую сферу действительности, включающую и референтную область исследуемого слова. Эквиваленты типа 4 достаточно редки, т.к. позволяют иное прочтение и говорят о значительном отступлении от первоначального текста. Соблюдение формальной и смысловой преемственности между оригиналом и переводом не позволяет переводчику часто прибегать к созданию эквивалентов этого типа.

Итак, метод лексико-контекстуального апплицирования и реапплицирования, используемый в анализе отдельных единиц и их контекстов в первоисточниках и переводах Библии на различные языки, позволяет описывать функционирование единиц в контексте, сопоставлять контексты в нескольких переводах, определять межъязыковые эквиваленты

единиц и выявлять различия в их контекстах. Метод может использоваться в контрастивных библейских исследованиях, создавая тем самым промежуточный этап между описанием отдельных единиц и анализом текста.

Литература

Ваард, де Я., Найда Ю. На новых языках заговорят. Пер. с англ. СПб., 1998.

Перевод Библии. Введение в принципы перевода. Сост. К.Барнуэлл. Пер. с англ. Бурлах; Хольцхаузен, 1990.

Яковенко Е.Б. Homo biblicus. Языковой образ человека в английских и немецких переводах Библии (опыт концептуального моделирования). М., 2007.

Margot J.-C. Traduire sans trahir. La théorie de la traduction et son application aux textes bibliques. Lausanne, 1979.

Die Bibel nach der Übersetzung Martin Luthers. Berlin; Altenburg, 1991.

Holy Bible. Authorized King James Version. USA: World Bible Publishers, 1989.

Strong J. Strong's Exhaustive Concordance of the Bible. USA: World Bible Publishers, 1989.

В.И. Карпов

Конструкции с генитивным атрибутом в древнегерманских переводных текстах в контрастивном аспекте

Im Beitrag wird die Frage erörtert, wodurch die Wahl und der Gebrauch der Modelle von bestimmter Struktur in den gotischen und altgermanischen Bibelübersetzungen bedingt sind. Als Stoff dienen substantivische Wortverbindungen des Modells "Subst. + Subst. Gen." Dabei werden vorwiegend die uns zugänglichen gotischen Texte mit Berücksichtigung der griechischen Originalunterlage einer detaillierten Analyse unterzogen.

Сочетания с приименным родительным являются одними из самых распространенных конструкций в индоевропейских языках. Отмечается прежде всего их топологическая типизированность, которая проявляется в наличии структурно подобных моделей в разных языках: данные словосочетания представляют собой двучленные конструкции, состоящие из определяемого и определяющего слов, причем зависимое слово может находиться как в постпозиции, так и в препозиции к ядерному слову и обладает специальным грамматическим показателем соотнесенности с

ним [Blatz 1896, 357-385]. Таким показателем выступает флексия родительного падежа. Нередко в группах с приименным родительным появляется элемент, который выполняет подобную функцию, но употребляется с определяемым словом.

Во флективных языках для оформления генитивной атрибутивной группы достаточно показателя родительного падежа, выраженного соответствующим окончанием имени существительного. В то же время наблюдается активное проникновение артикля в подобные словосочетания, даже если этот элемент носит формальный характер, т.е. дополнительно указывает на падеж существительного при наличии у последнего окончания, четко маркирующего его парадигматическую принадлежность (например, определенный артикль в немецком языке в генерализирующей функции в словосочетаниях типа *das Dach des Hauses* ‘крыша дома’, где оба конституента не конкретизируются, а употребляются в обобщенном значении, при этом зависимое слово имеет четкий показатель генитива единственного числа для мужского и среднего рода).

Конструкции с присубстантивным родительным в древнегерманских языках представлены очень широко. Здесь различаются два основных топологических типа: сочетания с приименным родительным в постпозиции и препозиции. Местоположение родительного атрибута по отношению к ядерному слову довольно свободно, преобладание той или иной модели в корпусе тексов связано со спецификой формирования литературно-письменного узуса в древнегерманскую эпоху, со степенью зависимости письменной традиции от норм церковной латыни или древнегреческого языка Нового Завета.

В ***древнеанглийском*** языке, по данным Р.Томаса, соотношение родительного приименного в препозиции и постпозиции в христианских текстах IX-X вв. составляет 52,4% и 47,6%, к началу XI века оно достигает показателей 69,1% и 30,9% соответственно (ссылка на исследования Р.Томаса см. [Fries 1940, 205]). Подсчет количества употреблений субстантивных словосочетаний с атрибутивным генитивом у Эльфрика показал, что приименный родительный в 84% случаев предшествует основному слову [Bungenstab 1933, 6]. Лексический объем словосочетаний может быть весьма разнообразным. Модели расширяются за счет артикля и указательных местоимений. Часто в функции расширителей употребляются притяжательные местоимения. Один из конституентов словосочетаний нередко сопровождается согласованным прилагательным. При дистантном расположении конституентов медиальную позицию могут занимать как местоимения, так и числительные.

В ***древневерхненемецком*** языке препозитивный родительный употребляется почти в 60% случаев (56,94% к 43,06%) [Новикова 2004, 143].

В некоторых текстах, относительно самостоятельных и независимых от влияния латинских образцов, этот показатель составляет 69% [Есказина 1988, 126]. Даже в переводных текстах, несмотря на незначительное увеличение случаев употребления постпозитивного генитива, словосочетания с препозитивным родительным преобладают. Так, например, при выборочном анализе именных групп в тексте Татиана выяснилось, что из 49 случаев употребления словосочетаний с приименным родительным лишь 13 представляют собой собственно структурные кальки латинских атрибутивных групп с постпозитивным генитивом, в то время как в 36 случаях в древневерхненемецком тексте зафиксированы словосочетания с приименным родительным в препозиции вне зависимости от топологического типа соответствующей латинской конструкции [Есказина 1988, 125]. Расширение субстантивных словосочетаний в древневерхненемецком происходит по тому же принципу, что и в других древнегерманских языках. В качестве элементов расширения выступают артикли или указательные местоимения: *thes accares lilia* ‘поля лилия’ (T. 38, 4); *dhera nadrun hol* ‘этой змеи нора’ (Is. XXV, 16); *kuning theroro liuto* ‘король тех людей’ (Is. I, V, 29); притяжательные местоимения: *taga sinero subarnessi* ‘дни его очищения’ (T. 7, 2); числительные и согласованные прилагательные: *spahida dhes gotlihhin fater* ‘мудрость божественного отца’ (Is. II, 14); *thes uuibes eristo kind* ‘этой женщины первый ребенок’ (O. I, XIV, 21). Комбинация элементов расширения может иметь разнообразные варианты: *fater dhera zuohaldun uuerdaldi* ‘отец будущего мира’ (Is. V. 4); *alles mines libes frist* ‘всей моей жизни срок’ (O. V. 23. 226); *in dhes aldin uuizodes boohum* ‘в тех старых пророках книгах’ (Is. IV. 16).

В ***древненидерландском*** языке отмечаются частые примеры употребления приименного родительного, стоящего обычно в постпозиции к ядерному существительному. По мнению исследователей, на ранних этапах приименный родительный имел значительно более свободное и интенсивное распространение, чем в современном нидерландском языке. Наиболее продуктивными были модели, в которых зависимое слово было представлено именем существительным мужского рода. На них приходится большинство примеров употребления приименного родительного в препозиции. Препозитивный посессивный встречался с существительными как “сильного” склонения с окончанием родительного падежа *-es* и формами артикля *des (dis)*, так и слабого на *-en*, этимологически более древнего и воспринимавшегося уже в средненидерландский период как архаизм.

Препозитивный родительный был присущ многим поэтическим произведениям, что, видимо, было связано с частым использованием субстантивного ядра в рифме. Постпозитивный родительный в нидерланд-

ском по сути своей более древний, чем препозитивный, и встречается гораздо чаще в переводных прозаических произведениях как светского, так и религиозного содержания, например, *dat rike Gods* ‘царство Божье’. В сочетаниях с местоимениями и согласованными определениями в медиальной позиции было характерно дублирование окончания *-s* во всех элементах, например, *eens rijcs mans sone* ‘одного богатого человека сын’, что также носит архаичный характер. В примерах с существительными среднего рода в качестве ядра в древненидерландском преобладают модели с постпозитивным родительным, что, видимо, связано с партитивным характером самих сочетаний и абстрактной семантикой конституентов. Наиболее четко это проявляется в сочетании с именами существительными женского рода: при обозначении лиц употребляется препозитивный родительный, при обозначении имен неличной и абстрактной семантики - постпозитивный. Картина коренным образом меняется в средненидерландский период, когда препозитивный генитив начинает доминировать [Stoett 1923, 102-105; Миронов 2001, 84-87].

В ***готских*** новозаветных переводах модели словосочетаний с постпозитивным приименным родительным абсолютно доминируют (1252 примера, или 95,4 %), что объясняется достаточно просто: они отвечают основному топологическому типу именных словосочетаний в греческом тексте. В готском переводе крайне редко встречаются случаи отклонения от греческого порядка следования конституентов. В то же время примеров употребления моделей с препозитивным генитивным определением в новозаветных переводах зафиксировано очень мало – всего 60, что составляет 4,58 % от общего числа субстантивных словосочетаний с приименным родительным. Нерасширенная модель Ng+N доминирует: она представлена 49 примерами, в то время как лишь в 11 случаях данная модель расширяется за счет дополнительных элементов. При их сопоставлении, с одной стороны, с доминирующей моделью в готских текстах (N+Ng) и, с другой стороны, с греческими единицами, спровоцировавшими появление препозитивного родительного вместо постпозитивного, становится очевидным, что использование той или иной модели в тексте перевода также тесно связано со спецификой употребления разноструктурных единиц в греческом оригинале.

Поскольку в греческих текстах преобладают субстантивные словосочетания с постпозитивным родительным, то и в готских переводах модели данного типа составляют самую обширную группу. Такое точное структурное соответствие объясняется не только тем, что при переводе необходимо сохранить порядок следования конституентов в словосочетании, но и тем, что в самом “принимающем” языке имеются благоприятные условия, т.е. словосочетания с приименным родительным доста-

точно распространены, поэтому оказывается возможной адекватная передача греческих генитивных конструкций на готский язык. При переводе сохраняется общая топологическая схема – словосочетанию с постпозитивным родительным в греческом соответствует структурно идентичное словосочетание в готском.

Сложнее обстоит дело с передачей объема словосочетаний. Как правило, расширенные модели именных сочетаний в готском языке формально не соответствуют греческим. Это касается, прежде всего, субстантивных словосочетаний, в которых артиклеобразный элемент употребляется независимо от наличия и позиции артикля в греческом языке. Так, в готском конституенты могут не сопровождаться детерминантами, в то время как в греческом оба существительных стоят с артиклем, или детерминант может отсутствовать у одного из конституентов при наличии артикля у соответствующего существительного в греческом языке.

Позиция детерминанта (если таковой имеется) по отношению к конституентам словосочетания, как правило, может совпадать с позицией артикля у греческого существительного. Впрочем, здесь требуется известная осторожность в определении точности передачи греческих конструкций готскими переводчиками, поскольку позиция артикля варьировалась в греческом языке. Однако в новозаветных текстах позиционных расхождений в оригинале и в готском переводе не зафиксировано. Основное отличие, таким образом, заключается в неравномерном распределении элементов детерминации.

Как уже упоминалось, для структуры готских субстантивных словосочетаний определяющим является греческая модель, задающая в большинстве случаев порядок следования конституентов. Это правило действует и для конструкций с препозитивным генитивом. В 37 случаях готские словосочетания с приименным родительным в препозиции передают соответствующие греческие. С учетом незначительного количества примеров употребления препозитивного генитива необходимо признать, что случаи отклонения от греческой модели встречаются нередко (1/4 от общего числа примеров). Чаще всего готское словосочетание передает греческое сложное слово (6 примеров): *witodis garaideins* [Рим 9, 4] ‘закона положение’, *galiugagude skalkinassus* [Гал 5, 20] ‘идолам служение’, *airþos waurstwja* [2 Тим 2, 6] ‘земли рабочий’, *dulgis skula* [Лк 7, 41] ‘заима должник’, *barne gabaurþ* [1 Тим 2,15] ‘детей рождение’, *suniwe sibja* [Гал 4, 5] ‘сынов родство’.

В двух случаях готскому словосочетанию соответствует производное существительное в греческом: *in galiuge stada* [1 Кор 8, 10] ‘в идолов месте’, *barne barna* [1 Тим 5, 4] ‘детей дети’.

В остальных случаях в греческом тексте встречаются словосочетания

различной структуры, например:

- N+Ng, например, *skalkinassus jukuzja* [Гал 5,1] ‘рабства игу’ - *ζυγω δουλείας* ‘ярмо рабства’*;*
- Adj+N, например, *anafilhis book* [2 Кор 3,1] ‘одобрения письма’ - *συστατικων επιστολων* ‘одобрительных писем’*;*
- N+V, например, *unriureins arbjo* [1 Кор 15, 50] ‘нетления наследник’ - *την αφθαρσίαν κληρονομει* ‘нетления наследует’.

Итак, в германских текстах вне зависимости от их происхождения и жанровой принадлежности препозитивный генитив начинает преобладать. Это можно объяснить, видимо, тем, что во многих древнегерманских языках доминирование препозитивного несогласованного атрибута было связано с усилением тенденции к переходу от общей синтаксической структуры SOV к SVO. В готских переводах, напротив, доминируют словосочетания с постпозитивным приименным родительным в силу объективных причин – данные модели отвечают основному топологическому типу именных словосочетаний в греческом тексте, а готский перевод крайне редко допускает отклонение от схемы, заданной греческим оригиналом.

Литература

Есказина С.С. Развитие именной группы в языке древневерхненемецкой письменности. Дис. …канд.филолог.наук. М., 1988.

Миронов С.А., Зеленецкий А.Л., Дренясова Т.Н. Историческая грамматика нидерландского языка. Книга 2. Синтаксис. Калуга, 2001.

Новикова М.В. Семантика и форма субстантивно-адъективных словосочетаний в древневерхненемецком. Дис. …канд.филол.наук. Калуга, 2004.

Blatz, F. Neuhochdeutsche Grammatik mit Berücksichtigung der historischen Entwicklung der deutschen Sprache. Tauberbischofsheim, 1896.

Bungenstab, E. Der Genetiv beim Verbum und sein Ersatz im Laufe der englischen Sprachgeschichte. Bresslau, 1933.

Fries, Ch.C. On the Development of the Structural Use of Word-Order in Modern English // Language, vol. 16, № 3. 1940. P. 199-208.

Stoett, F.A. Middelnederlandsche Spraakkunst. Syntaxis. Gravenhage, 1923.

Т.В.Топорова

Контрастивный анализ обозначений флоры в эпосе: древнеисландская «Старшая Эдда» vice versa русские былины[1]

The data gathered from the study of the *Elder Edda*, an Old Icelandic poetic monument reflecting a mythopoeic model of the world are compared with the designations of flora in Russian epic poems, giving the study an Indo-European dimension. The linguistic data are not considered separately but related to extralinguistic factors – the “world of things” – as well as the role of plants in German mythology (in the creation myth, eschatology (concept of the “fate of the gods”), the myth of the slaying of the god Baldr, and the myth of the “honey of poetry”) .

Несомненным вкладом Виктории Николаевны Ярцевой в развитие отечественной лингвистики можно считать создание теоретической базы контрастивной лингвистики, основные тезисы которой были сформулированы в «Контрастивной грамматике». Научные интересы Виктории Николаевны в данной сфере реализовались прежде всего, как это явствует из названия её монографии, в пределах грамматической подсистемы, однако, поиск общего и специфического правомерен и на других языковых уровнях, в частности, семантическом.

Цель настоящей заметки – продемонстрировать принципы контрастивной лингвистики, разрабатываемые в трудах Виктории Николаевны Ярцевой, на примере анализа определённой группы лексем в древнеисландской «Старшей Эдде» и русских былинах.

Прежде чем перейти к непосредственному изучению материала, следует, во-первых, дать краткую характеристику источников и, во-вторых, обосновать целесообразность их сопоставления.

Древнеисландская "Старшая Эдда" сохранилась до наших дней в составе нескольких рукописей[2]. Она включает песни мифологического и героического содержания, в течение длительного периода функционирующие в устной традиции. К числу наиболее дискуссионных проблем скандинавистики относятся как датировка "Старшей Эдды", варьирующая от V до XII вв., так и ее локализация (либо в южной Германии, либо в Норвегии или Исландии).

---

[1] Статья выполнена в рамках программы фундаментальных исследований секции языка и литературы ОИФН РАН «Текст во взаимодействии с социокультурной средой: уровни историко-литературной и лингвистической интерпретации».

[2] Ср. Codex Regius, вторая половина XIII в.; AM 748, начало XIV в.; Hauksbók, начало XIV в..

Что касается русских былин[1], то как отмечают специалисты, «процесс их создания хронологически охватывает очень длинный период, начиная с X в. Былины создавались в различных областях феодальной Руси - Киевской, Галицко-Волынской, Ростово-Суздальской, в Новгороде. В XV-XVII вв. занесенные в Московскую область былины подвергаются новым переработкам в соответствии с идеологией новой среды – боярской, казаческой и др. Одновременно не прекращается и образование новых песен. Это формирование былевого эпоса нужно считать в основном законченным в XVII в.» [Астахова 1935, 20]. Историческую основу былин составляет неустанное противостояние киевской Руси набегам кочевников - хазар, печенегов, половцев, татар - и защита торговых отношений от грозящих им опасностей. С точки зрения плана содержания исследователи предполагают, что "древнерусские воинские былины имеют два слоя: один составлен из хвалебных песен в честь князей, другой, более значительный по количеству, возник из недр самой дружины и выдвинул героев богатырей-дружинников <...>" [Астахова 1935, 15-16]. В жанровом отношении былины гетерогенны: воинские былины, былины-новеллы, посвященные заморской торговле, былины, функционирующие среди пилигримов и испытавшие на себе следы церковной обработки. На основании некоторых свидетельств с большой долей вероятности можно постулировать существование певцов-поэтов, восхвалявших военные подвиги в присутствии князя.

Объектом анализа являются произведения **одного** жанра – э п о с а : принадлежащая скандинавскому ареалу «Старшая Эдда» и русские былины. Возможность и необходимость контрастивного исследования «Старшей Эдды» и былин продиктована рядом обстоятельств, которые могут быть сгруппированы в несколько блоков:

1) экстралингвистические факторы:
   - синхронность описываемых событий (начиная с X в.);
   - функционирование в общей дружинно-княжеской среде;
2) формальные критерии:
   - принадлежность одному и тому же жанру – эпосу;
   - одинаковый тип творчества - безличное авторство, во-

[1]Русские былины цитируются по классическому изданию А.Ф. Гильфердинга, завоевавшему всеобщее признание специалистов благодаря наиболее полной репрезентации материала, максимальному охвату территорий функционирования былин, значительному временному отрезку, включившему все произведения данного жанра вплоть до момента публикации, а также доскональным сведениям об исполнителях.

площаемое в бытовании текста в устной традиции на протяжении длительного периода как в германском, так и в славянском ареалах;

- метрическая организация текста (поэтическая форма);
- адекватная структура текста – героические песни;

3) смысловые критерии:

- схожая тематика, посвященная прославлению воинских подвигов;
- репрезентация архаичной мифопоэтической модели мира

На наш взгляд приводимых выше аргументов вполне достаточно для того, чтобы обосновать правомерность сравнения данных древнеисландской и русской мифопоэтических традиций.

Поставленная нами задача – контрастивный анализ определённой лексической группы в эпосах двух ареалов - кажется вполне выполнимой, поскольку количество обозначений флоры в русских былинах (45) и в «Старшей Эдде» (57) несмотря на различный объём этих произведений словесного творчества вполне сопоставим.

Прежде всего, следует отметить черты изоморфизма, проявляющиеся на различных уровнях. Что касается инвентаря лексем, то обозначения одинаковых **денотатов** составляют значительную долю от общего их числа. Ср.:

др.-исл. *baðmr*, *meiðr*, *viðr*, *tré*, *þollr* ‘дерево’ - русск. дерево;
др.-исл. *scógr*, *viðr* ‘лес’, *holt*, *lundr* ‘роща’ – русск. *лес*, *дубрава*, *роща*;
др.-исл. *hrís*, *kiarr*, *runnr* ‘куст’ – русск. *куст*;
др.-исл. *sáð* ‘посев, зерно’ – русск. *сено*, *зерно*;
др.-исл. *gras* ‘трава’ – русск. *трава*;
др.-исл. *birkinn* ‘берёзовый’ – русск. *берёза*;
др.-исл. *Embla*, букв. ‘вяз’ – русск. *вяз*;
др.-исл. *eic* ‘дуб’ – русск. *дуб*;
др.-исл. *fura*, *þöll* ‘сосна’ – русск. *сосновый*;
др.-исл. *hesli*-kylfa ‘*ореха* посох’ – русск. *орех*;
др.-исл. *lind* ‘липа’ – русск. *липина*, липовый;
др.-исл. *ösp* ‘осина’ – русск. *осиновый*;
др.-исл. *epli* ‘яблоко’ – русск. *яблоко*;
др.-исл. *bygg* ‘ячмень’ – русск. *жито*;
др.-исл. *hveiti* ‘пшеница’ – русск. *пшеница*;
др.-исл. *lín* ‘лён’ – русск. *лён*;
др.-исл. *laucr* ‘лук’ – русск. *лук*;
др.-исл. *geir-laucr* ‘чеснок’ – русск. *чеснок*;
др.-исл. *lauf* ‘листва’ – русск. *лист*;

др.-исл. *barr* ‘хвоя’ – русск. *хвоя*;

др.-исл. *rót*, *tág*, *urt* ‘корень’ – русск. *корень*.

Специального упоминания заслуживает то обстоятельство, что около трети лексем (6 из 21) из приведённого списка восходят к общим индоевропейским корням (др.-исл. *sáð* ‘посев’ – русск. *сено*; др.-исл. *birkinn* ‘берёзовый’ – русск. *берёза*; др.-исл. *ösp* ‘осина’ – русск. *осиновый*; др.-исл. *epli* ‘яблоко’ – русск. *яблоко*; др.-исл. *lín* ‘лён’ – русск. *лён*; др.-исл. *laucr* ‘лук’ – русск. *лук* (германское заимствование).

Несмотря на различный объём эпических произведений двух ареалов их сопоставление в аспекте **валентности** обозначений флоры возможно, поскольку de facto в них реализуется одна и та же тенденция к выделению пиков частотности. Ср. др.-исл. *viðr* ‘дерево, лес’, встречающееся 23 раза и превышающее почти вдвое по количеству словоупотреблений своего ближайшего соседа – др.-исл. *scógr* ‘лес’, и русск. *дуб* (112 раз) на фоне *лес* (62).

Категория **числа** обнаруживает одну и ту же закономерность как в «Старшей Эдде», так и в русских былинах, а именно значительное преобладание обозначений флоры зафиксированных **только** в **ед. ч.** по сравнению с формами **только мн. ч.** (ср. в «Старшей Эдде» 60 лексем (**ед. ч**.) – 10 (**мн. ч**.); в былинах 10 (**ед. ч**.) – 4 (**мн. ч**.)), убедительно свидетельствующее о несомненном влиянии на выбор соответствующих граммем мифопоэтической модели мира, в которой каждый ключевой объект вселенной рассматривается как у н и к а л ь н ы й, возводится к своему прототипу в мифе творения и тем самым приобретает сакральность.

Сходство проявляется и в способе **деривации,** ср. словообразовательные модели *существительное > суффиксальное прилагательное* (др.-исл. *bjork* ‘берёза’ – *birkinn* ‘берёзовый’; русск. *дерево – деревянный*), метонимии *дерево > оружие из дерева* (др.-исл. *ascr* ‘ясень; копьё из ясеня’; русск. *вяз* ‘дерево; копьё из вяза’).

Общие **посессоры** включают две лексемы:

посессор	денотат в «Старшей Эдде»	денотат в былинах
ворон	*ворон* (*hrafn*) сидит на *дереве* (*á meiði*)	*ворон* сидит, кричит на *дубе*, увидеть *ворона* на *дубе*; *ворон* садится на *яблоню*
змея	*змеи* (*ormar*) лежат под *ясенем Иггдрасилем* (*undan asci Yggdrasils*) и мучают «*дерева ветки*» (*meiðs qvisto*)	*змея* улетает, падает во *ковыль-траву*

К числу общих **атрибутов** относятся:

атрибут	денотат в «Старшей Эдде»	денотат в былинах
белый	липовый щит (*lind*)	берёза, капуста
тёмный	лес (*viðr*)	лес
зелёный	лук (*laukr*)	дубрава, листочек
золотой	яблоко (*epli*)	верба
высокий	дерево (*baðmr*), побег омелы (*mistil-teinn*), трава (*gras*)	лес
сухой	дерево (*baðmr*), сосна (*fura*)	лес
сырой	дерево (*viðr*)	дуб
старый	дерево (*tré*)	дуб
славный	дерево (*baðmr*)	берёза, дуб

Судя по имеющимся данным, атрибуты подразделяются на три группы: цвет (*белый*, *тёмный*, *зелёный*, *золотой*), физические характеристики (*высокий*, *сухой*, *сырой*, *старый*) и оценочные признаки (*славный*); они образуют бинарные оппозиции (*белый – тёмный*, *сухой – сырой*) и наделены коннотациями, актуальными для мифопоэтической модели мира, - положительными (*золотой*) или отрицательными (*тёмный*), апеллируют к метапоэтическому описанию (*славный*, тот, о котором идёт *слава*, слухи). Если абстрагироваться от принадлежности лексем к определённой части речи, то к приводимым выше параллелям можно присоединить *шумящий лес* – др.-исл. *шумит ясень* (*ymr … tré*).

В качестве общего *квантификатора* фигурирует числительное *три*:

квантификатор	денотат в «Старшей Эдде»	денотат в былинах
три	*три корня* ясеня Иггдрасиля	на *трёх дубах* сидит Соловей разбойник; с *трёх дубов* падает Соловей разбойник

На основании цитируемых контекстов кажется вполне правдоподобным предположение об изоморфизме числа три в обоих эпических ареалах как символа целостности, единства денотата: *три корня* характеризуют мировое древо как совокупность *трёх миров*, которые они представляют, а *три дуба* по всей вероятности следует воспринимать как сакральную мультипликацию мирового древа.

Общие **предикаты** с у б ъ е к т а в высокой степени предсказуемы и мотивированы референтными свойствами денотата:

предикат	денотат в «Старшей Эдде»	денотат в былинах
быть	жёлудь (*acarn*), ясень (*ascr*), колос (*ax*), трава (*gras*), дерево (*tré*), корень (*urt*)	лес, овёс
падать	сосна (*fura*)	лес
расти	пашня (*acr*), хвоя (*barr*), лук (*laukr*), побег омелы (*mistil-teinn*)	верба, дерева, жито, куст, пшеница, трава
стоять	ясень (*ascr*), дерево (*baðmr*), корни (*rætr*), побег омелы (*mistil-teinn*)	дуб, лес
шататься	ясень (*ascr*)	лес

Предикаты о б ъ е к т а не столь многочисленны и в основном относятся к терминологии первичной обработки дерева:

предикаты	денотат в «Старшей Эдде»	денотат в былинах
вязать (при/отвязать)	лыко (*bast*)	от дуба, к дубу, на ковыль траву
рвать	с корнями (*rót*)	дуб, ковыль-траву, о лес, лист, лук, чеснок, траву
рубить	дерево (*viðr*), корень (*tág*)	дерево, лес

Предикаты л о к у с а весьма разнообразны:

предикаты	денотат в «Старшей Эдде»	денотат в былинах
бежать	по ясеню (*ascr*)	в лесу
быть	в лесу (*viðr*)	у дуба, в лесу
видеть	в лесу (*scógr*)	(ворона) во дубу
жить	в лесу (*scógr*)	у дуба
кричать	на дереве (*meiðr*)	на дубу
лежать	под деревом (*lundr*), под ясенем (*ascr*), в вереске (*lyng*)	под дубом
сидеть	на дереве (*meiðr*), на ветке (*lim*, *qvistr*), в тростнике (*reyr*)	у берёзы, у дуба
стоять	у дерева (*lundr*), под деревом (*þollr*), под ясенем (*ascr*), на ветке (*qvistr*), в лесу (*viðr*)	под дубом, в лесу, во мху
щебетать прогуркивать	в роще (*hrís*)	на дубе
убивать рубить	в лесу (*scógr*)	(татар) у дуба

Представители флоры, главным образом, *дерево* и *лес* выступают в функции локуса как место пребывания человека (*быть*, *жить*, *лежать*, *сидеть*, *стоять*) или птицы (*кричать*, *щебетать*) и территория сражения (*убивать*).

Предикаты направления, цели ограничиваются наиболее распространёнными глаголами движения:

предикаты	денотат в «Старшей Эдде»	денотат в былинах
ехать приехать	к ясеню (*ascr*), из леса (*scógr*)	мимо берёзу, ко берёзы, на дуб, к дубу, к лесам, в пол-лесу, повыше лесу
идти пойти	к роще (*holt*), к лесу (*scógr*), в лес (*viðr*)	на дуб, под дуб
приходить	из кустарника (*runnr*), из рощи (*holt*), из леса (*scógr*)	во дуб, со дуба
скакать пускать коня	(через) кусты (*kiarr*), лес (*scógr*, *viðr*)	во пшеницы, ко пшену

Предикаты инструмента наиболее редуцированы:

предикаты	денотат в «Старшей Эдде»	денотат в былинах
вязать повязать привязать	льняным покрывалом (*lín*)	кувыль-травой
расти	кустарником (*hrís*), луком (*laucr*), травой (*gras*)	лесом

В «Старшей Эдде» и русских былинах фигурирует **антитеза** *лес* (др.-исл. *Myrc-viðr* «Тёмный лес», лес – застава с дикими зверями) – *дом* как реализация противопоставления своего, освоенного человеком, и чужого, враждебного пространства, причём в обоих эпических произведениях конкретизируются отрицательные коннотации первого элемента антиномии, ср. ассоциацию *преступника*, *изгоя* с «*Тёмным лесом*» и проживание в *лесу неведомых людей*, *станичников-разбойников*).

Одно и то же **сравнение** используется в обоих эпосах: представители флоры, трактующиеся как совокупность однородных единиц, олицетворяют *вражескую силу*. Например, в «Старшей Эдде» противники Сигурда приравниваются к *траве*, а он сам – к возвышающемуся над ними *луку*, а в былинах *лес*, *роща*, *листочки*, *ковыль-трава* участвуют в создании образа *войска*.

В сфере **мифологии** также обнаруживается наличие общих мотивов:

- выделение трёх космических зон – верха, середины и низа с типичными обитателями (птицами, копытными животными, змеями) у

мирового древа;

- амбивалентность мирового древа (ср. наряду с Иггдрасилем «конём Игга (Одина) его название «Зло советующий» (др.-исл. *Læ-ráðr*) и жилище на дубе Соловья разбойника);
- *дерево* & *источник*: *озеро* под *ясенем* Иггдрасилем, мать Непра-*река*, вытекающая из-под *берёзы*;
- *дерево* & *судьба*: норны, наделяющие судьбой людей и богов из источника под *ясенем* Иггдрасилем, *дубовый столб* с надписями, манифестирующими будущее богатыря;
- *дерево – жребий*: «жеребьёвые палочки» (др.-исл. *hlaut-teinn*), бросаемые богами, стремящимися разгадать грядущие события, *дубовые* и *липовые жребии* Садко;
- жертвоприношение на дереве;
- *кривое дерево*: «*ветреное дерево*» (др.-исл. *vindga-meiðr*), на котором висит Один в акте самопожертвования, *покляпая берёза*, *сгибающийся дуб*.

Обозначения флоры выполняют сходные функции и в «**мире вещей**»:

явление	денотат в «Старшей Эдде»	денотат в былинах
деревообработка	рубить *корни* (*tág*), *лес* (*viðr*); строгать *дерево* (*meiðr*); вязать *лыко* (*bast*)	рубить *дерево*, *лес*
сельскохозяйственные работы	засевать, унавоживать *пашни* (*acr*); *дерево* – рукоятка, вращающая мельничный жёрнов (*möndul-tré*, *scap-tré*)	вывёртывать *коренья*, валить *коренья* в борозду, сечь ниву в *лесах*, косить *траву*, пахать *ржи*, *сенная* копна, *кленовая* соха
дом	*столб*-опора (*þollr*) в жилище; *дерево* – створка ворот (*tré*); *береста* (*næfr*) для крыши	*липина* (дверной косяк из древесины *липы*), *кленовые* стол, дверь
приготовление пищи	утяжелять хлеб *зерном* грубого помола (*sáð*)	*бобовое* зернедко, *овёс* с водой
ткачество	*дерево* для тканья (*meiðr*); прясть *лён* (*lín*)	*льняное* полотно
кораблестроение	*дерево* – мачта корабля (*tré*)	мачты класть красного *деревца*

Наряду с далеко идущим сходством, проявляемым на различных уровнях (языковом, мифологическом, денотативном), следует акцентиро-

вать внимание и на некоторых р а з л и ч и я х , наиболее релевантными из которых можно считать:

- только в былинах устанавливается зависимость между функционированием того или иного обозначения флоры и определённой былиной (ср. использование *вербы* только в вариантах былины «Два любовника», *жита* – в вариантах былины о Вольге и Микуле Селяниновиче, прилагательного *житный* – в вариантах былины об Иване Грозном) или закреплением за ним соответствующего места в **композиции** былины (ср. фигурирование *мха* в зачине и конце былины);
- при анализе **количества** словоупотреблений нельзя не обратить внимание на существенное различие, заключающееся в том, что в «Старшей Эдде» зафиксирован всего один пик частотности (др.-исл. *viðr*), тогда как в русских былинах их два (*лес* (62 раза), *дуб* (112 раз)), к тому же широкое распространение др.-исл. *viðr* может быть вызвано объединением в его семантической структуре трёх значений – '*дерево*', '*древесина*', '*лес*';
- категории **числа** свойственны некоторые различия в рассматриваемых памятниках письменности: в «Старшей Эдде» гораздо отчётливей выражена интенция к трактовке объекта как е д и н с т в е н н о г о в своём роде, реализующаяся в более чем шестикратном доминировании обозначений флоры **только** в **ед. ч.** по сравнению с формами **только мн. ч**., следствием которой является типичная для эпоса идеализация, в то время как в былинах представлен другой феномен – образование форм **мн. ч**. с собирательным значением и наличие у них отрицательных коннотаций, маркирующих их принадлежность стихии хаоса (ср. коренья вместо корни);
- в «Старшей Эдде» доминирует **словосложение**, в котором принимают активное участие обозначения флоры, а в былинах исключительная роль принадлежит *суффиксальному словообразованию*;
- в былинах нередки случаи, когда репрезентированы только *прилагательные*, образованные от соответствующих обозначений флоры, сами же *существительные* отсутствуют, а в «Старшей Эдде» подобная ситуация не отмечена;
- для эддических обозначений *дерева* характерна **синонимия** (ср. большое количество общих наименований), в былинах же отражена противоположная тенденция: вид заменяет род[1] (ср. использование *ельничка*, *орешничка*, *березничка* для кодирования дерева как такового);

---

[1] Ср. единственный случай подобного рода, когда др.-исл. *laukr* 'чеснок' употребляется в «Прорицании вёльвы» в значении '*трава*'.

- **сравнения** в былинах более разнообразны[1], а элементы поэтического обыгрывания обозначения флоры существенно чаще репрезентированы в «Старшей Эдде;
- в сфере **мифологии** наблюдаются значительные расхождения:
  - ❖ если в «Старшей Эдде» образ *мирового древа* всегда воплощает *ясень* Иггдрасиль, то в былинах представлено несколько вариантов – *берёза*, *вяз*, *дуб*, *кипарисно дерево*;
  - ❖ мировое древо как ипостась *иного мира – дуб Невид* (ср. др.-греч. *Аид*) зафиксировано только в былинах;
  - ❖ мировое древо как *инструмент* космизации вселенной, превращения её в пригодное для проживания людей место, упорядоченное и освоенное пространство, фигурирует только в былинах (ср. *дуб*, *дубину* богатырей);
  - ❖ в былинах сохранился реликт «основного мифа» о поединке героя с хтоническим противником, (ср. богатыря, расшибающего *дуб*, персонифицирующий стихию хаоса), а в «Старшей Эдде» мировое дерево не имеет к нему отношения;
  - ❖ в «Старшей Эдде» засвидетельствована мифологема *дерево > человек* (ср. происхождение первого *мужчины* из *ясеня*, а первой *женщины* – из *вяза*), в то время как в былинах наблюдается противоположное семантическое развитие *человек > дерево* (ср. превращение *Василия* и *Софьи* в *кипарисное дерево* и *вербу*);
  - ❖ в «Старшей Эдде» обозначения флоры вовлекаются в сферу действия богов, в былинах об этом не идёт речи;
- **«мир вещей»** в былинах намного разнообразнее, в нём представлены различные сферы, отсутствующие в «Старшей Эдде», например, огородничество (пахать *репку*, рвать *лук*, *чеснок*, ломать *капусту*), коневодство (кормить коня белоярой *пшеницей*, *пшено*), зодчество (*осиновые* маковки церквей), одежда (*липовые* лапти, одежда, колпак), утварь (*сосновое* помяло, мешало, *кленовое* коромысло).

В целом вполне правомерно утверждать, что сопоставление обозначений флоры в эпических произведениях двух индоевропейских ареалов оказывается на редкость информативным и плодотворным, в полной мере подтверждающим перспективность метода контрастивного анализа, применяемого Викторией Николаевной Ярцевой на примере грамматики германских языков, но весьма актуального и на других уровнях языка.

---

[1] В «Старшей Эдде» сравнения практически ограничиваются одним образом: человек, лишённый родственников, изображается как *дерево без корней*, *листьев* или как *ствол без веток*.

Источники

Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern. Hrsg. von Gustav Neckel. Vierte, umgearbeitete Auflage von Hans Kuhn. Heidelberg, 1962. I. Text.

Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 г., изд. второе. Т. 1-3 // Сборник отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. С.-Пб., типография императорской Академии наук, 1894. Т. LIX.

Литература

Астахова А. Русские былины // Русский фольклор. *Эпическая поэзия*. Общая ред. М. Азадовского. Статьи, ред. и прим. А. Астаховой и Н. Андреева / Библиотека поэта. Малая серия № 1. М., "Советский писатель", 1935. С. 11-52.

Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика. М., 1981.

Н.Н.Трошина

Стилистическая эквивалентность перевода художественного текста в аспекте межкультурной коммуникации (контрастивный аспект исследования)

Stilistische Änquivalenz der Übersetzung ist durch die Korrelation stilistischer Strukturen der Original- und Übersetzungstexte bedingt, wobai auch ihre stilistische Dichte und national-kulturelle Färbung eingeschätzt werden. Die Letzte prägt die Struktur von Kulturkonzepten, die verbalisiert werden, so dass jedes inhaltlich gewichtige Element des Originaltextes für den Übersetzer zu einem linguokulturllen Konzept wird, das die zu überwindende mentale Grenze zwischen zwei Sprachkulturen markiert.

Понятие текста получило во второй половине 20 в. исключительно широкое толкование, т.е. в гуманитарных науках произошла так называемая «текстуализация», в результате которой культура, сознание и текст[1] стали трактоваться как знаковые системы. При этом текст, определяемый как форма реализации коммуникативной деятельности человека («Если что-то говорится, то только в форме текстов» [Hartmann 1968,

[1] Под текстами стали пониматься не только вербальные структуры, но «любая совокупность имеющих знаковую природу социальных феноменов, составляющих культуру, иначе говоря, любые созданные человеком семиотические системы» [Елина 2002, 10].

212]), привлек к себе внимание специалистов из разных областей знания - философии, антропологии, истории, психологии, теории коммуникации и т.д. «Этот текстовый поворот привел к концептуальному переосмыслению феномена перевода, который, как и текст, получает весьма расширенное толкование», - пишет Н.М.Нестерова [Нестерова 2005, 9]. Данная ситуация обусловила политеоретический и междисциплинарный характер современной науки о переводе и актуальность понятия «коды культуры», отражающего ее обычаи, традиции, типы мировоззрений, позволяющие найти правильный способ восприятия и перевода текста, т.е. преодолеть культурный барьер, являющийся основной проблемой межкультурной коммуникации.

Культурный барьер проявляется в трех аспектах, названных В.Н.Комиссаровым: 1) в расхождениях в языковых структурах; 2) в расхождениях в языковых картинах мира; 3) в расхождениях в самих мирах, т.е. описываемых явлениях [Комиссаров 1999]. Если последний тип расхождений находится вне компетенции переводчика, то от его профессионального умения справиться с первыми двумя напрямую зависит эквивалентность перевода. Отсюда следует чрезвычайная важность лингвокультурной подготовки переводчика как условия, обеспечивающего успешность межкультурной коммуникации.

Проблемы, накопившиеся в переводческой практике и в подготовке профессиональных переводчиков, составляют значительную часть круга проблем науки лингвокультурологии, которая в 90-х гг. 20 в. (т.е. во время стремительного развития глобализационных процессов и расширения межкультурных связей) оформилось как новое направление языкознания, активно взаимодействующее с другими гуманитарными науками. Разнообразные и даже гетерогенные проблемы лингвокультурологии (языковая картина мира, вербализация этнокультурных стереотипов, национально-культурная окраска языковых единиц и их типология, идиоэтнические стратегии интерпретации текста и т.д.) находятся в стадии разработки, активно дискутируются и еще далеки от своего решения. При этом наиболее острые дискуссии вызывает основная единица и, соответственно, основное понятие лингвокультурологии – концепт. Он относится к тем понятиям, которые, как проницательно заметил Ю.Е.Прохоров, автор книги «В поисках концепта», «с одной стороны, явно не имеют точной и общепринятой дефиниции, а с другой, - ‘примерно’ одинаково понятны всем специалистам в данной области исследований» [Прохоров 2008, 6]. Автор дает детальный критический анализ трактовок феномена, именуемого «концепт», приводя множество определений концепта в специальной литературе, характеризующих это загадочное явление с различных точек зрения: 1. «Что это есть?.. 2. Единицей чего является? … 3. Чем это

выражается? …4. Какова его структура? … 5. Каковы его организационно-структурные типы? … 6. Каковы его содержательные типы? …» [там же, 20-22]. В результате Ю.Е.Прохоров выявляет «все те основные составляющие, которые в некоторой совокупности, очевидно, и будут определять понимание термина «концепт». К этим составляющим относятся: 1. Концепт есть нечто, неразделимо соединяющее в себе элементы сознания, действительности и языкового знака. 2. Концепт есть нечто, объединяющее на разных уровнях людей с точки зрения их отношения к действительности и способов общения в ней. 3. Концепт есть нечто виртуальное и реальное одновременно, при этом обе его составляющие и всеобщи и национально-культурно детерминированы» [там же, 28]. Из этого следует важный для оценки стилистической эквивалентности перевода вывод: концепту присущи дискурсивные и стилистические (парадигматические, синтагматические, т.е. контекстуальные, и коннотативные) характеристики, что отражено в следующем определении концепта, данном С.Г.Воркачевым: «Концепт – синтезирующее лингвоментальное образование, методологически пришедшее на смену представлению (образу), понятию и значению и включившее их в себя в «снятом, редуцированном виде … В качестве ‘законного наследника’ этих семиотических категорий лингвоконцепт характеризуется гетерогенностью и многопризнаковостью, принимая от понятия дискурсивность представления смысла, от образа – метафоричность и эмотивность этого представления, а от значения – включенность его имени в лексическую систему языка» [Воркачев 2007, 42] (см. также: [Карасик, Слышкин 2001]).

Именно «оязыковление концепта» [Воркачев 2007, 44], или «опредмечивание концепта в языке» [Слышкин 2000, 9], имеет для перевода специфическое значение, так как любое содержательно значимое слово в тексте оригинала становится для переводчика культурным лингвоконцептом. Таким образом, в ситуации перевода снимается теоретическое различие в трактовке концепта с позиций: 1) когнитивной науки, т.е. как «оперативной единицы памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (lingua mentalis), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова 1996, 90] и 2) лингвокультурологии , т.е. как «коллективного содержательного ментального образования, фиксирующего своеобразие соответствующей культуры» [Карасик 2007, 33]. Это противопоставление, безусловно, имеет теоретическое значение и должно учитываться при обосновании выбора объекта научного исследования, в переводческой же практике существенно то, что каждый концепт формируется в языковом сознании человека как лингвокультурный феномен на фоне знания дискурсивных условий употребления имени /имен данного концепта. Именно этот фон определяет лингвопрагматические

характеристики концепта, основные из которых отражены в парадигматических и синтагматических характеристиках имени / имен концепта. В.И.Карасик говорит о «номинативной плотности», т.е. «детализации обозначаемого фрагмента реальности, множественном, вариативном обозначении и сложных смысловых оттенках обозначаемого» [Карасик 2002, 133]. Номинативная плотность является важным объективным показателем актуальности той или иной сферы действительности для конкретного сообщества.

Выбор одного имени концепта из всего имеющегося ряда , т.е. выбор «точного слова»[1] для перевода связан не столько со сравнительным анализом значений пары языковых единиц (на языке оригинала и на языке перевода), сколько с сопоставлением соответствующей пары лингвокультурных концептов. Для проведения такого анализа В.И.Карасик рекомендует ряд исследовательских процедур: 1) семантический анализ слов, называющих имена концептов; 2) этимологический анализ этих имен; 3) семантический анализ переносных, ассоциативных значений слов, воплощающих концепты; 4) интерпретативный семантический анализ контекстов, в которых употребляются слова и словосочетания, обозначающие и выражающие концепты; 5) интерпретативный культурологический анализ ассоциаций, связанных с определенным концептом; 6) интерпретативный анализ ценностно-маркированных высказываний (пословиц, афоризмов, цитат), выражающих определенные концепты» [Карасик 2007, 37-38][2]. При переводческом анализе текста целесообразным пред-

---

[1] Как свидетельствует опыт известных переводчиков, к точности слова можно и обязательно должно стремиться, но соединить в этом понятии дословность и эквивалентность невозможно: « И переводить надо не дословно, а в соответствии с характером говорящего» [Галь 2007, 51]; «я сам переводил стихи и знаю, что никогда строгое следование оригиналу не приводит к хорошим результатам, потому что было написано на русском языке, а это совсем другая психология у читателя, совершенно другое представление у него о стихе» (из интервью с Б.Окуджавой, опубликованном в книге Р.Р.Чайковского «Поэтический перевод в зеркале мнений» [Чайковский 1997, 16].

[2] В этом списке отсутствуют еще две исследовательские процедуры, рекомендуемые В.И.Карасиком, так как они актуальны не для переводческого анализа текста, а для исследования концептов в рамках какой-либо одной лингвокультуры: 1. анализ коротких сочинений, написанных информантами на тему, соответствующую содержанию исследуемого концепта; 2. анализ ассоциативных реакций информантов на вербальные

ставляется дополнить этот список еще одним пунктом: учетом морфологических связей выбираемого слова (имени концепта) в системе языка перевода (ср.: [Франкфурт 2008, 11]). Сразу же оговоримся, что осознанное последовательное выполнение этих процедур реально скорее при обучении будущих переводчиков секретам их профессионального мастерства, чем в непосредственной переводческой практике. Интересно, однако, что именно эти моменты отмечают как особо важные для выбора «точного слова» опытные переводчики, к каковым, безусловно, принадлежит Нора Галь – автор книги «Слово живое и мертвое», в которой приводятся многочисленные примеры переводческих неудач, связанных с тем, что переводчик не учел системные и дискурсивные характеристики выбранного им слова.

Понятие стилистической эквивалентности перевода находится на пересечении стилистических норм двух культур – оригинальной и принимающей. При этом критерий стилистической эквивалентности имеет смысл только при сохранении содержательной эквивалентности перевода, которая не полностью совпадает со смысловой эквивалентостью, поскольку различаются содержание и смысл текста. Дифференциация этих понятий была обоснована А.И.Новиковым: «Текст сам по себе не имеет смысловой структуры. Смысловая структура является принадлежностью не текста, а смысловой сферы личности, воспринимающей и осмысливающей текст. Принадлежностью текста является структура содержания, понимаемая как такое образование, которое формируется в сознании под непосредственным воздействием всей совокупности языковых средств, составляющих этот текст, и которое базируется на координатах объективной действительности, отражаемых сознанием и позволяющих ориентироваться личности в этой действительности» [Новиков 2002, 179]. Только объединение содержательного и стилистического параметров эквивалентности дает смысловую эквивалентность перевода, поскольку в осмыслении текста большую роль играют культуроспецифический и лингвостилистический аспекты, (т.е. то, «как» представлено содержание текста), объединяемые в понятии «стилистический смысл». Отражая интерпретацию содержания текста соответственно его коммуникативно-прагматической задаче и культурной окрашенности, стилистический смысл «подталкивает» переводчика к языковым находкам, связанным с большей или меньшей вольностью перевода.

Текстолингвистический подход к переводу означает, что переведен-

---

обозначения концепта [Карасик 2007, 37-38] (ср. также точку зрения Л.А.Шариковой об этапах исследования концепта [Шарикова 2008].

ный текст должен соответствовать семи критериям текстуальности, сформулированным Р.-А. де Бограндом и В.Дресслером (когезии, когерентности, интенциональности, воспринимаемости/приемлемости, информативности, ситуативности, интертекстуальности) [Beaugrande, Dressler 1981], а также восьмому – критерию культурной соотнесенности, сформулированному У.Фикс, Х.Пёте и Г.Йос [Fix, Poethe, Yos 2001]. Стилистические проблемы перевода так или иначе связаны с проблемой эквивалентности, спроецированной на критерии текстуальности, из чего следует, что текст оригинала и текст перевода следует сравнивать в плане их соответствия каждого из них вышеперечисленным критериям. При этом стиль как интегративный феномен, обусловленный коммуникативно-прагматической установкой текста, является именно тем качеством текста, в котором пересекаются и взаимодействуют все критерии текстуальности [Трошина 1989]. Поэтому вполне справедлива точка зрения Х.-В.Эромса, что « стиль может и должен анализироваться на основе тексто- и дискурсивно-лингвистических параметров» [Eroms 2008, 41]. Таким образом, выстраивается следующий ряд взаимосвязанных параметров перевода текста: переводческая эквивалентность – критерии текстуальности – стиль.

Проблема переводимости стиля (самая сложная для переводчика) решается в рамках текста, так как она связана с воссозданием в тексте перевода стилистической структуры оригинала как одного из аспектов его общей структуры с учетом его национально-культурной окрашенности. В общей структуре художественного текста представлены, кроме стилистического, также грамматический, семантический, ритмический и фонетический аспекты. Стилистический аспект формируется на основе повторяемости (кооккуренции) стилистических параметров текстовых единиц – абсолютной стилистической окраски, синтагматического (контекстуального) и коннотативного значений. Следует отметить, что в специальной литературе между названными стилистическими явлениями нередко ставится знак равенства , а термины, их обозначающие, используются как синонимы (см., например, определение стилистической коннотации в «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» [Стилистический…2003, 432]. Между тем, абсолютное стилистическое значение, в которое входят функциональное, нормативное и экспрессивное значения, является парадигматической, т.е. системной характеристикой языковой единицы, в отличие от коннотативного стилистического значения, которое является внесистемным, имплицитным, ассоциируемым с данным денотатом.

Аналогично семантической кооккуренции (повтору одинаковых сем в различных единицах текста), обеспечивающей семантическую связность

(семантическую когезию) текста, существует и стилистическая коокку-ренция (повтор одинаковых стилистических характеристик различных единиц текста), на которой строится стилистическая связность (стилистическая когезия) текста. Совокупность всех видов связности определяет структуру когерентности текста, т.е. «вклад» каждого вида связности в формирование текста как целостной коммуникативной единицы. На основе стилистических компонентов значения единиц текста в нем образуются стилистические цепочки, звенья которых находятся в отношении дистантного согласования, т.е. «стилистической непротиворечивости языковых единиц в рамках одного контекста, использования одинаковых по стилистическому значению (или коннотациям) стилистических единиц для реализации определенного стилистического задания» [Стилистический …2003, 493]. Участвуя в формировании стилистической структуры текста, стилистически значимые его компоненты (они могут относиться к различным языковым уровням) выступают как элементарные конституенты стилистического потенциала текста (стилистического смысла).

Сохранить при переводе стилистическую структуру оригинала значит сохранить его стиль, а значит, и его интенциональность как текстолингвистическую характеристику. Для этого при переводе используются приемы стилистической замены и стилистической компенсации. Их суть излагает Н.А.Фененко в статье «‘Непереводимый’ Зощенко в переводе на французский язык»: «…не сумев избежать утраты какого-либо стилистического или смыслового элемента, переводчик воспроизводит этот элемент в другом слове или в другом месте текста, где в оригинале его нет… В результате – потеря отдельного ‘непереводимого’ элемента не ощущается на фоне обширного целого: он как бы растворяется в целом или заменяется другими элементами. Именно такой подход позволяет преодолеть непереводимость на уровне отдельного элемента (диалектизм, реалия, речевая ошибка) и обеспечить эквивалентность содержания исходного текста и переводного текста на уровне текста в целом» [Фененко 2006, 128]. Как следует из приведенной цитаты, приемы стилистической замены и стилистической компенсации могут использоваться и действительно часто используются в переводческой практике совместно. Изолированное использование приема стилистической замены (или, в терминологии авторов книги «Теория и практика перевода» Н.И.Дзенс, И.Р.Перевышиной и В.А.Кошкарова, «выпрямление значения / утрата сигнификативных коннотаций» [Дзенс… 2007, 91]) может привести к деметафоризации, деметонимизации, деидиоматизации и другим явлениям стилистически упрощенного перекодирования оригинала. Однако, будучи обдуманно применены, переводческие приемы стилистической замены и стилистической компенсации позволяют воссоздать на языке

перевода стилистическую структуру, соответствующую стилистической структуре оригинала и поэтому обеспечивающую соответствие стилистического задания переводного текста тексту оригинала. Именно на соответствии стилистических структур двух текстов с учетом их стилистической плотности и национально-культурной окраски основывается предлагаемый метод оценки стилистической адекватности перевода.

Понятие «стилистическая плотность текста» предлагается как параллельное с уже существующим понятием «семантическая плотность текста». Последнее используется в лингвистике текста и определяется количеством, распределением и взаимодействием повторяющихся семантических признаков текста (Blumenthal 1983, S.22). С аналогичной точки зрения можно посмотреть и на стилистические признаки единиц текста (ср. замечание В.И.Шаховского об «эмотивной плотности текста»: [Шаховский 2008, 182].

Стилистические характеристики текста самым непосредственным образом влияют на его когерентность, участвуя в формировании последней, поскольку она есть интегративное смысловое качество текста (результат взаимодействия содержания текста с фоновыми знаниями реципиента), формирующееся в сознании реципиента с учетом специфики стилистического задания воспринимаемого текста и его национально-культурной специфики. Отсюда следует существование лингвостилистического аспекта когерентности текста [Трошина 1981].

В этом концептуальном контексте очень перспективным представляется предложение А.Шторрер различать два аспекта формирования когерентности текста: планирование когерентности отправителем текста (Kohärenzplanung auf der Produzentenseite) и формирование когерентности получателем текста (Kohärenzbildung auf der Rezepientenseite) [Storrer 1999, 41]. В связи с различением этих двух аспектов когерентности задача переводчика может быть уточнена как воссоздание в переводе такой стилистической структуры оригинала, которая могла бы обеспечить максимальное совпадение вышеназванных аспектов когерентности текстов.

В завершение статьи приведем пример использования предложенного метода на материале фрагмента «Приговоренные» из романа Томаса Бруссига (лауреата премии им. Ганса Фаллады) «На нашем кончике Солнечной аллеи»[1] (см. Приложение). Роман повествует о компании подростков, живущих на маленькой улице в Восточном Берлине в непосредст-

---

[1] Перевод опубликован в альманахе „Zebrasteifen: Neue deutsche Literatur. Зебра: Новая немецкая литература». – М.: Немецкий культурный центр им. Гете, 2004. С. 116-119. Перевод М.Рудницкого.

венной близости от Берлинской стены.

Анализ проводится в несколько этапов:

1) построение стилистических цепочек в обоих текстах: в эти цепочки входят единицы с одинаковой стилистической окраской; денотативное значение и уровневый статус этих единиц может быть различным:

в оригинале:

книжн.: subversiv; autistisch; ergründen; ABV; inbrünstig; Anwendung finden; nicht volljährige Sprecher; Ausdruck verleihen; demnach (9звеньев);

обих.-разг.: rumhängen; Song; von vorne bis hinten; erst recht nicht; Ist das verboten!; durchkommen mit (6 звеньев);

жарг.: Mann! dufte; prima; urst; fetzig; geil; irre (7 звеньев);

в переводе:

книжн.: несовершеннолетние подростки; является высшей формой изъявления; изрекать; наставительно; исходя из чего следует считать; выражающее согласие / одобрение говорящего; воззриться (7 звеньев);

обих.-разг.: малышней; малышня не наросла; 15 лет от роду; мол; поболтаться; кассетник; прокручивает; все под завязку; толком; дебильно-блюзовый; подслеповато; продвинуться; понятное дело; откуда ни возьмись; кассетник; прикинуться дурачком; успел прочесть такую уйму (17 звеньев);

жаргон.: тусовались; музон; словит; хит; самый кайф; блюзовый кайф; участковый фараон; тащась от восторга; вырубил кассетник; круто; классно; отпад; убой; улёт; потряс; забалдёжно; самый кайф (17 звеньев);

2) определение точки пересечения цепочек в обоих текстах: это имеет место в звене с денотативным значением «запрещено»:

в оригинале: стилистически нейтральная цепочка, состоящая из 15 звеньев: verboten (13 раз); am verbotensten; verbietet, пересекается со стилистически окрашенной цепочкой, звеньям которой придается контекстуальное значение «запрещено» (dufte; prima; urst; fetzig; geil; irre - 6 звеньев);

в переводе: стилистически нейтральная цепочка, состоящая из 17 звеньев: запрещенная; в запрещенных; запрещенным; под запретом; запрещено (11 раз); запретная; запрещает, пересекается со стилистически окрашенной цепочкой, состоящей из 9 звеньев: круто; классно; отпад; убой; улёт; потряс; забалдежно; самый кайф (2 раза). Это пересечение лежит в основе стилистического контраста и обусловливает юмористический эффект, производимый текстом.

3) выявление переводческих стилистических приемов:

стилистическая замена (в списке представлены только те пары языковых единиц, в которых происходит изменение стилистической окраски единицы в тексте перевода):

trafen sich (нейтр.) – тусовались (жарг.); die Kinder (нейтр.) – малыш-

ней (обих.-разг.); die Kinder (нейтр.) – малышня (обих.-разг.); kein Fünfzehnjähriger der Welt (нейтр.) – человек 15 лет от роду (обих.-разг.); er geht (нейтр.) – я, мол, пошел (обих.-разг.); subversiver (книжн.) – внушительнее (нейтр.); Song (обих.-разг.) – музон (жарг.); kaum hat er aufgenommen (нейтр.) – словит (жарг.); spielte (нейтр.) – прокручивает (обих.-разг.); autistisch (книжн.) – дебильно (обих.-разг.); zusammengekniffene Augen (нейтр.) – подслеповато прищурив глаза (обих.-разг.); ergründen (книжн.) – довести себя до (обих.-разг.); es weitbringen (нейтр.) – продвинуться (обих.-разг.); plötzlich (нейтр.) – откуда ни возьмись (обих.-разг); ABV (книжн.) – участковый фараон (жарг.); inbrünstig (книжн.) – тащась от восторга (жарг.); so viel gelesen hatte (нейтр.) – успел прочесть такую уйму (обих.-разг.); das Wort, das Zustimmung ausdrückt (нейтр.) – слово, выражающее согласие или несогласие говорящего (книжн.); warteten ab (нейтр.) – воззрились (книжн.).

стилистическая компенсация: в некоторых случаях переводчик подчеркивает общую обиходно-разговорную окраску текста, добавляя в двух случаях разговорно-окрашенные единицы (ungeheuer aufgewertet «ценился по-особому, *это был самый кайф*»; hatte verdorben «*напрочь* испортил»).

Подведем итоги анализа:

1.Хотя в стилистических структурах текстов оригинала и перевода представлено одинаковое количество стилистических цепочек (по одной книжной, обиходно-разговорной и жаргонной), количественное распределение стилистически окрашенных звеньев в них различно: книжн. – 9 звеньев в тексте оригинала, 7 – в тексте перевода; обих.-разг., соответственно, 6 : 17; жаргон. – 7 : 17.

2. В тексте перевода произведено 19 стилистических замен, причем 17 из них – со стилистическим снижением.

3. В обоих текстах отмечено по одному пересечению стилистических цепочек с некоторым превышением по количеству звеньев в тексте перевода (15 : 16 и 6 : 8).

Таким образом, стиль перевода снижен по сравнению со стилем оригинала; при этом текст перевода обладает большей стилистической плотностью, чем текст оригинала.

Оценка стилистической эквивалентности перевода не означает исчерпывающей и однозначной оценки художественных достоинств перевода, - они должны оцениваться в категориях литературоведения. Создавая текст, переводчик сообщает об акте коммуникации, уже состоявшемся в контексте другой культуры. Созданный же перевод приобретает известную самостоятельность от оригинала и начинает новую жизнь в принимающей художественной культуре. Поэтому давать ему эстетическую (не лингвостилистическую) оценку следует уже с позиций этой культуры.

Литература

Воркачев С.Г. От лингвоконцептологии к лингвоидеологии: поиски метода // Vita in lingua: К юбилею профессора С.Г.Воркачева. Краснодар, 2007.

Галь Н. Слово живое и мертвое. М., 2007.

Дзенс Н.И., Перевышина И.Р., Кошкаров В.А. Теории и практика перевода: Уч. пособ. по переводу с нем. яз. на рус. и с рус. яз. на нем. СПб., 2007.

Елина Е.А. Вербальные интерпретации произведений изобразительного искусства: Номинативно-коммуникативный аспект. Саратов, 2002.

Карасик В.И. Языковой круг: Личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.

Карасик В.И. Языковые ключи. Волгоград, 2007.

Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001.

Комиссаров В.Н. Переводческие аспекты межкультурной коммуникации // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации: Сб. науч. труды МГЛУ. М., 1999. Вып. 444.

Кубрякова Е.С. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.

Нестерова Н.М. Текст и перевод в зеркале современных философских парадигм. Пермь, 2005.

Новиков А.И. Доминантность и транспозиция в процессе осмысления текста // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики. М., 2002.

Прохоров Ю.Е. В поисках концепта. М., 2008.

Слышкин Г.Г. От текста к символу. М., 2000.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. Кожиной М.Н.. М., 2003.

Трошина Н.Н. Лингвостилистический аспект когерентности художественного текста // Научные труды МГПИИЯ им. М.Тореза. М., 1981. Вып. 147.

Трошина Н.Н. Национально-культурная обусловленность стилистических средств современного немецкого языка // Русская германистики: Ежегодник Российского союза германистов. М., 2007. Т.3.

Трошина Н.Н. Соотношение стилистики и лингвистики текста // Проблемы современной стилистики. М., 1989.

Фененко Н.А. «Непереводимый» Зощенко в переводе на французский язык // Социокультурные проблемы перевода. Воронеж, 2006. Вып. 7.

Франкфурт Г.Г. К вопросу о брехне /Пер. с англ. М.Ослон. Под ред.

Г.Павловского, И. Чечель. М., 2008.

Чайковский Р.Р. Поэтический перевод в зеркале мнений. Магадан, 1997.

Шарикова Л.А. Исследование сознания человека в концептологии: Методика уровневого анализа концепта // Языковое бытие человека и этноса: Когнитивный и психолингвистические аспекты: Материалы IV Международных Березинских чтений. М., 2008. Вып. 14.

Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М., 2008.

Beaugrande R.-A. de, Dressler W. Einführung in die Textlinguistik. Tübingen, 1981.

Blumenthal P. Semantische Dichte: Assoziativität in Poesie- und Werbesprache. Tübingen, 1983.

Eroms H.-W. Stil und Stilistik: Eine Einführung. B., 2008.

Fix U., Poethe H., Yos G. Textlinguistik für Einsteiger: Ein Lehr- und Arbeitsbuch / Unter Mitarb. v. Geier G. Frankfurt a.M., 2001.

Hartmann P. Zum Begriff des sprachlichen Zeichens // Ztschr. f. Phonetik, Sprachwiss. u. Kommunikationsforsch. B., 1968. H. 21.

Storrer A. Kohärenz im Text und Hypertext // Text im digitalen Medium: Linguistische Aspekte von Textdesign, Texttechnologie und Hypertext Engineering. Opladen, Wiesbaden, 1999.

Приложение

Thomas Brussig «Am kürzeren Ende der Sonnenallee»

Die Verdonnerten

Sie trafen sich immer auf einem verwaisten Spielplatz – die Kinder, die auf diesem Spielplatz spielen sollten, waren sie selbst gewesen, aber nach ihnen kamen keine Kinder mehr. Weil kein Fünfzehnjähriger der Welt sagen kann, dass er auf den Spielplatz geht, nannten sie es „am Platz rumhängen“, was viel subversiver klang. Dann hörten sie Musik, am liebsten das, was verboten war. Meistens war es Micha, der neue Songs mitbrachte – kaum hatte er sie im SFBeat aufgenommen, spielte er sie am Platz. Allerdings waren sie da noch zu neu, um schon verboten zu sein. Ein Song wurde ungeheuer aufgewertet, wenn es hieß, dass er verboten war. Hiroschima war verboten, ebenso wie Je t’aime oder die Rolling Stones, die von vorne bis hinten verboten waren. Am verbotensten war aber Moscow, Moscow von „Wonderland“. Keiner wusste, wer die Songs verbietet, und erst recht nicht, aus welchem Grund.

Moscow, Moscow wurde immer in einer Art autistischer Blues-Ekstase gehört - also in wiegenden Bewegungen und mit zusammengekniffenen Augen die Zähne in die Unterlippe gekrallt. Es ging darum, das ultimative Bluesfeeling zu ergründen und auch nicht zu verbergen, wie weit man es darin schon gebracht hat. Außer der Musik und der eigenen Bewegungen gab es

nichts, und so bemerkten die vom Platz es erst viel zu spät, dass der ABV plötzlich neben ihnen stand, und zwar in dem Moment, als Michas Freund Mario inbrünstig ausrief „O Mann, ist das verboten! Total verboten!“ und der ABV den Recorder ausschaltete, um triumphierend zu fragen: „Was ist verboten?“

Mario tat ganz unschuldig. „Verboten? Wieso verboten? Hat hier jemand verboten gesagt?“ Er merkte schnell, dass er damit nicht durchkommen würde.

„Ach, verboten meinen Sie“, sagte Micha erleichtert. „Das ist doch Jugendsprache“.

„Der Ausdruck verboten findet in der Jugendsprache Anwendung, wenn die noch nicht volljährigen Sprecher ihrer Begeisterung Ausdruck verleihen wollen“, sagte Brille, der schon so viel gelesen hatte, dass er sich nicht nur die Augen verdorben hatte, sondern auch mühelos arrogant lange Sätze sprechen konnte. „Verboten ist demnach ein Wort, das Zustimmung ausdrückt“.

„So wie dufte oder prima“, meinte Wuschel, der so genannt wurde, weil er aussah wie Jimmi Hendrix.

„Sehr beliebt in der Jugensprache sind auch die Ausdrücke urst oder fetzig“, sagte Brille.

„Die aber nur dasselbe meinen, wie stark, geil, irre oder eben – verboten“, erklärte der Dicke. Alle nickten eifrig und warteten ab, was der ABV dazu sagen würde.

Приговоренные

Тусовались они всегда в одном месте, на заброшенной детской площадке, - малышней, которой полагалось там играть, были когда-то они сами, а после них другая малышня еще не наросла. Поскольку же ни один нормальный человек пятнадцати лет от роду не в силах произнести, я, мол, на детскую площадку пошел, у них это называлось «поболтаться на площадке», что звучало куда внушительнее. Там они слушали музыку, предпочтительно запрещенную. Обычно новый музон приносил Миха – словит по западному радио на свой кассетник новый хит, запишет и назавтра уже на площадке прокручивает. Правда, хиты были слишком свежие, чтобы в запрещенных числиться. А если хит запрещенным считался, он и ценился по-особому, это был самый кайф. “Hiroshima” была под запретом, равно как и “Je t’aime” или «Роллинг Стоунз» , у которых вообще все было запрещено под завязку. А самая запретная вещь была “Moscow, Moscow” из альбома “Wonderland”. Никто, кстати, толком не знал, кто именно хиты запрещает и по каким причинам.

“Moscow, Moscow” всегда слушали в этаком дебильно-блюзовом экстазе, то есть самозабвенно раскачиваясь, подслеповато прищурив глаза и закусив нижнюю губу. Главная задача была – довести себя до полного

блюзового кайфа, отнюдь не скрывая от окружающих, насколько далеко ты в этом продвинулся. Так, чтобы кроме музыки и собственных движений для тебя ничего и никого вокруг не существовало. И, понятное дело, никто на площадке даже и не заметил, как откуда ни возьмись появился наш участковый фараон, причем как раз в ту минуту, когда друг Михи Марио, тащась от восторга, выкрикивал:

– Братцы, до чего же это запрещено! Наглушняк запрещено!

Участковый вырубил кассетник и торжествующе спросил:

– Что запрещено?

Марио тут же прикинулся дурачком:

– Запрещено? Как так запрещено? Разве кто-нибудь сказал, что что-то запрещено?

Но быстро заметил, что номер с дурачком у него не проходит.

– Ах, Вы имеете в виду «запрещено»? – с видимым облегчением «догадался» Миха. – Так это же молодежный жаргон.

– Слово «запрещено» на языке несовершеннолетних подростков является высшей формой изъявления восторга или одобрения, - наставительно изрек Очкарик, который уже такую уйму всего успел прочесть, что не только напрочь глаза себе испортил, но и без малейшего труда мог произносить заумные фразы любой протяженности. – Исходя из чего следует считать, что «запрещено» - это слово, выражающее согласие или одобрение говорящего.

– Ну, примерно, как «круто» или «классно», - подхватил Волосатик, прозванный так за сходство с Джимми Хендриксом.

– Весьма популярны в языке подростков также выражения «отпад», «убой» или «улет», - продолжал Очкарик.

– Которые, впрочем, означают лишь то же самое, что и «потряс», «забалдежно», «самый кайф», ну или вот «запрещено», пояснил Толстый.

Все дружно закивали и с интересом воззрились на участкового.

А.Н. Комкова

Контрастивные исследования политического дискурса на материале близкородственных языков

The paper compares the Norwegian and the Danish political discourses at the conceptual level. The comparison is based on the statistical method which was first applied to analyze the Danish political discourse. The method helps to identify the most significant concepts in the rhetoric of various parties and in the national political discourse in general. Using this method to analyze the rhetoric of the Norwegian political parties of the same political orientation as the Danish ones, we can identify

similarities and differences in the conceptual realms of these two closely-related languages.

В последние десятилетия в работах отечественных и зарубежных лингвистов все больше внимания уделяется сопоставлению языков на уровне текста и дискурса, так что, вероятно, можно выделить в качестве отдельных областей исследования контрастивную текстологию, и контрастивную дискурсику. Эти области лингвистики направлены на сравнительное изучение всевозможных типов текста и дискурса в разных языках. Данная статья посвящена контрастивному исследованию политических дискурсов двух близкородственных языков, а именно, норвежского и датского.

Одним из важнейших аспектов дискурсивного анализа, начиная с работ философов-постмодернистов (М. Фуко, Р. Барта, Ф.Лентриккия и проч.), является соотношение дискурса и власти. Взаимосвязь дискурса и власти наиболее наглядно представлены в политическом типе дискурса, интенциональной базой которого является борьба за власть. Под политическим дискурсом мы понимаем «речевую деятельность политических субъектов в сфере институциональной коммуникации» [Паршина 2007, 7].

Изучению функционирования языка в политической сфере посвящено немало работ отечественных и зарубежных исследователей (А.Н. Баранов, Р. Водак, В.З. Демьянков, О.С. Иссерс, О.Н. Паршина, P. Chilton, K. Schäfner и мн.др.), что даже подвигло П. А. Чудинова выделить политическую лингвистику в качестве отдельной науки [Чудинов 2004, 6]. Необходимо отметить, что многие современные исследования в данной области опираются на когнитивно-дискурсивный подход, одной из основных задач которого является изучение процессов познания мира через их связь с языком. Такой подход позволяет выявить отраженные в языковых категориях характерные особенности ментальности и мировоззрения конкретных языковых коллективов. В этой связи особенно важны такие базовые понятия когнитивной лингвистики, как концептуальная и языковая картины мира. Исследование политического дискурса помогает обнаружить наиболее значимые концепты на том или ином этапе политической жизни, выделить те языковые средства, которые используются для достижения определенных коммуникативных стратегий, установить национально-специфические особенности политического дискурса и т.д.

Весьма интересным объектом сравнительного изучения является политический дискурс скандинавских стран, прежде всего, в силу их чрезвычайной языковой близости (это касается, главным образом, Швеции, Норвегии и Дании), а также однотипности политического устройства

(конституционная монархия, многопартийность, главная политическая фигура – премьер-министр, лидер партии, победившей на парламентских выборах). Особенно любопытной в этом отношении представляется пара Норвегия – Дания, в первую очередь, потому что букмол, один из двух нынешних литературных языков Норвегии и основной язык норвежской политики, является норвегизированной формой датского языка[1]. Подобная языковая ситуация явилась частным следствием того культурного влияния, которое испытала на себе Норвегия, будучи в течение нескольких столетий провинцией Дании, что, в свою очередь, также не могло не сблизить норвежский политический дискурс с датским.

Общность языка и социально-исторического развития, разумеется, предполагает значительное сходство политических дискурсов обеих стран, и в этой связи особенно интересно выявить различия, существующие между ними. Данная статья посвящена сопоставлению политических дискурсов Норвегии и Дании на одном из начальных и вместе с тем одном из наиболее значимых дискурсивных уровней – на уровне их концептуальных составляющих.

Отправной точкой контрастивного исследования ключевых политических концептов норвежского и датского языков стала, прежде всего, кандидатская диссертация О. М. Готта, посвященная детальному рассмотрению концептосферы датского политического дискурса [Готта 2008]. Исследование О. М. Готта описывает политическую риторику пяти основных партий датского парламента (партия «Венстре», Консервативная народная партия, Народная партия Дании, Радикальная партия «Венстре», Социал-демократическая партия). Главным предметом исследования стали так называемые «первичные жанры» политического дискурса [Шейгал 2004, 286-287], а именно: партийные программы, выступления политиков, обращенные как ко всему датскому обществу (новогоднее обращение премьер-министра), так и к более узкой аудитории (выступления на партийных съездах, статьи-комментарии). Материал был ограничен 500 страницами компьютерного текста на каждую партию. Исследуемые тексты были собраны на вебсайтах соответствующих партий за период с 1997 по 2004 годы.

Для определения наиболее значимых концептуальных составляющих

---

[1] Второй вариант норвежского языка – нюнорск, искусственный конструкт на основе норвежских диалектов, также используется в политической коммуникации, но значительно реже, чем букмол; примерно наравне с букмолом он используется только одной партией – Senterpartiet, ориентированной на регионы.

(так называемых «ключевых слов») дискурса каждой из 5 партий О. М. Готта использовала статистический метод, на основе которого, путем компьютерной выборки, было выделено 100 самых частотных слов исследуемого дискурса в расчете на страницу компьютерного текста.

Основными лингвистическими критериями выявления концептов, отражающих важнейшие элементы национального политического сознания, стали принадлежность слова к классу существительных и его соответствие семантическому ограничению *непредметность*, так как, по мнению исследователя, именно эти критерии позволяют «выявить основные понятия, формирующие систему политических ценностей, которые отражают субъективную реальность и формируют восприятие носителей этого языка и этой культуры» [Готта 2008, 46]. Необходимо отметить, что такие критерии определения концептов, как частотность и принадлежность к классу непредметных существительных, выдвигаются в качестве основных и многими другими исследователями (А.П. Бабушкин, Л.В. Володина, Е.С. Никитина, М.В. Пименова, И.А. Стернин и др.). Кроме того, в нарушение критерия непредметности, О. М. Готта включила в список изучаемых концептов слова *человек* и *ребенок*, поскольку они отражают такую важную категорию человеческого сознания, как антропоцентризм, ставшую одной из четырех принципиальных установок современной лингвистики.

Для максимальной корректности сопоставления при сборе и обработке норвежского материала мы следовали всем критериям вышеуказанной работы. Из семи партий, прошедших в норвежский парламент по результатам последних выборов (в 2005 г.; впрочем, данная семерка партий с начала 70-х гг. неизменно входит в состав норвежского парламента), мы отобрали те пять, что по своей политической направленности наиболее близки друг другу, т.е. совпадают с датскими партиями по занимаемым местам на традиционной политической шкале «левые – правые».

В датском парламенте схема расположения партий такова:

(левый фланг) SD — RV — центр — V — K — DF (правый фланг),

где SD – это Социал-демократическая партия , RV – Радикальная партия «Венстре», V – партия «Венстре», K – Консервативная народная партия (ранее – партия «Хёйре»), DF – Народная партия Дании [Готта 2008].

В норвежском парламенте данной схеме соответствует следующая:

(левый фланг) SV – DNA – (центр: Sp – KrF) – V – H – FrP (правый фланг), где SV – это Социалистическая левая партия (Sosialistisk venstrepartiet), DNA – Норвежская рабочая партия (Det norske Arbeidspartiet), V – партия «Венстре» (Venstre —‘левая’), H – партия «Хёйре» (Høyre – ‘правая’), FrP – Партия прогресса (Fremskrittspartiet). Центристские позиции занимают не вошедшие в сопоставление Партия

центра (Senterpartiet – Sp) и Христианская народная партия (Kristelig Folkeparti – KrF). Указанные акронимы являются общеупотребительными в датском и норвежском политических дискурсах и далее будут использоваться нами для обозначения соответствующих партий.

Сопоставив датскую и норвежскую политические схемы, получаем пять пар для сравнения:

– Социал-демократическая партия Дании (SD) vs. Социалистическая левая партия Норвегии (SV);

– датская Радикальная партия «Венстре» (RV) vs. Норвежская рабочая партия (DNA);

– датская партия «Венстре» (V(d)) vs. норвежская партия с тем же названием (V(n));

– Консервативная народная партия Дании (K) vs. норвежская партия «Хёйре» (H);

– Народная партия Дании (DF) vs. норвежская Партия прогресса (FrP).

Источником текстового материала вышеуказанных норвежских партий стали, так же, как в случае с датскими, официальные партийные Интернет-сайты. В качестве материала мы, по примеру О. М. Готта, использовали «первичные жанры» политического дискурса (см. выше) и также ограничили объем исследуемых текстов 500 страницами на каждую партию. Единственное, в чем нам не удалось следовать критериям работы Готта, это датировка исследуемых политических документов: собранные нами текстовые материалы норвежских партий относятся к периоду с 2003 года по начало 2008. В данном случае препятствием выступило то обстоятельство, что вебсайты партий регулярно обновляются, и только немногие из них имеют архивы, хранящие документы десятилетней и более давности. Однако, мы считаем, что такая разница в датировке все же допускает возможность сопоставления, так как политическая ситуация в мире, и в Северной Европе в частности, в начале XXI века оставалась достаточно неизменной, и существенные изменения в мировой политике произошли лишь в 2008 году, с приходом экономического кризиса.

В определении основных политических концептов мы также следовали методу О. М. Готта: с помощью компьютерной выборки для каждой партии было выявлено 100 наиболее частотных слов, относящихся к классу непредметных существительных. В список исследуемых концептов мы, вслед за О. М. Готта, включили также антропоцентрические слова *человек* и *ребенок*. Кроме того, мы выделили в качестве отдельного концепта необычайно частотное в риторике норвежских партий слово *школа*, употребляемое преимущественно в значении общественного института.

Итак, использовав критерии и методику О.М. Готта в отношении норвежского политического дискурса, мы составили стословные списки наиболее частотных концептов пяти вышеуказанных норвежских партий и по этому показателю сопоставили норвежские партии с соответствующими датскими.

По количеству совпадений в стословных списках концептов сопоставляемые пары распределились следующим образом:

1) DNA/RV – 48%; 2) SV/SD – 46%; 3) Høyre/K – 42%; 4) V(n)/V(d) – 41%; 5) Frp/DF – 34%.

По количеству совпадений в первой десятке стословного списка картина вышла несколько иная:

1) SV/SD – 8; 2) Høyre/K и DNA/RV – 7; 3) V(n)/V(d) – 6; 4) Frp/DF – 4.

Таким образом, среднее число концептов, общих для норвежских и датских партий, равняется приблизительно 42, 2%. А из десяти первых слов сотни общими для политических дискурсов обеих стран, согласно среднеарифметическому подсчету, должно быть 6 концептов. В действительности в первой десятке у партий обеих стран общими оказываются 7 концептов: *land* ‘страна’, *samfunn/samfund*[1] ‘общество’, *mulighet/mulighed* ‘возможность’, *utvikling/udvikling* ‘развитие’, *arbeid/arbejde* ‘работа, труд’, *barn* ‘ребенок’, *menneske* ‘человек’. А на уровне сотни общими для норвежского и датского политических дискурсов (т.е. совпадающими не менее, чем у трех из пяти сопоставляемых партий) оказываются ровно 40 концептов (включая вышеуказанные 7): *frihet/frihed* ‘свобода’, *forhold* ‘отношение’, *behov* ‘потребность’, *ansvar* ‘ответственность’, *krav* ‘требование’, *liv* ‘жизнь’, *utfordring/udfordring* ‘вызов’, *samarbeid/samarbejde* ‘сотрудничество’, *utdanning/uddannelse* ‘образование’, *kultur* ‘культура’, *valg* ‘выбор’, *folk* ‘народ’, *verden* ‘мир’, *verdi/værdi* ‘ценность’, *forslag* ‘предложение’, *endring/ændring* ‘изменение’, *miljø* ‘среда, окружение’, *vekst/vækst* ‘рост’, *kvalitet* ‘качество’, *mål* ‘цель’, *løsning* ‘решение’[2], *fremtid* ‘будущее’, *innsats/indsats* ‘вклад’, *hensyn* ‘внимание’, *befolkning* ‘население’, *bruk/brug* ‘использование’, *demokrati* ‘демократия’, *respekt* ‘уважение’, *kamp* ‘борьба’, *makt/magt* ‘власть’, *fellesskap/fællesskab* ‘общность’, *velferd* ‘благосостояние’, *sikkerhet/sikkerhed* ‘уверенность’.

Оставшиеся концепты, входящие в сотню наиболее частотных в риторике датских партий, либо вовсе не входят в стословные списки норвеж-

---

[1] Здесь и далее через косую черту даны датские формы, не совпадающие по написанию с норвежскими.

[2] В значении «способ разрешения чего-либо».

ских партий (всего 39), либо встречаются не более, чем у двух из них (всего 21). Важно отметить, что в число таких чисто датских концептов, малоупотребительных в норвежском политическом дискурсе, вошло большое количество слов с негативным значением: *fattigdom* ‘бедность’, *fordom* ‘предрассудок’, *katastrofe* ‘катастрофа’, *krig* ‘война’, *kritikk* ‘критика’, *misbruk* ‘злоупотребление’, *risiko* ‘риск’, *sykdom* ‘болезнь’, *tvil* ‘сомнение’, *trussel* ‘угроза’, *undertrykkelse* ‘принуждение’, *usikkerhet* ‘неуверенность’, *vold* ‘насилие’. Кроме того, в риторике норвежских партий практически полностью отсутствуют обязательные в датском политическом дискурсе концепты религиозного содержания, такие как *religion* ‘религия’, *(folke)kirke* ‘(протестантская) церковь’ и *kristendom* ‘христианство’. Также обращает на себя внимание отсутствие в норвежском политдискурсе следующих групп концептов:

– имеющих сему «взаимодействие»: *debatt* ‘дебаты’, *dialog*, *samtale* ‘диалог’, *integrasjon* ‘интеграция’, *kompromisse* ‘компромисс’, *toleranse* ‘толерантность’;

– имеющих сему «прошлое»: *fortid* ‘прошлое’, *historie* ‘история’, *røtter* ‘корни’, *tradisjon* ‘традиция’;

– имеющих сему «будущее»: *fremskritt* и *fremgang* ‘прогресс’.

Значимым кажется также то, что в текстах норвежских политиков очень редко по сравнению с датскими употребляются такие важные концепты, как *familie* ‘семья’ (этот концепт входит в сотню только у норвежских партий правого фланга – Høyre и Frp), *initiativ* ‘инициатива’, *innvandring* ‘иммиграция’ (входит в сотню только у норвежской праворадикальной партии FrP), *kunst* ‘искусство’, *likestilling* ‘равноправие’, *rettferdighet* ‘справедливость’, *sannhet* ‘правда’, *virkelighet* ‘действительность’, *ånd* ‘дух’ и др.

Что касается концептов норвежского политического дискурса, не вошедших в стословные списки датских партий, то на первый план выходит концепт *skole* ‘школа’, невероятно частотный в риторике норвежских партий (у двух из пяти рассматриваемых партий он занимает первое место, у остальных не опускается ниже 5го). Отсутствие данного концепта в датском политдискурсе объясняется, прежде всего, тем, что, насколько нам известно, О. М. Готта не учитывала данную лексему при составлении списков ключевых слов датской политики. Однако в «десятке лидеров» всех датских партий (за исключением праворадикальной DF) неизменно оказывается концепт, который можно считать своеобразным коррелятом норвежской *школы* – это *uddannelse* ‘образование’. Полными коррелятами эти два концепта считать нельзя потому, что как было сказано выше, в дискурсе норвежских партий имеется концепт, синонимичный указанному датскому – *utdanning*, однако его частотность значительно меньше

частотности концепта *skole.* Подобные «квази-корреляты», находящиеся в отношениях «дополнительной дистрибуции», можно обнаружить и в связи с другими концептами: так в норвежском политическом дискурсе отсутствует датский концепт *viden* (норв. *viten*) ‘мудрость’, зато имеется отсутствующий в датском концепт *kunnskap* ‘знание, умение’; датский концепт *faglighet* ‘профессионализм’, возможно, является параллелью норвежскому *kompetanse* ‘компетенция, компетентность’ и проч.

Среди частотных норвежских концептов, отсутствующих в датском политдискурсе, имеется несколько, связанных с правовой сферой: *eierskap* ‘собственность’, *lov* ‘закон’, *plikt* ‘долг’, *prinsipp* ‘принцип’, *regel* ‘правило’, *rett* , *rettighet* ‘право’, *stat* ‘государство’. Помимо этого, в список частотных датских концептов не вошли те, что содержат сему «помощь», такие как *hjelp* ‘помощь’, *støtte* ‘поддержка’ и *omsorg* ‘забота’. Вкладом норвежской политической риторики в группу антропоцентрических концептов стали *person* ‘особа, персона’ и *unge* ‘ребенок, дети’. Как уже было сказано, в норвежской концептосфере отсутствует большинство негативных понятий датской, однако наличествует и несколько собственных, которых, в свою очередь, нет у датчан – это концепты *problem* ‘проблема’ и *kriminalitet* ‘преступность’.

Одним из интересных результатов исследования О. М. Готта стало обнаружение в рамках стословных списков частотных концептов так называемого *статистического скачка*, когда частотность употребления следующего слова списка оказывается существенно ниже, чем у предыдущих слов. Тогда как при общей закономерности последовательного убывания частотности лексемы изменение по частотности между двумя соседними словами списка в среднем составляет 1% (если принять за 100% количество употреблений самого частотного слова) [Готта 2008, 52]. Указанный статистический скачок встречается только в начале – среди наиболее употребительных слов списка, и может, по мнению О. М. Готта, служить основанием для определения политического профиля каждой партии.

Статистический скачок мы наблюдаем и в списках частотных концептов норвежских партий. Так, если посмотреть на первые 20 позиций в общей статистике частотных концептов норвежского политдискурса (Таблица 1), то мы увидим, что скачок частотности присутствует, например, между словами *land* ‘страна’ и *samfunn* ‘общество’, занимающими 2ю и 3ю позиции соответственно, и составляет целых 23, 8%; между словами *samfunn* и *barn* ‘ребенок’ этот скачок уже меньше – 8%; между *mulighet* ‘возможность’ *menneske* ‘человек’ он составляет 7%, между *arbeid* ‘работа’ и *utvikling* ‘развитие’ всего 4%, и далее постепенно становится все меньше.

Таблица 1

1. SKOLE	1926	100%
2. LAND	1922	99,8%
3. SAMFUNN	1470	76%
4. BARN	1301	68%
5. MULIGHET	1258	65%
6. MENNESKE	1116	58%
7. ARBEID	1053	55%
8. UTVIKLING	978	51%
9. ANSVAR	918	48%
10. RETT	857	45%
11. STAT	810	42%
12. MÅL	763	40%
13. FORSLAG	721	37%
14. TILTAK	709	37%
15. KRAV	682	35%
16. BEHOV	658	34%
17. SAMARBEID	633	33%
18. FORHOLD	632	33%
19. VERDEN	618	32%
20. FOLK	617	32%

Существование статистического скачка позволило О.М. Готта выделить в рамках сотни частотных концептов сверхчастотную (первые 11 слов), высокочастотную (следующие 17 слов) и просто частотную (с 18го по 100е слово) группы политической датской лексики [там же]. Аналогичное статистическое обследование норвежского политического дискурса позволяет нам выделить не более двух групп частотности – высокочастотную (от *skole* ‘школа’ до *arbeid* ‘работа’, далее скачок на 4%) и частотную (от *utvikling* ‘развитие’ и до конца сотни).

На основании статистического скачка и общего сравнительного анализа стословных списков датских партий О. М. Готта выделила также 7 наиболее частотных концептов датского политдискурса, составляющих по ее мнению «общую ценностную базу» [там же, 52-53]. Примечательно, что это те же концепты, которые, как было сказано выше, являются лидерами по употребительности и в норвежском, и в датском политических дискурсах: *land* ‘страна’, *samfunn/samfund* ‘общество’, *mulighet/mulighed* ‘возможность’, *utvikling/udvikling* ‘развитие’, *arbeid/arbejde* ‘работа,

труд’, *barn* ‘ребенок’, *menneske* ‘человек’.

Таким образом, применение статистических методов обработки ключевой лексики при сравнении норвежского и датского политического дискурса, позволяет делать обоснованные выводы о сходствах и различиях политической концептосферы в этих двух близкородственных языках. Сравнительный анализ наиболее частотных концептов норвежского и датского политических дискурсов показал, как и ожидалось, значительную близость политических концептосфер этих двух стран. В сотне наиболее частотных концептов 40 оказались общими, из них первые семь можно считать общей ценностной базой датской и норвежской политики.

Ближе всего в концептуальном отношении оказываются левые партии (датская Радикальная партия «Венстре» и Норвежская рабочая партия) – 48% общих концептов, а дальше всего – праворадикальные (Народная партия Дании и норвежская Партия прогресса), у них совпадает только 34% лексики. Касательно последней пары партий необходимо также отметить, что датские правые радикалы по языку весьма мало отличаются от датских партий другой направленности (это отмечает и сама О. М. Гота [там же]), её направленность выдает только высокое место слова *innvandring* ‘иммиграция’. Норвежские крайне правые, напротив, уже по составу частотной сотни заметно выделяются на фоне остальных норвежских партий; к примеру, в стословном списке Партии прогресса широко представлена лексика, связанная с миграционными вопросами: *statsborgerskap* ‘гражданство’, *opphold* ‘пребывание’, *asyl* ‘убежище’, *utland* ‘заграница’, *hjemland* ‘родина’, *opprinelse* ‘происхождение’, *språk* ‘язык’. Это позволяет сделать вывод о более популистском характере политической риторики датской праворадикальной партии по сравнению с соответствующей норвежской.

Что касается отличий, то на основе сопоставления стословных списков, можно сделать вывод, что норвежский политический дискурс отличается от датского: отсутствием внимания к религиозной сфере; отсутствием внимания к прошлому; относительно меньшим вниманием к будущему; относительно меньшей направленностью на взаимодействие; большей позитивностью в целом.

Необходимо отметить, что в норвежском политдискурсе не только значительно меньше, в сравнении с датским, слов с негативным значением, но и состав их совершенно другой.

Помимо этого, судя по составу частотных концептов, норвежские политики проявляют большую озабоченность школьным образованием, тогда как датчане озабочены вопросом образования в целом.

Датский политический дискурс, в свою очередь, отличается от норвежского меньшим объемом лексики из правовой сферы и отсутствием

концептов с семой «помощь», а также меньшим числом антропоцентрических концептов.

Наконец, контрастивный анализ процентного соотношения частотных лексем норвежских и датских партий показал, что при употреблении концептов норвежского политдискурса также существует так называемый статистический скачок, ранее обнаруженный О. М. Готта на датском материале. Однако, в отличие от О. М. Готта, анализируя статистический скачок норвежских концептов, мы смогли выделить не три, а только две группы частотности лексем.

Литература

Готта О.М. Прагматика функционирования ключевых концептов в риторике датских политических партий: Дисс. канд. филол. наук. М., 2008.

Паршина О.Н. Российская политическая речь: теория и практика / Российская политическая речь (под ред. О. Б. Сиротининой). М.: URSS, 2007. С. 7.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учебное пособие. М.: Флинта, 2008. С. 6.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса М.: Гнозис, 2004. С. 286-287.

Контрастивная просодика

Р.К. Потапова

Сопоставительная паравербалика и ее просодические корреляты

The topic under discussion includes the comparative aspect on study of paraverbalics by means of segmental and suprasegmental (prosodic) characteristics of spoken language. It is substantiated that paraverbalics as a functional part of paralinguistics and an expanding field of research for several decades on the domain of linguistics, psycho- and sociolinguistics and others could be defined. The paper represents original theoretical conception regarding differentiation of paraverbalics into two types: independent – dependent ones.

Необходимость включения в сферу исследования факторов, непосредственно сопровождающих речь в акте межличностной коммуникации, впервые была сформулирована в «Тезисах Пражского лингвистического кружка» [Пражский лингвистический кружок 1967]. Теоретически мыслимая речевая коммуникация в «стерильных условиях» связана с экспликацией логико-семантической составляющей речевого высказывания, где однозначность структуры «на входе» определяет содержательный компонент высказывания «на выходе» независимо от особенностей речепроизводства и речевосприятия. В данном случае исследование опирается на вербалику высказывания. Полное же изучение процессов передачи смысловой информации должно опираться не только на вербалику, но и на невербалику (пара- и экстравербалику) [Потапова 1997].

Несмотря на трудности отграничения паравербалики от экстравербалики, можно предположить, что область изучения экстравербалики затрагивает систему передачи информации, относящиеся к социологии, культурологии, этнологии и т.д., в то время как паравербалика распространяется на конкретный речевой акт, конкретное высказывание в рамках конкретной ситуации.

Следует подчеркнуть, что в центре внимания современных лингвистов и лингвокультурологов уже относительно долгое время находится проблема взаимодействия языков и культур в аспекте межличностной коммуникации, рассматриваемой с опорой не только на вербальные особенности ее реализации, но и на невербальные (пара- и экстравербальные) средства коммуникации [Потапова, Потапов 2006; Потапова, Потапов 2008].

Особым интересом характеризуется область изучения взаимодействия вербальных и невербальных средств с учетом достижения коммуникативной цели. Известно, что коммуникативное поведение индивидуумов

находится в прямой зависимости от характера взаимодействия вербальных и невербальных средств, определяемых факторами физиологии, психологии, этнопсихологии и т.д. В связи с этим особое значение приобретают фонетические (сегментные и супрасегментные) способы передачи смысловой информации, призванные отражать своеобразие коммуникативной ситуации с учетом этно- и социокультурной специфики, а также своеобразие эмоциональных и эмоционально-модальных оценочных аспектов коммуникации в целом. Существует прямая зависимость между этнопсихологическими и национально-культурными особенностями коммуникации и вербальными/невербальными средствами передачи эмоциональных и эмоционально-модальных значений, репрезентирующих различные типы коммуникативной дихотомии: «Я и мой внутренний мир», «Я и окружающий мир», «Я и партнер по коммуникации», «Я и реальная ситуация».

Паравербальную речевую коммуникацию можно рассматривать как некий набор особых поведенческих знаков, образуемых, с одной стороны, сегментными средствами фонации и артикуляции, с другой стороны, супрасегментными средствами просодии, которые присущи участникам коммуникативного акта. Паравербалика включает как голосовые, так и неголосовые элементы, выбор и значение которых зависит от особенностей той или иной этно- и социокультуры, физического и психического состояния партнеров по коммуникации. Неголосовые паравербальные компоненты коммуникации состоят из кинесических действий, производимых во время коммуникативного акта, например, таких как мимика, жесты, положение и направление движения тела в пространстве, визуальный контакт, направление взгляда, расстояние между говорящими, физический контакт, за исключением функционирования речевого аппарата. В противоположность вышесказанному голосовые паравербальные компоненты включают слышимые перципиентом фонационно-артикуляционные и просодические характеристики речи, которые могут принимать одну из двух базовых форм: форму кратковременного относительно автономного дискретного высказывания и форму фрагмента целостного речевого продукта, интегрированного в несущую вербальную конструкцию речевого высказывания.

Кратковременный дискретный тип паравербального высказывания можно отнести к относительно независимой категории паравербальной коммуникации (например, дентальные щелкающие звуки, используемые в русской речи для передачи укоризны, мягкого порицания; сочетание заднеязычного глухого фрикативного с билабиальным сонантом для выражения сомнения, а также в ряде ситуаций и недовольства; сочетание звонкого билабиального смычно-взрывного с долгим вибрантом – для

передачи состояния брезгливости, также и озноба; велярные, альвеолярные или дентальные щелкающие звуки в английской речи для передачи состояния нетерпения, некоторого сочувственного участия и интереса эмпатического характера; многочисленные субституторы (заменители) лексемы *„yes“*, часто звучащие как *„yup, yeah, mm, mmhmm, uh-huh“*; в русской речи субститутор лексемы *«да»*, звучащий как билабиальный сонант со специфической конфигурацией основного тона восходященисходящего типа).

При реализации паравербального высказывания зависимого (сопутствующего) происходит наложение голосовых паравербальных признаков на базе речевой просодии на вербальное наполнение высказывания (вербальный контент высказывания), что ведет к определенному коммуникативному эффекту (например, в шепот для выражения конфиденциальности; назализация для передачи особого удовольствия и наслаждения; изменение звуковых сегментов в процессе речепроизводства с помощью особой губной артикуляции, в частности, при наличии ухмылки, улыбки, смешка и т.д.).

Прагматическая функция частоты основного тона голоса используется помимо вышесформулированных аспектов для передачи эмоционального и/или эмоционально-модального состояния говорящего как контролируемого, так и неконтролируемого типа (например, физиологического состояния злости или страха, которые имеют эндокринную и, следовательно, непроизвольную, неконтролируемую основу).

Подобно вербальной сфере коммуникации продукция, репродукция и перцепция паравербалики в акте коммуникации имеют свои специфические признаки. Незнание специфики паравербальной иноязычной и инокультурной коммуникации может привести к коммуникативным сбоям, что в свою очередь влияет на результат коммуникации в целом.

Значительным представляется исследование способов включения паравербальных средств в процесс вербальной коммуникации в сопоставительном ключе. Конечной целью подобного исследования является обнаружение специфики вербальной и паравербальной подсистем в структурно-системной архитектонике межличностной интер- и интравербальной коммуникации.

Существует несколько коммуникативных функций голосовых паравербальных характеристик, которые включают использование просодических параметров для выделения определенных фрагментов высказывания, а также усиления/снижения прагматического эффекта, связанного со смыслом этого высказывания. Таким образом, паравербальные единицы в виде свободной, параллельной, синхронной и согласованной модели не только накладываются на актуализацию звучащей речи, но и инкорпори-

руются в нее.

При описании паравербальных особенностей речи могут быть использованы традиционные артикуляторные признаки, применяющиеся для передачи таких явлений, как лабиализация, дентализация, палатализация, веляризация, фарингализация, назализация и ретрофлексность, а также просодические признаки, характеризующие интонационный комплекс речевого высказывания (о соотношении просодии, просодики, просодемики и интонации см.: [Потапова 1986]). Кроме того, могут быть использованы также признаки фонетических типов голосообразования, например, фальцет, модулирующий голос, скрипучий голос и т.д.

Для более глубокого изучения фонетической основы паравербалики и ее функционирования в разных языках и культурах нами предлагаются некоторые направления описательного, теоретического и прикладного характера:

– биофонетическая природа паравербальных признаков;

– психофизиологическая природа паравербальных признаков;

– типология паравербальных признаков, функционирующих в разных языках, культурах и этносах;

– диапазон паравербальных признаков, используемых в разных языках, культурах и этносах для передачи одного и того же коммуникативного эффекта;

– прагматические эффекты, достигаемые с помощью определенных паравербальных средств (о направлении в речеведении «прагмафонетика» см.: [Потапова 1990]);

– соотношение паравербальной и вербальной модели в коммуникации;

– соотношение паравербальной и экстравербальной модели в коммуникации;

– паравербальные признаки в филогенезе и онтогенезе;

– природа дисфункций (нарушений) в паравербальной коммуникации;

– интра- и интериндивидуальные проявления в использовании паравербальных средств;

– индивидуальные паравербальные признаки как один из аспектов речевого портрета индивидуума (например, в речеведческой экспертологии);

– характер зависимости системы паравербальных средств от социально-экономического и социально-политического факторов;

– разработка теории контрастивной невербалики (пара- и экстравербалики) как отдельной отрасли пара- и экстралингвистики, в связи с чем напрашивается своего рода аналогия с точкой зрения В.Н. Ярцевой, высказанной ею в 80-е годы XX века по поводу контрастивной лингвистики, сформировавшейся благодаря многочисленным исследованиям в отдель-

ную отрасль языкознания [Ярцева 1981].

При изучении интер- и интраязыковых особенностей паравербалики в акте коммуникации особое значение приобретают просодические характеристики речи [Potapova 2009; Potapova, Potapov 2009]. Как указывалось выше, в реальной речевой коммуникации наблюдается, как правило, сосуществование вербалики и паравербалики в вариантах независимого и зависимого типов. Так, например, сипловатый, хрипловатый тип фонации может сигнализировать применительно ко многим культурам глубоко переживаемые чувства, а также сексуальное желание. Естественно, что в данном случае исключается физиологическая константа или временная патология. Для жителей Японии напротив вышеуказанный тип фонации выражает уважение к партнеру по коммуникации, а также покорность, подчиненность. Резкое падение основного тона голоса при наличии скрипуче-хриплой фонации сигнализирует в коммуникации русских и англичан стремление к тому, чтобы унизить партнера по коммуникации, сделать ему больно, дискредитировать в глазах других. Ранее нами была упомянута назализованная окраска голоса, которая во многих системах паравербалики сигнализирует о наличии особого чувственного удовольствия и наслаждения. Имеются данные, что система немецкой паравербалики не включает данный признак.

Среди исследователей бытует точка зрения [Wallbott, Matsumoto, Tsutomu 1988; Matsumoto, Tsutomu, Scherer, Wallbott 1988], что невербальные реакции можно рассматривать как внешнепроявляемые в противоположность внутренним физиологическим реакциям человека. В соответствие с этим индивидуумы с преобладанием невербалики (пара- и экстравербалики) в своем поведении классифицируются как экстерналии. Им противопоставлены интерналии. Подобная дихотомия установлена как для различных культур, так и для обоих полов. Согласно имеющимся данным [Wallbott, Matsumoto, Tsutomu 1988, 110], в коммуникативном поведении женщин невербальные реакции (внешние реакции) вдвое превышают внутренние физиологические реакции. В противоположность этому для коммуникативного поведения мужчин более частотными являются внутренние, то есть не переходящие во внешнюю паравербалику реакции, что позволяет применительно к различным языкам и культурам причислять женщин, как правило, к экстерналиям, а мужчин – к интерналиям[1].

Продолжая описание невербалики для дихотомии «экстернальность–интернальность», следует привести несколько примеров. Так, при межэт-

[1] С нашей точки зрения, не в этом ли кроется одна из причин меньшей продолжительности жизни представителей сильного пола.

ническом и межкультурном сопоставлении оказывается, что израильтяне, испанцы и французы являются наиболее ярко выраженными экстерналиями, в то время как в качестве менее выраженных экстерналий выступают англичане, бельгийцы, швейцарцы и немцы. Вопреки ожиданиям исследователей в группу экстерналий не вошли итальянцы, пополнив группу интерналий.

При сравнении вербалики и невербалики (пара- и экстравербалики) применительно к коммуникативному поведению англичан и американцев выявлены различия относительно роли в оценке эффекта коммуникации просодических средств. Согласно полученным данным [Potapova 2009], для коммуникации между англичанами маркированным при восприятии выступает весь комплекс просодических средств, конституирующих вербалику и паравербалику зависимого типа на базе просодии, в то время как для коммуникации между американцами маркированно соотношение вербалики и экстравербалики. Паравербалика в этом случае уходит на второй план.

При изучении паравербалики, конституирующей эмоциональное и эмоционально-модальное поведение индивидуума, важно учитывать биофизиологическую основу процессов протекания положительных и отрицательных, сильных и слабых эмоций. При этом голосовая мимика применительно к паралингвистике напрямую зависит от речевой моторики. Результаты исследований фонационно-артикуляционного выражения эмоций позволили определить механизм управления просодией в речепроизводстве. Следует подчеркнуть, что выявленные нами ранее «признаки произносительной паравербалики носят универсальный биологический, физиологический, психологический характер, что существенно облегчает их декодирование в акте коммуникации» [Потапова 1997, 42]. Вместе с тем существуют и межъязыковые различия применительно к паравербалике, которые относятся к более тонким структурным соотношениям целого ряда просодических параметров.

Литература

Потапова Р.К. Слоговая фонетика германских языков. М., 1986.

Потапова Р.К. Фонетические средства оптимизации речевого воздействия // Оптимизация речевого воздействия / Отв. ред. Р.Г. Котов. М., 1990. С. 199-210.

Потапова Р.К. Коннотативная паралингвистика. М., 1997.

Потапова Р.К., Потапов В.В. Язык, речь, личность. М., 2006.

Потапова Р.К., Потапов В.В. Восприятие эмоционального поведения иноязычных и инокультурных коммуникантов // Фонетика и нефонетика. К 70-летию С.В. Кодзасова. М., 2008. С. 602-616.

Пражский лингвистический кружок. Сб. статей М., 1967.

Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика. М., 1981.

Matsumoto D., Tsutomu K., Scherer K.R., Wallbott H. Antecedents of reactions to emotions in the United States and Japan // Journal of cross-cultural psychology. 19 (3). 1988. P. 267-286.

Potapova R.K. Interkulturelle Aspekte der Para- und Extralinguistik // Phonetisch-sprechwissenschaftliche Untersuchungen zur interkulturellen Kommunikation Russisch – Deutsch / Hrsg. E. Stock, U. Hirschfeld. Frankfurt am Main, 2009.

Potapova R.K., Potapov V.V. Psycholinguistische und phonetische Untersuchungen zur interkulturellen Kommunikation aus der Sicht Russisch-sprechender // Phonetisch-sprechwissenschaftliche Untersuchungen zur interkulturellen Kommunikation Russisch – Deutsch / Hrsg. E. Stock, U. Hirschfeld. Frankfurt am Main, 2009.

Wallbott H., Matsumoto D., Tsutomu K. Emotional experience in cultural context: a comparison between Europe, Japan and the United States // Faces of emotion: recent research. Hillsdale (NJ). P. 98-115.

В.В.Потапов

Структурно-типологические подходы к исследованию речевого ритма

From our point of view, rhythm of spoken prose is understood as the specific distribution of such segments as sounds, syllables, rhythmic groups etc. in time as well as their phonetic (qualitative and quantitative) expression. The results obtained give us an insight into the nature of accent in the languages in question and therefore, into their specific rhythmic organization. We would like to underline the fact that modern typological language studies are characterized by the three main directions of search – for universalities, for types and for individual specificity. The present study was carried out along the lines of this concept to solve such a problem as rhythm.

В настоящее время все многообразие типологических исследований сводится к трем основным направлениям – поиску универсалий, типа и индивидуальной специфики [Николаева 1977]. В своих работах В.Н. Ярцева, подробно останавливаясь на проблеме определения языкового типа, писала следующее: «…решая вопрос о типологической принадлежности того или иного языка, приходится оперировать понятием языкового типа…. …языковой тип представляет собой определенную форму организации понятийного содержания языка. При выделении языкового типа с его дистинктивными признаками лучше было бы использовать одноуров-

невые явления языка, хотя вследствие целостности языковой системы черты одного уровня должны коррелировать со строением других уровней…» [Ярцева 1981, 13].

Обращение к звучащей речи и принятие во внимание условий ее функционирования в дискурсивном ключе служит достаточно весомым основанием для проведения более глубоких изысканий, в рамках которых в фокусе оказываются проблемы речевого ритма с позиции структурно-типологических подходов к анализу речевой материи.

Постулат об относительном характере ритма в наибольшей мере соотносится с функционированием речевого ритма в текстах прозы. Ритм нестиховой (прозаической) речи, как письменной, так и устной, с нашей точки зрения, может быть определен как квазирегулярная повторяемость наиболее частотных для данного хронологического состояния языка и варьирующих под влиянием грамматического строя языка ритмических структур, характеризующихся специфической просодической оформленностью, и образующих интонационно-смысловые блоки в рамках синтагмы [Potapov 2001; Потапов 2004].

В качестве базовых единиц описания ритмической организации высказывания традиционно рассматриваются такие ритмические единицы, как *ритмическая структура* (РС) (что соответствует фонетическому слову), и более комплексно-семантическое образование – *синтагма* (по Л.В. Щербе). Синтагма предполагает наличие либо одной, либо нескольких РС, соответствующих относительно законченному смысловому целому, которое вычленяется испытуемыми перцептивно, то есть при прослушивании текстов, а также на базе акустического анализа. В качестве основных признаков, характеризующих ритм синтагмы, может рассматриваться длина синтагмы в РС, а также порядок следования РС в синтагме, что соответствует типам ритмических схем синтагм (РСС).

При изучении ритмической специфики звучащих текстов на материале различных языков (как генетически родственных, так и не являющихся таковыми) особое место занимает проблема речевого ритма применительно к контактирующим языкам.

Исследование перцептивной оценки ритмического структурирования текстов проводилось на материале западнославянского лужицкого языка, находящегося в непосредственном контакте с немецким языком [Потапов 1999]. Результаты перцептивного анализа текстов на лужицком (в данном случае верхнелужицком) языке, проведенного носителями языка, сопоставлялись с результатами соответствующего исследования на материале немецкого и чешского языков.

Следует подчеркнуть, что в процессе анализа ритмической структурированности лужицкой речи было обнаружено интересное с позиции

перцепции явление. Носители лужицкого языка при слуховой сегментации текста в некоторых случаях объединяли в одну ритмическую структуру (РС) несколько РС в пределах одной синтагмы, при этом проставлялось только одно ударение. Например,

…# wjace hac tricecitysac w***o***bydlerjow #...;

…# hdzez stejese tehdy mos***e***ja #...;

…# wjetsina wobydlerjow ***O***dzaka # и т.п.

Данное наблюдение свидетельствует о вычленении на перцептивном уровне промежуточной ритмической единицы, находящейся между РС и синтагмой.

В связи с этим целесообразно, с нашей точки зрения, представить ритмическое «дерево» звучащей речи в виде иерархии: базовый ритм, РС первого порядка, РС второго порядка, интегративный ритм.

Базовый ритм относится к акцентным типам слов, заданных в словаре того или иного языка и функционирует в парадигматике (ср. с понятием «значеие» слова-лексемы по Косериу «Bedeutung»). Далее следует **ритмическая структура** (фонетическое слово), включающая проклитики и /или энклитики, и называемая нами **РС первого порядка**. Следующей перцептивной категорией ритмических единиц может быть последовательность РС, объединенных вокруг одного максимально выделенного ударением слога (**РС второго порядка**). В некоторых случаях последовательность РС может соотноситься на перцептивном уровне с синтагмой. Как отдельные РС, так и последовательности РС функционируют, вероятно, по закону объема оперативной памяти (7 $\pm$ 2 слога). Далее в ритмической организации речи выделяется синтагма, образующая синтагматические цепочки в рамках фразы, фоноабзаца, текста. Синтагматический ритм соотносится с уровнем смысла в тексте (по Косериу «Sinn») и может трактоваться как **интегративный ритм**.

Данную иерархию ритмических единиц условно можно изобразить следующим образом:

Базовый ритм (слово-лексема)	РС первого порядка (фонетическое слово)	РС второго порядка (последовательность РС)	Интегративный ритм (синтагма ↓ фраза ↓ фоноабзац ↓ текст)

В наших исследованиях [Потапов 2003] получено, что в немецкой речи обычно проявляется стремление избежать двух тяжелых (выделенных ударением) слогов в сложных словах, которые следуют непосредственно друг за другом, что может служить причиной смещения акцентов. Этот процесс тем реальнее, чем ближе друг к другу выделенные слоги. Таким образом, в немецком языке допускается варьирование ритмического оформления сложных слов, прежде всего, в условиях изменения вида речевой деятельности [Потапова, Потапов 2001, 106]. Проведенное ранжирование значений частотности РС показало, что максимально частотными РС являются следующие структуры: 3/2, 2/1, 4/3, 3/1. Данные факты подтвердили выявленную ранее закономерность, характерную для индоевропейских языков – функционирование в потоке речи двусложных РС с ударением на первом слоге (2/1), трехсложных РС с ударением на втором слоге (3/2), четырехсложных РС с ударением на третьем слоге (4/3), трехсложных РС с ударением на первом слоге (3/1).

В соответствии со спецификой морфологического строения слова в немецком языке в ряде случаев главное ударение выступает в комбинаторике с второстепенным ударением. Например: 'Speicher,bank – 3/1/3 (3 [2/1–1/1]). В связи с этим предлагается следующая форма обозначения РС в подобных случаях. Первая часть – общее обозначение числа слогов с номерами ударных слогов в структуре, вторая часть – последующая конкретизация составных частей.

Задача исследования заключалась в анализе ритмических структур с учетом следующих факторов: а) числа слогов; б) позиции ударения; в) соотношения классов и типов РС в рамках полного объема словаря (в %); г) рангового распределения величин частотности классов и типов РС.

Первичная классификация проводилась с учетом только главного ударения в РС. Выделено семь основных классов РС. Распределение по частотности РС реализуется по трем основным группам: наиболее частотная, среднечастотная, наименее частотная. Группа максимально частотных РС представлена двусложными РС с ударением на первом слоге (2/1), трехсложными РС с ударением на первом слоге (3/1), трехсложными РС с ударением на втором слоге (3/2). Данная группа включает 56,5% всего анализируемого материала. Например: 2/1 – 'Speicher, 'Rechner, 'fasten, 'löschen; 3/1 – 'Abtastung, 'abspeichern, 'Umschaltung, 'Autlistung; 3/2 – Em'fänger, ge'speichert, ge'steuert, Ko'dierung.

Вторичная классификация проводилась с учетом информации о главном и второстепенном ударениях в РС. Полученные данные демонстрируют широкий диапазон функционирования в словаре разноударных РС, которые по своей частотности разбиты на три основные группы. Наиболее частотная группа составляет 41,23% всего анализируемого материала

и представлена следующими структурами: четырехсложными с основным ударением на первом слоге и второстепенным – на третьем слоге 4/1/3 (4 [2/1–2/1]); пятисложными с основным ударением на первом слоге и второстепенным – на четвертом слоге 5/1/4 (5 [3/1–2/1]); трехсложными с основным ударением на первом и второстепенным ударением на втором слоге 3/1/2 (3 [1/1–2/1]). Например, 4/1/3 (4 [2/1–2/1]) – 'Ruckwärts,lesen, 'Schlüssel,daten, 'Trommel,speicher 5/1/4 (5 [3/1–2/1) – 'Ausgabe,puffer, 'Auslese,speicher, 'Zubringer,speicher и т.д.

К основным типологическим чертам немецкого акцента относятся следующие положения [Гуревич 2008]:

– взаимодействие акцентологической системы немецкой и заимствованной лексики;

– семантико-акцентная оппозиция двух двусложных моделей / ⁄ \ / и / \ ⁄ / по классу сложных прилагательных;

– функционирование новой трехсложной развивающейся модели / \ ⁄ \ /, связанной с многосоставными сложными словами и отражающей тенденцию к развитию немецкой акцентологической системы;

– система исходных парадигматических акцентных моделей и вариантов охватывает акцентную организацию лексики в целом.

Немецкую наиболее типичную синтагму можно было бы представить в виде следующей формализованной условной схемы[1] [Potapov 2001; Потапов 2004]:

n/2 n/1 n/3 ... n/n ... n/2 n/1 n/3.

Специальный эксперимент был посвящен вопросу выявления механизма ориентации испытуемых на грамматические маркеры при членении письменного текста на смысловые блоки в рамках синтагмы [Potapov 2001; Потапов 2004]. В нашем эксперименте были проанализированы признаки членения письменного текста, предъявленного испытуемым –

[1] «Используя индуктивно-эмпирический метод, исследуются, например, устные тексты, чтобы установить, как часто встречаются интервалы длиной в 0, 1, 2, 3…, причем данный текст рассматривается как неделимая единица или он может быть поделен на различные рамочные единицы. Последнюю возможность использует В.В. Потапов…, когда он делит тексты сначала на фразы, а потом фразы на синтагмы, чтобы затем охарактеризовать эти единицы с точки зрения ритма. Если рассмотреть таким образом несколько текстов, то с помощью статистического метода можно ответить на вопрос, существует ли значимое различие в отношении ритма или нет» [Лефельдт 2006, 214-215].

носителям языков без пунктуационных знаков, на синтагмы в соответствии с концепцией пограничных сигналов при членении текстов. (Например, на основе сравнения двух словесных структур – древнеиндийской и рунической – установлена следующая закономерность: максимальная акцентная организация слова предполагает наличие минимального количества пограничных сигналов; минимальная акцентная характеристика слова предполагает наличие максимального количества пограничных сигналов [Макаев 1965, 94].). Представлялось интересным выяснить, какие части речи (знаменательные, служебные) используются в качестве ориентировочных маркеров при синтагматическом членении.

Носители русского языка проводят членение текста, используя, прежде всего, следующие части речи в пределах РС на границах между синтагмами: местоимения, союзы, предлоги или сочетания служебных и знаменательных слов. Границы могут проходить также между двумя знаменательными словами (достаточно часто между существительными). Например: апреля // и стал (сущ. // союз+гл.); к месту // в котором (предл.+сущ. // предл.+мест.): театра // имя (сущ. // сущ.) (М. Булгаков); на отдых // на удовольствие (предл. +сущ. // предл. + сущ.); рук // китайцы (сущ. // сущ.); с дочерью // жена (предл. + сущ. // сущ.) (И. Бунин).

Таким образом, мы может предполагать, что синтаксическая информация вкупе с глубинным интонационным элементом играют важную роль в случае членения текста на синтагмы при чтении испытуемыми текста про себя. Носители немецкого языка членят текст на родном языке, также используя синтаксическую информацию, которая включает в себя признак позиции глагола и наличия придаточных предложений. Например: erquickend // man fühlte; Haus // in dem... gewesen war (M. Bulgakov); verschoben // er hatte; alles // was sich... erhoffte (I. Bunin).

Носители немецкого языка могут членить тот же текст на русском языке на более крупные синтагмы (это членение может носить индивидуальный характер, так как интонационные характеристики не всегда связаны с соответствующими синтаксическими характеристиками. Более того, очень часто они различаются между собой [Пешковский 1959]), например, ***носитель русского языка:*** ... // итак // я сел // вдыхая освеженный воздух и размышляя о том // что гроза ударит опять //... (М. Булгаков); ***носитель немецкого языка:*** ... // итак я сел вдыхая освеженный воздух и размышляя о том // что гроза ударит опять // ... (М. Булгаков).

Наличие более крупных синтагм при членении текста носителями немецкого языка предположительно можно объяснить тем фактом, что в качестве пограничных сигналов часто используется синтаксическая информация, связанная с позицией глагола и придаточного предложения.

Можно наметить определенную иерархию факторов, влияющих на

ритмико-структурную организацию речевого высказывания в синхронии. Доминирующим является фактор специфики ударения; ведущее положение занимает также грамматический строй языка, который воздействует на ритмико-структурные особенности речевого высказывания опосредованно, то есть через комбинаторику частей речи, формируя клитики, проклитики и энклитики; в меньшей степени на ритмико-структурную организацию речи влияет фактор функционально-стилистической принадлежности звучащего текста.

К характерным чертам ритма английской речи могут быть отнесены следующие явления [Potapov 2001; Потапов 2004]. Во-первых, ударные слоги в синтагме следуют друг за другом через равные промежутки времени; только в очень длинных ритмических структурах, в которых много безударных слогов, это соблюдается не так строго. Во-вторых, большинство неначальных ритмических структур начинается с ударного слога; неударные слоги внутри синтагмы имеют тенденцию примыкать к предшествующему ударному слогу, образуя энклитики; только начальные неударные слоги всегда примыкают к последующему ударному слогу, образуя проклитики. В-третьих, чем больше неударных слогов стоит между двумя ударными, тем быстрее они произносятся. В-четвертых, неударные слоги в начальном положении всегда произносятся быстро. В-пятых, в каждой ритмической структуре своя просодическая специфика, которая зависит от степени семантической важности, которая присуща этой отдельной структуре в составе синтагмы.

Даже на сравнительно ограниченном английском материале выявляется тенденция к изменению акцентных моделей под влиянием фразового ритма в зависимости от положения в синтагме [Давыдов, Рубинова 1997]. В устной (квазиподготовленной) речи весьма распространенным случаем является полная утрата главного ударения или, точнее, перемещение главного ударения на место второстепенного. Такого рода смещения приводят к усилению семантики соответствующих прилагательных [Давыдов, Рубинова 1997].

Одной из универсальных ритмических тенденций, характерных для большинства европейских языков, предстает изометрия и, как следствие, изохронность междуударных интервалов, что ведет к появлению ритмического побочного ударения на начальных слогах длинных слов, даже не сложных по структуре (см. [Кузнецова 2007]).

Просодической универсалией также является тенденция к смещению ударения к началу слова. Фиксированность второстепенного ударения на определенном слоге сложного слова не всегда соблюдается в реальной речи (чем естественнее коммуникация, тем больше вероятность синтагматического смещения) (см. также [Кузнецова 2007]).

Следует подчеркнуть, что контрастивное исследование речевого ритма дает возможность выявления типологически релевантных признаков и универсалий.

Таким образом, ритмическая структурированность звучащих прозаических текстов детерминирована целым комплексом составляющих как субстанционального, так и функционального характера. В данный комплекс входят наряду с экстралингвистическими также и лингвистические компоненты, обусловленные спецификой индивидуального развития языкового кода применительно к тому или иному языковому ареалу.

Литература

Давыдов М.В., Рубинова О.С. Ритм английского языка. М., 1997.

Гуревич Э.Д. Акцентообразование в немецком литературном языке (антропологический аспект). Иркутск, 2008.

Кузнецова Е.В. Актуальные вопросы фонетики побочного ударения в русском, английском и немецком языках // Мат-лы V межд. науч. конф. «Фонетика сегодня». М., 2007. С. 124-125.

Лефельдт В. Акцент и ударение в русском языке. М., 2006. (Studia philologica).

Макаев Э.А. Язык древнейших рунических надписей. М., 1965.

Николаева Т.М. Фразовая интонация славянских языков. М., 1977.

Пешковский А.М. Избранные труды. М., 1959.

Потапов В.В. Дифференциация ритмических единиц в синтагматике (перцептивный опыт на материале лужицкого языка) // Мат-лы конф. «Теория и практика речевых исследований» (АРСО-99). М., 1999. С. 42-44.

Потапов В.В. Некоторые аспекты ритма немецкой прозы с позиции фоностилистики // Мат-лы III Всерос. конф. «Теория и практика речевых исследований» (АРСО-2003). М., 2003. С. 122-137.

Потапов В.В. Динамика и статика речевого ритма: Сравнительное исследование на материале славянских и германских языков. 2-е изд., доп. М., 2004.

Потапова Р.К., Потапов В.В. Проблемы ритма немецкой звучащей речи // Вопр. языкознания. 2001. № 6. С. 104-122.

Ярцева В.Н. Контрастивная грамматика. М., 1981.

Potapov V.V. Dynamik und Statik des sprachlichen Rhythmus (eine vergleichende Studie zum slavischen und germanischen Sprachraum). Koeln, Weimar, Wien, 2001.

Т.Е. Янко

Текстообразующая функция просодии: некоторые результаты сопоставительного анализа русского, английского и немецкого языков[1]

This paper offers a contrastive analysis of a variety of rises in Russian, English, and German which all maintain text incompleteness but have different timing, vary in their functions, and follow different principles of accent placement. The functions of various markers of text incompleteness are as follows: 1) the speaker indicates that the current step of narration is non-final; the speaker indicates that not only the current step is non-final but also that the step which follows the current step also is not text-final; the speaker indicates that the current step of narration is non-final but that the step which follows the current step is definitely text-final.

В данной работе анализируются просодические средства выражения текстовой незавершенности, т.е. указания на то, что текущее высказывание не последнее и что продолжение повествования следует. В качестве основных средств выражения этих значений языки используют просодические средства: изменение частоты основного тона (мелодику) и выбор словоформ-носителей акцентных пиков. В небольшой статье мы не стремимся достичь полноты в сравнительном описании просодии незавершенности: наша цель – отметить интересные совпадения и нетривиальные отличия в рассмотренных языках.

Начнем с анализа одного из типов указания на незавершенность, распространенного в русской разговорной речи. Этот тип иллюстрируется предложением (1).

(1) *Я тогда* ***пиджак↘ снял↗****...*

В соответствии с нашей гипотезой падение тона на ударном слоге дополнения *пиджак* (падение условно обозначено стрелкой вниз↘) служит показателем ремы, а подъем на глаголе *снял* (стрелка вверх ↗) – показателем того, что текст еще не кончился. В этом предложении у ремы и текстовой незавершенности разные акцентоносители, поэтому эту стратегию указания на незавершенность мы называем *аналитической*. Это не самый стилистически нейтральный способ указания на незавершенность, потому что он характерен только для бытовой разговорной речи, но мы начинаем анализ незавершенности именно с этой стратегии, потому что маркер ремы и маркер незавершенности в ней представлены автономно.

[1] Работа над темой финансируется РГНФ, проект 09-04-00106а.

В разговорной речи эта стратегия имеет очень высокую частотность. Ср. примеры из базы данных отчетов детей об их сновидениях (об анализе разговорной речи на примере отчетов детей об их сновидениях см. [Рассказы о сновидениях 2009]):

> *(2) Она меня вот* ***сюда*** ↘ *вот* ***укусила*** ↗*...; И когда* ***обратно*** ↘ *уже* ***бежали*** ↗*...; Я из* ***комнаты*** ↘ ***выхожу*** ↗*...*

Во всех этих примерах на вынесенном в финал предложения глаголе фиксируется подъем частоты тона на ударном слоге плюс падение на заударных, если они есть, т.е. ИК-3, по Е.А. Брызгуновой (см. [Русская грамматика 1982: 111][1]), а на предшествующем глаголу акцентоносителе актанта этого глагола – падение типа ИК-1[2]. Подобное – *аналитическое* – выражение ремы и незавершенности возможно и в немецком языке. Обратимся к примеру (3), заимствованному нами из работы [Палько 2006]:

(3) *Am zweiten Tag, als immer mehr Kamerateams an diese einzelne Schule* ↘ *kam* ↘↗*...*

'На другой день, когда еще больше репортеров в эту единственную школу пришло...'

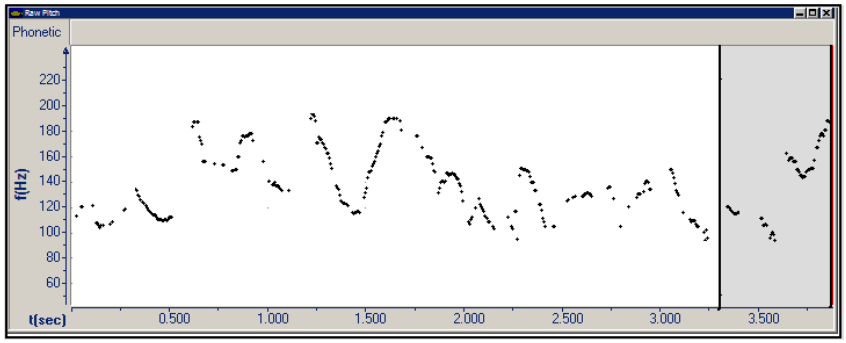
Тонограмма ниже демонстрирует немецкий показатель незавершенности в виде нисходяще-восходящего движения тона на финальном глаголе *kam* и предшествующее падение на акцентоносителе ремы словоформе *Schule.* Фрагмент *Schule kam* на тонограмме выделен курсорами и залит серым цветом[3]. Пример взят из программы новостей радиостанции Deutsche Welle.

---

[1] По нашим представлениям ИК-3 соответствует акценту B в нотации Д. Болинджера [Bolinger 1958] и LH*L% в нотации Дж.Б. Пьерхамберт [Pierrehumbert 1980].

[2] Акцент A по Д. Болинджеру, HL* по Пьерхамберт.

[3] При анализе интонации мы прибегаем к показаниям приборов, которые получены с помощью компьютерной системы анализа устной речи Speech Analyzer. Здесь представлены тонограммы звучащих предложений – кривые изменения частоты основного тона в герцах. Курсор – это вертикальная черта, пересекающая график. Для выделения обсуждаемых участков кривых используются пары курсоров, которые ограничивают участки кривой слева и справа.



Am zweiten Tag, als immer mehr Kamerateams an diese einzelne Schule ↘ kam ↘↗...

Таким образом, принцип выбора словоформ-носителей просодических пиков здесь тот же, что и в русском языке, а различие состоит в том, что в русском языке немаркированным показателем незавершенности служит подъем частоты тона типа ИК-3, а в немецком – это нисходяще-восходящее движение тона типа ИК-4 по Е.А. Брызгуновой[1], которое (наряду с подъемом тона на ударном слоге акцентоносителя типа русской конструкции ИК-3) тоже оказывается немаркированным средством указания на незавершенность. В русском же языке нисходяще-восходящее движение тона ИК-4 имеет особые функции, о которых речь ниже. (Вопрос о том, как выбирается акцентоноситель в темах, ремах и других коммуникативно значимых компонентах высказываний мы здесь оставляем в стороне, он рассматривается в [Янко 2008: 38-59].)В английском языке подобной – аналитической – стратегии указания на незавершенность мы не обнаружили.

При другой стратегии, которая распространена уже не только в русском, но и в других языках, простое предложение в составе сложного концептуализуется как тема:

(4) *Я тогда снял* ***пиджак***↗, *поскорее побежал на* ***почту***↗, *дал жене телеграмму о снижении цен на* ***фрукты***↗, *потому что личный покой прежде* ***всего*** ↘.

Дискурсивная незавершенность в чистом виде здесь отсутствует, но представлено близкое незавершенности значение темы, когда начальные предложения в составе сложного играют роль тем по отношению к ко-

---

[1] Мы предполагаем, что в нотации Дж. Пьерхамберт нисходяще-восходящее движение тона типа ИК-4 должно быть предствлено как HL*H.

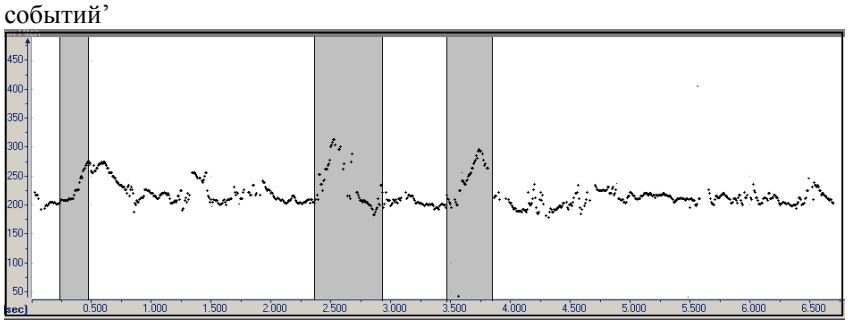
нечному, которое служит ремой или включает ее. В сложносочиненном предложении (4) акцентоноситель ремы – словоформа *всего*. Она несет нисходящий акцент ремы. В нарративе такие сложные предложения-тексты даже могут быть не завершены ремами, потому что говорящий, не закончив повествования, переключается на другой сюжет. В таком случае незаконченным остается не только повествование, но и не завершенный ремой речевой акт, ср. пример (5) из речи ребенка о том, какой он видел сон:

(5) *Она* ***бежала↗***, ***ударилась↗*** *обо что-то*, *потом* ***упала↗***, *из носа текла* ***кровь↗***, *я* ***подошел↗***, ***испугался↗****….*

В (5) акцентоносителями тем и – одновременно – незавершенности служат словоформы *бежала*, *ударилась*, *упала*, *кровь*, *подошел* и *испугался* с подъемом на ударном слоге и падением на заударных, если они есть. Этот тип незавершенности с множественными темами, при котором отсутствует различие между темой и незавершенностью, а граница между предложением и текстом, соответственно, стирается, мы называем *синтетическим*, потому что категории предложения и текста имеют здесь единый акцентоноситель. Именно этот тип поддержания незавершенности текста мы наблюдаем в большинстве западноевропейских языков, ср. для примера предложение (6) из рассказа школьной учительницы, которая вела урок неподалеку от места трагедии 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке,.

(6) *I know↗ you may have heard about the terrible* ***accident↗*** *in the World* ***trade↗*** *center, don't worry, we will keep you informed↘.*

'Я знаю, вы могли слышать об этой ужасной катастрофе в Международном центре торговли, не волнуйтесь, мы будем держать вас в курсе событий'



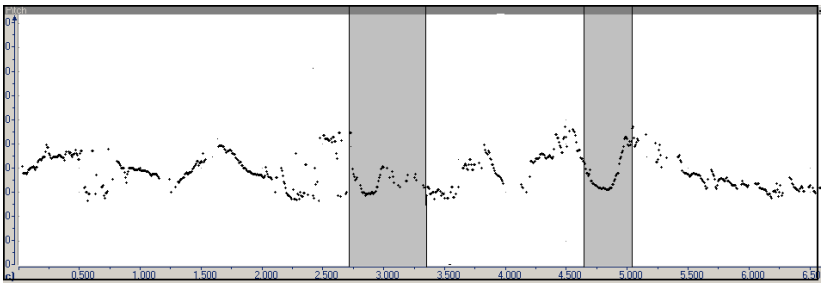
I know↗ you may have heard about the terrible accident↗ in the World trade↗ center, don't worry, we will keep you informed.

В примере (6) мы наблюдаем три восходящих движения частоты основного тона с падением на заударных. Сочетание *I know* ‘я знаю’ представляет собой начальную тему. В качестве заударных выступает последовательность атонических словоформ *you may have.* Словоформа *accident* формально служит акцентоносителем второй темы, а фактически маркирует незавершенность, на первом слоге у нее фиксируется подъем, а на втором и третьем – тон падает. Словосочетание *in the World trade↗ center* в качестве акцентоносителя имеет словоформу *trade* в соответствии с правилами выбора акцентоносителя в атрибутивных синтагмах английского языка (ср. *coffee shop* с неконечным акцентоносителем *coffee*[1]). На заударной словоформе *center* тон падает.

Немецкие примеры мы здесь опускаем. Они не внесут ничего принципиально нового. Заметим только, что в английском и в немецком языках текстовая незавершенность может выражаться не только подъемом на ударных, но и подъемом на заударных, если они есть, или на втором компоненте ударного слога при том, что первый компонент отмечен падением (т.е. типа русской конструкции ИК-4). Об этом уже говорилось выше при обсуждении немецкого примера (3). Ср. английский пример (7) из речи американца, научного сотрудника, работающего в Москве. Здесь в двух акцентоносителях – словоформах *months* ‘месяцы’ и *learn* ‘учиться’ – заударных нет. На них ясно видно характерное нисходяще-восходящее движение тона. Выбор акцентеносителей в (6) и (7) происходит по синтетическому типу, т.е. как в русских примерах (4)-(5).

(7) *I've been studying Russian now for six months↘↗, it's not easy to learn↘↗, it's turning to make more sense to me...*

‘Я учу русский уже шесть месяцев, его нелегко учить, он уже становится более понятным’



I've been studying Russian now for six months↘↗, it's not easy to learn↘↗, it's turning to make more sense to me

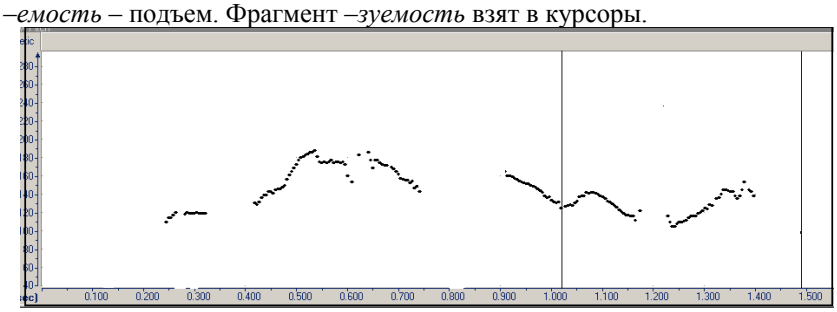
[1] Ср. также аналогичные правила для немецкого языка, описанные в работе [Светозарова 1993].

Обратимся теперь к функции русского нисходяще-восходящего движения тона при выражении незавершенности текста. В русской речи это движение тона используется не просто для указания на незавершенность, а только в случае, когда шаги повествования упорядочены во времени или по своей внутренней логике. Обратимся к предложению (8) из выступления по радио известного джазмена.

(8) *Я еще раз перечислю: это желание быть свободным* ↘↗*, независимым* ↘↗*, не продаваться* ↘↗ *никому, непредсказуемость* ↘↗*, и, конечно, индивидуализм* ↱ *и эгоизм* ↘.

Нисходяще-восходящее движение тона типа ИК-4 маркирует здесь все элементы перечисляемого ряда, кроме предпоследнего – словоформы *индивидуализм* – и, естественно, последнего. Это словоформа *эгоизм*, которая несет нисходящий акцент ремы. То, что перед нами не в точном смысле цепочка положений дел, а цепочка ценностей, обозначенных именными (и одной глагольной – *не продаваться никому*) группами, не меняет дела: перед нами полноценное средство построения текста. По поводу движения тона на словоформе *индивидуализм* поясним, что здесь представлен один из типов подъема тона, который завершается не падением на заударных, как при ИК-3, а поддерживает частоту заударных примерно на уровне, достигнутом в результате первоначального подъема. Это ИК-6, по Е.А. Брызгуновой[1] (условно обозначается ломаной стрелкой вверх ↱). О функции этого движения тона будет сказано ниже.

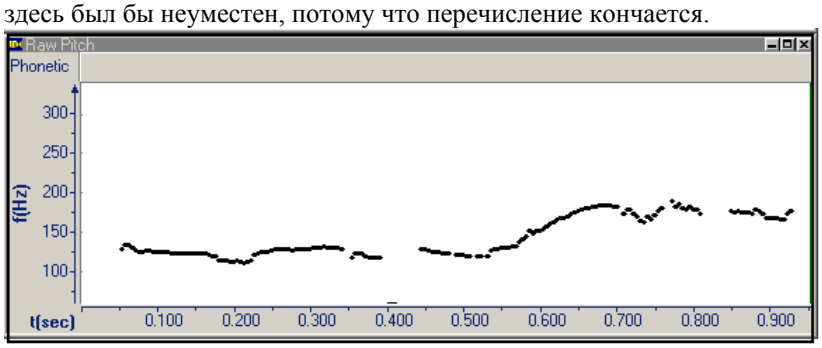
Обратимся к тонограмме отдельного фрагмента пассажа (8) – словоформе *непредсказуемость.* (Тонограмма всего пассажа была бы здесь трудночитаемой). Тонограмма демонстрирует падение плюс подъем на словоформе *непредсказуемость*. На слоге -*зу*- фиксируется падение, а на –*емость* – подъем. Фрагмент –*зуемость* взят в курсоры.



н е п р е д с к а з у е м о с т ь ↘↗

[1] См. [Русская грамматика 1982: 111], в терминах Дж.Б. Пьерхамберт мы предположительно интепретируем это движение частоты тона как L*HH.

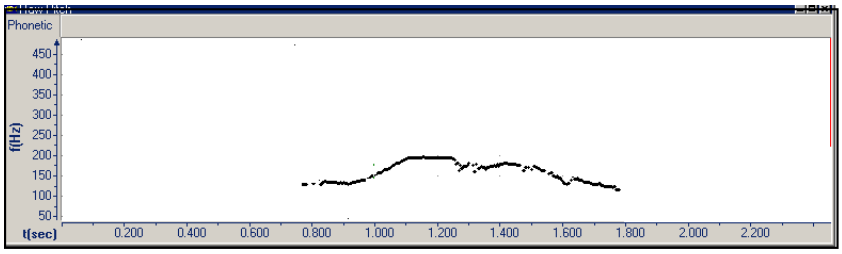
Итак, использование в русской речи нисходяще-восходящего движения тона типа ИК-4 говорит о упорядоченности событий или объектов. Говорящий не только указывает на то, что текущее событие не последнее в цепи упорядоченных событий, но и на то, что событие, следующее за текущим, тоже не последнее, потому что шаги сообщения заранее выстроены в цепочку. Перед нами рассказ «по порядку». Эта стратегия широко используется профессиональными преподавателями и докладчиками, которые говорят или делают вид, что говорят по порядку. В разговорной же речи эта стратегия используется при сообщении кулинарных рецептов, обучению технологии изготовления артефактов, сообщениях о расписании занятий, в рассказах о поездках. В примере (8) говорящий очень последовательно придерживается стратегии рассказа по порядку. На предпоследнем шаге перечисления – это словоформа *индивидуализм* – говорящий использует уже другой показатель незавершенности с подъемом на ударном слоге. На ударном слоге *-ли-* мы видим подъем тона с последующим ровным тоном на слоге [*зъм*] по типу ИК-6. Акцент ИК-4 здесь был бы неуместен, потому что перечисление кончается.



и н д и в и д у а л и з ъ м ↱

Возникает вопрос: что здесь обозначает восходящий тон с ровными высокими заударными? Это не ИК-4 рассказа по порядку, но и не дефолтный показатель незавершенности ИК-3 с его низкими заударными. Можно заметить, что после словоформы *индивидуализм* идет союз *И*, а за ним второй актант союза – словоформа *эгоизм*, которая завершает ряд. Тут встает новый вопрос: как вообще интонируются ремы, которые состоят из конъюнктивных членов, соединенных союзом *И*, например, *Танечка и Ванечка, Наука и жизнь, Язык и культура*. Обратимся к тонограмме конъюнктивной группы (9):

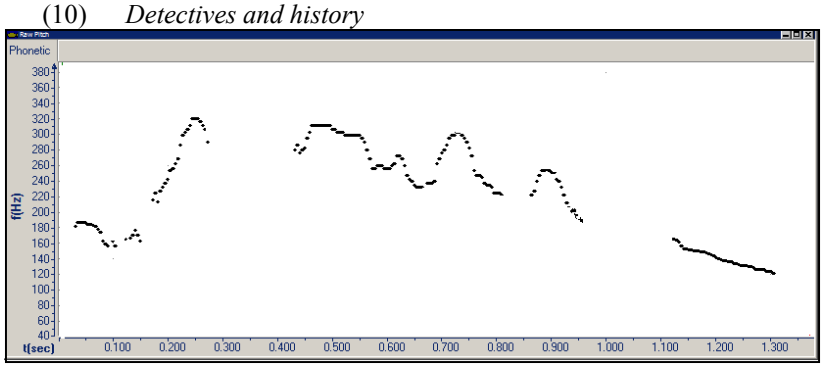
(9) *Ромео и Джульетта*.



Р о м е о и Д ж у л ь е т т а

Мы видим, что первому конъюнктивному члену *Ромео* как раз соответствует подъем, за которым следуют ровные заударные слоги, т.е. тот же просодический контур, который мы наблюдаем в ряду ценностей в примере (8) на словоформе *индивидуализм*. Таким образом, мы показали, что подъем с ровными заударными – это просодия – в частности – первого конъюнктивного члена в цепочке из двух (или предпоследнего, если их более двух). Здесь эта просодия означает: текущий шаг повествования не последний, но следующий за ним – определенно последний. Пример (10) из аудиокурса английского языка [Littlejohn, Hicks 1996] иллюстрирует практически ту же просодическую стратегию в английском языке. Пример (10) – это заглавие урока. Мы видим подъем на ударном слоге первого их конъюнктивных членов словоформы *detectives*, на заударном слоге частота тона не падает, затем следует небольшой локальный подъем, который представляет собой словесное ударение на словоформе *and*, которое в целом происходит на досточно высоком уровне, затем мы видим падение на ударном слоге словоформы *history*, которому предшествует небольшой компенсаторный подъем на первом компоненте слога, а затем на заударных тон снижается до нижних частот голоса говорящего.

(10) *Detectives and history*



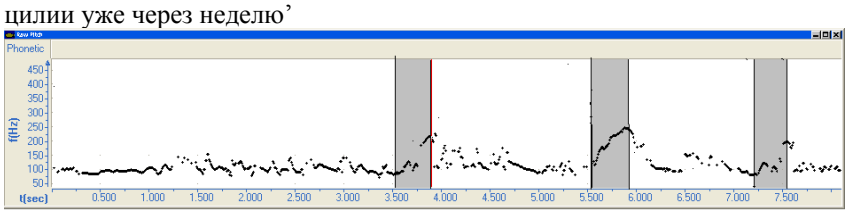
D e t e c t i v e s a n d h i s t o r y

Таким образом, мы фактически получили английский аналог русского примера (9). Немецкие примеры мы здесь за недостатком места не приводим.

И наконец, показатель рассказа по порядку был выделен и в немецкой речи. Это подъем на ударном слоге акцентоносителя плюс дальнейший подъем частоты на заударных слогах (условно обозначается двумя стрелками вверх ↗↗). Эту стратегию иллюстрирует пример (11). Перед нами рассказ представителя авиакомпании о планах расширения перевозок пассажиров. Специфическая просодия с подъемом на ударных плюс последующий подъем на заударных, фиксируется здесь на словоформах *machen*, *Sizilien* и *Woche.*

(11) *Wir werden erzählen, was wir dieses Jahr machen↗↗. Wir beginnen mit Sizilien↗↗ schon in einer Woche↗↗...*

‘Мы расскажем о том, что мы делаем в этом году. Мы начинаем с Сицилии уже через неделю’



...werden erzählen,was wir dieses Jahr machen↗↗.Wir beginnen mit Sizilien↗↗schon in einer Woche↗↗...

Аналогичные примеры весьма многочисленны. В английском языке просодического эквивалента рассказа по порядку наши исследования не выявили.

Таким образом, мы показали, что средствами мелодики можно выразить следущие значения: 1) текущий шаг повествования не последний, 2) текущий шаг повествования не последний и следующий за ним тоже не последний, и наконец, 3) текущий шаг не последний, но следующий за ним – точно последний.

***

Были рассмотрены некоторые просодические стратегии поддержания связности нарратива в русском, английском и немецком языках. Языки используют как аналитические стратегии указания на незавершенность, при которых рема и текстовая незавершенность имеют разные акцентоносители, и синтетические – при которых текстовая незавершенность не отличается от темы предложения и предложение, соответственно, имеет только один акцентоноситель. Аналитическая незавершенность чрезвычайно частотна в русской разговорной речи и возможна в немецкой речи. Кроме того, был рассмотрен вклад в семантику незавершенности разно-

образных мелодик, которые фиксируются на акцентоносителе. Анализ показал, что подъем на ударном слоге акцентоносителя с последующим падением на заударных, если они есть, во всех трех рассмотренных языках используется как дефолтный показатель незавершенности. Кроме того, в качестве немаркированного в английском и немецком языках используется нисходяще-восходящее движение частоты тона на словоформе-акцентоносителе. В русском же языке нисходяще-восходящая просодия имеет особую семантику рассказа по порядку. В немецком языке значение рассказа по порядку передается подъемом на ударном слоге акцентоносителя плюс дальнешее повышение частоты на заударных слогах. И наконец, семантика указания на то, что текущий шаг повествования не последний, а следующий за ним определенно последний, во всех трех языках передается подъемом на ударном слоге акцентоносителя, который сопровождается ровными заударными.

Литература

Кибрик А. А., Подлесская В. И. (ред.) Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса. М., ЯСК. 2009.

Палько М.Л. Интонационные средства выражения коммуникативных значений: русский vs. немецкий языки. Вопросы филологии. N6. 2006. С. 72-78.

Русская грамматика, Т. 1, М., Наука. 1982.

Светозарова Н.Д. Акцентно-ритмические инновации в русской спонтанной речи // Проблемы фонетики. Вып. I. М. 1993. С. 189-199.

Янко Т.Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М., ЯСК. 2008. 312 с.

Bolinger D. A Theory of pitch accent in English // Word. Vol. 14. 1958.

Littlejohn A., *Hicks D.* Cambridge English for schools. Cambridge University press. 1996.

Pierrehumbert J.B. The Phonology and Phonetics of English Intonation. PhD thesis. MIT. 1980.

Э.Б. Крылова

Просодика и другие средства выражения прагматических значений в датском и русском языках

Comparing the ways in which similar pragmatic meanings are distinguished in Danish and Russian reveals their common features as well as differences between them. A contrastive analysis enables to determine interesting

peculiarities in Danish concerning the choice between various means of expression of those illocutive meanings which can be expressed in Russian with intonation alone.

Выражение субъективного отношения говорящего к собственному высказыванию, а также создание коммуникативного контекста в целом осуществляется системой языковых средств, лексико-грамматических, структурно-синтаксических и просодических.

Важной роли интонации в выражении различных коммуникативных значений в русской речи посвящены труды таких отечественных исследователей как Е.А. Брызгунова, С.В. Кодзасов, О.Ф. Кривнова, Т.М. Николаева, Н.Д. Светозарова, Т.Е. Янко и других [Брызгунова 1982, Кодзасов 1996,1999, Кривнова 2001, Николаева 1982, Светозарова 1982, Янко 2001, 2003, 2008].

Т.Е. Янко, говоря об универсальности системных иллокутивных значений и различных способах их выражения (интонационных, лексических, морфологических, синтаксических) в разных языках, сопоставляет интонационные стратегии русской, английской, датской речи [2009]. О влиянии английской интонации и синтаксической структуры на трансформацию семантических вариантов, заключенных в одной форме, пишет В.Н. Ярцева [1990, 8–16].

В работах датских лингвистов также подчеркивается тесная связь интонации с выражением коммуникативных целей говорящего [Basbøll 1995, Grønnum 1997, Hansen 2001, Rischel 1980a,b].

Большая подвижность интонационной системы языка по сравнению с грамматической способствует тому, что у интонации обнаруживается больше возможностей непосредственно отвечать целям общения [Светозарова 1982].

Коммуникативная роль интонации определяется прежде всего тем, что она объединяет всех участников коммуникации. По наблюдениям М.М. Бахтина, наряду с говорящим и слушающим при посредстве интонации обнаруживает себя третий участник ситуации общения – предмет высказывания [Бахтин, 1963]. Функциональная направленность интонации на участников коммуникативного акта при выражении субъективного отношения говорящего к своему высказыванию позволяет отнести ее к группе средств выражения прагматических значений.

Однако коммуникативные функции различных интонационных структур по-прежнему остаются мало исследованными. Так, например, С.В. Кодзасов, приводя в своих работах описание семантических различий высказываний, имеющих различную интонационную конфигурацию, заключает, что «…функции интонационных единиц требуют столь же де-

тального изучения, что и функции таких дискурсивных средств, как частицы, синтаксические конструкции или порядок слов [Кодзасов 1999: 206].

В последнее время проводятся контрастивные исследования в области средств выражения различных прагматитических значений в разных языках. Так, сопоставительный анализ интонационных стратегий русской и датской речи, проведенный Т.Е. Янко, показал, например, что в датском языке, помимо других сходств, обнаруживается сходное с русским «интонационное оформление некоторых уникальных типов иллокуций и стратегий дискурсивной незавершенности, например, при интонационном выражении воспоминаний, ментального поиска и погружения в мечту. Однако, в отличие от других исследованных языков, в нем отсутствуют интонационные типы нерасчлененных предложений причины, типа: <*Открой.*> *Папа пришел* с тональным пиком на *папа* и редукцией на *пришел*» [Янко 2008, 292-295].

В рамках данной работы мы хотели бы остановиться на некоторых интересных закономерностях и особенностях формирования различных прагматических значений просодическими и структурно-синтаксическими средствами датского и русского языков, которые были подмечены нами в ходе анализа функциональной семантики модальных частиц датского языка.

Важной особенностью обоих языков является то, что возможность употребления эпистемических экспликаторов как в ударной, так и в безударной позиции, свидетельствует об изменении их коммуникативных функций, или коммуникативных ролей. Так, Т.Е. Янко отмечает способность слов *правда, действительно, конечно, верно, очевидно* и других употребляться в ударной позиции и иметь при этом значение верификации, или истинностной оценки, а в безударной парентетической – значение недостоверности или уступки:

Она правда↓↓ выходит замуж. – Продукты есть все, правда дорогие.

То, что он устал, очевидно↓. – Он, очевидно, устал.

Он конечно↓↓ большой ученый. – Он, конечно, большой ученый, только человек скверный [Янко, 2001:326-337].

Анализ датского материала свидетельствует о том, что, например, модальные частицы проблематической модальности *nok, vel* и *vist,* для которых безударная позиция является прототипической, могут также употребляться в ударной позиции, приобретая при этом новые коммуникативные функции. Так, гипотетический конклюзив *nok,* основной коммуникативной функцией которого является выражение гипотетического умозаключения говорящего, может стоять в ударной позиции и иметь коммуникативную функцию воздействия на слушающего:

Han er nok hjemme. Jeg skal ***nok*** *ringe til ham.* ‘Он, скорее всего, дома. Я позвоню (обещаю позвонить) ему’.

В первой части приведенного выше примера модальная частица nok стоит в характерной для нее безударной позиции и выражает значение гипотетического умозаключения говорящего о достоверности пропозиции, коммуникативная функция безударной частицы здесь – выражение данного умозаключения, что позволило нам отнести *nok* к модальным экспликаторам 1 лица. Во втором высказывании *nok* стоит в ударной позиции и изменяет свою функциональную направленность. Речевой акт обещания, формируемый ударным *nok* в сочетании с глаголом *skulle*, предполагает воздействие на слушающего, что выходит за рамки коммуникативной компетенции частицы 1 лица *nok,* которая для приобретения несвойственной ей функции и перетягивает на себя ударение. Примечательно, что семантический инвариант частицы – выражение гипотетического умозаключения говорящего – остается при этом неизменным:

Hvis mor vågner, kan du sige til hende, at jeg har taget Jacob med. – Det skal jeg ***nok.*** ‘Если мама проснется, ты можешь сказать ей, что я взял с собой Якова? – Хорошо, скажу’.

На то, что «акцентирование есть некая внешняя форма того же усиления, эмфазы, подчеркивания» обращает внимание Т.М. Николаева [2004: 79-80], отмечая далее, что «повышенная ударность стала фактом не позиционным, а функционально-семантическим, в основном работающим на «скрытую семантику» [2004: 121]. Модальные частицы проблематической модальности *vel* и *vist* могут также стоять в инициальной ударной позиции высказываний, являющихся репликами-реакциями на анафорическое высказывание.

Vil du da gerne skilles? – ***Vel*** *vil jeg da ej.* ‘Ты что, хочешь развестись? – Да конечно, не хочу’.

Ingen var så glad for at se ham som Plet. Kunne han så vende den ryggen? Nej, vel kunne han ej. ‘Никто так не радовался при его виде, как Плет. И теперь он бы смог повернуться к нему спиной? Нет, конечно, не смог бы’.

Jeg er ung. Jeg vil gerne leve. Og jeg har aldrig kendt en pige. Og nu når jeg ikke… Hun vuggede ham blidt: - ***Vist*** *gør du så.* ‘Я молод. Я очень хочу жить. И у меня никогда не было девушки. А теперь я уже не успею… Она нежно баюкала его: Конечно, ты все успеешь’.

Здесь, как и в случае с ударным *nok*, афирмативная функция ударных *vel* и *vist* появляется у них при сохранении основного прагмасемантического инварианта, чем, собственно, и объясняется выбор именно данных частиц, а не других, специальных средств афирмативной модальности (см. подробнее [Крылова, 2004, 2009, Krylova, 2007]).

Употребление ударных вариантов *nok, vel, vist* характерно также для инициальной позиции вводящей части сложного предложения в модально-союзном соединении с противительным союзом men. Такое сложное предложение имеет уступительно-противительное значение:

Nok *er han en alvorlig kunstner, men i hans figurer finder man tit en ironisk humor.* ‘Конечно (скорее всего), он серьезный художник, но в его фигурах мы зачастую находим некий ироничный юмор’.

Vel *var hun skøn, Helene, men alt for hurtigt mændene til vilje.* ‘Конечно (наверно), она была хороша, но слишком доступна для мужчин’.

Vist *er der sket fejl, men vi har ikke i sinde at hænge nogen op for det.* ‘Конечно (кажется), произошла ошибка, но у нас и в мыслях не было казнить за это’.

Ударная позиция частиц проблематической достоверности *nok, vel* и *vist* объясняется новой для них коммуникативной функцией предваряющего подтверждения, т.е. намерением говорящего предвосхитить возможную реплику-возражение слушающего, чтобы затем высказать свои контраргументы. Такая «специфическая форма полемического соотнесения аргумента и контраргумента» [РГ-80, I:3052] создается контактно-дистантным соединением ударного варианта модальной частицы в функции уступительного союза и противительного союза men.

Как мы видим, значение подтверждения достоверности высказывания, выражаемое русскими модальными словами *правда, действительно, конечно, верно* и другими, стоящими в ударной позиции и функционально направленными на слушающего, преобразуется в значение недостоверности или уступки при их употреблении в безударной позиции. Коммуникативной функцией данных модальных слов при этом становится отражение субъективного мира самого говорящего. Датские модальные частицы проблематической модальности *nok, vel* и *vist*, не имеющие коммуникативной функции целенаправленного воздействия на субъективный мир слушающего, приобретают ее, оказавшись в ударной позиции.

Таким образом, мы приходим к выводу, что рассмотренные нами просодические характеристики – акцентируемость / неакцентируемость – являются показателями схожих коммуникативных функций субъективно-модальных средств русского и датского языков. Иначе говоря, их коммуникативный статус и функциональная семантика влияют на их просодическое оформление.

Анализ датского материала обнаружил, однако, интересные особенности датского языка в выборе средств выражения тех иллокутивных значений, которые в русском языке могут передаваться одной лишь интонацией.

Интонологи русского языка отмечают связь более тонкой просодической структуры русского высказывания с его функциональной семанти-

кой. С.В. Кодзасов обращает, например, внимание на особый, модальный, тип русского реактивного *да*, «резюмирующего всю семантику (и просодию!) остального развернутого высказывания, например, *Да-а-а?* (удивление); Да? (иронический вопрос); Да-а-а! (недоверие); Да-а-а (размышление припоминания)» [Николаева, 2005,119]. Примеров русских предложений, интонационный контур которых указывает на конситуацию и, как нам представляется, разную степень эпистемической ответственности за достоверность сообщаемого, можно привести много. Для иллюстрации нашей точки зрения остановимся сначала на сравнении трех русских высказываний, имеющих общую структуру, одну и ту же пропозицию, но различные интонационные характеристики:

Может, это мо-о-я вина.

Может, это моя (/) вина?

Может, это моя(\/) вина?!

Создаваемые интонационными средствами прагмасемантические отличия приведенных высказываний друг от друга позволяют описать коммуникативный контекст их употребления. Первое высказывание представляет собой предположение-размышление говорящего, второе – предположение в функции верификативного вопроса, адресуемого слушающему, что объясняется восходящим тоном, с его семантическим инвариантом «ожидание продолжения» [Брызгунова,1980]. Для последнего высказывания характерно эмфатическое выделение местоимения *моя*, которое в русском языке выражается нисходяще-восходящим движением тона, как и эмфатическая тема [Янко, 2008, 270]. Если в первых двух случаях интонационный рисунок допускает или даже предполагает ожидание говорящим позитивной альтернативы ответа, то интонация последнего вопроса сигнализирует об ожидании только негативной альтернативы: *Разве это моя вина? – Нет.* Используя данный тип интонации, говорящий как бы отсылает слушающего к реальной ситуации, не допускающей иного ответа, кроме отрицательного. В связи с тем, что ответ на такой вопрос, с точки зрения говорящего, известен всем коммуникантам, данное высказывание воспринимается как риторический вопрос.

Таким образом, анализ трех русских высказываний, представляющих одну и ту же структуру и пропозицию, но разные интонационные рисунки, позволяет не только описать их прагматические значения, но и противопоставить их по функциональной направленности на одного из участников коммуникации: предположение-размышление говорящего – 1 лицо, верификативный вопрос слушающему – 2 лицо, риторический вопрос, отсылающий к действительности – 3 лицо. Этот вывод является подтверждением того, что коммуникативные функции могут формировать речевые акты и могут модифицировать компоненты речевых актов внутри

одного типа [Янко, 2001, 15]

Сопоставим теперь приведенные выше русские предложения с их датскими соответствиями:

Måske det er ***min*** *skyld.*

Måske er det ***min*** *skyld.*

Er det m*åske min skyld?*

Модальное слово *måske* ‘может быть’ употребляется в структуре повествовательного и вопросительного предложений. При этом инициальная позиция *måske* в повествовательном предложении может сопровождаться как прямым, так и обратным порядком слов. На такую особенность употребления данного модального слова обращали внимание все данисты. Однако объяснялось это главным образом тем, что для второго случая характерен порядок слов придаточного предложения, каковым оно изначально и являлось [Mikkelsen 1911, 576; Кузнецов 1981]:

Må ske, (at) det er min skyld ‘Может быть, что это моя вина’.

С.Н. Кузнецов считает, что «различие коммуникативных типов предложения (вопросительных с mon, monstro, оптативных с gid, bare, blot, вопросительных или повествовательных с måske, kanske) достигается не столько за счет позиционных средств, сколько лексически – за счет значения указанных частиц» [Кузнецов, 1984: 174] Наш опыт прагмасемантического описания предложений с модальными частицами, подтвердивший правильность принципа «у каждой формы свое значение», заставил усомниться в абсолютной синонимии данных предложений.

Эпистемическое значение, выражаемое модальным словом *måske* в структуре повествовательного предложения, относится к модусам допущения: говорящий допускает возможность рассмотрения данной гипотезы в ряду других и сам же может ее отвергнуть, чем, собственно и объясняется вопросительность такого рода предложений и их частое употребление со знаком вопроса. Такие предложения можно отнести к гипотетическим предложениям в функции вопроса:

Måske er hun smuk, måske ej. ‘Может, она красивая, может, нет’.

Tror du, hun har ret? – Måske, måske ikke. ‘Ты думаешь, она права? – Может, да, может, нет’.

Анализ показывает, что предложения с инициальным *måske* и обратным порядком слов могут как представлять собственные рассуждения говорящего, так и быть адресованы слушающему, тогда как предложения с прямым порядком слов чаще всего выражают собственные рассуждения говорящего и не оформляются как вопросительные. Это позволяет нам высказать гипотезу о том, что данная структура предложения больше соответствует аналогичному предположению-размышлению в русском языке:

Måske er han gift? ‘Может, он женат’?

Måske han kaster sig over noget andet. ‘Может он займется чем-нибудь другим’.

Эксплицируемая в обоих случаях гипотеза как одна из допустимых возможностей предполагает некоторый сдвиг в сторону предположения, т.е. ожидание говорящим позитивной альтернативы ответа.

Модальный вопрос вопросительной структуры с модальным словом *måske* является вопросом-реакцией говорящего на неожиданную реплику или ситуацию. Функциональная семантика такого вопроса может быть сопоставима с вопросом с русской частицей «разве». Употребление *måske* в структуре вопросительного предложения модифицирует модальный вопрос в риторический, при этом говорящий выражает свою установку на негативную альтернативу ответа:

Hører jeg måske nogensinde efter? Nej. ‘Может, я когда ее слушаю? Нет’.

Ved du måske, hvordan det er at være døv ‘Может, ты знаешь, каково это – быть глухой?’

Выводимость такого ответа в зависимости от синтаксической структуры предложения (утвердительная +, вопросительная –), и семантики модальных показателей была подробно рассмотрена нами ранее [Крылова 2004, 62-76], здесь же мы приводим расчет возможной альтернативы ответа только на анализируемые вопросы:

Måske det er min skyld? – Ja.
(+) (+) = (+)
Måske er det min skyld? – Ja.
(+) (+) = (+)
Er det måske min skyld? – Nej.
(–) (+) = (–)

Для интонационного рисунка всех трех высказываний характерно акцентное выделение местоимения *min*.

В свете проведенного анализа представляется не совсем верным вывод С.Н. Кузнецова о том, что определяющую роль в разграничении коммуникативных типов таких предложений играет семантика эпистемических показателей, а не их синтаксическая структура. Здесь, как мы видим, следует говорить о тесной взаимосвязи структурной организации датского вопроса и прагматической семантики употребленных в нем модальных операторов, а также об их прямой зависимости от коммуникативных намерений говорящего.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что функциональная семантика схожих русских предложений, формируемая разными интона-

ционными рисунками, может передаваться в датском языке самой синтаксической структурой предложения, в контекст которого помещается тот или иной, в данном случае эпистемический, показатель, ср.:

Он действительно заболел. – Он действительно заболел?

Han er virkelig syg. – Er han virkelig syg?

Приведем еще один из примеров С.В. Кодзасова, иллюстрирующих прагматическую разницу трех интонационных вариантов одного по своей структуре и составу предложения:

А лифт не рабо-о-тает (предположение-размышление человека при длительном ожидании лифта).

А лифт не работает? (вопрос-предположение человека, ожидающего лифт, проходящему мимо жильцу).

А лифт не работает (сообщение проходящего мимо жильца дома ожидающему лифт человеку).

Коммуникативная функция интонационного рисунка первого предложения заключается в выражении предположения-размышления говорящего о достоверности высказывания. Эпистемическое ручательство за такое предположение несет сам говорящий (1 лицо). Вопросительная интонация второго предложения обращена к слушающему и имеет верификативное значение, т.к. говорящий обращается за подтверждением своего предположения, т.е. ожидает отрицательный ответ, иными словами, он предлагает слушающему взять на себя эпистемическую ответственность за достоверность или недостоверность данного высказывания (2лицо). Интонационный рисунок третьего предложения свидетельствует о том, что говорящему известно о поломке лифта. Его сообщение служит своего рода объяснением того, почему ожидание лифта так затянулось. В достоверности данного утверждения убеждает сама ситуация, к которой говорящий отсылает слушающего (3 лицо).

Передать разницу данных коммуникативных намерений говорящего только при помощи интонационных и структурных средств датского языка не представляется возможным. Гипотетическое умозаключение говорящего о том, что лифт не работает, можно передать с помощью модальной частицы 1 лица *nok* в безударной позиции в структуре повествовательного предложения: *Elevatoren virker nok ikke.* Обратиться к другому человеку за подтверждением своего предположения о сломанном лифте датчанин может при помощи отрицания *ikke* в вопросе вопросительной структуры: *Virker elevatoren ikke?* Сообщить человеку о его напрасных ожиданиях сломанного лифта датчанин может предложением: *Elevatoren virker ikke.*

Подводя итог всему сказанному, мы приходим к выводу, что существуют определенные сходства интонационных стратегий русской и дат-

ской речи, где, например, акцентируемость / неакцентируемость являются показателями одних и тех же коммуникативных функций. Однако русский язык обладает значительно бо́льшими возможностями выражения коммуникативных намерений говорящего с помощью интонации, тогда как датский язык решает задачи выражения этих значений средствами, свойственными языкам аналитического строя: порядком слов и использованием частиц.

Литература

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963.

Брызгунова Е.А. Интонация // Русская грамматика,1. М., 1980.

Кобозева И.М. Вот: как оно расщепляется // Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова. – М., 2008. С. 507-518.

Кодзасов С.В. Интонация предложений с дискурсными словами. Группы: едва, действительно, вообще, совсем, прямо // Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993. С. 182-204.

Кодзасов С.В. Законы фразовой акцентуации // Просодический строй русской речи. М., 1996. С. 181-199.

Кодзасов С.В. Уровни, единицы и процессы в интонации // Проблемы фонетики. 3. М .,1999. С. 197 -215.

Крылова Э.Б. Прагматическая семантика и коммуникативные функции модальных частиц nok, vel и vist в датском языке. Автореф. дис. к.ф.н. МГУ. 2004.

Крылова Э.Б. Коммуникативная семантика датских вопросительных предложений // Скандинавская филология. Scandinavica: Выпуск 7. 2004. Спб. С. 62-76.

Крылова Э.Б. Функциональная семантика грамматизованных устойчивых сочетаний с модальными глаголами kunne, måtte и skulle в сопоставлении с модальными частицами nok, vel и vist в датском языке // Вестник военного университета. М., 2009, № 2 . С.102-107.

Кузнецов С.Н. Теоретическая грамматика датского языка: Синтаксис. М., 1984.

Муханов И.Г. Интонация в ее отношении к речевой прагматике // РЯЗР. 2001. № 1. С. 68-81.

Николаева Т.М. Семантика акцентного выделения. М., 1982.

Николаева Т.М. Функции частиц в высказывании: На материале славянских языков. М., 1985.

Русская грамматика, Т. 1-2. М., 1982.

Светозарова Н.Д. Интонационная система русского языка. Л., 1982.

Третьякова О.Д. Информационное оформление высказываний с неоп-

ределенными местоимениями без маркера неопределенности в русском языке // Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова. – М, 2008. С. 519-524.

Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи. М, 2001. (Studia philologica).

Янко Т.Е Описания мира и речевые действия: о способах выражения иллокутивных целей говорящего // Логический анализ языка. Избранное 1988-1995. М., 2003. С. 571-580.

Янко Т.Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. – М.: Языки славянской культуры, 2008. (Studia philologica).

*Ярцева В.Н.*Проблемы языкового варьирования: исторический аспект // Языки мира: Проблемы языковой вариативности. – М., 1990. С. 4-35.

Grønnum N. Fonetik og Fonologi. Almen og Dansk. Københavns Universitet, 1997.

Hansen E. Glæden ved grammatik // Hansen E. Glæden ved grammatik. Udvalgte artikler og afhandlinger. Red. af H.G. Jacobsen og H. Jørgensen. Kbh., 2001 (1998). S. 318-325.

Krylova E. Epistemisk polyfoni på dansk // Sproglig polyfoni. Tekster om Bachtin og ScaPoLine. Institut for Sprog og Kultur, Roskilde Universitetscenter. 2007. S. 181-203.

Mikkelsen Kr. Dansk Ordföjningslære med sproghistoriske tillæg. Håndbog for viderekomne og lærere. Kbh., 1975 (1911).

Rischel J. Nogle komplicerende faktorer vedrørende verbers betoning i dansk // Arbejdspapirer fra Institut for Lingvistik 2, 1980a. s. JR 1-16.

Rischel J. Frasenakzent als signal des Objekts ohne ‘determiner’ im Dänischen // Kopenhagener Beiträge zur germanistischen Lingvistik, Sonderband 1, 1980b. S. 262-279.

Внутриязыковые контрастивные исследования

Э.Ф.Володарская

Инновационные процессы в современном английском языке

The primary mode of language existence is in time, i.e. in change, which is the core understanding of the nature of language. The study of language change became an important part of modern linguistics. Its successful development requires combination of synchronic and diachronic approaches. The present paper addresses recent developments in English, which are explained from the viewpoints of synchrony and diachrony. The changes the author is considering affect all areas of the English language: the sound system, word-formation and word-structure, sentence structure, borrowing, semantics, the linguistics of political correctness, the use of English in the Internet, etc. Investigating the nature and causes of linguistic change, English linguistics provides general linguistics with vast multilateral data.

Изучение языковых изменений занимает важное место в современной лингвистике. Развитие исследований в этой области прошло путь от исторического подхода в лингвистике, принятого в конце XIX–начале XX в., до установления в XX в. синхронического подхода, а также до осознания в XX–XXI вв. необходимости использовать сочетание диахронического и синхронического методов с целью получения наиболее достоверной информации о языковых изменениях. Современные исследования языковых изменений проводятся в теоретических рамках разных лингвистических направлений, среди которых следует назвать *изучение типологических сдвигов, грамматикализации*, вопросов *теоретической фонетики* и, наконец, *социолингвистики*.

Обширные исследования в области английского языка свидетельствуют о преимуществах диасинхронического подхода к изучению языкового развития, который позволяет лучше понимать современное состояние языка, а также давать обоснованную интерпретацию лингвистических процессов в прошлом и прогнозирование направления их развития в будущем.

Фонетическая система языка подвержена изменениям легче, чем его грамматические, лексические, стилистические структуры или письменность. Фонетические процессы, активно функционировавшие в разные периоды исторического развития английского языка, сыграли решающую роль в его становлении, а также в создании серьезного несоответствия между письменной и звуковой системами языка.

К числу активных фонетических процессов современного этапа раз-

вития английского языка следует отнести дифтонгизацию гласных звуков [i:] и [u:], что рассматривается рядом исследователей как продолжение Великого сдвига гласных. Известно, что влиянию Великого сдвига гласных, который был назван так Есперсоном для обозначения фонетических цепных изменений, подверглись семь долгих гласных средневекового английского языка [a:, ε:, i:, u:, O:, e:, o:]. Последние, перейдя в звуки [i:] и [u:], стали далее дифтонгизироваться в звуки [ij] и [ou]:

средневековый английский язык	современный английский язык	инновация
see [se:]	see [si:]	see [sij]
to [to:]	too [tu:]	too [tou]

К другим фонетическим изменениям гласных в разговорном английском языке относится и замещение звука [i] звуком [ə] в безударных слогах: kitchen ['kitʃən], system ['sistəm], waitress ['weitrəs], women ['wimən]; к современным фонетическим инновациям относится также явление напряженного [i:] (Happy-Tensing), в котором происходит замещение звука [i] звуком [i:] в конечных слогах: happy, city и др.

Интересным фонетическим явлением представляется развитие звука [ju:] в звук [u:] в позициях после звуков [s], [l] и [θ]. Известно, что в среднеанглийском языке в словах типа new и use реализовался звук [iu], который в начале XVII в. преобразовался в звук [ju:]. Последний, однако, в постпозиции к звукам [tʃ, d⏐, r], а также к сочетанию согласная + [l] переходит в звук [u:]: *chew, June, rude*. Позже этот процесс стал распространяться на позицию после звуков [s], [l] и [θ]. В случае отдельных слов (lute, suit) наблюдается [ju:] / [u:] вариативность. В современном английском языке продолжение этого исторического процесса происходит в направлении реализации звука [u] за счет звука [ju:]: [su:t], [lu:t], [ənθu:ziæzm].

В области согласных звуков наблюдается дальнейшее развитие известного явления выпадения звука [h], потеря звука [r] в безударных слогах, усиление явления r-интрузивности, вокализация звука [l].

История начального звука [h] в истории английского языка, а именно, его выпадение в ударном положении, имеет довольно сложный характер. Социолингвистическое объяснение причин этого явления заключается в языковом контакте трех языков в средневековой Англии – английского, французского и латинского. До нормандского завоевания в английском языке в системе согласных звуков присутствовал звук [h], который под влиянием французского языка исчезает в новом варианте английского языка (англо-норманском), однако присутствует в латинском языке, ко-

торый широко употреблялся в Англии в тот период в качестве лингва франка в научно-образовательной и религиозной сферах. Тесное взаимодействие h-содержащих и h-дефицитных лингвистических единиц создало благоприятные условия для вариативности типа [h]. Исследование литературных данных позволяет нам считать, что на современном этапе развития английского языка при диасинхроническом рассмотрении h-варианты предпочтительнее h-дефицитных вариантов. Так, постепенное замещение к началу XX в. варианта [**Λ**mbl] вариантом [h**Λ**mbl] слова humble подкрепляет собой это предположение.

Развитие звука [r] происходит в современном английском языке в двух направлениях: в направлении его потери в безударных слогах и в направлении усиления внедрения его свойства интрузивности в стандартный язык.

Явление r-интрузивности может быть продемонстрировано следующими примерами: Africa–Africa® and Asia, area–area® of agreement, banana–banana®and, comma–comma® in, Cuba–Cuba® is, dilemma–dilemma® appears,

Edna–Edna® O'Brien, the idea–the idea® is, , law–law® and order , Libya–Libya® attempts, Shah–Shah® of Iran, Shaw–Shaw®ism, withdraw–withdraw®al.

Первый пример интрузивного звука [r] приводит Т. Шеридан [Sheridan 1762, 34], который отмечает, что в речи английских кокни имена собственные, оканчивающиеся на *-a*, приобретают конечный звук [r].

Следует, однако, отметить, что интрузивный [r] появляется и в речи образованных людей в последней четверти XVIII в. Так, в 1786 г. Джеймс Эльфинстон [Elphinston 1786, V. 1, 116] приводит примеры *idea*® и *window*®, взятые из разговорной речи образованных людей.

По мнению Генри Суита [Sweet 1885, XXIX; Sweet 1888, 278], до XIX в. интрузивный [r] представляет собой явление стабильное в вульгарном языке и нередкое в речи образованных людей.

В личной переписке Суит более категоричен в своих суждениях о масштабах интрузивности звука [r], в особенности на юге Англии: «I am now certain that the insertion of the r... is absolutely universal in educated southern English speech» [Sweet 1889, 278].

Последняя из приведенных выше инноваций в области согласных звуков, вокализация [l], известна с начала XX в., однако в настоящее время наблюдается ее проникновение в стандартный язык.

В современном стандартном английском языке существуют два l-аллофона: [l], встречающийся в препозиции к гласному звуку, и [ł], встречающийся перед согласными, а также в конце слова, если последующее слово начинается с согласного звука.

Джон Уэллс предлагает правило, регулирующее взаимодействие двух аллофонов следующим образом: lɫ / →{#0^{II} C} [16, 258], где / – окружение звука, → – переход, # – граница корня или слова, II – граница предложения, C – согласный звук.

Согласно этому правилу светлое [l], палатализованный аллофон фонемы [l], переходит в темное [ɫ] в препозиции к согласной, а также в конце слова, если далее следует слово, начинающееся с согласной. При l-вокализации [l] превращается в неслогообразующий задний вокоид или его округленную форму [u], т.е. звук стремится к 0, что можно, исходя из обозначений Дж. Уэллса, показать следующим образом: lɫ /→ {#0 ^{II} C} 0/ →{#0 ^{II} C}.

По мнению Джона Уэллса [Wells 1998, V. 1, 259], явление l-вокализации имеет серьезный потенциал для реорганизации системы гласных за счет появления новых дифтонгов ([iu, εu]), как это наблюдалось в процессе потери звука [r] с последующим появлением новых дифтонгов [iə, εə, oə, uə].

В области ***акцентных изменений*** следует отметить сохранение тенденции перемещения ударения со второго слога на первый в двусложных словах. Вариативность ударения вследствие его грамматикализации в парах существительное – глагол в целом сохраняется. Однако в этой части наблюдается тенденция к смещению глагольного ударения в сторону первого слога по аналогии с акцентуацией существительных. Это положение может быть показано на примере глаголов '*annex,* '*progress,* '*escort*. В двусложных существительных и глаголах с ударением на втором слоге наблюдается грамматикализация ударения путем перемещения ударения в существительных на первый слог, как в словах '*dispute*, '*research*, '*redress*.

При переходе от основы слова к его деривату место ударения может сохраняться, как в случае слов, представленных в табл.1, или перемещаться, как в словах, приведенных в табл. 2.

Таблица 1

Изменения ударения в сторону восстановления базового ударения[1]

Основа	Старое ударение	Новое ударение
'capital	ca'pitalist	'capitalist
con'verse	'conversant	con'versant
'demonstrate	de'monstrable	'demonstrable
'illustrate	il'lustrative	'illustrative
pre'fer	'preferable	pre'ferable
sub'side	'subsidence	sub'sidence
trans'fer	'transference	trans' ference

В многосложных словах наблюдается тенденция смещения ударения с первого на второй слог: *aristocrat*, *communal*, *controversy*, *hospitable*. Другие примеры приведены в табл. 2, которая демонстрирует смещение ударения в многосложных словах: в словах 1–19 происходит смена позиции ударения с первого на второй слог, в словах под номерами 20–22 ударение переходит со второго на первый слог. Отдельные слова демонстрируют нестабильность и показывают флуктуацию ударения с первого на третий и с третьего на первый слог. Изменения, происходящие в английском языке, обычно привлекают внимание языковедов, а также образованных людей, склонных к пуристическому направлению в языке. Интересно отметить, что в Оксфордском словаре английского языка 1989 г. новые формы ударения большинства обсуждаемых слов значатся вторыми после формы, приведенной в табл. 2 слева, под названием «старая форма». Исключениями являются слова *jubilee*, *substantive* и *formidable*, новая форма которых отражения в ОСА еще не получила. В слове *trachea* новая форма ударения *tra'chea* предшествует форме *'trachea*, отмеченной пояснением *устар*.

Таблица 2

Старое ударение		Новое ударение
1.	'dirigible	di'rigible
2.	'doctrinal	doc'trinal
3.	'expletive	ex'pletive
4.	'exquisite	ex'quisite
5.	'formidable	for'midable
6.	'fragmentary	frag'mentary
7.	'gla'diolus	ˌgladi'olus
8.	'jubilee	jubi'lee
9.	'metallurgy	me'tallurgy
10.	'nomenclature	no'menclature
11.	ob'scurantist	obscu'rantist
12.	'pejorative	pe'jorative
13.	'primarely	pri'marely
14.	re'monstrate	'remonstrate
15.	'secretive	sec'retive
16.	'substantive	sub'stantive
17.	'trachea	tra'chea
18.	'Uranus	U'ranus
19.	'urinal	u'rinal
20.	ab'domen	'abdomen
21.	prema'ture	'premature
22.	pre'cedence	'precedence

Интересной инновацией является тенденция к возврату к первоначальному произношению ранее заимствованных и ассимилированных иностранных слов. Примерами подобных изменений являются изменения в произношении слов *armada* [a:'ma:də], *richoshet* [ricə'ʃei], *chivalry* ['ʃivəlri]. Мотивацией таких изменений, вероятно, могут служить несколько факторов, среди которых следует назвать компенсацию снижения притока иностранных слов в английский язык, большую востребованность высшего образования в современной Великобритании, интенсификацию международных контактов, повышение интереса к иностранным языкам. Континентальное влияние сказывается, прежде всего, на произношении классических латинских слов, изречений, имен, инновации в котором, в свою очередь, служат модельной системой для фонетических перестроек в других заимствованиях. Так, традиционный звук [ei] сменяется на звук [a:] в следующих латинских словах: *apparatus* [apa'ra:təs], *data* ['da:tə], *stratum* ['stra:təm], *quasi* ['kwa:zi], *Coriolanus* [kOrio'la:nəs]. Фонетическая реверсивность заимствованных слов, наблюдаемая в современном английском языке, представляет собой важный общетеоретический лингвистический феномен, так как он дает новую информацию для изучения направлений и механизмов ассимиляции иноязычных слов в английском языке в историческом аспекте.

Лексические изменения вызываются причинами как внутреннего, так и внешнего порядка. К первым относится, например, процесс адаптации значения существующих слов или фраз с помощью ассимиляции, элизии и редукции. Примером подобного изменения является возникновение в 1548 г. слова tawdry (безвкусный, кричащий) вследствие адаптации фразы "*Saint Audrie's lace*".

К внешним факторам лексических изменений относится явление лингвистического заимствования, качественные и количественные параметры которого определяют особенности вхождения иностранных слов в английский язык, их участие в образовании новых лексических структур и словообразовательных механизмов, формируя особенности стратификации словарного запаса языка.

Наиболее существенным фактом в системе лексических изменений, произошедших в английском языке в XX в., является его переход из статуса языка-акцептора в статус языка-донора лингвистических элементов.

---

[1] Анализ ударения (табл. 1, 2) проводился на материале следующих словарей: English Pronouncing Dictionary (1917), Oxford English Dictionary (1989), Chambers 21st Century Dictionary (1999), Longman Dictionary of contemporary English (2003).

Количественный анализ Оксфордского словаря английского языка, а также Словаря новых слов в английском языке и Словаря новых слов Лонгмана показывает, что процент новых слов английского происхождения составляет 81%, 87% и 93,5% соответственно, по сравнению с долей новых заимствований из других языков, показанной в данных словарях как 18,8%, 6,9% и 4,3% соответственно. Усредненная пропорция внутреннего и внешнего словотворчества, по нашим данным, представляется как 87,2%:10%, причем процент слов неизвестного происхождения составляет 2,8%.

Лексические инновации являются результатом инноваций фонологических, морфосинтетических, семантических, заимствованных.

В наши дни наблюдаемое расширение словарного арсенала английского языка уже происходит не за счет заимствования новых слов из других языков, а является отражением внутреннего богатства словотворчества, отточенного вековой традицией максимального использования лингвистического материала для отражения действительности в процессе социально-политического и экономического развития общества и соответствующего ему коммуникативного развития.

С целью проведения количественного анализа неологизмов в современном английском языке Дж. Алгео [Algeo 1998, 84–85] провел сравнительный анализ нескольких словарей новых слов: Словаря новых слов Бернхарта, вошедших в английский язык с 1963 г., Словаря новых слов в английском языке Лонгмана, Оксфордского словаря английского языка, Словаря новых английских слов Симсона, а также справочника к словарю Бернхарта и анализа новых слов Каннона, сделанного на материале нескольких словарей. Для определения вклада разных способов образования слов в словотворчество в английском языке мы остановимся на данных Дж. Алгео по первым трем словарям. Наиболее важным источником новых слов по всем трем словарям является способ словосложения, включающий в себя аффиксацию, причем в словарях Бернхарта и ОСА доля аффиксации превалирует над долей составных слов: 34,1%:29,8% в первом и 32,3%:19,8% во втором словаре. Доля аффиксации (18%) в словаре Лонгмана уступает доле составных слов (36,3%). Образование новых слов путем сдвига в значении и в грамматической категории представляется, по данным анализа, следующим по значимости способом обогащения словарного запаса в английском языке. Количественное выражение этого словообразовательного пути представлено в словарях как 14,2%, 19,4% и 23,4% соответственно. Доля образования новых слов с помощью сокращения, заимствования и гибридизации незначительна.

Фонологические инновации можно продемонстрировать на слове *boojum* [Merwin 1990, V. 24, 8], взятом в последнее десятилетие из произведения Льюиса Кэрролла «Охота на Снарка» в современную физику для

обозначения линии распространения капли сверхтекучего гелия. Мастер окказионализмов, Льюис Кэрролл ввел это слово для обозначения особого вида снарка, при встрече с которым любое существо «неожиданно и бесшумно исчезает». Автором введения этого слова в научный язык в качестве физического термина стал Мервин, который в 1976 г. изучал процессы, происходящие в сверхтекучем гелии-3 в условиях сверхнизких температур. Наблюдение ученого, приведшее его к метафорическому использованию этого термина, заключалось в том, что в сферической капле сверхтекучего гелия-3 происходит симметричное распространение линий от центра, которое, однако, не может сохраняться и которое постепенно мягко замещается менее симметричным, но более устойчивым движением линий от некоей точки основания капли. Вспоминая детали своего доклада, в котором он впервые ввел это слово, Мервин рассказывает, что, описывая смену симметричных линий несимметричными как «внезапную и мягкую», он не удержался и назвал последние вслед за Л. Кэрроллом буджумом. Российские физики были одними из первых ученых, кто не только подхватил и использовал новый термин, но и образовал первые дериваты (буджумов и буджумом).

Словарный состав английского языка находится в состоянии постоянного пополнения, и морфологические способы образования новых слов имеют традиционно большое значение в словотворчестве.

Как уже отмечалось выше, ***аффиксация*** вносит доминирующий вклад в обогащение словарного запаса английского языка на современном этапе его развития, о чем свидетельствует качественный анализ словообразовательных механизмов. Причем особая роль отводится, по литературным данным, суффиксации, соотношение которой с префиксацией составляет 44,12 %:14,7%.

К этой цифре приближаются также данные Л. Бауэра (47,4%:12,4%) [Bauer 1994, 38]. Приведенные количественные данные по соотношению суффиксации и префиксации подтверждают результаты кросслингвистических исследований в области морфологии, которые свидетельствуют в пользу факта большего тяготения языков к способу образования новых слов с помощью суффиксации и меньшего – префиксации [Cutler, Hawkins, Gilligan 1985, V. 23, 723–758].

Современными продуктивными морфологическими процессами являются образование прилагательных с суффиксом *-able* (*getable, unput-down-able*), образование существительных с помощью суффиксов *-er*/*or*, *-ism*, *-ship*, *-e*, *-ize*, *-ist*, *-er*, *-ee*. Использование последнего для образования существительных, обозначающих неодушевленные предметы, представляет собой инновацию конца XX в., тогда как существительные с этим суффиксом, обозначающие одушевленные существа, были зарегистриро-

ваны еще начиная с 20-х гг. XX в. Во второй половине XX в. наблюдается интенсификация продуктивности суффикса, однако в целом по продуктивности он находится между продуктивными суффиксами типа *-er* и такими малопродуктивными суффиксами, как *-id*, *-ment*, *-th*. Образование слов с суффиксом *-ee* началось в профессиональной юридической сфере под влиянием французского языка. Бинарная оппозиция суффиксов *-er* – *-ee*, отраженная в английском языке впервые в обозначении противоположных сторон юридического делопроизводства *appellour – appellee*, создала условия для формирования новых слов этого ряда по лингвистическому принципу аналогии. К ранним словам, полученным с помощью суффикса *-ee*, относятся: *lessee* (1481), *grantee* (1491), *bargee* (1666), *legatee* (1679–88), *vendee* (1547), *indorsee* (1754), *payee* (1758). Являясь оппонентом суффикса *-er*, суффикс *-ee* отражает пассивность объекта, на который направлено действие агента, выраженного существительным с суффиксом *-er*. Другой особенностью суффикса до XX в. была его способность к формированию новых слов для обозначения одушевленности объекта. Этот запрет был снят, когда в XX в. стали появляться слова с суффиксом *-ee*, обозначающие неодушевленные предметы (отмечены звездочками в табл. 3).

Таблица 3

Слова с суффиксом -ee, вошедшие в английский язык в XX в.

Слово	Год вхождения	Слово	Год вхождения	Слово	Год вхождения
adaptee	1971	*determinee	1980	muggee	1972
*advancee	1984	*dislocatee	1983	murderee	1920
aggressee	1981	drainee	1974	narratee	1984
*ascendee	1977	eliminatee	1985	pleasee	1977
attendee	1976	explainee	1980	*possessee	1982
benefactee	1982	exposee	1984	puntee	1980
blackmailee	1970	franchisee	1968	*reorderee	1979
bribee	1987	*governee	1984	rescuee	1950
bumpee	1980	haulee	1985	retiree	1945
*causee	1977	honoree	1980	returnee	1944
charteree	1975	inquisitee	1984	siree	1978
*cliticee	1987	interrogee	1984	slittee	1986
cohabitee	1973	kidnapee	1977	tailee	1988
conjuree	1983	knockee	1980	takee	1988
constipatee	1984	leakee	1976	tastee	1987
contactee	1977	likee	1984	tipee	1968
*controllee	1982	malefactee	1982	torturee	1986

curee	1972	manipulee	1979	waitee	1980
deferee	1966	meetee	1970		
*deletee	1979	mergee	1964		

*неодушевленные существительные

Продуктивность суффикса рассматривалась многими учеными с позиции аргументации использования исключительно глагольной основы [Darker 1998, V. 74, 695–727], однако исследования последних лет показали, что наличие отглагольных существительных *amputee* (кто или что является объектом, на который направлено действие извне?) и *biographee* (неглагольная основа) требуют включения в состав мотивирующих факторов семантической компоненты [Munõz 2003, V. 7.1, 129–159].

Интересной морфологической инновацией является образование неологизмов с деррогативным значением с помощью суффикса *-ism*, присоединяемого к прилагательным и существительным: *able-ism*, *ageism*, *animalism*, *classism*, *heterosexism*, *lookism*, *sizism*, *beardism*, *facism*, *fattism*, *youthism.* Приведенные слова являются лингвистическим отражением реакции отдельных групп общества на дискриминацию людей по какому-либо признаку (внешности, возрасту, принадлежности к разным слоям общества и т.д.).

В современном английском языке наблюдается конкуренция между пятью префиксами, образующими прилагательные с отрицательным значением: *dis-*, *in-*, *non-*, *un-*, *a-*.

Префиксы отрицательных прилагательных *dis-* и *in-* теряют свою продуктивность, уступая префиксу *un-*, что приводит к появлению дублетов типа *into-lerant – untolerant*; в отдельных случаях конкуренция между префиксами приводит к разграничению смысла слов, полученных с помощью разных префиксов. Иллюстрацией этого положения может служить конкуренция между префиксами, которая разрешается путем разграничения смыслового содержания: *He is an interested party in the dispute – disinterested. He is very interested in literature – uninterested.*

Слово *disinterested* имеет значение ‘незаинтересованный, объективный’, тогда как *uninterested* означает ‘не питающий интереса к чему-либо’.

Продуктивным также является префикс *non-*, присоединение которого к слову придает ему отрицательное значение, в то время как использование в этих случаях префикса *un-* придает слову дополнительное пейоративное значение. Например, *non-scientific* – ‘не связанный с наукой’, *unscientific* – ‘ненаучный’ (для определения досадной промашки, допущенной вследствие отсутствия учета науки); *non-informed* – ‘не имеющий информации’, *uninformed* – ‘безграмотный’. Продуктивность префикса *a-*

ограничивается академическим языком за исключением отдельных случаев (*apolitical*, *amoral*) [McMahon 1999, 194].

Продуктивность префикса *de-* в его функции придавать производному слову противоположное значение, известной со Средних веков, имеет тенденцию к повышению. Это положение можно проиллюстрировать следующими примерами: *de-hospitalized, de-privatize, de-education, de-resign, de-married, de-classify.*

Интересным является процесс неоклассического ***словосложения*** без использования корневой основы путем сочетания классических префиксов и суффиксов: *electrophobe*, *astronaut*, *internaut*.

Расцвет науки в XX в. и необходимость совершенствования и расширения научно-технической терминологии определили морфологическую продуктивность греческих и латинских словообразовательных морфем.

Примерами словосложения могут служить *airdrop*, *airstrip*, *airhostess*, *spokesperson*, *job centre*, *music centre*, *resource centre*, *ironing centre.* Интересной инновацией столетия стал тип словосложения, в котором обе составные части представлены глаголами: *crash-land*, *freeze-dry*, *slam-dunk*, *stir-fry*, *strip-search*, *drip-feed*, *drop-ship*, *force-draft*, *force-fit*, *freeze-etch*, *freeze-fracture*, *jerk-bump*, *jump-serve*, *play-bite*, *play-fight*, *play-kill*, *play-test*, *practice-teach*, *spit-shine*, *skim-read*, *skip-bomb*, *test-play* [Wald, Besserman 2002]. Появление этого способа словосложения подняло много теоретических и практических вопросов, решение которых может приблизить понимание механизмов лингвистической изменчивости, условий ее проявления и развития.

Традиционным для словотворчества является изменение или приобретение нового значения старыми словами. Примерами семантического расширения на современном этапе являются слова *format*, *aggravate*, *hopefully*, *gay*, *dialogue*, *crescendo*, *caring*, *dimension*, *ecological*, *green*, *image*, *interface*, *profile*, *scenario*, *syndrome*.

Использование наречия *hopefully* в значении «надеюсь», «в надежде», «бог даст» (*Hopefully*, *the weather will be fine tomorrow*) стало в конце XX в. объектом особого неприятия. Объяснением серьезного противодействия может быть только нетрадиционность его использования, так как с точки зрения грамматики наречие заняло нишу, подготовленную для него другими наречиями этого ряда: *fortunately*, *frankly*, *mercifully*, *undoubtedly*, *honestly*. Разница между последними и *hopefully* заключается в том, что наречие *hopefully* в новом значении употребляется двадцать лет, а остальные – по два столетия.

Интересным семантическим процессом является переход значения одного слова к другому вследствие активизации закона аналогии в парах слов, имеющих близкое написание и звучание (см. табл. 4).

Семантические изменения проходят с большей скоростью, чем изменения в других системах языка.

Среди примеров семантических изменений в современном английском языке следует назвать слово *gay*, которое до конца 60-х гг. ассоциировалось с ярким, жизнерадостным человеком. Сегодня новое значение слова полностью исключает первоначальное значение. В свое время Мейе [Meillet 1921, 131–148] выдвинул три причины семантических изменений: лингвистические, исторические и социальные, к которым Ульман [Ullman 1962] добавил четвертую причину – психологическую.

Таблица 4

Изменения значения слов по аналогии

adopt – adapt	legalistic – legal
amoral – immoral	masterful – masterly
cautionary – cautious	mitigate – militate
differential – difference	nationalistic – national
diffuse – defuse	perpetrate – perpetuate
fallacious – false	prescribe – proscribe
flount – flout	psychiatric – psychological
fortuitous – fortunate	realistic – real
humanitarian – humane	secretive – secret
incredulous – incredible	sociological – social

Психологический фактор, участвующий в семантических изменениях, отражается в табу и эвфемизмах. Например, в современном английском языке эвфемизмы из области войны и насилия звучат так: *liquidation* вместо *murder*, *military operation* вместо *war*, *Ministry of Defence* вместо *Ministry of War*, *collateral damage* вместо *dead or injured civilians*.

Апартеид (apartheid) в Южной Африке последовательно менял названия – *separate development*, *plural democracy*, *vertical differentiation, multinatio-nalism.*

Дискриминация прикрывается названиями *positive discrimination* или даже *affirmative action*. Как правило, в образовании новых эвфемизмов участвуют латинские слова для придания большей престижности, поднятия статуса нового названия. Это положение относится и к словам, возникшим с целью удовлетворения принципа политкорректности: dustbinman → refuse collector, rat-catcher → rodent operative, greengrocer → vegetable executive, blind → visually challenged, short → vertically challenged, disabled → differently abled.

В связи с социальной необходимостью избегать слов, имеющих дис-

криминационный с точки зрения женских прав характер, в современном английском языке наблюдается выраженное предпочтение таким общеродовым понятиям, как *humankind*, *humans*, *human beings* вместо *mankind*; *chair*, *chairperson* вместо *chairman*; *flight attendant* вместо *steward* или *stewardess*; *supervisor* вместо *foreman* (см. табл. 5). Труднее обстоит дело с местоимениями 3-го лица единственного числа *he* и *she* в случаях необходимости передачи смысла местоимения без различия рода. Грамматические правила стандартного английского языка требуют использования в качестве эпицена формы мужского рода местоимения третьего лица *he*: *No student will be admitted to any course until he has paid the requisite fees*.

Таблица 5

Лингвистика политкорректности

Старое название	Новое название
mankind	humankind
man	human, human beings
chairman	chairperson, chair
barman	bartender
businessman	(business) executive
cameraman	cameraperson
clergyman	clergyperson
craftsman	craftsperson
draughtsman	draughter, draughtsperson
milkman	milk roundsperson, dairy salesperson
	police officer
policeman	statesperson, public figure
statesman	meteorologist, weather forcaster
weatherman	supervisor
foreman	gender reassignment
sex change	intellectually challenged
unintelligent	liquidation
murder	military operation
war	Ministry of Defence
Ministry of War	collateral damage
dead or injured civilians	
apartheid	separate development, plural democracy, vertical differentiation, multinationalism
	rodent operative
rat-catcher	vegetable executive
greengrocer	visually challenged
blind	vertically challenged
short	differently abled
disabled	

Однако социально-экономическое и политическое развитие современного мира требует внесения в эту область лингвистических корректив с учетом роли женщин во всех точках развития современного общества, в связи с чем употребление *he* в вышеуказанном примере часто оспаривается. В качестве альтернативных форм появились формы *s/he*, *him/her*, *his/her*, которые снимают эту лингвистическую напряженность в письменной речи. Другим способом решения этого вопроса становится активизация использования местоимения 3-го лица множественного числа *they*, *them*, *their* для передачи смысла единственного числа. Иногда для этих целей используется также местоимение *themself*, вопрос о сохранении и развитии которого зависит от успеха развития значения единственного числа внутри местоимения множественного числа *they*. В этом случае в XVII в. прослеживается развитие значения единственного числа возвратного местоимения *yourself* в связи с развитием значения единственного числа личного местоимения 2-го лица множественного числа *you*. Этот пример является иллюстрацией того факта, что многие современные инновации являются продолжением тех процессов, которые были активны в более ранние периоды развития английского языка. Использование местоимения множественного числа *they*, как показано в нижеследующем предложении: *Everyone should bring their coats*, – известно с XVI в., форма *themself* известна с XV в., однако в настоящее время мы наблюдаем активизацию подобного использования. Интересно отметить, что для этих целей были предприняты попытки искусственного создания местоимений-эпиценов, в результате которых были предложены лингвистические единицы *thon, tey, en* [The Oxford companion to the English language 1996, 397–399]. Однако распространения эти местоимения не нашли.

Другой интересной особенностью английского языка является отсутствие в нем формы местоимения 2-го лица единственного числа, которая существовала с древнеанглийского периода до XVIII в. С XVI до XVIII в. происходил процесс архаизации местоимения *thou* и постепенной замены его формой 2-го лица множественного числа *you*. Несмотря на то что стандартный язык нормально функционирует при таком лингвистическом дефиците, в нестандартном языке появляются формы, которые стремятся компенсировать систему «ты – вы» и занять нишу личного местоимения 2-го лица множественного числа, составив оппозицию форме 2-го лица единственного числа. Этими формами являются в Британском английском языке *you lot*, в Американском – *you all*, *y'll*, *you guys* [Denison 1998, 106].

Как уже отмечалось выше, в середине XX в. эмпирический подход к исследованию языковой вариативности и, в целом, изменчивости уступил место более информативному и объективному социолингвистическому методу. Количественный анализ полученной информации дает более

точную и более полную информацию о протекающих на данном этапе лингвистических процессах.

Являясь более стабильной системой языка, грамматическая система тем не менее демонстрирует возможность изменяться в тех или иных лингвистических или экстралингвистических ситуациях.

С целью выявления ***активных грамматических процессов***, происходящих на современном этапе, был отобран материал из газет, журналов, художественной и общественно-экономической литературы, выпускающейся в Великобритании. Использовались также радио- и телепрограммы BBC, а также фильмы, отражающие современную английскую жизнь. Результаты анализа приводят к следующему заключению: английская грамматическая система за последние пятьдесят лет претерпела ряд изменений, начало которых уходит корнями в прошлое. К ним следует отнести тенденцию регуляции образования степеней сравнения прилагательных за счет большего аналитизма.

Вероятно, точкой стимуляции процесса является наличие в английском языке псевдосравнительных конструкций, где *most* имеет значение ‘очень’ и не является маркером превосходной степени. Кроме того, некоторые двусложные прилагательные имеют двойные формы сравнительных и превосходных степеней, что также делает эту точку более уязвимой. В целом, процесс представляет собой дальнейшее развитие аналитизма в английском языке за счет перехода от синтетической формы сравнения с *-er* и *-est* к перифрастическому сравнению с использованием сравнительных маркеров *more* и *most*: juster – more just, commoner – more common, best-known – most well-known.

Ниже, в табл. 6 приводятся прилагательные, образующие степени сравнения как синтетическим, так и аналитическим способами.

Прилагательные, образующие степени сравнения как синтетическим, так и аналитическим способами

Таблица 6

ample	obscure
bitter	pleasant
common	polite
complete	quiet
costly	remote
cruel	robust
deadly	severe
empty	simple
friendly	sober
handsome	solid
kindly	wealthy
likely	wicked

Другой уязвимой точкой, которой создается дисбаланс, ведущий к последующим изменениям, является согласование между собирательными существительными и сказуемым. Примером инновации в этой области может служить развитие использования слова *government* [Bauer 1994, 64–65] в течение XX столетия: до 1925 г. слово употреблялось с глаголами как в единственном, так и во множественном числе, с 1930 по 1965 г. оно стало употребляться с глаголами во множественном числе для обозначения Британского правительства. С конца 70-х гг. по настоящее время слово употребляется исключительно с глаголами в единственном числе, независимо от значения. Известно, что при согласовании в предложении собирательных существительных со сказуемым в числе был принят принцип, по которому собирательное существительное представлялось во множественном числе, если оно рассматривалось с точки зрения индивидов, составляющих собирательную группу. Если собирательное существительное рассматривалось как единое целое, то согласование между подлежащим и сказуемым в предложении подразумевало использование глагола в единственном числе. С целью исследования функционирования этого принципа на современном этапе развития английского языка И. Депраетере [Depraetere 2003, V. 7.1, 85–127] провела количественный анализ секции Британского варианта английского языка Корпуса Коллинз Кобильд. Основным выводом из рассмотрения результатов предпринятого количественного анализа стало утверждение, что в вопросе о согласовании между подлежащим (собирательным существительным) и сказуемым семантические и прагматические факторы не являются основополагающими.

Количественный анализ показал, что за исключением существительных *cast*, *crew*, *crowd* и *staff* согласование вариативных по числу собирательных существительных, представленных в табл. 7, осуществляется с использованием глагола-сказуемого в единственном числе.

Данные по группе собирательных существительных, в которую входят существительные *church*, *nation*, *nobility*, *electorate*, *organisation*, *peasantry* и *society*, строго свидетельствуют в пользу согласования их в единственном числе, причем аффинитет указанных существительных к единственному числу выше, чем таковой в первой группе.

К этому же разряду изменений следует отнести использование ряда заимствованных слов во множественном числе со сказуемым в единственном числе. Это явление имеет внутренний лингвистический характер, отражая процесс дальнейшей ассимиляции заимствования.

Таблица 7

Собирательные существительные с вариативностью в числе

admiralty	family
aristocracy	government
army	jury
audience	the left
cast	management
class	nobility
club	opposition
committee	orchestra
community	population
company	public
congress	royalty
council	staff
crew	team
crowd	

Весьма оригинальным способом разрешения конфликтных лингвистических ситуаций является разделенный инфинитив, т.е. инфинитив, в котором между частицей *to* и глаголом внедряется наречие. Примерами разделенного инфинитива могут служить следующие конструкции из BBC 1 (запись от 8.08 и 12.08.03):

to never touch another cigarette,

to privately discuss Iraq experiences.

Автором первого разделенного инфинитива в литературном языке является Байрон [The Oxford companion to the English language 1996, 897], который употребил конструкцию «to slowly trace the forests shady scene». Однако английский поэт не был новатором и нарушителем лингвистического вкуса эпохи. По данным T.F. Mustanoja [Mustanoja 1960, 515], первые примеры разделенного инфинитива были отмечены еще в XIV в. Изучая начало грамматикализации английских вспомогательных глаголов и ее лингвистическое значение, Давид Денисон [Denison 2000, 111–147] отмечает, что процесс предполагает сложную лингвистическую перестройку, включающую в себя семантические, синтаксические, а также отдельные морфологические изменения. С точки зрения установления степени стабильности грамматикализованной лингвистической единицы О. Фишер [Fisher 1992, 329–330], исследуя процесс грамматикализации предлога *to* перед инфинитивом, пришла к выводу о том, что процесс обратим. В пользу этого вывода автор приводит свое наблюдение за исчезновением к концу средневекового периода истории английского языка структур с грамматикализированным предлогом *to* раннего периода. При этом автор отмечает несколько новых форм, образующихся в этом про-

цессе, одна из которых представлена расщепленным инфинитивом. Грамматикализация предлога *to* перед инфинитивом характеризовалась усилением предлога *to* предлогом *for*, фонетической редукцией предлога *to*, потерей семантической интегрированности.

Деграмматикализация *to*-инфинитива в современном американском языке [Fitzmaurice 2000, 171–186] происходит путем расщепления инфинитива не только с помощью наречия, но и отрицательной частицы *not*, являющейся в данном случае маркером процесса:

1. *We will send enough troops to not let Macedonia shut down its borders* [Cohen 1999].
2. *You have to learn to not let it start (The Puzzle Place, PBS TV, 1999, March 16).*
3. *I can't afford to not do math again.*
4. *I would really like to not work when I have kids.*

Наблюдаемая стабильность употребления конструкции вследствие необходимости избежать двусмысленности при передаче смысла предложения демонстрирует отсутствие закрепленного равновесия между прескриптивистским и дескриптивистским подходами, которые необходимы в равной степени как стремление к стандартизации языка, с одной стороны, и к его свободному развитию – с другой.

В части сложноподчиненных предложений изменения наблюдаются в конструкции относительных придаточных предложений. По данным Бизенбах-Лукас [Biesenbach-Lucas 1987, 13–21], отмечается увеличение частотности безличных относительных придаточных предложений, а также придаточных, заканчивающихся предлогом, за счет сокращения числа придаточных предложений, вводимых местоимениями *who, whom, whose, which, that.*

Другими процессами, происходящими в современном английском языке, являются снижение употребляемости неопределенного местоимения *whom* как маркера прямого дополнения, усиление тенденции употребления неопределенного местоимения *which* с одушевленными существительными, вытеснение прошедшей формы модального глагола *may* его формой настоящего времени, дальнейшая делексикализация модальных глаголов *dare* и *need*, усиление тенденции использования продолженной временной формы Present Continuous Tense вместо Present Indefinite.

Развитие языка происходит под влиянием изменений в социально-экономической, культурной и политической жизни народа. Лингвистические процессы, изучаемые в отрыве от реальной жизни общества, носителя языка и языковых инноваций, не могут получить объективного научного объяснения. Научно-технический и социально-культурологический прогресс с неумолимой силой внедряется в еже-

дневную жизнь людей, оттачивая лингвистический имидж той или иной эпохи. В 1789 г. Н. Вебстер высказал предположение о том, что уже через столетие английский язык Северной Америки будет так же отличаться от Британского английского языка, как отличаются голландский и шведский языки от немецкого. Учитывая склонность языков к лингвистической дивергенции, многократно проявлявшейся в истории человечества, американский ученый был вправе делать подобные прогнозы, однако последовательное и предсказуемое движение в направлении дивергенции прерывается в конце XIX–начале XX в. научно-технической революцией. Появление поездов, телефона, телеграфа, самолетов, а также увеличение числа газет, журналов и книжной продукции привело к сближению стран и континентов, создав условия для беспрецедентной интенсификации коммуникативной активности человечества. В современном мире британский и американский варианты английского языка не только не отдалились друг от друга, а вопреки прогнозам Н. Вебстера, а затем и Г. Суита идут сегодня в направлении сближения.

В конце XX–начале XXI в., на пороге третьего тысячелетия, перед лицом угрозы глобализации в результате научно-технической революции появляется совершенно уникальная инновационная коммуникационная система – Интернет. Фунционирование Интернета происходит в определенном лингвистическом поле, что позволяет нам считать Интернет особым явлением в лингвистической жизни человечества, так как на базе Интернета стало возможным исследовать развитие языка, его приспособляемость к сверхскоростным инновационным условиям, а также наблюдать в новой технологической среде соразвитие языков в условиях жесткой конкуренции.

С точки зрения английского языка Интернет можно рассматривать как средство дальнейшей экспансии английского языка, которая, однако, активизировала развитие других мировых языков на арене мировой электронной сети, в результате чего английский язык не является сегодня единственным и полновластным средством общения в мировой сети (WWW – World Wide Web).

Как и в других точках своего присутствия, английский язык как средство коммуникации стал развиваться в соответствии с требованиями, диктующимися нетрадиционной средой обитания. ***Инновации в английском языке, функционирующем в электронной сети***, охватывают все области языка.

Английский язык в Интернете назван термином *Netspeak*; другими названиями, предложенными для этой цели, были *Netlish*, *Weblish*, *Internet language*, *cyberspeak*, *electronic language*, *electronic discourse*, *interactive written discourse*, *computer mediated communication*.

Свое название язык *Netspeak* получил по аналогии с языками Newspeak, Oldspeak, Doublespeak, Seaspeak, Royalspeak, Blairspeak. Названия *Netlish* и *Weblish* вследствие содержания в своем составе лингвистической единицы, относящейся к слову «English», не могли сохраниться, так как сеть становилась все более многоязычной.

С точки зрения развития английского языка в системе Интернет необходимо отметить появление новых лингвистических единиц в условиях электронного общения, полученных с помощью традиционных способов словообразования: словосложения, префиксации, суффиксации, конверсии, бленда, акронимии и т.д.

Среди новых слов наиболее употребляемыми являются сложные слова, образованные на основе слов: *mouse*, *web*, *click*, *net*, *hot*, *bug*, а также с помощью префиксов: *e-*, *cyber-*, *hyper-* (см. табл. 8.).

Таблица 8

Сложные слова на основе слов mouse, web, click, net, hot, bug и префиксов cyber-, hyper-, e-

mouse	click	hot	bug	hyper-
mouseclick mousepad mouse-over mouse across mouse over	click-&-buy one-click cost-per-click double-click click-and-mortar click through rate	hotspot hotlink hotmail hotbot Hot Java	bugtracker bugbash Bug Net	hypertext hyperlink hyperfiction hyperzine
web	net	cyber-	e-	
World Wide Web (www) webcam webcast webmail webliography webmaster webonomics webster webzine webhead	netlag netdead netnews hypernet usenet Netspeak ecoNet Peace Net netizens netters netties netheads	cyberspace cyberculture cyberlawyer cybersex cybersquatter cyberian cyber rights	e-mail e-address e-tailing e-tailers e-lance e-therapy e-therapists e-management e-managers e-government e-bandwagon e-books	e-conferences e-voting e-list e-rage e-crap e-loan e-newsletters e-cards e-pinions e-shop e-dump

Интересным явлением в электронном английском языке представляется суффиксальное использование лингвистической единицы – *bot* (ro*bot*), означающей «искусственная интеллектуальная программа»: *annoybot*, *chatterbot*, *knowbot*, *cancelbot*, *softbot*, *mailbot*, *spybot*.

Продуктивными суффиксами в словопроизводстве в электронном английском языке являются:

-icon	emoticon, assicon;
-ification	hackification, geekification;
-ty	dubiosity, obviosity;
-itude	winnitude, hackitude, geekitude;
-ful	folderful, windowful, screenful, bufferful.

Среди лингвистических инноваций в электронном языке следует привести такие неологизмы, как *telnet startup*, *homepage*, *logon*, *cybersurfers*, *nerds*, *bozos*, *newbies*, *surfers*, *digiterati*, *wizards*, *lu-sers*, *wannabees*, *whois* (именной справочник), *who-where* (именной адресный справочник).

Как и в других областях языка, в обогащении электронного языка принимает участие слияние слов по типу блендов brunch, boatel или floatel: *netiquette*, *netizen*, *infonet*, *cybercide*, *datagram*, *infobahn*, *Internaut*, *Bugzilla*.

Замена лингвистической единицы (re) схожей единицей (e) с целью образования нового сложного слова, как в словах *ecruiting* ← (e- + recruiting) и *etailing* ← (e- + retailing) становится лингвистической особенностью электронного языка.

Как и в стандартном английском языке, новые слова могут образовываться путем конверсии слова из одной части речи в другую без морфологических изменений: a mouse → to mouse, a clipboard → to clipboard, a geek out → to geek out.

Стремление к лингвистической экономии, особо необходимой в электронном языке, диктует продуктивность акронимического метода формирования инновационных единиц, который можно проиллюстрировать следующими сокращениями [http://kb.indiana.edu/data/abkc.html]: ASAP – as soon as possible, BBC – bulletin board system, BCC – blind carbon copy, Bbfn – bye bye for now, DNS – domain name system, ISP – Internet Service Provider, URL – uniform resource locator, bbl – be back later, b4 – before, cfc – call for comments, cfv – call for votes, cm – call me, cu – see you, cul – see you later, dk – don't know, dur? – Do you remember, eod – end of discussion, f2f – face-to-face, fya – for your amusement, gmta – great minds think alike, gr8 – great, ruOK – are you OK, t+ – think positive, thx – thanks, tia – thanks in advance, tmot – trust me on this, wb – welcome back, wu – what's up? X! – typical woman, Y! – typical man.

Интересно отметить, что акронимия захватывает не только слова и короткие фразы, но и целые предложения:

CID – Consider it done.
MMYT – Mail me your thoughts.
SWDYT – So, what do you think?

Изучение языка Интернета дает интересную информацию об особенностях функционирования английского языка в электронной среде, а также о характере различий между живой и электронной речью. В этой связи интересным является пример возрождения в электронной речи лингвистической единицы -*en*, с помощью которой в древнеанглийском языке формировалась форма множественного числа существительных, которая затем была вытеснена -s, -es. Например, множественное число существительного eye было представлено формой eyen, и только в среднеанглийский период слово приобрело форму eyes. Редкими словами, сохранившими древнюю форму с окончанием -en и напоминающими о прошлом английского языка, являются слова ox – oxen. Возможно, некоторая продуктивность окончания -*en* в языке Интернета будет способствовать активизации ее и в стандартном английском языке. Суффикс -*en* представлен в следующих словах: boxen, vaxen, matrixen, bixen.

Мысль о том, что электронный язык, основываясь на живом языке, может в свою очередь оказывать влияние на последний, поддерживается примерами как из русского (примеры 1–2), так и английского (примеры 3–5) языков:

1. *«Она меня загрузила – теперь я ничего не понимаю».*
2. *«Ты, что, завис? Ты не отвечаешь на мои вопросы!»*
3. *«I need more bandwidth to handle this point».*
4. *«Let's go offline for a moment».*
5. *«She's multitasking. I can't follow her».*

Очевидно, взаимовлияние разных языковых стилей внутри одного языка, одним из которых стал электронный «диалект», будет иметь дальнейшее развитие. Дальнейшее развитие получит и взаимовлияние разных языков, перенесших конкурентную борьбу на арену Интернета. Сегодня Интернет – это не только технология, но и социально-культурная и экономико-политическая сферы развития, представленные в настоящий момент семнадцатью языками мира.

Предсказывавшееся электронное моноязычие как основа глобализации через и с помощью Интернета не состоялось, вероятно, вследствие проявления инстинкта самосохранения человечества, который подразумевает сохранение жизнеспособности единого через вариативное многообразие, т.е. через обязательное сохранение многообразия языков, культур и народов.

Рассмотренные лингвистические явления показывают разные аспекты и разные системы языка, изменяющегося под влиянием внутренних и

внешних факторов.

В заключение следует сказать, что изменения, происходящие в современном английском языке, свидетельствуют о его саморегулирующей способности, направленной на создание, сохранение или возвращение к жизненно важной равновесной, сбалансированной системе путем внесения необходимых корректив.

Литература

The Oxford companion to the English language. Academy, 3 April, 1897. Oxford, 1996.

Algeo J. Vocabulary, The Cambridge History of the English Language, V. IV. Cambridge, 1998.

Bauer L. Watching English change. London; N. Y., 1994.

Biesenbach-Lucas S. The use of relative markers in modern American English // Variation in Language: NWAV-Xvat. Stanford, 1987.

Campbell L. Historical Linguistics an introduction. Edinburgh, 1998.

Cohen W. NBC Today. 1999. April 5.

Croft W. Explaining Language change: an evolutionary approach. London, 2000.

Cutler A., Hawkins J.A., Gilligan G. The suffixing pre-ference: a processing explanation // Linguistics. 1985. V. 23.

Darker C. Episodic -ee in English: a thematic role constraint on new word formation // Language. 1998. V. 74.

Denison D. Combining auxiliaries // Pathways of change: grammaticalisation in English. John Benjamin Publishing Company, 2000.

Denison D. Syntax, The Cambridge History of the English Language. 1998. V. IV.

Depraetere I. On verbal concord with collective nouns in British English // English Language and Linguistics. Cambridge, 2003. V. 7.1.

Elphinston J. Propriety Ascertained in Her Picture; or inglish Speech and Spelling Rendered Mutual Guides. London, 1786. V. 1.

Fisher O.S.M. "Syntax" In The Cambridge History of the English lang. V. II. 1066–1476. Cambridge, 1992.

Fitzmaurice S. Remarks on the degrammaticalisation of infinitival to in present-day American English // Pathways of change: grammaticalisation in English. John Benjamin Publishing Company, 2000.

Greenberg J.H. Universals of human Language. 4 vols. Stanford, 1978.

Labov W. The Social Motivation of a Sound Change Word. 1963. V. 19.

Labov W. The Social stratification of English in New York City. Washington. 1966.

Martinet A. Function, structure, & sound change word. 1952. V. 8.

McMahon A.M.S. Understanding language change. Cambridge, 1999.

Meillet A. L'evolution des formes grammaticales // Meillet A. Linguistique Historique et Linguistique Generale. Paris, 1921.

Merwin N.D. E pluribus bogum // English today. 1990. V. 24.

Munõz C.P. Derived nominalization in -ee: a Role and Reference Grammar-based semantic analysis // English Language and Linguistics. Cambridge, 2003. V. 7.1.

Mustanoja T.F. A Middle Eng. Syntax. Part 1. Helsinky, 1960.

Nichols J. Language diversity through space & time. Chicago, 1992.

Osthoff H., Brugman K. Vorwort // Morphologishe Untersuchungen. 1878. V. 1.

Saussure F. de. Course in General Linguistics Fontana. London, 1974.

Sheridan T. A course of Lectures on Elocution / Ed. W. Strahan. London, 1762.

Sturtevant E.H. Linguistic change. Chicago, 1917.

Sweet H. Elementarbuch des gesprochenen English: Grammatik, Texte und Glossar. Oxford; Leipzig, 1885.

Sweet H. History of English Sounds from the Earliest Period with Full Word-Lists. Oxford, 1888.

Sweet H. Letters to Jonan Storm 1889. Universitetbiblioteket i, Oslo MS.7.IV. 8º2402 JIII, JVI.

Ullman S. Semantics: An Introduction to the Science of meaning. Oxford, 1962.

Wald B., Besserman L. The emergence of the verb-verb compound in twentieth century English and twentieth century linguistics // Studies in the History of the English Language. Berlin; N. Y., 2002.

Wells J.C. Accents of English. Cambridge, 1998. V. 1.

http://horizon.unc.edu/projects/monograph/CD/Internet

http://kb.indiana.edu/data/abkc.html

Л.М. Ковалева

Противопоставление инфинитивных и герундиальных оборотов при холистическом понимании предложения

Gerunds and Infinitives used with different semantic types of predicates are compared in the article. The author argues that registered semantic differences result not from the semantics of Gerund and Infinitive themselves for in many respects they are similar, but from interaction of all units in the sentence and especially from the interaction between the predicate semantics with that of Gerund and Infinitive.

Неличные формы ставят перед исследователем много вопросов, которые до сих пор не получили ответа, возможно потому, что почти отсутствуют специальные исследования этих форм как самостоятельной системы.

Представители генеративной грамматики объединяли под термином deverbatives вербоиды и собственно девербативы и развивали мысль о том, что в предложении все поверхностные структуры с ними (sententional complements) восходят к одной глубинной структуре (и с that …, и с for … to), а именно: к предложению. Например, *The enemy's destruction of the city* представляет собой результат преобразования с помощью правил синтаксической трансформации предложения *The enemy destroyed the city* [Lees 1960; Chomsky 1957 и др.].

Такой подход, во-первых, имплицитно содержит идею о том, что предложение с сентенциональным дополнением (вербоидом) теряет какие-то признаки по сравнению, например, со сложноподчиненным предложением. В общетеоретическом смысле это означает, что неличные формы глагола и девербативы, рассматриваемые как номинализации, вторичны по отношению к финитной форме глагола. Получается, как формулирует это положение П. Серио, что «НМЗ (номинализация) "представляет", "является трансформационной формой", или просто имеет некоторое отношение *к чему-то другому, нежели она сама*. Значит, НМЗ не есть нечто начальное, первичное, но *продукт, результат* определенных операций, осуществляемых "до" материальной реализации текста» [Серио 1999, 340-341] <выделено автором – Л.К.>.

Во-вторых, положение о единой деривационной истории с сентенциональным дополнением наталкивается на сопротивление материала, когда между членами одного ряда существуют очевидные семантические различия и направление деривации непонятно. Например, в предложениях

1) с глаголами восприятия (а. I heard that John told Mary everything vs. б. I heard John telling Mary everything);

2) с глаголами памяти (а. He remembered that he had locked the door vs. б. He remembered to lock the door).

В примере 1(а) сообщается, что я знаю (мне, возможно, сказали), что Джон все рассказал Мэри, а в 1(б) я сам слышал, как он это рассказывал; в 2(а) и (б) противопоставлены память о факте и о намерении что-то сделать (последнее толкование дано в [Karttunen 1971]).

В-третьих, увлеченные поиском универсальной языковой системы, генеративисты не обратили внимание на то, что вербоиды – древнейшие формы, существовавшие еще до финитных форм глагола, – не только не погибли в индоевропейских языках, но везде нашли свои ниши, а в ряде языков бурно развиваются.

Отправной точкой исследования предложений с вербоидами с опорой

на их собственные свойства может быть или семантика главного, управляющего глагола, или форма и семантика зависимого глагола-вербоида. Эти два подхода мы и обнаруживаем в современной грамматике.

В отечественной лингвистике на основании первого подхода объяснена сама возможность/невозможность употребления вербоидных оборотов (ВО) после глаголов определенных семантических групп, а также употребление ВО в предложениях с предикатами восприятия в английском (Л.М. Ковалева, А.Л. Сидинхе) и немецком (С.В. Пятчина) языках; исследована организация модально-предикативного конституента предложений с предикатами памяти (Л.М. Ковалева, Ким Ен Ок), сомнения (Л.В. Щелканова), страха (Т.И. Семенова), каузации мнения (С.К. Воронова) в английском языке. Позднее исследователи стали опираться на идеи Б. Рассела о пропозициональных установках, включив в сферу своего внимания предложения с предикатами знания, полагания и воображения (А.В. Прокопенко).

При втором подходе внимание сосредоточено на форме и семантике самих вербоидов. Например, считается, что все инфинитивные обороты соотносятся с глубинным сослагательным наклонением (Subjunctive) [Miller 1976, 594]. При этом защищается та точка зрения, что слово имеет одно и то же значение независимо от конструкции, в которой оно употребляется [там же, 666]: исследователи пытаются, во-первых, определить его общее значение, которое в конструкции взаимодействует с разными главными глаголами, а во-вторых, выяснить, как оно интерпретируется в разных поверхностных структурах [там же, 591].

Весь материал свидетельствует о том, что оба подхода оправданы, но недостаточны, так как не учитывают, что в процессе исторического развития все эти формы вступали в разные отношения между собой, подключались к способам категоризации все новых ситуаций, взаимодействуя в разное время с разными системами и подсистемами, образовывали новые формы, которые опять-таки вступали в новые отношения с уже существующими. Система эта складывалась в течение тысячелетий и процесс ее создания нельзя считать завершенным. Предпосылки ее развития существовали уже в древнегерманских (и романских) языках (противопоставление конструкций с причастием I и инфинитивом было уже в готском). Обширная системная перестройка в среднеанглийском характеризовалась появлением нового ее члена – герундия, который изменил соотношение неличных форм глагола между собой. В ряде конструкций происходит вытеснение инфинитива герундием или наблюдается размежевание в их значениях [Ярцева 1959, 223]. И, наконец, в этой системе уже утвердилась подсистема продолженных и перфектных инфинитивов и герундиев, которые деривационно восходят к личным формам глагола в

Perfect и Continuous Tense и формировались в тесном взаимодействии с семантикой управляющего глагола.

В целом все три отмеченные системы, во-первых, развиваются в своих заданных направлениях, а во-вторых, не могут не встречаться и не конкурировать друг с другом. Кроме того, на употребление тех или иных вербоидов накладывает ограничение лексическая семантика главного (управляющего) глагола, – фактор, совершенно недостаточно изученный в грамматике. Все это опровергает тезис генеративной грамматики об алгоритмическом порождении всех сентенциональных дополнений из одинаковых глубинных предложений и открывает путь для поисков эвристического механизма употребления вербоидных форм.

Чередование вербоидов в одной и той же синтаксической конструкции без заметного изменения ее содержания давно замечено грамматистами [Ярцева 1959]. В современном языке оно достаточно четко проявляется, когда инфинитив и герундий находятся в позиции подлежащего, причем их часто можно считать синонимами, так как они допускают взаимозамену, например:

а. *To meet* the head of administration and *not to speak* to him about your predicament was unwise → б. *Meeting* the head of administration and *not speaking* to him about your predicament was unwise (пример М.Я. Блоха).

В огромном же большинстве случаев употребление после одного и того же глагола в личной форме двух разных неличных форм семантически значимо, но за счет чего? При композициональном понимании предложения – за счет разницы в значениях вербоидов, при холистическом понимании предложения – за счет сочетаемости вербоидов с разными компонентами предложения.

Исторически в индоевропейских языках инфинитив есть перешедшая в парадигму глагола форма имени со значением действия (ЛЭС), которому приписывают признаки «нелокализованное во времени действие» и «гипотетическое действие». На самом деле это один широкий признак, ибо гипотетическое действие не поддается локализации во времени, а существование нелокализованного во времени действия всегда гипотетично. Герундий образуется из отглагольного существительного в косвенном падеже в обстоятельственном значении в среднеанглийском языке [Ярцева 1959, 221]. Ему также можно приписать вышеуказанные признаки, ибо, как справедливо отмечает Р. Лангакер, у герундия отсутствует какое-либо представление о действительно происходящем действии и какое-нибудь конкретное темпорально-аспектуально-модальное значение [Langacker 1975, цит. по Binnick 1978]. В принципе об этом в разных терминах говорят все авторы. Это значит, что герундий как самостоятельная единица имеет те же признаки, что и инфинитив: «нелокализованное во

времени действие» и вытекающий из него признак «гипотетическое действие», что и позволяет ему употребляться в ряде случаев параллельно с инфинитивом.

Признак «нелокализованное во времени гипотетическое действие» является общим для всех отглагольных форм, кроме форм финитного глагола. Но поскольку они имеют общий глагольный корень, нефинитные формы глагола потенциально могут участвовать в категоризации ситуаций, связанных с разными параметрами действия, процесса, состояния, и репрезентировать их модальные, темпоральные и видовые особенности, если в выражении этих признаков им будут «помогать» другие морфологические формы и лексика, контекст и пресуппозиции.

Именно потому, что признаки герундия и инфинитива совпадают, первый смог «внедриться» в семантическую структуру второго и в среднеанглийском начал конкурировать с инфинитивом, то есть, с одной стороны, «отнимать» у инфинитива часть категоризуемых им ситуаций (Ср.: If this be so, why blame you me *to love you*? (Shakespeare, As you like it, V. 2, 96). Совр.: blame me *for loving you).* В этом противостоянии с герундием инфинитив сохранил свои позиции в сочетаниях с глаголами самых употребительных семантических групп (обучения, желания, надежды, принятия решения, вербальной каузации (просьбы, приказания, мольбы, уговаривания)). С другой стороны, когда сознание улавливало какую-то разницу между близкими ситуациями, язык получил возможность категоризовать такие ситуации конструкциями с разными вербоидами.

Более древняя и, следовательно, немаркированная и более широкая форма инфинитива притягивала к себе форму с более конкретными признаками, в этом и заключалось ее развитие. Результаты этого процесса можно проследить на примерах, когда герундий вступил в оппозицию с инфинитивом по ряду не связанных между собой признаков:

Конструкции с инфинитивом и герундием противопоставляются по следующим признакам:

1) «Отношение к нелокализованному во времени гипотетическому действию» vs. «отношение к локализованному во времени действию» с глаголами эмоционально-оценочного отношения.

Отношение, категоризуемое глаголами *to like, to love, to hate, to dislike*, в большинстве случаев не зависит от того, осуществляется ли событие, обозначенное инфинитивом. Диспозициональное значение глагола *to like* в *John likes to play cards* оказывается актуальным относительно не ситуации, обозначенной вербоидным оборотом, а свойств субъекта, и предложение описывает свойства Джона, а вовсе не игру в карты, которая представляет здесь абстрактную ситуацию, вне времени и пространства (см. об этом: [Арутюнова 1988, 87]). На фоне категоризуемых этими ВО си-

туаций выделяются ситуации, когда оценке подвергается действие, привязанное к определенному моменту времени. Например, мальчик вернулся с прогулки, где он впервые вел подаренный ему автомобиль. Мать задает ему вопрос: *Did you like driving?* Язык, таким образом, выбрал для второго члена противопоставления герундий, который сам по себе не обладает признаком «локализованное во времени действие», но он оказался свободным и в оппозиции Did you like *to drive?* vs. *Did you like driving?* конструкция с герундием получила признак «отношение к локализованному во времени действию».

Рассмотрим отрывок из романа Д. Лоуренса «Sons and Lovers»:

Friday was the baking night and market night. It was the rule that Paul should stay at home and bake. (а) *He loved to stop in and draw or read*; he was very fond of drawing.

(б) *Mrs. Morel loved her marketing*… It was amazing to see so many men everywhere in the streets. Mrs. Morel usually quarreled with her lace woman, sympathized with her fruit man… laughed with the fishman… and only went to the crockeryman when she was driven – or drawn by cornflowers on a little dish; then she was coldly polite. «I wondered how much that little dish was», she said. «Seven pence to you» (Lawrence).

В этих двух абзацах противопоставлены две конструкции с *love*: а) *He loved to stop in and draw or read*; б) *Mrs. Morel loved her marketing.* В предложении (а) контекст (*It was the rule*) прямо указывает на то, что событие не локализовано во времени, в (б) контекст не оставляет сомнения в том, что категоризовалась ситуация, определенно локализованная во времени.

2) «Воспоминание о гипотетическом нелокализованном во времени действии, относительно которого существовало намерение» vs. «воспоминание о локализованном в прошлом действии» с глаголами памяти.

Согласно Л. Карттунену, конструкции *I remember doing it* и *I remember to do it* обозначают «знание о факте» и «знание о намерении», соответственно *remember* в первом предложении является фактивным глаголом, а во втором – импликативным [Karttunen 1971]. По мнению других исследователей, герундиальный и инфинитивный оборот противопоставляются как «совершенное действие» «действию запланированному, долженствующему». Клоуз, а также Кверк и др. предложения с инфинитивом трансформируют следующим образом:

1.а) I remembered *to post* your letter →

б) I remembered that *I had to:* then I posted it;

2.а) I remembered *to fill out* the form →

б) I remembered that *I was to fill out* the form and then did so [Quirk et al. 1982, 316].

В принципе вышеприведенные признаки можно свести к признаку «локализованное в прошлом времени действие» в конструкциях с герундиальными оборотами типа *I remember / forgot doing it* и «нелокализованное во времени гипотетическое действие, относительно которого существовало намерение» в конструкциях с инфинитивными оборотами, ср.: People do not always remember *to look at* the board (Murdoch); She had forgotten *to make a precise rendezvous* for the night to come (Murdoch).

3) «Страх перед совершением гипотетического нелокализованного во времени действия» vs «страх (опасение) своим гипотетическим действием каузировать другое действие или состояние другого лица (или свое)».

Эти признаки принадлежат двум разным ситуациям, категоризуемым предикатами *to be afraid, to fear, to be frightened, to dread*:

а) Агенс боится по каким-то причинам совершить действие. В английском языке эта ситуация категоризуется конструкцией с инфинитивом, независимо от факта совершения действия. Например:

She *feared to sleep* in the room, although she told herself there was nothing to be afraid of (Mitchell); She hesitated and *feared to decide* (Coppard).

б) Агенс, совершая или не совершая действие, боится как бы не каузировать действие (состояние) другого лица или свое собственное. Эта ситуация категоризуется конструкцией с герундием, например:

I didn't arrive to the door. I *was afraid of disturbing* you (Maurier); Would you mind talking to me? I *am afraid of going* to sleep (Shute) (подробно см. [Семенова 1993]).

4) «эмоциональное состояние стыда перед гипотетическим действием» vs. «эмоциональное состояние стыда за локализованное во времени действие» с предикатами эмоционального состояния и этической оценки.

Конструкции с инфинитивным оборотом категоризуют ситуацию, когда чувство стыда останавливает субъекта от совершения действия (гипотетического и нелокализованного во времени):

Zoe was squirming, dying to ask questions but *too ashamed to do so* (Smith).

Герундиальный оборот категоризует предшествующую ситуацию, каузировавшую чувство стыда:

I *was* slightly *ashamed* of myself *for even thinking* in such terms (Shaw) (подробнее см. [Калинина 2008]).

На основании вышеприведенных примеров можно утверждать, что инфинитив и герундий не приходят каждый раз в предложение с одним из своих признаков. Вообще значение герундия не складывается из признаков «локализованное во времени действие», «локализованное в прошлом действие», «каузирование одним гипотетическим действием другого гипотетического действия или состояния».

Эти признаки мотивированы сочетанием герундия с предикатом того или иного семантического класса: признак «локализованное в прошлом действие» мотивируется и поддерживается семантикой глаголов памяти; признак «гипотетическое каузируемое действие или состояние» закреплен за сочетанием предикатов страха с герундием, а не принадлежит герундию как таковому и т.д. Говоря словами О.К. Ирисхановой, «творческий “заряд”, полученный словом в первоначальном акте называния, сохраняется лексической единицей и в дальнейшем в виде потенциальной способности *при каждой повторной номинации* в речевом акте не только соотносится с новым референтом, но и *по-новому представляет его* в конкретном контексте общения» [Ирисханова 2004, 299]. При этом сама словоформа не меняет своего значения: она лишь участвует в создании эмерджентного значения высказывания вместе с другими его компонентами.

Литература

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.

Ирисханова О.К. О лингвокреативной деятельности человека: отглагольные имена. М., 2004.

Семенова Т.И. Семантика и синтаксис конструкций с предикатами страха в современном английском языке: Дисс. …канд.филол.наук. Иркутск, 1993.

Серио П. Квадратура смысла. М., 1999.

Ярцева В.Н. К вопросу об историческом развитии неличных форм глагола в английском языке // Тр. Ин-та языкознания АН СССР. М., 1959. С. 203-236.

Binnick R.T. On the underlying tense of deverbatives. Language, 1978, vol. 54, № 2. P. 1-84.

Chomsky N. Logical structures in language // American documentation, 1957, vol. 8. P. 284-291.

Karttunen L. Implicative Verbs // Language 47, 1971. P. 340-358.

Lees R. B. The Grammar of the English Nominalizations. The Hague: Mouton, 1960.

Miller G.A., Johnson-Laird P.N. Language and Perception. Cambridge, Mass.: CUP, 1976.

Quirk R., Greenbaum S., Leech G. et al. A University Grammar of English. M.: Longman, Vyssaja Skola, 1982.

Е.А.Парина

Средневаллийский vs. ранненововаллийский. Личные местоимения в двух версиях перевода трактата Вальтера из Хенли

The differences in pronominal syntax are analyzed in two versions (preserved in manuscripts written ca. 1382 and ca. 1561) of the Welsh translation of the Walter of Henley agricultural treatise. The author's working hypothesis was that contrasting two almost identical texts could allow to draw conclusions on the changes between Middle Welsh and Early Modern Welsh. Two major points are the use of the expletive subject *ef* and the use of affixed pronouns. Comparing the data to the classic Middle Welsh prose text *Pedeir Keinc y Mabinogi* the author comes to a conclusion, that the first difference really shows a syntactic drift, whereas the more frequent use of affixed pronouns reflects rather the history of the Welsh translational literature.

Валлийский перевод англо-норманнского трактата о сельском хозяйстве Уолтера из Хенли, опубликованный А.И. Фалилеевым в 2006 году, содержит две версии текста, одна из которых сохранилась в Красной книге Хергеста (ок. 1382 г., R), а вторая в рукописи Hafod 8 (не позднее 1561 г., H). Первая версия по всем параметрам является прекрасным образцом средневаллийского языка, вторая же может служить примером ранненововаллийского языка [Walter, lviii]. Скорее всего, обе рукописи восходят в конечном счете к единому протографу валлийского перевода, а не являются независимыми переводами. В обширном введении автор последовательно рассматривает различия между версиями на различных языковых уровнях: орфографическом, морфологическом, синтаксическом, однако изучение статистики конкретных расхождений предоставляется читателю. Наша рабочая гипотеза заключалась в том, что сопоставление двух версий одного текста позволит сделать выводы об изменениях, которые и позволяют отделять средневаллийский от ранненововаллийского языка. Решив сделать это на примере личных местоимений, мы собрали все вхождения этих лексем в обеих версиях и сравнили параллельные места. В результате были выявлены две основных области расхождений в местоименном синтаксисе.

1. Пустое подлежащее *ef*

Начиная со средневаллийского периода, личное местоимение 3Sgm может ставиться перед финитным глаголом в позицию вынесенного в фокус подлежащего, то есть играть роль пустого подлежащего типа англ. *it*. В анализируемом тексте такая конструкция встречается 5 раз в R и 9 раз в H.

В 4 случаях *ef*-конструкция в R соответствует *ef*-конструкции в H.

(1) R 66: H 308

Ef	a^L	*dy6eit*	*itt*	*dy*	*s6ydogyon*	*heu m6y noc a heassant.*
EF	P	говорить:PRS3SG	to:2SG	POSS2SG	слуги	

Ac	ef	**a^L**	**ddywaid**	**dy**	**swyddogion yddynt hay mwy noc a haysont**	
and	EF	P	говорить:PRS3SG	POSS2SG	слуги	

‘Твои слуги скажут тебе, что они посеяли больше, чем посеяли [на самом деле]’

В 5 случаях ef-конструкция в H не соотвествует аналогичной в R.

(2) H 379: R 130

Kans o daw glaw ar y tir o vewn yr wythved dydd, a dyfod rew ddwynos nay dayr wedy hyny,

ef	a^L	*gerdda*	*y*	*rew*	*hyd*	*ydd*	*aeth*	*y*	*dwr...*
EF	P	идти:PRS3SG	ART	мороз	до	P	идти:PRT3SG	ART	вода

Acha6s y6, or da6 gla6 o vy6n yr 6ythuet dyd a dyuot 6edy hynny d6y nos neu deir o re6,

y	*re6*	a^L	*gerda*	*hyt*	*yd*	*aeth*	*y*	*d6fyr…*
ART	мороз	P	идти:PRS3SG	до	P	идти:PRT3SG	ART	вода

‘(Причина такова:) если дождь пойдет до восьмого дня, а после этого будет две или три морозные ночи, мороз пройдет туда, докуда дошла вода …’

(3)H 312: R70

A	*hefyd*	***ef***	*y ddyly*	*dy*	*arad wr*	*di*	*yredic*	*^{L}bob*	*blwyddyn*	*nawn*	*igain*	*kyfair...*
и	так-же	EF	PPRS3SG должен:	POSS2SG	па-харь	2SG	па-хать:VN	каж-дый	год	9	20	акр

Ac	**uelly**	**y**	**dywedaf**	**i**	**y**	**dicha6n**	**dy**	**arad6r**	**eredic**	**na6**	**ugein**	**er6.**
и	***так***	***P***	***гово-рить:PRS1SG***	***1SG***	***P***	***мочь: PRS3SG***	POSS2SG	па-харь	***пахать: VN***	9	20	акр

H: ‘Твой пахарь должен вспахивать каждый год 180 акров’

В функции пустого подлежащего *ef* встречается в сочетании со следующими глаголами:

Таблица 1. **Сочетаемость пустого подлежащего *ef* в тексте**

глагол	R	H
dywedut ‘говорить’	3	2
cerdet ‘ходить’	1	2
tyfu ‘расти’	1	1
bod ‘быть’		2
gwella ‘улучшаться’		1
dylyu ‘долженствовать’		1

Три из них в наших контекстах непереходны (*cerdet, tyfu, gwella*), *bod* требует комплемента, *dywedut* переходен (объектом является прямое дополнение), *dylyu* также является переходным (ср. GPC 1135), его объект-глагольное имя.

Сравнение этих данных с текстом *Pedeir Keinc y Mabinogi*, считающимся образцом языка средневаллийской прозы, показывает, что язык версии R достаточно к нему близок.

Таблица 2. **e*f* в функции пустого подлежащего в трактате Уолтера из Хенли**

R (Red Book of Hergest), H (Hafod ms. 8) и *Pedeir Keinc y Mabinogi* (PKM)

	R	H	***PKM***
количество слов в тексте	2600	2200	25500
ef a V S	5	9	5

В этом тексте EF употребляется со следующими глаголами:

Таблица 3. **Сочетаемость пустого подлежащего *ef* в PKM**

глагол	#	контекст
dyuot ‘приходить’	2	4.8, 65.1
gallu ‘мочь’	2	5.28, 83.10
galw ‘называть’	1	91.17 (имперсонал)
dywedut ‘говорить’	1	80.9 (имперсонал)
kyuodi ‘вставать’	1	18.27

Как мы видели, и в версии H конструкция употребляется преимущественно с непереходными глаголами. Эта тенденция, характерная для всего средневаллийского периода, коренным образом изменяется с XVII века [Willis 2007, 298]. Исключением является пример (3), который мож-

но считать свидетельством медленно распространяющейся инновации. Также наблюдается изменение частотности данной конструкции (ср. таблицу 1). Позднее возможность использовать пустое подлежащее *ef* с переходными глаголами приводит к возникновению утвердительной частицы *fe* (см. [Shisha-Halevy 1995, 171-173; Shisha-Halevy 1997; Awbery 2004]).

(4) совр. валл. [Королев 2000, 418]

Fe^{L}	*rodd*	*y*	*dyn*	^{L}*lyfr*	*i'r*	*bachgen*
P	дать:PRT3SG	ART	человек	книга	к=ART	мальчик

'Человек дал книгу мальчику'

2. Репризные местоимения

Еще более явное различие наблюдается между двумя версиями в употреблении репризных местоимений. Этот синтаксический класс личных местоимений традиционно привлекал внимание исследователей (см. [Rowlands 1981, 424ff; Rolant 1985-6]), отчасти потому, что их частотность – один из самых заметных параметров различий между разговорным и литературным регистрами современного валлийского языка [Watkins 1977-8, 349]. Они употребляются при финитных глаголах, личных формах предлогов, посессивных местоимениях и объектных клитиках.

Таблица 4. **Репризные местоимения в версиях R и H**

синтаксическая позиция	***R***	H
после посессивных местоимений	4	10
после личных форм предлогов	1	5
после финитных форм глаголов (кроме императива)	3	9
после императивов	0	18
всего:	8	42

Следующий пример является наглядной иллюстрацией этих различий:

(5) R 10: H 252

6rth hynny,	*yd*	*ytt6yf*	*yn*	*adol6yn*	*itt*	*lly6ya6*	*dy*^{L}	*uuched*
потому	P	быть:PRS1SG	P	умолять:VN	к:2SG	вести:VN	POSS2SG	жизнь

her6yd	*dy*^{L}	*allu…*
в соответствии	POSS2SG	возмож-ность

Ac am hyny	*ydd*	*wyf*	***i***	*yn*	*adolwyn*	*y*	*ti*	*lywio*	
и потому	P	быть:PRS1SG	1SG	P	умолять:VN	к	2SG	вести:VN	
dy^{L}	*vychedd*	***di***	*wrth*	*dy*^{L}	*ally…*				
POSS2SG	жизнь	2SG	по	POSS2SG	возможность				

‘Потому я умоляю тебя вести жизнь согласно твоим возможностям …’

Можно ли, как и в случае с *ef* в роли пустого подлежащего, считать эти различия следствием синтаксических изменений на пути от средневаллийского к нововаллийскому? Для ответа на этот вопрос следует посмотреть на другие тексты. П. МакКана предполагал, что различие между разговорным и литературным языком восходит еще к средневаллийскому периоду и отмечал частое использование репризных местоимений в диалогах PKM [Mac Cana1975-6, 323]. В работе [Парина 2006] мы провели исследование репризных местоимений, аналогичное предпринятому в настоящей работе:

Таблица 5. **Репризные местоимения, дублирующие посессивные местоимения в R, H and PKM**

	R				H				PKM					
									диалог				нарратив	
	1-2		3		1-2		3		1-2		3		3	
	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-	+
#	52	3	28	0	34	4	26	1	147	58	64	12	271	36
%	94.5	5.5	100	0	89.5	10.5	96.3	3.7	71.8	28.2	84.2	15.8	88.3	11.7

В PKM во всех позициях репризные местоимения значительно чаще употребляются в 1-2 лице, а не в 3. Таким образом, мы имеем дело не с оппозицией «диалог-нарратив», а с оппозицией «локутор – нелокутор».

Сильнее всего эти различия проявляются в употреблении репризных местоимений с императивом. Поскольку трактат является сборником указаний землевладельцу, это наклонение употребляется в тексте часто, 95 раз в R, 54 в H, при этом в H императив 18 раз употребляется с репризными метоимениями, а в R такая конструкция не встречается ни разу.

(6) R 64: H 306

Gwybyd bellach pa gymeint a el o hat yn yr erб…
знать:IMP2SG еще сколько RP идти: PRSSJ3SG от семя в ART акр

A gwybydd ***di*** *bellach pa gymaint o had a el mewn erw…*
и знать:IMP2SG 2SG еще сколько от семя RP идти: PRSSJ3SG в акр
‘Кроме того, знай, сколько семян идет на акр’

Таблица 6. **Императив в R, H и PKM**

	R		H		PKM	
	-	+	-	+	-	+
#	95	0	36	18	113	29
%	100	0	66.7	33.3	79.6	20.4

В употреблении этой конструкции H стоит ближе к PKM, а не к RBH.

Как можно интерпретировать этот факт? Ответ находится в цитировавшейся нами выше статье П. МакКаны, который отмечал, что в ранней переводной литературе даже в диалогах репризные местоимения используются редко [MacCana 1975-6, 324]. Тенденция не употреблять репризные местоимения там, где их нет в тексте оригинала, вновь возникла в переводе Библии XVI в., который оказал сильнейшее воздействие на современный литературный язык. Таким образом, различие в употреблении репризных местоимений в версиях RBH и H может быть объяснено не в терминах синтаксических изменений, а скорее как следствие относительной свободы переписчика, не связанного следованием языку оригинала.

Основным результатом настоящей работы явилась демонстрация продуктивности сопоставительного изучения разных версий одного и того же памятника. Однако очевидно, что интерпретировать найденные расхождения возможно лишь сравнивая полученные данные с материалом других памятников. Так мы смогли показать, что в одном случае речь идет о синтаксическом изменении, а в другом – скорее об особенностях языка переводного памятника.

Сокращения: ^{L} – лениция; ART – артикль; EF – пустое подлежащее *ef*; IMP – императив; P – частица; POSS – посессивное местоимение; PRS – презенс; PRT – претерит; RP – относительная частица; VN – глагольное имя.

Литература

Королев А.А. Валлийский язык. // Языки мира: Германские языки. Кельтские языки. М., 2000. С. 405–423.

Парина Е. Репризные местоимения в средневаллийском языке // Срав-

нительно-историческое исследование языков: современное состояние и перспективы. Сборник статей по материалам международной научной конференции (Москва, 22-24 января 2003 года). Москва, 2004. С. 309-316.

Walter: Welsh Walter of Henley, ed. A. Falileyev. Dublin, DIAS, 2006.

PKM: Pedeir Keinc y Mabinogi allan o Lyfr Gwyn Rhydderch. Ifor Williams (ed.), Caerdydd 1951.

GMW: Evans, D.S. A Grammar of Middle Welsh. Dublin, DIAS, 1964.

Awbery G.M. Clause-Initial Particles in Spoken Welsh // Journal of Celtic Linguistics 8 (2004). P. 1-14.

MacCana P. Notes on the Affixed Pronouns in Welsh. // Studia Celtica X/XI (1975–6). P. 318–325.

Rolant E. Rhagenwau Personol Cyfosodiadol: Y Pwysleisiol a'r Ategol // Studia Celtica XX/XXI 1985-6, P. 192-198.

Rowlands E. I. 'Dosbarthu'r Rhagenwau Personol' // BBCS 29-3, (1981). P. 419-431.

Shisha-Halevy, A. Structural Sketches of Middle Welsh Syntax // Studia Celtica XXIX (1995). P. 127-223.

Shisha-Halevy A. Modern Literary Welsh Narrative Syntax: Two Features Described // Journal of Celtic Linguistics 6 (1997). P. 63-102.

Watkins T. Arwyn. 'Y Rhagenw Ategol' // Studia Celtica XII-XIII (1977-78). P. 349-366.

Willis D. Historical syntax // Borsley R., Tallermann M., Willis D. The syntax of Welsh. Cambridge, CUP, 2007. P. 286-337.

Contents

Preface
National Contrastive Studies: sources and prospects …… 6

Contrastive Grammar
Sichinava D. V. To Have or to Be? "Choosing" an Auxiliary Verb in the Light of Modern Linguistic Theories…… 22
Babenko N. S. Reported Speech Grammar in the German and Russian Languages (Contrastive Aspect)……. 30
Lund K. X. Event Progression, Retrospection and Reportedness (on the basis of Danish and Russian narrative texts)……..…… 38
Chekalina E. M. Subjective and Objective Events Representation in Scandinavian Languages and the Russian Verb Aspect..... 46
Nikoulicheva D. B. The Correlation between Time Metaphors in Fiction and the Tense System in Grammar (Danish-Russian comparisons)…….. 54
Bogdanova S .Yu. English Phrasal Verbs and Their Russian Equivalents as Representing the World Picture……. 63
Antonyan K. V. Orientation Metaphor in Languages of Different Types: Verb Modifiers in Chinese and English……. 70
Solntseva N. V. Contrastive Approach to Language Studies of the Eastern and South-Eastern Asia……. 86
Shershukova O. A. Structural and Semantic Peculiarities of "Hyperbolic Plural" in Portuguese and Russian……. 94
Ataev B. M. Manifestation Specifics of the Russian Gender Category against the Avar Class Category……..…… 103
Shlyk E. V. Actuality in the Russian, German, and English Languages (Based on the L.N. Tolstoy novel "War & Peace" and its German and English translations)……... 108
Suleymanova O. A. Secondary Predicativity in Contrastive Perspective (the Russian and English languages)…….. 115
Nuriev V.A. Syntactic Transformations in Literary Translations from Russian into French (contrastive approach)……...…… 126

Contrastive Lexicology and Phraseology
Kuznetsov A. M. Tertium comparationis in Contrastive Semasiology….. 133
Belyaevskaya E. G. Conceptual Foundation of Language Units' Semantics as the Basis for Contrastive Linguistic Analysis…….. 140
Livanova A. N. Parametric Adjectives in Norwegian and Russian in Contrastive Interpretation……... 146
Ufimtseva N. V. Culture as a System of Consciousness……. 125

Nistratov A. A., Tarasov E. F. Contrastive Studies of Lexemes with Socially Designed Meaning…… 161
Sigal K. Ya., Vetrov P. P. Internal and External Syntax of Phraseological Units in Contrastive Interpretation (the Russian and Chinese language material)……. 171
Terekhova E. V. Genre-Related Temporary Collocations in English Discourse and their Translation Specificity into Russian…….. 184
Nesterova N.M. On Lexical Equivalents in Translation (comparison of Pushkin's Eugene Onegin and its English translation)……... 195

Contrastive Text Studies
Yakovenko E. B. On Contrastive Studies of Biblical Texts, their Origins and Translations. …….... 206
Karpov V. I. Contrastive Interpretation of Genetiv Attribute Constructions in Old Germanic Translated Texts……. 212
Toporova T. V. Contrastive Analysis of Flora Representation in Epic: Old Icelandic "Elder Edda" vs. Russian Heroic Epic ……..…. 218
Troshina N. N. Stylistic Equivalence of Literary Texts Translation as Intercultural Communication…….……. 228
Komkova A. N. Contrastive Studies of Political Discourse based on Closely Related Languages…… 241

Contrastive Prosody
Potapova P. K. Contrastive Paraverbals and their Prosodic Correlates… 252
Potapov V. V. Structural and Typological Approaches in Studying Speech Rhythm……... 258
Yanko T.Y. Prosody of text incompleteness in Russian, English, and German……... 266
Krylova E.B. Prosodic and other means of expressing pragmatic meanings is Danish and Russian……..…….. 275

Inner Contrastive Studies
Volodarskaya E. F. Innovative Processes in the Modern English Language…….…….. 286
Kovalyeva L. M. Infinitive vs. Gerundial Constructions with Holistic Understanding of a Sentence……. 309
Parina E. A. Personal pronouns in the Welsh Walter of Henley: contrastive analysis……. 317

Контрастивные исследования языков мира
Материалы Третьих лингвистических
чтений памяти В.Н.Ярцевой

Подписано в печать 14.10.2009.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 20,5. Тираж 300 экз. Зак № 082.

Отпечатано «Наша Полиграфия»,
г.Калуга, Грабцевское шоссе, 126.
Лиц. ПЛД № 42-29 от 23.12.99